МИХАИЛЪ НОВОРУССКІЙ.

ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГѢ.

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1906

ПЕТЕРБУРГЪ

Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ.

Обыкновенно къ запискамъ подобнаго рода авторъ приступаетъ съ большой натугой, и не иначе, какъ «уступая настоянію друзей». Если встрѣтишь, бывало, такую фразу у другого автора, она кажется немножко жеманной и потому совершенно излишней. Но очутившись самъ въ аналогичномъ положеніи, видишь, что это не пустая фраза.

Когда на тебя устремляются взоры, когда ты не только становишься центромъ вниманія (къ этому люди легко привыкаютъ), нѣтъ, когда отъ тебя ждутъ съ весьма понятнымъ волненіемъ, чтобы ты огласилъ и какъ можно живѣе изобразилъ тѣ ужасы, которые нельзя иначе назвать, какъ позоромъ нашей цивилизаціи, тобой овладѣваетъ весьма естественная робость и нерѣшительность. Для такого сюжета нужно хоть немножко художественное перо, а тѣмъ болѣе нуженъ извѣстный литературный навыкъ свободно излагать свои мысли. Между тѣмъ ясно чувствуешь свою почти младенческую безпомощность.

Каждый изъ насъ, приступая къ такимъ запискамъ, невольно приводитъ себѣ на память записки декабристовъ—полныя широкаго интереса и высокаго драматизма. Добрую половину тѣхъ записокъ составляло описаніе и характеристика общественнаго движенія, продуктомъ котораго явилось 14 декабря. И самый фактъ, и слѣдовавшій за нимъ судебный процессъ, были единичнымъ событіемъ, подобнаго которому русская исторія не знала ни ранѣе, ни позже. Другое дѣло—мы. Мы были только продолжателями движенія, уже широко разлитаго. И наши цѣли, и наши идеалы давно уже перестали быть новинкой для всего образованнаго русскаго общества. Настолько перестали, что когда Ульяновъ на судѣ попробовалъ излагать принципіальныя основы дѣятельности партіи, предсѣдатель неоднократно останавливалъ его, откровенно заявляя: «все это мы давно знаемъ». Наши судебные процессы были уже столь многочисленны, что детальное изображеніе каждаго изъ нихъ для рядового читателя казалось бы излишнимъ и скучнымъ. Установились уже общіе карательные пріемы, сложились типичныя фигуры и прокуроровъ, и слѣдователей, и подсудимыхъ, за которыми индивидуумъ, какъ таковой, совершенно стушевывается. И изъ груды накопившагося въ теченіе десятилѣтій матеріала для читателя дорого выдѣлить

только нѣсколько болѣе крупныхъ личностей, какъ наиболѣе типичныхъ, уложивши всѣхъ остальныхъ въ общую схему движенія, медленно, но почти непрерывно нараставшаго. [1])

Приведу одинъ только примѣръ, чтобы показать, до чего однообразны были такъ называемые судебные пріемы въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ. Еще въ 70-хъ гг. подсудимые заявляли суду, что всякій человѣкъ, котораго они пригласятъ на судъ въ качествѣ свидѣтеля съ своей стороны, арестуется вслѣдъ затѣмъ жандармами. Буквально то же заявленіе повторилъ недавно и Гершуни въ 1903 г., и практика неизмѣнно подтверждала эти заявленія.

Это одна половина дѣла. Затѣмъ у декабристовъ даже на каторгѣ, въ самые суровые моменты, все же была нѣкоторая жизнь. По извѣстному опредѣленію Спенсера «жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». У декабристовъ были эти внѣшнія отношенія, благодаря присутствію дамъ за тюремной оградой, и тѣмъ рѣдкимъ, но никогда не прерывавшимся сношеніямъ съ покинутымъ міромъ, которыя чрезъ нихъ были доступны всѣмъ. Наконецъ, положеніе ихъ вмѣстѣ съ самымъ мѣстомъ жительства постоянно мѣнялось и, доставляя имъ рядъ разнообразныхъ впечатлѣній, давало вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно матеріала для того, чтобы потомъ составить изъ него цѣлое жизнеописаніе.

Ничѣмъ подобнымъ мы похвалиться не можемъ. Наши сношенія съ внѣшнимъ міромъ начались уже слишкомъ поздно и были всегда подъ стражайшимъ контролемъ жандармеріи. И вотъ теперь какъ ни силишься остановить свое воспоминаніе хоть на чемъ-нибудь выдающемся, какъ ни стараешься воспроизвести хоть какое нибудь «событіе», чувствуешь, что вспоминать и воспроизводить тебѣ нечего, что у тебя въ головѣ въ буквальномъ смыслѣ слова «хоть шаромъ покати». Воображеніе рисуетъ одну безрадостную, унылую зимнюю равнину, гдѣ глубокій снѣгъ сгладилъ всѣ очертанія, и гдѣ пытливый глазъ тщетно ищетъ, на чемъ бы онъ могъ остановиться и отдохнуть на минутку отъ томительнаго однообразія. Самый снѣгъ здѣсь не пустая метафора. Жизнь была какъ бы заморожена, и въ нашей зимѣ не было ни малѣйшихъ художественныхъ красокъ. Она была не просто безрадостна. Въ первые годы она была почти мучительна. Каждый прожитый день давалъ иллюзію облегченія тѣмъ, что онъ прошелъ и уже назадъ не вернется. Будетъ другой, подобный ему; но о будущемъ вообще не думалось, притомъ же, кто знаетъ? слѣдующій день можетъ быть внесетъ хоть какую нибудь перемѣну. Вспоминать же прожитые дни не только не было ни малѣйшаго интереса, напротивъ, былъ прямой интересъ—по возможности о нихъ никогда не вспоминать. Тягостное настоящее казалось бы еще болѣе тягостнымъ, если бы переживаніе его сплести съ

---

[1]) Съ этимъ взглядомъ автора мы согласиться не можемъ. *Ред.*

ственнымъ переживаніемъ прошлаго. А потому, забвеніе считалось всегда самымъ желаннымъ гостемъ и культивировалось съ особеннымъ вниманіемъ и тщательностью. Насаждаемое сознательно цѣлыми годами, оно прочно укоренялось, овладѣвало психикой и царило невозбранно. Въ этомъ отношеніи многіе достигли большой виртуозности...

Когда на смѣну первыхъ тяжкихъ лѣтъ пришли болѣе спокойные и сносные годы, когда жгучая боль пережитаго отодвинулась вдаль и могла воспроизводиться въ памяти со спокойствіемъ и безстрастіемъ историка, стало казаться, что вспоминать, собственно говоря, нечего. Пережиты были сложныя чувствованія. Пережиты факты внутренней жизни. Пережиты наединѣ, глазъ на глазъ съ собою физическія и нравственныя страданія, которыя при нормальномъ ходѣ жизни человѣкъ старается заглушить внѣшними житейскими впечатлѣніями. Никто не дѣлаетъ ихъ постояннымъ центромъ своего вниманія. А въ нашихъ условіяхъ дѣлать ихъ предметомъ усиленнаго вниманія и нельзя было безъ серьезнаго риска — утратить нормальное душевное настроеніе. Извѣстно вѣдь, что нѣтъ такого предмета, который при усиленномъ вниманіи не сталъ бы казаться и очень интереснымъ, и очень важнымъ, и весьма рельефнымъ. Самонаблюденіе — прекрасная вещь. Но когда нѣтъ никакого другого объекта для наблюденія, кромѣ самого себя, оно скоро можетъ довести до прискорбныхъ нелѣпостей.

Это почти полное отсутствіе рѣзкихъ и важныхъ перемѣнъ, независимо отъ легкости или суровости режима, налагало на наше существованіе печать полной безжизненности. Ни во внѣ, ни внутри, не было ничего, почему бы мы могли хоть какъ нибудь ориентировать теченіе времени. Оно какъ будто совсѣмъ остановилось. Даже болѣе, его совсѣмъ для насъ не существовало. Были, конечно, и осень, и лѣто. Но перемѣны погоды обыкновенно столь слабо задѣваютъ человѣка, что служатъ сюжетомъ для обмѣна мыслей только въ скучномъ обществѣ, да и то въ первыя же минуты встрѣчи окончательно исчерпываются. Наша осень и наше лѣто были точной копіей съ лѣта и осени прошлаго года и составляли столь же малую перемѣну въ жизни, какъ и смѣны дня и ночи.

Мы всѣ были точно заморожены или законсервированы другимъ какимъ нибудь способомъ. Это было существованіе съ крайне пониженной психикой, напоминающее зимнюю спячку у нѣкоторыхъ животныхъ. Былъ нервный аппаратъ, вполнѣ и даже утонченно организованный, но онъ не дѣйствовалъ за отсутствіемъ впечатлѣній. А всякая система функцій въ организмѣ, не дѣйствующая продолжительное время, ослабѣваетъ и замираетъ. Не было дѣла ни для органа слуха, ни для органа зрѣнія. Звуки все тѣ же. Членораздѣльную человѣческую рѣчь въ первые годы слышалъ настолько рѣдко, что иногда въ разговорѣ забывалъ самые обыденные русскіе термины. Для зрительныхъ упражненій

были «пески» (о нихъ позже) и сѣрыя стѣны. Сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня. Еще нужно удивляться послѣ этой стойкости нервной организаціи и тому, что мы сохраняли этот аппаратъ не окончательно испорченнымъ.

При такой пониженной воспріимчивости, даже на болѣе крупныя перемѣны въ нашей жизни я реагировалъ только вполовину. Мнѣ все представлялось, будто у меня дѣйствуетъ только одно полушаріе головного мозга, а другое спитъ безмятежнымъ сномъ. А разъ не было исходныхъ возбужденій, дающихъ толчекъ внутренней мозговой дѣятельности, эта послѣдняя тоже совершалась вяло и апатично. Конечно, мы не стояли на одномъ мѣстѣ, и въ области многихъ знаній сдѣлали болѣе или менѣе серьезныя пріобрѣтенія. Но вѣдь это за 20 лѣтъ!

Нужно, впрочемъ, оговориться, что при такой пониженной психикѣ (разумѣется, не у всѣхъ равномѣрно) у насъ всегда тут была натянута одна струна, которая громко звучала при малѣйшемъ прикосновеніи. Это была постоянная настороженность по отношенію къ своимъ мучителямъ, и опасеніе съ ихъ стороны какихъ-нибудь новыхъ вылазокъ съ цѣлію усугубить наши страданія. Въ силу этого, modus vivendi каждаго даннаго момента мы считали своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, въ защиту котораго готовы были ежедневно стать въ угрожающую позицію. Попытки же отнять уже разъ данное повторялись такъ часто, что наши враги, оперируя надъ нами, изучили предварительно психологическую истину, что всякое страданіе, оставаясь неизмѣннымъ, перестаетъ ощущаться, какъ боль.

Еслибы отъ такой жизни сохранился дневникъ, онъ немного помогъ бы теперь, потому что и самый дневникъ при такихъ обстоятельствахъ оставался бы столь же безжизненнымъ, какъ и среда, въ которой онъ писался. Пробовалъ я въ первый же годъ вести такой дневникъ, но скоро же бросилъ. Не говоря о томъ, что самыя смѣлыя надежды не давали ни малѣйшей увѣренности вывезти такое произведеніе изъ тамошнихъ стѣнъ, онъ, вѣроятно, и не стоилъ бы того, чтобъ сохранять его какъ матеріалъ. Въ другой разъ я приведу сохранившійся у меня отрывокъ, а пока скажу только, что это былъ скорѣе рядъ размышленій, расположенныхъ подъ числами, по поводу того, что читалось въ эти дни. Все это дало бы, вѣроятно исторію «одного размышляющаго духа», но исторіи нашего быта и нашихъ чувствованій тамъ навѣрное не оказалось бы.

Сдѣлавши такое длинное вступленіе, перейду теперь къ прямой темѣ этого очерка.

I.

И такъ, я начинаю съ вопроса, стоящаго въ заголовкѣ статьи: за что же собственно я посаженъ былъ въ Шлиссельбургъ и выдержанъ тамъ ровно 18½ лѣтъ? Но приступаю къ этому

опросу съ большимъ смущеніемъ. Я былъ причисленъ къ категоріи «важнѣйшихъ» государственныхъ преступниковъ, приговоренъ къ смертной казни и помилованъ на «безъ срока». При эдѣ такой квалификаціи, каждый невольно вообразитъ себѣ какую нибудь трагическую деталь *борьбы* за свободу, какую нибудь частность конспиративной *дѣятельности*, какое нибудь ничное организаціонное *предпріятіе*, словомъ, какое нибудь *ло*, за которымъ послѣдовало такое административно-судебное вершеніе. Увы, ничѣмъ подобнымъ я похвалиться не могу, и моемъ прошломъ, можно сказать, не было никакого политическаго прошлаго.

Я кончилъ петербургскую духовную академію со званіемъ ндидата и, какъ одинъ изъ «лучшихъ воспитанниковъ», былъ авленъ при академіи въ качествѣ «профессорскаго стипендта», т. е. претендента на кафедру при академіи. Прямой обязностью моей было писать магистерскую диссертацію, темой для орой служилъ забытый теперь нѣмецкій философъ, психологъ педагогъ Бенеке. Это было въ 1886 году. Почти до 85 г. я ъ уединенно въ зданіи академіи, никому невѣдомый и самъ ого незнающій и, какъ водится, «двигалъ» науку. Такъ въ ливой формѣ выражались мы въ товарищескомъ кругу о ихъ занятіяхъ, которымъ я предавался со страстью неофита. до мной только что открылись во всей своей широтѣ обширобласти, въ которыхъ я былъ чистѣйшимъ профаномъ, и я рвые сознал, что семинарское образованіе, которое поселяетъ своихъ адептахъ чувство самообольщенія и горделиваго прекодства надъ «лженеженнымъ» разумомъ, само никуда не гося. И какъ человѣкъ съ неглупой головой и отъ природы ознательный, я жадно удовлетворялъ чтеніемъ только что снувшуюся умственную пытливость.

Въ это время совершенно случайно до меня дошли слухи, мои земляки (новгородцы), студенты разныхъ учебныхъ заеній въ ПБ., вновь организуютъ свое «землячество», расшееся почему-то незадолго передъ тѣмъ. Побуждаемый естественъ стремленіемъ къ общительности, а можетъ быть и «жаждой» тельности, я выступилъ впервые на общественную арену. вести знакомства въ студенческой, да еще земляческой средѣ было дѣломъ нѣсколькихъ недѣль. А черезъ какихъ нибудь полгода я уже состоялъ кассиромъ своего землячества, разумѣется тайнымъ и подпольнымъ. Таковы были тогда времена, что собирать промежъ себя членскіе взносы по 25 к. въ мѣсяцъ и собранными грошами снабжать въ долгъ наиболѣе нуждающихся изъ своего кружка—считалось запрещеннымъ дѣломъ, съ которымъ нужно было во что бы то ни стало скрываться. Такъ какъ это «сообщество» было тайное, то вѣроятно и «преступное», и мы, наивныя души, совсѣмъ не воображали, что ведемъ опасную игру и стоимъ у границы, гдѣ вотъ-вотъ начнется политическая дѣятельность.

А политика, дѣйствительно, уже подстерегала насъ. Въ началѣ 1886 г. организовался «союзъ землячествъ» (какъ организовывался онъ можетъ быть десятки разъ), который, среди другихъ своихъ цѣлей, какъ-то: саморазвитіе, касса, библіотека, выставлялъ между прочимъ—страшно сказать—выработку сознательныхъ революціонеровъ. Я говорю объ этомъ съ нѣкоторой ироніей, потому что на самомъ дѣлѣ никакой «выработки» не было, а были изрѣдка собранія депутатовъ отъ землячествъ, которыя проходили довольно вяло и безжизненно. Надо прибавить для тѣхъ, кто выросъ позднѣе, что это было время полнаго упадка революціоннаго движенія. Разгромъ партіи только что закончился. Кто уцѣлѣлъ, скрылся за границу. Литературы, ни старой, ни новой, почти не было. Молодежь тогда, какъ и потомъ, была такою же молодежью, т. е. съ идеальными помыслами и благородными порывами. Но самостоятельнаго творчества она одна не въ силѣ проявить, и никакой агитаторъ не вдохнетъ въ нее революціонной энергіи (вопреки мнѣнію разныхъ оффиціозовъ), если не накопилось таковой въ самомъ обществѣ. Въ обществѣ же тогда не хватало смѣлости даже на открытіе новыхъ начальныхъ школъ, и оно не рѣшалось преодолѣть въ этомъ отношеніи оппозицію правительственныхъ сферъ, относившихся явно враждебно къ народному образованію.

Единственное «дѣло», которое организовалъ нашъ союзъ, была панихида по Добролюбовѣ на Волковомъ кладбищѣ въ 25-лѣтнюю годовщину его смерти 17 ноября 1886 г. Панихиды-то собственно не было, потому что полиція была освѣдомлена и на кладбище насъ не пустила. Когда же мы сомкнутой толпой пошли назадъ въ наивномъ расчетѣ дойти до Казанскаго собора и отслужить панихиду въ немъ, на Лиговкѣ Грессеръ оцѣпилъ насъ казаками и, продержавъ на слякоти часа два, распустилъ по домамъ. Задержаны были, кажется, человѣкъ 15 изъ тѣхъ, кто вступалъ въ пререканія съ полиціей, и большинство ихъ было выслано изъ Петербурга.

II.

Вскорѣ послѣ этой «демонстраціи» были выпущены прокламаціи къ русскому обществу, которыя были арестованы на почтѣ. Но о нихъ я лично ничего не зналъ вплоть до суда, гдѣ онѣ фигурировали въ обвинительномъ актѣ, какъ показатель дѣятельности «террористич. фракціи», бросившей якобы вызовъ правительству и приступившей тотчасъ послѣ 17 ноября къ осуществленію преступнаго замысла на жизнь государя Александра III.

Потомъ я узналъ, что эта оффиціальная версія совершенно не соотвѣтствовала дѣйствительности. Но когда и какъ возникъ самый замыселъ, мнѣ было абсолютно неизвѣстно. Въ него я посвященъ не былъ, и никакой роли въ осуществленіи его я не игралъ вплоть до 7 февраля 1887 г. Какъ одинъ изъ депутатовъ

въ союзѣ землячествъ, я познакомился между прочимъ на депутатскихъ собраніяхъ съ А. И. Ульяновымъ, студ. университета. Человѣкъ онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно симпатичный. Отъ него такъ и вѣяло какой-то особенной чистотой и благородствомъ, и съ первой же встрѣчи нельзя было не почувствовать къ нему сердечнаго влеченія. Но такъ какъ я встрѣчался съ нимъ только на собраніяхъ (два изъ нихъ были у него на квартирѣ и одно у меня), то сойтись ближе съ нимъ мнѣ не удалась. Понятно, что на этихъ собраніяхъ ни о какомъ «замыслѣ» даже и не заикались, и вплоть до 7 февраля я совсѣмъ не подозрѣвалъ, что у Ульянова, кромѣ союзныхъ и студенческихъ дѣлъ, имѣются еще и другія.

Союзныя собранія происходили рѣже, на нихъ являлись не аккуратно, и они умирали должно быть естественною смертію. Лично же я мирно занимался своей диссертаціей и даже земляковъ видалъ рѣдко, потому что при окончаніи курса передалъ свои кассирскія обязанности другому лицу.

7 Февраля Ульяновъ обратился ко мнѣ съ запросомъ (сначала черезъ лицо, оставшееся до сихъ поръ внѣ подозрѣній), нельзя ли въ моей квартирѣ приготовить недостающіе 3 ф. динамита, который ранѣе приготовлялся въ другомъ мѣстѣ, но теперь продолжать тамъ работу стало неудобно. У меня это было тоже неудобно, и я рѣшительно отказалъ, чѣмъ доставилъ ему явное огорченіе. Въ разговорѣ между прочимъ я вспомнилъ про новую квартиру въ Парголовѣ, куда собирался переѣхать на дняхъ на дачу—чисто изъ матеріальныхъ соображеній, а частію ради тѣхъ удобствъ, которыя представляло уединеніе для моихъ занятій. Тамъ жила М. А. Ананьина, служившая земской акушеркой, съ которой совмѣстно я содержалъ и петербургскую квартиру, такъ какъ дочь ея, Лидія Ивановна, учившаяся въ учительской семинаріи, жила вмѣстѣ со мной. Я ничего не зналъ о квартирныхъ условіяхъ Парголова и сдѣлалъ запросъ въ этомъ отношеніи Маріи Александровнѣ. Получивши ея согласіе, я условился съ Ульяновымъ, что онъ доставитъ въ мою квартиру всю свою лабораторію, а я отправлю ее въ Парголово вмѣстѣ съ мебелью и кухонной посудой, для перевозки которыхъ уже наняты были подводы изъ того же Парголова.

Лабораторія и была доставлена мнѣ, но не Ульяновымъ, а Канчеромъ, котораго я никогда раньше не видывалъ и который потомъ выдалъ меня и многихъ другихъ, судившихся съ нами. Самого Ульянова я больше уже не видалъ вплоть до скамьи подсудимыхъ. Онъ съѣздилъ въ Парголово на нѣсколько дней, приготовилъ что было нужно, и уѣхалъ, оставивши тамъ не только лабораторію, но и нѣсколько унцій нитроглицерина, оказавшагося для него излишнимъ, которыя онъ поручилъ тамъ вниманію М. А. Ананьиной. Вѣроятно она думала, что у насъ съ Ульяновымъ было на этотъ счетъ какое-нибудь условіе. А когда я самъ переѣхалъ туда, это оказалось для меня сюрпризомъ,

который я рѣшилъ выяснить при первой же поѣздкѣ въ Петербургъ и свиданіи съ Ульяновымъ. Но этой поѣздкѣ не суждено было состояться, потому что 3-го марта я былъ арестованъ «съ поличнымъ».

Какъ человѣкъ, стоящій внѣ организаціи, я считалъ совершенно неумѣстнымъ обращаться къ Ульянову съ какими бы то ни было разспросами о подробностяхъ готовящагося покушенія. Да Ульяновъ навѣрное и не отвѣтилъ бы мнѣ на основаніи самаго элементарнаго правила всякой конспираціи: «каждый долженъ знать только то, что онъ самъ дѣлаетъ». Я же считалъ, что, предоставляя квартиру, да еще не свою, я, собственно говоря, ничего не дѣлаю, а играю совершевно пассивную роль передаточной станціи. На такую роль, насколько мнѣ было извѣстно тогдашнее настроеніе, согласились бы многіе изъ моихъ знакомыхъ, если бы, конечно, гарантирована была имъ безопасность.

III.

Такъ какъ квартира, гдѣ дѣлались самые снаряды и приготовлялся остальной динамитъ, не была найдена, а для «округленія» дѣла нужно было показать, что оно раскрыто полностію, то нашей квартирѣ суждено было нести отвѣтственность и за то, что въ ней совершалось, и за то, чего вовсе не совершалось. Этому посодѣйствовалъ еще и я самъ своею чисто дѣтской наивностью. Дѣло въ томъ, что въ крѣпости, куда я былъ посаженъ на другой день послѣ ареста, я не просидѣлъ и недѣли. У меня тамъ случился какой-то нервный припадокъ, послѣ котораго вскорѣ меня перевели въ Предварилку. На допросѣ Котляревскій сказалъ, что это онъ постарался перевести меня въ виду моего нервнаго разстройства и въ увѣренности, что здѣсь мнѣ будетъ лучше [1]). На самомъ же дѣлѣ онъ посадилъ меня тамъ рядомъ съ предателемъ, каковымъ оказался А. П. Остроумовъ, извѣстный съ этой стороны многимъ южанамъ, моимъ современникамъ. Онъ, конечно, обучилъ меня «стуку», я проявилъ быстрыя способности, и черезъ недѣлю мы уже болтали. На мой вопросъ, за что онъ посаженъ, онъ отвѣтилъ съ краткостью, требуемой самимъ способомъ рѣчи и слабымъ навыкомъ въ ней: «за бомбы». Я въ свою очередь на его вопросъ отвѣтилъ въ унисонъ: «я тоже за бомбы». Свою любознательность къ моему дѣлу онъ проявлялъ съ такой откровенностью, что только такой необстрѣлянный птенецъ, какъ я, и могъ вести съ нимъ длинные разговоры, совершенно не подозрѣвая до самаго Шлиссельбурга его настоящей физіономіи.

---

[1]) Товарищъ прокурора, который тогда производилъ дознаніе по политич. дѣламъ въ Петербургѣ, совмѣстно съ жандармами и П. Н. Дурново, тогдашнимъ директоромъ Департамента полиціи. Мы съ нимъ встрѣчались ранѣе въ домѣ одного протоіерея, и его участіе ко мнѣ могло объясняться вниманіемъ къ старому знакомству. Недавно онъ прославился на всю Русь въ Гомелѣ въ роли предсѣдателя Виленской судебной палаты.

Вскорѣ послѣ этого «признанія», дѣйствительно, было построено обвиненіе меня въ дѣланіи бомбъ, и построено по всѣмъ правиламъ жандармскаго слѣдственнаго искусства. У меня въ квартирѣ было нѣсколько десятковъ книгъ, большею частью изъ академической библіотеки. Всѣ ихъ я отлично зналъ по внѣшнему виду. Однажды, какъ только привезли меня на допросъ, Котляревскій показываетъ мнѣ одну изъ моихъ книгъ (Льюиса, кажется Физіологію обыденной жизни) и спрашиваетъ: «Ваша эта книга?» Я отвѣчаю: «моя». Онъ отодвигается отъ меня подальше, медленно и съ явной предосторожностью вынимаетъ изъ этой книги чистый конвертъ, еще медленнѣе заглядываетъ внутрь его. Я невольно улыбаюсь.

— Да вы, говоритъ, не смѣйтесь! Это очень серьезно.

Я становлюсь серьезнымъ и жду. Изъ конверта, наконецъ, появляется кусочекъ переплетной зеленомраморной бумаги, весьма распространеннаго рисунка, величиной не больше 1 кв. сант. Это было такъ для меня неожиданно, что я снова улыбаюсь, снова получаю замѣчаніе и, наконецъ, рядъ вопросовъ. Требуется объяснить, какимъ именно образомъ попалъ этотъ кусочекъ въ мою квартиру и въ частности въ мою книгу. Я объяснить не въ состояніи. Тогда, чтобы доканать меня окончательно, Котляревскій объявляетъ, что этотъ кусочекъ отрѣзанъ отъ того самаго листа, съ котораго отрѣзаны другіе такіе же кусочки, употребленные для заклейки винтовъ у одного изъ снарядовъ. Наконецъ-то я начинаю понимать! Очевидно, я дѣлалъ бомбы, оклеивалъ ихъ переплетной бумагой и слѣдовъ своей оклейной работы не успѣлъ уничтожить. Какой нибудь самый ничтожный кусочекъ, на который менѣе геніальный сыщикъ никогда бы и вниманія не обратилъ, теперь выдаетъ меня головой и ведетъ прямымъ путемъ къ эшафоту. Изволь тутъ оправдываться, какъ хочешь, когда улика на лицо! Забавнѣе всего въ этой трагикомедіи то, что они нашли не человѣка, который въ химіи былъ тогда столь же свѣдущъ, какъ и въ абиссинской литературѣ, и который съ клейстеромъ имѣлъ такое же знакомство, какъ и съ японской инкрустаціей. Во всей квартирѣ (а я жилъ семейно) никто ничего не клеилъ, не покупалъ цвѣтной бумаги, не рѣзалъ ее и не могъ оставить обрѣзковъ. Въ книгѣ, уже ветхой и многократно читанной, онъ не могъ удержаться столько лѣтъ со временъ ея переплета. Конечно, мое отрицаніе было приписано моему запирательству, а книга съ конвертомъ была отправлена въ судъ, гдѣ и фигурировала на столѣ среди другихъ вещественныхъ доказательствъ.

Сорвалось только съ экспертомъ. Позвали обыкновеннаго переплетнаго мастера, обошли его какъ слѣдуетъ, и онъ показалъ то, чего имъ хотѣлось, т. е. что предъявленный ему кусочекъ (найденный якобы у меня) отрѣзанъ отъ того самаго листа, отъ котораго отрѣзаны и другіе кусочки, прикрывающіе винты на снарядѣ. Но на судѣ подъ присягой этотъ экспертъ отказался отъ такого

удостовѣренія и показалъ, что всѣ листы до такой степени сходны, бумага этого типа такъ распространена, что ни одинъ опытный мастеръ не можетъ утверждать ничего подобнаго и не въ силахъ отличить, отъ какого именно листа отрѣзанъ тотъ или другой кусокъ. Такъ эта улика и была похоронена, и прокуроръ уже не рискнулъ опереться на нее. Подозрѣніе же все таки было наброшено и можетъ быть вліяло на дальнѣйшую мою судьбу.

Какъ бы то ни было, уликъ противъ меня было и безъ того достаточно. Не говоря уже о томъ, что по согласному показанію нѣкоторыхъ свидѣтелей ко мнѣ ходило много народу (ага! стоялъ, значитъ, въ центрѣ организаціи!) и что я переѣхалъ на дачу въ февралѣ мѣсяцѣ, когда никто изъ благонамѣренныхъ гражданъ еще не помышляетъ о дачахъ,—нитроглицеринъ все таки у меня хранился. Хранился онъ, правда, крайне небрежно, и въ комнатѣ, гдѣ онъ стоялъ, дѣти невозбранно поднимали такую возню, что весь полъ дрожалъ. Но этому на судѣ, конечно, не вѣрили, потому что правительственный экспертъ и притомъ генералъ-маіоръ (между прочимъ уличенный Ульяновымъ въ незнаніи способа приготовленія динамита) авторитетно завѣрялъ, что нитроглицеринъ взрывается отъ малѣйшаго сотрясенія. И согласно этому приставъ (или околодочный) тщательно расписывалъ, съ какими скрупулезными предосторожностями онъ перевозилъ на лошади стклянку съ нимъ изъ Парголова въ Петербургъ (18 верстъ).

Наконецъ, динамитъ все таки дѣлался на той дачѣ, въ которую я затѣмъ переѣхалъ, и матеріалы для его производства дѣйствительно прошли черезъ мои руки. Теперь трудно даже вообразить ту степень юношескаго легкомыслія, подъ вліяніемъ котораго мы согласились съ Ульяновымъ на той версіи показаній, которую мы будемъ давать на случай (совершенно невѣроятный случай!), если я буду привлеченъ къ дѣлу. Такъ какъ я стоялъ въ сторонѣ отъ него, то ему казалось желательнымъ выгородить меня изъ него совершенно, придавши своей поѣздкѣ въ Парголово дѣловой, но совершенно невинный видъ. Онъ ѣдетъ туда въ качествѣ репетитора къ Колѣ, сыну М. А. Ананьиной, и какъ студентъ и химикъ беретъ съ собой лабораторію для личныхъ занятій. Хотя мы соглашались заранѣе, что оба будемъ давать единогласно показаніе въ такомъ же смыслѣ, но будучи арестованнымъ и, очевидно, обдумавши дѣло, онъ не захотѣлъ грѣшить противъ истины (впрочемъ, онъ бралъ на себя чужую вину) и заявилъ на вопросъ обо мнѣ, что предоставляетъ мнѣ самому выяснить все, что касается его отношеній ко мнѣ. Между тѣмъ, согласно заранѣе составленному плану, я уже сталъ на путь ложныхъ показаній и, какъ ни противно и тяжело это было, остался на немъ до конца. Такъ какъ я не зналъ,—всякому это покажется невѣроятнымъ,—что подсудимый имѣетъ право отказаться отъ дачи показаній, то передо мной стояла дилемма, или упорствовать во лжи, или, выдавая себя, выдать вмѣстѣ съ тѣмъ

и близкихъ мнѣ лицъ, а въ томъ числѣ и все землячество, и союзъ землячествъ.

Одинъ только разъ, чуть ли не на послѣднемъ допросѣ, я долго колебался, когда Котляревскій предложилъ мнѣ взять на себя все дѣло устройства конспиративной квартиры въ Парголовѣ, и тѣмъ избавить М. А. Ананьину отъ всякихъ преслѣдованій. Соблазнъ былъ очень великъ, и я можетъ быть не устоялъ бы. Но меня удержало соображеніе, что человѣку, правдивость котораго уже заподозрѣна, не повѣрятъ и тогда, когда онъ разскажетъ одну правду. Впослѣдствіи я понялъ, что дѣло для нихъ не въ правдѣ и не правдѣ, а въ томъ, чтобы раскрыть если не все, то какъ можно болѣе, въ той области «неразгаданнаго», которая въ нашемъ дѣлѣ была довольно обширной. Извѣстно вѣдь, что дѣла подобнаго рода для нихъ сущій кладъ, потому что за умѣлое раскрытіе ихъ имъ даютъ чины, высокіе посты и др. награды. Но я, увы, не могъ бы при всемъ желаніи удовлетворить любознательность Котляревскаго, и мои истинныя показанія, навѣрное, были бы сочтены за неполныя и потому неудовлетворительныя и недостовѣрныя. Не безпокоитъ ихъ ни мало и вопросъ о томъ, чтобы «избавить то или другое лицо отъ преслѣдованій». Участь каждаго изъ насъ они по произволу могутъ рѣшить и такъ, и этакъ. Такъ, вначалѣ они колебались, составить ли судебный процессъ только изъ лицъ, взятыхъ на улицѣ съ бомбами, или же придать ему какъ можно больше грандіозности и, показавши громадные размѣры «гидры», тѣмъ лучше оттѣнить все величіе побѣды надъ ней. На мой вопросъ на послѣднемъ допросѣ Котляревскій сказалъ, что можетъ быть мое дѣло окончится административно, а на судъ будутъ поставлены только главные виновники. Я уѣхалъ успокоенный и началъ предаваться мечтамъ о ссылкѣ.

IV.

Какъ вдругъ, 2-го Апрѣля мнѣ врученъ былъ обвинительный актъ со всею торжественностью, которая въ такихъ случаяхъ, должно быть, всегда соблюдается. Онъ былъ для меня столь же интересною новинкой, какою былъ бы тогда и для всякаго другого обывателя. Тамъ перечислялись 15 человѣкъ (Генераловъ, Андреюшкинъ, Осипановъ, Канчеръ, Горкунъ, Волоховъ, Ульяновъ, Шевыревъ, Лукашевичъ, Ананьина Пилсудскій, Пашковскій, Шмидова Сердюкова, и я) которые всѣ были отнесены къ «террористической фракціи партіи Народной Воли», и говорилось, что всѣ они «согласились между собой» посягнуть на священную особу Государя Императора. Изъ этихъ лицъ, «согласившихся между собой» мнѣ былъ извѣстенъ болѣе или менѣе только одинъ Ульяновъ. Раза два-три я встрѣчался также съ Шевыревымъ и Лукашевичемъ, какъ студентами. Первый, устроившій тогда студенческую столовую при универси-

тетѣ, носился съ планами организаціи разныхъ кружковъ саморазвитія и былъ поэтому хорошо извѣстенъ въ студенческой средѣ. А Лукашевича я встрѣчалъ въ Научно-Литературномъ обществѣ при университетѣ (оно было закрыто послѣ нашего дѣла) и на собраніи депутатовъ отъ землячествъ. Благодаря своему громадному росту, онъ во всякой толпѣ былъ головой выше всѣхъ, и потому всякій, встрѣтивши его однажды, невольно запоминалъ. М. А. Ананьина, которая тоже «согласилась» съ прочими, знала только меня, какъ своего нареченнаго зятя, и Ульянова, котораго она никогда ранѣе не видывала до пріѣзда къ ней на дачу съ указанною выше цѣлью.

Изъ обвинительнаго же акта я впервые узналъ, что Генераловъ, Андреюшкинъ и Осипановъ съ бомбами въ рукахъ, а Канчеръ, Горкунъ и Волоховъ въ качествѣ развѣдчиковъ выходили на Невскій три раза въ разные сроки въ разсчетѣ встрѣтить случайно проѣзжавшаго Государя и, не встрѣтивши его, были арестованы 1 Марта сыщиками, которые давно уже слѣдили за ними. Почему-то имя Генералова стояло первымъ въ обвинительномъ актѣ, почему и самое «дѣло» наше оффиціально извѣстно подъ именемъ «дѣла Генералова».

Всѣ мы предавались суду особаго присутствія правительствующаго сената съ сословными представителями. Предсѣдатель (Первоприсутствующій) П. А. Дейеръ самолично вручалъ обвинительный актъ каждому изъ насъ. Благодаря полному невѣжеству въ области судопроизводства, я не заявилъ ему своевременно о желаніи имѣть защитника, и такимъ образомъ, къ стыду своему, долженъ былъ защищаться самъ. Предсѣдатель же передъ началомъ суда, перечисляя защитниковъ у другихъ подсудимыхъ, обо мнѣ почему-то провозгласилъ: «Новорусскій защитника имѣть не пожелалъ».

На судѣ, не смотря на трагизмъ положенія, я очень часто иронически смѣялся. До такой степени казалось мнѣ невѣроятно забавнымъ то легкомысліе, съ какимъ многіе серьезные и высокопоставленные мужи относятъ меня къ числу величайшихъ государственныхъ преступниковъ, которыхъ нужно истреблять во что бы то ни стало, подыскивая для этого въ юридическомъ лабиринтѣ самые подавляющіе доводы. На столько-то я все таки былъ свѣдущъ и понималъ, что всякое подобное преступленіе, какъ бы мы ни квалифицировали его значеніе для народнаго блага, требуетъ для своего осуществленія людей высокаго героизма, самоотверженности и мужества. А во мнѣ все нутро, воспитанное въ школѣ рабства и угнетенія трепетало отъ робости и дѣлало для меня невозможнымъ какое бы то ни было смѣлое и рѣшительное дерзновеніе. И я совершенно искренно считалъ себя безусловно неспособнымъ на подвигъ и величіе, будетъ-ли въ этомъ величіи заключаться великое преступленіе, какъ думали судьи, или великое благодѣяніе. Изъ недавняго еще тогда прошлаго мнѣ припоминались образцы лицъ, смѣло бросившихъ

вызовъ всесильному абсолютизму, мужественно до конца защищавшихъ свою правоту и стойко принявшихъ наложенное на нихъ и ожидаемое ими возмездіе. И вотъ, въ той же залѣ, черезъ которую раньше меня прошло столько отважныхъ, и гдѣ гремѣли ихъ рѣчи, полныя негодованія, любви къ меньшему брату и восторженнаго желанія пострадать за свои убѣжденія,—въ этой залѣ сижу теперь я, безобидное мирное существо, никогда въ жизни не державшее въ рукахъ никакого оружія. Какъ! *я* политическій преступникъ (да еще важнѣйшій!), *я*, политическое образованіе котораго стояло тогда на уровнѣ *0*, и который не въ силахъ былъ обозначить въ самыхъ общихъ чертахъ, какого же собственно переворота мнѣ желательно? Какъ! *я*—политическій преступникъ, я,—кандидатъ духовной академіи, которому высшая школа не внушила ни зерна гражданскаго мужества, ни сознанія своихъ обязанностей, какъ члена націи, воля которой есть единственный законный устроитель государственнаго быта! И я вышелъ изъ той же самой школы, которая дала Россіи Сперанскаго, положившаго основы русской государственной науки и начертавшаго еще 65 л. тому назадъ: «Деспотическая власть могла приличествовать только младенчеству гражданскихъ обществъ», и еще: «Основные государственные законы должны быть дѣломъ націи и выраженіемъ ея воли». Какая иронія судьбы!

Не думаю, чтобы я ошибался въ такой самооцѣнкѣ. Но прокуроры, которымъ по штату полагается умѣнье читать въ сердцахъ, очевидно, были другого мнѣнія: они сочли меня крайне зловреднымъ и опаснымъ, мое смѣшливое настроеніе сочли за насмѣшливое отношеніе къ суду, поставили это мнѣ въ сугубую вину, приписали это, въ связи съ моимъ упорнымъ запирательствомъ моей крайней испорченности, и умыли руки, подписавши смертный приговоръ столь порочному и преступному типу. Въ настоящій моментъ, когда я пишу эти строки, дѣло о томъ, чтобы отправить человѣка на тотъ свѣтъ, сильно упростилось: согласно извѣстному распоряженію министра внут. дѣлъ (того самаго лица, которое и 19 л. назадъ содѣйствовало заточенію меня въ Шлиссельбургъ), всякое лицо, у котораго найдены на храненіи взрывчатыя вещества, предается военному суду, который и приговариваетъ его, какъ взятаго съ оружіемъ въ рукахъ. Если-бы я могъ провидѣть торжество такихъ юридическихъ принциповъ, то предаваться праздномъ размышленіемъ и нервничать на судѣ—у меня не было бы ни малѣйшихъ основаній.

V.

Я не помню точно, какого числа былъ произнесенъ смертный приговоръ въ предварительной формѣ. Въ тотъ же, или на другой день, подъ вліяніемъ продолжительныхъ и настойчивыхъ убѣжденій своего сосѣда шпіона, имѣвшаго тогда въ моихъ гла-

захъ огромный вѣсъ, я подалъ прошеніе на Высочайшее имя. Въ немъ я писалъ въ выраженіяхъ, которыя никогда съ тѣхъ поръ не могу вспоминать безъ нравственной боли, жалобу на строгость приговора и просьбу сохранить мнѣ жизнь и отправить меня въ ссылку. На 3-й, должно быть, день читался приговоръ въ окончательной формѣ, и предъ этимъ было объявлено мнѣ, что мое прошеніе оставлено безъ послѣдствій. У меня сохранилось убѣжденіе, что оно не ходило по назначенію, да за краткостью времени и не могло вернуться. Насколько припоминаю теперь, оно по формѣ своей подходило подъ категорію тѣхъ жалобъ и прошеній, которыя остаются безъ разсмотрѣнія, согласно правиламъ, которыми должна руководиться Комиссія прошеній.

Въ окончательной формѣ приговоръ былъ произнесенъ должно быть 24 или 25 апрѣля, и еще съ недѣлю вслѣдъ за этимъ я оставался въ Предварительномъ Домѣ. Съ этихъ поръ отношеніе ко мнѣ тамъ нѣсколько измѣнилось: на прогулку меня сталъ сопровождать дежурный вплоть до выхода на дворъ, чего не дѣлалось раньше, а на ночь съ 9 ч. вечера оставляли форточку въ двери открытой и запрещали тушить огонь, очевидно въ тѣхъ видахъ, чтобы я «не учинилъ надъ собою какого дурна», и не вырвалъ изъ рукъ правосудія его жертвы. Затѣмъ, я опять былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость, сердечно распростившись съ единственнымъ своимъ сосѣдомъ «помощникомъ правосудія», очевидно, какъ думалось тогда, для исполненія казни. Тамъ я просидѣлъ дня три и прислушивался ко всякому удару топора на дворѣ, полагая, что это создается намъ общій эшафотъ.

Но эшафота мнѣ видѣть не пришлось. Кажется 3-го мая вечеромъ неожиданно вошелъ ко мнѣ комендантъ, глухой старикъ, со свитой и съ бумагой въ рукахъ, и объявилъ, что «Государь Императоръ, по неизрѣченному своему милосердію Высочайше повелѣть соизволилъ: даровать жизнь такому-то и замѣнить смертную казнь ссылкой въ каторжныя работы безъ срока». Я спросилъ его, не можетъ ли онъ мнѣ сказать, куда меня пошлютъ отбывать каторжныя работы, и получилъ краткій и рѣшительный отвѣтъ:

— Въ рудники! Въ рудники!—вторично повторилъ онъ, направляясь къ выходу.

Дверь захлопнулась, и я остался мечтать о прелестяхъ рудничныхъ работъ и сибирской жизни.—Испытывалъ ли я удовольствіе отъ такого подарка? Не берусь вѣрно воспроизвести настроеніе, пережитое тогда, но помнится, что радости никакой я не ощущалъ. Съ мыслью о смерти я уже успѣлъ свыкнуться и мирился съ нею, какъ съ неизбѣжнымъ. Быть можетъ, въ самый моментъ, при видѣ эшафота, я и поблѣднѣлъ бы, какъ это бываетъ со многими, но заранѣе и въ воображеніи я взиралъ на него довольно спокойно съ чувствомъ фаталиста, увѣреннаго въ томъ, что «чему быть, того не миновать». Разъ попалъ въ руки

людей, которые играютъ твоею жизнію по своему усмотрѣнію и спокойно говорятъ тебѣ: «можетъ быть я тебя съѣмъ, а можетъ быть помилую», тебѣ остается утѣшаться мыслью, что положеніе жертвы при такихъ обстоятельствахъ неизмѣримо почтеннѣе, чѣмъ роль палача. Являлось только чувство досады: умирать и ни за что! Уходить изъ жизни безслѣдно, ничего не совершивъ! Не могъ же я утѣшать себя мыслью, что это за то, что и у меня были благіе порывы, что и я мечталъ о счастьи и процвѣтаніи своей родины, что и я инстинктивно возмущался противъ того безсмысленнаго и свирѣпаго полицейскаго гнета, съ которымъ тогдашній студентъ сталкивался на каждомъ шагу. Такъ на казнь въ это время взиралъ я безъ страха. Получить же взамѣнъ ея каторгу безъ срока... Бррр!

Какъ бы тамъ ни было, жизнь я получилъ, и при этомъ не воображалъ, что еще много разъ потомъ мнѣ придется жалѣть объ этомъ и завидовать тѣмъ, которые вмѣсто медленнаго умиранія получили быструю смерть. Сколько разъ потомъ я призывалъ ее вновь и долго, мучительно долго лелѣялъ мысль о ней, какъ единственной избавительницѣ отъ того высочайшаго дара, который мнѣ теперь преподнесли, и который сумѣли превратить въ безконечную утонченную пытку!

VI.

На другой, кажется, день послѣ этой объявки, примѣрно въ полночь, я былъ разбуженъ дежурнымъ. Онъ приглашалъ меня одѣть свой костюмъ и слѣдовать за нимъ. Мы поднялись на верхъ, вошли въ какую-то большую комнату, сплошь наполненную солдатами, гдѣ мнѣ предложено было присѣсть. Осмотрѣвшись близорукими глазами [1]), я увидалъ у другой стѣны на скамьѣ фигуру въ черномъ пальто, въ которой потомъ я узналъ І. Д. Лукашевича. Офицеръ самъ подошелъ ко мнѣ и, указывая на него пальцемъ, сказалъ, что мы можемъ говорить другъ съ другомъ.

Въ это время рядомъ за досчатой стѣной слышался постоянный лязгъ желѣза. По звуку мы скоро заключили, что это отбираютъ кандалы изъ склада, не весьма бѣднаго ими. Вскорѣ мимо нашей двери, не плотно закрытой, провели толпой одного закованнаго, затѣмъ съ нѣкоторыми промежутками второго, третьяго, четвертаго... Мы не считали, сколько именно прошло, и ждали своей очереди. Кандаловъ, однако, намъ не дали, и я такъ до сихъ поръ и остаюсь бывшимъ ссыльно-каторжнымъ (изъ тяжкихъ!), который никогда въ жизни не видывалъ кандаловъ. Изъ всѣхъ нашихъ современниковъ, препровождавшихся въ Шлиссельбургъ, не были закованы по дорогѣ въ него, насколько я

---

[1]) Очки были отобраны, равно какъ и золотой тѣльный крестикъ, золотое колечко и часы. Всѣ эти предметы исчезли безслѣдно для меня.

знаю, только Лукашевичъ, да я. Даже объ наши дамы (Фигнеръ и Волкенштейнъ) шли туда въ наручняхъ. И мнѣ совершенно неизвѣстно, кому или чему мы были обязаны этой льготой или «милостью». Особенно странно это для Лукашевича, атлетическая фигура котораго не могла не внушать опасеній.

И такъ, безъ всякихъ особыхъ церемоній, офицеръ пригласилъ сначала Лукашевича «пожаловать» и, спровадивши его со значительной свитой, скоро вернулся ко мнѣ. Мы спустились внизъ, затѣмъ къ выходу, и не успѣлъ я оглянуться въ полумракѣ весенней ночи, какъ очутился въ каретѣ, рядомъ опять съ Лукашевичемъ. Напротивъ насъ сидѣли, какъ водится, 2 жандарма. Карета тронулась въ путь, но скоро остановилась, и насъ съ тою же постепенностью просили выходить. Конечно, шли мы не просто, а ведомые, точнѣе влекомые, подъ руки двумя дюжими молодцами, которые такъ спѣшно и старательно исполняли возложенное на нихъ порученіе, что первая мысль, которая мелькнула при этомъ, была мысль о потопленіи: «не топить ли меня ведутъ ?»[1]) И неудивительно: передъ глазами открывалась широкая гладь Невы, пустынной въ этотъ часъ ночи, и отъ самой воды насъ отдѣляла только узкая полоса берега, десятка въ 2—3 шаговъ. «Влеченіе» совершалось съ такой быстротой, что прежде чѣмъ я что-нибудь увидалъ, меня втолкнули въ какой то люкъ, и я очутился не на днѣ Невы, а въ каютѣ маленькаго пароходика, довольно комфортабельно обставленной, и опять въ обществѣ Лукашевича. Въ каютѣ мы были одни, и въ теченіе всего пути офицеръ заходилъ изрѣдка, пріятно улыбался, но былъ неразговорчивъ; остальной же стражи мы вовсе не видали. Дорогой намъ предложенъ былъ чай съ булками,—очевидно, какая то фея заботилась о нашихъ нуждахъ. Почти ровно 18½ лѣтъ спустя мы возвращались съ Лукашевичемъ (въ обществѣ уже Морозова и Лопатина) на такомъ же пароходикѣ по той же самой Невѣ, но съ другими чувствами. Любопытно, что теперь (въ 1905 г.) наша стража была почему-то неразлучна съ нами въ каютѣ, и объ угощеніи насъ чаемъ никто не позаботился. Можно, значитъ, и на свободу ѣхать подъ болѣе бдительнымъ надзоромъ, чѣмъ на каторгу.

---

[1]) По поводу этихъ страховъ, которые невольно вызывало воображеніе, я скажу кстати 2 слова о пыткахъ. На волѣ мнѣ не разъ приходилось слышать упорные слухи, что подслѣдственныхъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ наше, пытаютъ. Когда меня привезли первый разъ на допросъ на Гороховую ул., то въ ожиданіи очереди посадили въ совершенно пустую камеру, съ отбѣленными стѣнами. На нихъ, на высотѣ моего лица, въ 2 мѣстахъ ясно были видны брызги, которыя я принялъ за брызги свѣжей крови. Какое впечатлѣніе произвело это на меня, понятно всякому. Прибавлю, что за дверью, какъ разъ напротивъ, слышался рѣзкій лязгъ желѣза, который можно было принять за переkладываніе орудій пытки. Была ли это „хозяйственная“ случайность, устроено ли нарочно, съ цѣлью произвести психическое воздѣйствіе, не берусь сказать. Въ этой камерѣ потомъ мнѣ пришлось быть нѣсколько разъ; ничего новаго я больше не видалъ и не слыхалъ. Лукашевичу же Котляревскій прямо сказалъ, должно быть въ тѣхъ же видахъ воздѣйствія, что у нихъ есть средства заставить давать показанія.

VII.

Когда мы выѣхали изъ Истербурга, мы еще терялись въ догадкахъ, куда собственно насъ везутъ. На разспросы офицеръ упорно отмалчивался и неизмѣнно повторялъ: «а вотъ скоро увидите». Скоро мы, дѣйствительно, остановились у пристани и ждали здѣсь болѣе часа. Очевидно было, что мы пріѣхали, и что дальше насъ не повезутъ. По времени, и по тому, что мы ѣхали Невой (берега чуть-чуть виднѣлись въ маленькія окна каюты), мы заключили съ несомнѣнностью, что пріѣхали въ Шлиссельбургъ. На мои разспросы объ условіяхъ жизни тамъ, офицеръ, улыбаясь, столь-же загадочно отвѣчалъ: «а вотъ сейчасъ увидите». Всякое уголовное преступленіе карается опредѣленнымъ наказаніемъ, и въ уставѣ о ссыльныхъ съ большой обстоятельностью описано, въ чемъ состоитъ и какъ протекаетъ наложенная закономъ кара. Для политическаго же преступника, который яко бы подлежитъ отвѣтственности по тому же кодексу, совершенно обратно считаются необходимыми неизвѣстность предстоящаго ему возмездія и таинственность манипуляцій, связанныхъ съ препровожденіемъ въ невѣдомое узилище. И до самыхъ послѣднихъ дней жизни тамъ, намъ строжайше запрещалось писать что бы то ни было объ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ. Таинственность, окружавшая это лобное мѣсто, и спасительный страхъ, который якобы нагоняло напуганное воображеніе на обывателей, считались въ высшихъ полицейскихъ сферахъ самымъ дѣйствительнымъ и надежнымъ оплотомъ противъ революціи. Что такова именно была государственная мудрость командующихъ надъ нами лицъ, объ этомъ мы не разъ получали вѣрныя извѣстія.

Между тѣмъ мы съ Лукашевичемъ терпѣливо ждали и не мучились въ безплодныхъ догадкахъ и опасеніяхъ разстаться другъ съ другомъ надолго, быть можетъ навсегда. Наконецъ, мы дождались: предложено было выходить опять въ томъ же порядкѣ, сначала ему. Примѣрно черезъ 1/4 ч. пришли затѣмъ за мной, и я совершилъ вступленіе въ знаменитую крѣпость тѣмъ же торжественнымъ и тріумфальнымъ маршемъ, какимъ, вѣроятно, входили и всѣ другіе мои товарищи по процессу: въ яркомъ сіяніи майскаго утра, со свитой человѣкъ въ 12 высшихъ и низшихъ чиновъ и также весьма заботливо поддерживаемый подъ руки. Легкомысленный юношескій умъ старался и тутъ въ трагизмѣ положенія замѣчать однѣ смѣшныя стороны. Веденіе подъ руки въ такой большой толпѣ, да еще въ глухихъ стѣнахъ крѣпости, было такимъ ненужнымъ избыткомъ усердія, который казался мнѣ придуманнымъ нарочно не то для забавы, не то для вящшаго усиленія престижа моей персоны. И память почему-то подсказала какъ разъ подходящій къ данному случаю стихъ псалма: «На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою»

(Пс. 90, 12). Прошли мы, наконецъ, черезъ всю крѣпостную площадь, прошли кордегардію, сквозь которую вошли въ тюремный дворъ, и когда стали приближаться къ приснопамятному отнынѣ «Сараю», я немало былъ удивленъ его, можно сказать, кокетливымъ видомъ: низкое длинное зданіе, съ поломъ на одномъ уровнѣ съ почвой, недавно должно быть штукатуренное, ярко бѣлѣло на солнцѣ, а у основанія стѣны желтѣла масса одуванчиковъ, только что раскрывавшихъ свои вѣнчики въ лучахъ его. Такою же толпой, и также подъ руки, несмотря на то, что мы были уже на третьемъ дворѣ, за третьими воротами, я былъ введенъ въ свое узилище. И только послѣ того, какъ я очутился въ камерѣ, я почувствовалъ, что мои руки отпущены, и понялъ, что нахожусь у самой цѣли своего путешествія. Древнее картинное выраженіе: «былъ ввержень въ темницу» въ нашъ цивилизованный вѣкъ устарѣло и должно быть замѣнено болѣе деликатнымъ: «былъ введенъ».

Не успѣлъ я опомниться, какъ былъ раздѣтъ до нага, обысканъ съ такою тщательностью, о которой въ подробностяхъ можно писать только въ спеціально медицинскомъ журналѣ, и одѣтъ въ грубое бѣлье. На ноги дали мнѣ необыкновенныхъ размѣровъ башмаки, на плечи накинули старый арестантскій халатъ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, и преображеніе мое оказалось вполнѣ законченнымъ. Весь туалетъ совершался въ присутствіи начальника Шл. жанд. управленія (полковника), его двухъ помощниковъ, доктора и соотвѣтственнаго количества нижнихъ чиновъ. На лицахъ у всѣхъ было суровое выраженіе, гармонировавшее съ величіемъ минуты, а на устахъ—совершеннѣйшее безмолвіе. Историки говорятъ, что въ XVIII вѣкѣ французскіе короли совершали свой туалетъ при столь же торжественной обстановкѣ.

Когда я былъ совершенно готовъ, мнѣ скорѣе жестами, чѣмъ словами, указали на необходимость идти куда-то вдоль корридора, и не прошло одной минуты, какъ я очутился у двери № 8-го, вошелъ въ нее и былъ моментально захлопнутъ наглухо.

Это былъ конецъ моего короткаго путешествія, конецъ моей молодой жизни. Мнѣ только недавно исполнилось 25 лѣтъ, и изъ нихъ 14 л. я провелъ въ глухихъ стѣнахъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, и только 6 мѣсяцевъ «на волѣ»! Конецъ надеждамъ, молодымъ стремленіямъ и исканіямъ лучшаго будущаго, конецъ гордымъ думамъ, горячимъ порывамъ и тому высокому воодушевленію, которое окрыляло юношескія мечты и заставляло подчасъ невольно повторять вмѣстѣ съ поэтомъ:

„Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви“.

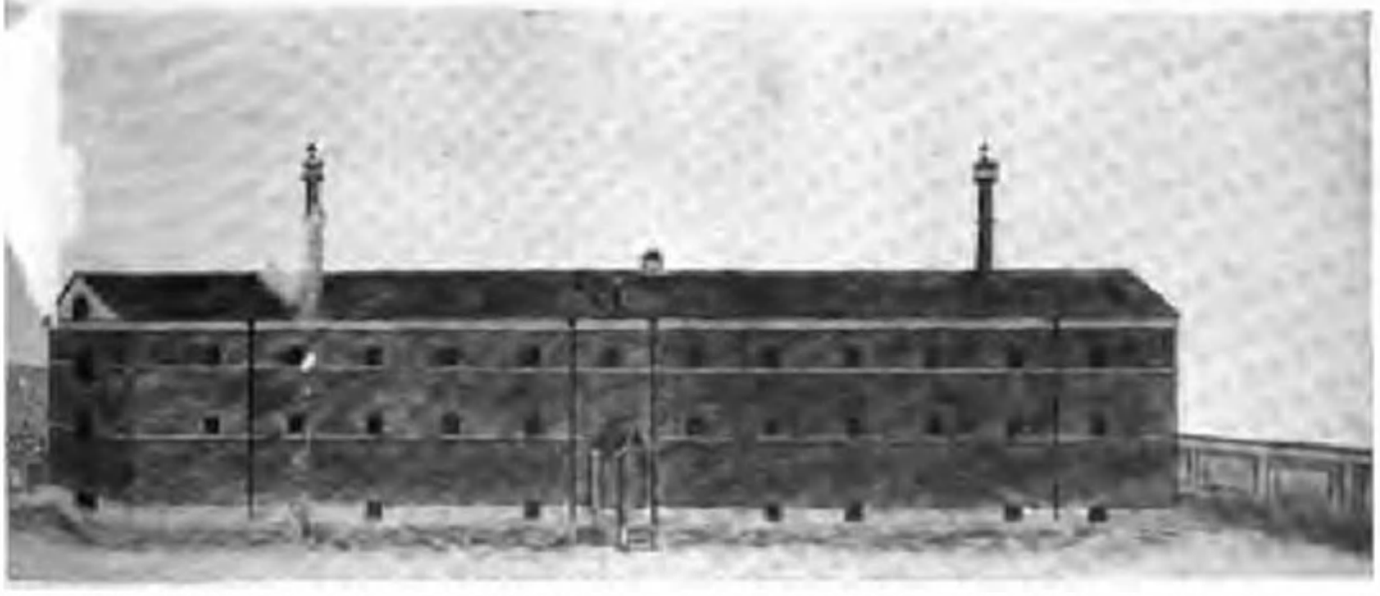
Здѣсь порывы твои заглохнутъ. Здѣсь потухнетъ пламя, со-

Шлиссельбургская крѣпость

(съ рисунковъ П. В. Карповича).

Старая тюрьма.

Новая тюрьма

грѣвшее тебя. Здѣсь думы твои будутъ долго и безнадежно биться, подобно птицѣ въ клѣткѣ, и послѣ многократныхъ попытокъ найти какой-нибудь выходъ, преждевременно угаснутъ. Здѣсь частой гостьей твоей будетъ апатія и равнодушіе. Здѣсь не разъ тоска сожметъ тебѣ сердце своими острыми когтями, и чувство пустоты, безсмысленности и полной никчемности твоего пребыванія будетъ преобладающимъ у тебя чувствомъ. Да, здѣсь испытаешь ты, можетъ быть, такія муки ада, съ которыми фантазія Данта не была еще знакома, и для которыхъ поэтъ не найдетъ достаточно выразительныхъ и наглядныхъ образовъ. На вратахъ нашего Ада не было Дантовской надписи. Тамъ стояло просто со времени Петра I: «Государевы ворота». Но мы часто чувствовали, что это только по недосмотру, или по привычкѣ властей вообще не считаться съ надписями. Вѣдь и на томъ зданіи, гдѣ рѣшено было истребить насъ съ лица земли, стояли тогда великія слова: «Правда и милость да царствуетъ въ судахъ». И всю иронію этихъ словъ мы скоро постигли на дѣлѣ.

М. Новорусскій.

Въ Шлиссельбургской крѣпости [1]).

Первые шаги.

I.

Камера, гдѣ я очутился, была довольно просторная, шаговъ въ 10 по діагонали, почти совершенно пустая и очень сумрачная. Въ одномъ углу помѣщалась круглая желѣзная печь, крашеная охрой, которая топилась съ корридора; у одной стѣны стоялъ маленькій деревянный столикъ, крытый буро-желтымъ лакомъ, и прикрѣпленный къ ней наглухо желѣзными крючками. У противоположной стѣны помѣщалась желѣзная кровать, вращавшаяся на шарнирахъ, вдѣланныхъ въ стѣну, и опиравшаяся на полъ только двумя ножками. Благодаря такому устройству, ее можно было поднимать и опускать, какъ любую крышку ящика. Поднявши ее вертикально (ребромъ), можно было защелкнуть за крюкъ, вдѣланный въ стѣну нарочно для этого, и замкнуть въ такомъ положеніо на замокъ. На кровати находился мочальный матрацъ, довольно новый, крытый черно-сѣрымъ одѣяломъ съ синими полосами. Простыня и наволочки—изъ тонкаго холста. Наконецъ, въ углу неизбѣжный стульчакъ въ видѣ опрокинутаго конуса, и возлѣ него, на высотѣ стола, желѣзная эмалированная раковина, а надъ нею мѣдный кранъ водопровода. На стѣнѣ приклеенная хлѣбомъ висѣла инструкція, замѣняшая намъ сводъ законовъ, гдѣ между прочимъ съ особенною заботливостью были выставлены 50 розогъ и смертная казнь, какъ наказанія, налагаемыя—первое въ административномъ порядкѣ, второе—въ судебномъ. Эта инструкція, теперь извѣстная въ печати, мѣнялась затѣмъ нѣсколько разъ [2]). Но ни одну изъ нихъ не дерзнулъ подписать своимъ именемъ сочинитель ея, какъ бы стыдясь своего произведенія, достойнаго быть занесеннымъ на мра-

---

[1]) Предлагаемые вниманію читателей очерки жизни въ Шлиссельбургской крѣпости принадлежатъ М. В. Новорусскому, просидѣвшему въ этой крѣпости 18½ лѣтъ, и представляютъ непосредственное продолженіе напечатаннаго въ апрѣльской книгѣ „Былого“ очерка: „Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ“.

[2]) Инструкція напечатана въ мартовской книжкѣ „Былого“, стр. 149.

морную доску. На подоконникѣ къ рамѣ была какъ-то прицѣплена маленькая деревянная икона въ 4×3 д. Висѣть ей на гвоздикѣ не полагалось, такъ какъ самый маленькій гвоздикъ могъ дать заключенному или опасную идею, или опасное орудіе.

Больше въ камерѣ не было рѣшительно ничего. Стѣны были выбѣлены известкой, и только снизу, на высотѣ 1 арш. отъ полу, выкрашены коричневой краской. Полъ былъ асфальтовый, ничѣмъ не крашеный, и потому не только грязный, но и не отмываемый: благодаря крайней шероховатости его поверхности, тщетны были всѣ усилія придать ему приличный видъ. Окно было большое, въ 9 стеколъ (по 3 въ рядъ); начиналось оно на высотѣ моего роста и кончалось у самаго потолка, точнѣе—у вершины свода, такъ какъ потолокъ былъ сводчатый. Сильно скошенный подоконникъ былъ вычерненъ. Рамы толстыя, массивныя, двойныя; за ними, конечно, рѣшетка, стекла матовыя; все это пропускало слишкомъ мало свѣта. А такъ какъ, сверхъ того, противъ самаго окна, саж. въ 4 отъ него возвышалась крѣпостная стѣна, которая позволяла видѣть только самый маленькій клочекъ неба,—къ тому же окна были на сѣверъ,—то неудивительно, что въ этомъ склепѣ царилъ постоянный мракъ. И яркое весеннее солнце, которое рѣзало глаза при выходѣ на дворъ, ухитрялось заглянуть ко мнѣ въ окно только на ½ часа, да и то около 7 часовъ вечера. Въ пасмурные дни читать было почти совсѣмъ невозможно. Для вентиляціи служили два маленькія отверстія въ стѣнѣ; а затѣмъ въ окнѣ открывалась форточка, которая была сдѣлана изъ одного средняго верхняго стекла, но открывалась она не настежь, а только подъ угломъ, и притомъ всегда жандармами, такъ какъ достать ее самому не было возможности. Лѣтомъ можно было держать ее открытой всю ночь. Но прежде, какъ я слышалъ отъ Поливанова, Соколовъ затворялъ ее даже днемъ при наступленіи грозы и на просьбу не дѣлать этого отвѣчалъ:

«Да, тебя убьетъ громомъ, а я отвѣчай!»

Очевидно, осматривать въ такомъ жилищѣ было нечего, а развлекаться чѣмъ-нибудь—тѣмъ болѣе, такъ что я всецѣло былъ предоставленъ себѣ и своимъ думамъ. И если бы я въ силахъ былъ воспроизвести хоть приблизительно вѣрно эти думы перваго дня заточенія и стенографировать ихъ, понадобилось бы для этого много страницъ. Но теперь я совершенно отказываюсь отъ всякой попытки сдѣлать это, въ полной увѣренности, что это творчество, каково бы оно ни было, будетъ чистѣйшимъ вымысломъ. Единственное занятіе, которому можно было предаваться невозбранно, было хожденіе изъ угла въ уголъ. Но и то было затруднено длиннымъ халатомъ да башмаками, по величинѣ весьма похожими на тѣ, въ которыхъ теперь помѣщаютъ Витте въ карикатурахъ. И какъ ни примитивно это удовольствіе, справедливость требуетъ сказать, что оно было великимъ благомъ, которому всей душой завидуетъ человѣкъ, прикованный къ стѣнѣ,

или къ тачкѣ, какъ былъ прикованъ напр. Н. П. Щедринъ. Онъ говорилъ мнѣ, что, когда наконецъ его расковали (кажется, черезъ 6 недѣль), онъ не могъ достаточно набѣгаться по камерѣ, и не могъ надивиться, какъ это люди, свободно ходящіе, не испытываютъ ни малѣйшаго удовольствія отъ этой свободы.

II.

Изъ внѣшнихъ объектовъ исключительнымъ центромъ моего вниманія былъ, конечно, Соколовъ, извѣстный теперь и въ печати подъ именемъ Ирода. Я не скажу, чтобы онъ произвелъ на меня черезчуръ непріятное впечатлѣніе. Потому ли, что я еще не успѣлъ нажить естественнаго чувства антипатіи жертвы къ своему палачу, или потому, что я вообще не особенно наблюдателенъ въ отношеніи людей, дружить съ которыми мнѣ никогда не придется, но только Матвей Ефимычъ не произвелъ на меня такого отталкивающаго впечатлѣнія, какъ на Поливанова и тѣхъ, кто переносилъ его заботы и вниманіе въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Конечно, сразу было видно человѣка жестокаго и бездушнаго. Но я понималъ, что отдавая къ нему «въ каторжныя работы», меня вовсе не хотѣли поручать его «отеческому» попеченію, съ тѣмъ чтобы онъ воздѣйствовалъ на мою испорченную натуру мѣрами кротости и человѣколюбія. Атмосфера бездушія и явной злобности царила всецѣло и въ Петропавловской крѣпости. Это—первое, что поражало тогда новичка, только что попавшаго подъ замокъ. Виновенъ ты или невиненъ, выпустятъ тебя административно, или оправдаютъ по суду, взятъ ли ты по террористическому дѣлу, или за храненіе у себя книжки «преступнаго содержанія», именуемой «Сказкою о 4-хъ братьяхъ»,—стража въ своемъ отношеніи къ узнику не дѣлала разницы. Она третировала его не какъ «врага общественнаго порядка», до понятія о которомъ она сама еще не доросла, а какъ врага своего собственнаго благополучія, и потому, кромѣ злорадныхъ и мстительныхъ взглядовъ, которые ты постоянно чувствовалъ на себѣ, ты не могъ ожидать съ ихъ стороны ничего другого. Поэтому, попавши въ Шлиссельбургъ, я не замѣтилъ здѣсь существенной перемѣны, за исключеніемъ того, что унтера были только нѣмыми статистами, а дѣятельнымъ лицомъ, имѣвшимъ право обращать ко мнѣ членораздѣльную человѣческую рѣчь, былъ одинъ единственный Матвей Ефимычъ (докторъ и начальникъ управленія—не въ счетъ). Быть можетъ поэтому, на фонѣ такого всеобщаго не только бездушія, но и безгласія, человѣкъ, отъ котораго я слышалъ членораздѣльную рѣчь, не казался мнѣ настоящимъ звѣремъ. Явной грубости съ его стороны я тоже не встрѣчалъ. Изъ его отношенія ко мнѣ, равно какъ и изъ множества другихъ фактовъ, можно было сдѣлать весьма вѣроятное заключеніе, что положеніе каждаго изъ насъ въ Шлиссельбургѣ нѣсколько варьировалось въ зависимости отъ тѣхъ индивидуальныхъ инструкцій, которыя были даны

изъ департамента добавочно. И тѣ, кто имѣлъ честь навлечь на себя неудовольствіе Петра Николаевича [1]) во время личныхъ «интимныхъ» сношеній съ нимъ, долго еще потомъ чувствовали на себѣ его тяжелую десницу, незримо тяготѣвшую въ нашихъ стѣнахъ.

Наконецъ, надо еще оговориться разъ навсегда, что я попалъ туда въ сравнительно легкія времена. Мои товарищи, явившіеся въ Шлиссельбургъ еще въ 1884 г., прожили здѣсь уже три тода, безконечныхъ, унылыхъ и тяжкихъ три года, и прожили не совсѣмъ безплодно. Кое что уже было «завоевано» съ одной стороны, или «даровано» съ другой, кое что смягчено вообще; и потому всей жестокости геніальнаго режима, изобрѣтеннаго на страхъ врагамъ, мнѣ испытать не пришлось. Какъ на самый яркій признакъ этого смягченія, могу указать на то, что Соколовъ въ это время уже избѣгалъ обращаться на «ты» и ухитрялся говорить всегда въ безличной формѣ и въ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ. Когда оторвалась какъ,то пугавица отъ штановъ и я спросилъ иголку и нитку, чтобы пришить ее, онъ кратко отвѣтилъ:

— Нельзя. Нужно штаны снять, дать,—починятъ!

III.

Въ 12 часовъ отворилась форточка въ двери (величиной, примѣрно, въ полъ-листа почтовой бумаги большого формата), и мнѣ подали обѣдъ, кажется, изъ щей и каши. Не скажу, чтобы онъ удивилъ меня примитивностью своихъ качествъ и своего состава. Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія я уже получалъ нѣчто подобное. Затѣмъ въ новгородской семинаріи, гдѣ живутъ не лишенные правъ, а воспитывается надежда Россіи и опора «исконныхъ началъ», насъ кормили часто такой мерзостью, которой не позавидовалъ бы изголодавшійся каторжникъ. А потому, мой желудокъ, вынесшій семинарское продовольствіе безъ ущерба для себя, относился съ полной снисходительностью къ стряпнѣ Матвея Ефимыча, установленной особами высокаго ранга спеціально для того, чтобы укротить непокорную и строптивую душу.

Пользуясь случаемъ, я обратился къ Соколову съ вопросомъ, нельзя ли мнѣ получить какую-нибудь книгу, и полагается ли здѣсь прогулка. Онъ обѣщалъ дать книгу завтра утромъ, а насчетъ прогулки сказалъ, что съ этимъ нужно нѣсколько дней повременить.

Въ 4 часа такъ же неожиданно открылась форточка, и мнѣ дали кружку чаю и кусокъ сахару. Чай былъ безвкусенъ, съ запахомъ «вѣника», но зато горячій. Въ 7 часовъ, вмѣсто ужина, я получилъ немного какой-то размазни. А въ 9 часовъ внесли мѣдную керосиновую лампу, и Соколовъ предупредилъ, что она должна

---

[1]) Дурново.

горѣть всю ночь. Воздухъ спертый и плохо вентилируемый наполнялся за ночь еще запахомъ керосиновой гари. Этой послѣдней выдачей тюремный день былъ законченъ, никто меня больше не безпокоилъ, самоуглубленію предоставлялся полнѣйшій и неограниченный просторъ, и я сразу же вступилъ въ самую суть жизни, руководимой правиломъ Соколова:

«Сиди себѣ смирно, и никто тебѣ слова не скажетъ!»

Такъ кончился первый день моей каторжной жизни. Я забылъ еще упомянуть о главномъ содержаніи, наполнявшемъ его и послѣдующіе дни, привыкнуть къ которому было не легко. Это—поминутное заглядываніе дежурнаго въ глазокъ. Заглядывали, конечно, и въ Петропавловской крѣпости, и въ Предварилкѣ, но изрѣдка, и потому тамъ не обращалъ на это вниманія. Здѣсь же это заглядываніе было, можно сказать, непрерывнымъ. И бѣсило же оно тогда на первыхъ порахъ! Думалось, что и практиковалось-то оно не столько въ интересахъ надзора, сколько въ интересахъ мученія, чтобы заключенный ни на минуту не могъ забыться и вообразить себя вольнымъ человѣкомъ, вырвавшимся изъ ихъ рукъ. Только во время ходьбы и можно было забыть на время объ этомъ непрошенномъ свидѣтелѣ твоихъ вздоховъ, да и то подходя къ самой двери часто невольно замѣчалъ за стеклышкомъ устремленный на тебя глазъ. Во время же чтенія, особенно при вечерней абсолютной тишинѣ, крадущіеся къ двери шаги соглядатая выводили изъ себя самымъ рѣшительнымъ образомъ. Представьте себя на мѣстѣ напр. школьника, который выбралъ себѣ укромный уголокъ и углубился въ книгу. Затѣмъ его надзиратель ровно черезъ каждыя 2 мин. подкрадывается къ нему на цыпочкахъ и заглядываетъ молча къ нему. Много ли нужно времени, чтобы довести его до бѣлаго каленія? У нашихъ дамъ была еще маленькая защита, но и ее онѣ отвоевали, кажется, не вдругъ. Онѣ нарѣзали себѣ ножницами кружковъ изъ сукна и затыкали глазокъ на время каждый разъ, какъ имъ это требовалось. Но къ чему человѣкъ не привыкаетъ? Черезъ какой-нибудь годъ я уже относился совершенно равнодушно къ такимъ подглядываніямъ и рѣдко обращалъ на нихъ вниманіе, тѣмъ болѣе, что они дѣлались замѣтно рѣже.

IV.

Такъ, «сиди себѣ смирно, и никто тебѣ слова не скажетъ». Казалось бы, нѣтъ ничего легче, какъ осуществить этотъ идеалъ Матвея Ефимыча. Вмѣсто каторжныхъ *работъ*, подневольныхъ уроковъ, спусканія въ нѣдра земли и цѣлодневныхъ напряженій въ сырыхъ или промерзлыхъ шахтахъ, тебѣ досталось на долю одно «смирное сидѣнье». Эту великую милость и подчеркивалъ Шебеко въ разговорѣ, кажется, съ Тригони, которому онъ бросилъ съ негодованіемъ: «Какъ! Вы были приговорены къ смертной казни, а теперь лежите на мягкомъ матрацѣ, да еще жа-

луетесь!» Что значитъ это «смирное сидѣнье» въ переводѣ на языкъ ощущеній, понятный каждому, можно уразумѣть изъ всѣмъ доступнаго опыта: каждому приходилось сидѣть нѣсколько секундъ неподвижно предъ фотографическимъ аппаратомъ, пусть-ка онъ попробуетъ, принявши такую позу, сохранить ее неизмѣнно въ теченіе цѣлаго часа. Организмъ молодой и дѣятельный имѣетъ такую же настоятельную потребность въ осуществленіи всевозможныхъ двигательныхъ актовъ, какую имѣетъ онъ и въ пищѣ. И обреченный на полную неподвижность и бездѣятельность, онъ испытываетъ такія же серьезныя страданія, какъ и тогда, когда его принуждаютъ къ непосильной дѣятельности. Напомню кстати, что пѣніе, *шумъ*, стукъ, разговоры,—цѣлый рядъ двигательныхъ процессовъ, строго запрещался инструкціей. Жизненная энергія, не находя цѣлесообразнаго исхода, вся уходитъ на поддержаніе себя въ хроническомъ состояніи самоограниченія, и процессъ, совершающійся при этомъ, аналогиченъ непрерывному, но длительному самоумерщвленію. Если человѣкъ рѣшается на самоубійство, онъ совершаетъ это въ минуту аффекта, т. е. повышеннаго душевнаго состоянія. Наше же насильственное самоумерщвленіе обязательно должно было вызвать только пониженные аффекты, и каковы они были, догадливый читатель легко опредѣлитъ, если сумѣетъ живо представить себя самого точно въ такомъ же положеніи.

V.

Размѣры зданія, куда меня помѣстили (это былъ, конечно, нашъ знаменитый «сарай») и количества камеръ въ немъ я не могъ опредѣлить сразу, но подозрѣвалъ, что кромѣ меня да Лукашевича, шаги котораго я слышалъ въ сосѣднемъ № 9, должны быть еще товарищи. Но какъ ни старался я уловить звуки, указывающіе на ихъ присутствіе, мнѣ не удавалось это. Толстая обитая желѣзомъ дверь захлопывалась плотно, какъ пробка, массивныя стѣны, должно быть въ $1^1/_2$ арш. толщиной, были непроницаемы для звуковъ. Къ тому же ориентироваться во всякомъ новомъ помѣщеніи подобнаго рода крайне трудно. Поэтому мнѣ не удалось открыть здѣсь слѣдовъ пребыванія еще хоть одной души, и я остановился на мысли, что мы съ Лукашевичемъ здѣсь только одни. Уже много лѣтъ спустя отъ дежурныхъ мы узнали, что наши товарищи, приговоренные къ казни, сидѣли здѣсь 3 дня вмѣстѣ съ нами, и что они были казнены и, значитъ, выведены изъ камеръ на дворъ въ 2 часа ночи, когда мы крѣпко спали сномъ невинныхъ младенцевъ, которыхъ не могутъ тревожить никакія житейскія заботы. Дворъ, на которомъ ихъ казнили, примыкалъ вплотную къ зданію нашей тюрьмы, но окна нашихъ камеръ выходили въ противоположную отъ него сторону, а между камерами и этимъ дворомъ шелъ довольно ши-

рокій корридоръ, благодаря чему всѣ подготовительныя къ казни работы на немъ не были для насъ слышны.

Должно быть, на другой день послѣ казни дверь моей камеры отворилась въ 10 часовъ, и Соколовъ лаконически произнесъ:

— На прогулку.

Я молча взялъ блинообразную фуражку безъ козырька изъ арестантскаго сукна съ чернымъ крестомъ наверху и вышелъ изъ камеры. Впереди шелъ Соколовъ, за нимъ унтеръ, далѣе я, а за мной еще унтеръ Такая процессія неизмѣнно совершалась каждый день во все правленіе Соколова. Но послѣ его ухода младшій помощникъ, замѣнявшій его, очевидно тяготился лишнимъ движеніемъ и потому сталъ ограничиваться тѣмъ, что смотрѣлъ на это шествіе издали. А когда и это стало надоѣдать, предоставилъ «конвоировать арестанта» однимъ унтерамъ. Дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ отношеніи состоялъ въ томъ, что исчезъ и одинъ унтеръ (передній), а слѣдовалъ только задній, за движеніемъ же наблюдалъ со стороны вахмистръ, къ которому перешелъ ключъ и право открывать и закрывать двери. Наконецъ, исчезъ и задній спутникъ, и шествіе по двору совершалось безъ всякаго конвоя, но на глазахъ у унтеровъ. Для этой цѣли они обзавелись уже скамьями (нашей же работы) и спокойно сидѣли среди двора, то грѣясь на солнцѣ, то прячась въ тѣнь, то бесѣдуя другъ съ другомъ, то читая газету, которую въ послѣдніе 3 года быстро прятали въ рукавъ, если проходилъ вблизи нихъ,—очевидно изъ опасенія, какъ бы проходящій не вырвалъ ее у него. Бывало, наконецъ, въ моменты наивысшаго либерализма, что дежурныхъ нигдѣ не было видно, и проходя по двору, не стоило особаго труда перепрыгнуть черезъ невысокую кирпичную стѣну, отдѣлявшую тюремный дворъ отъ остальной крѣпостной площади, и очутиться тамъ въ компаніи жандармскихъ женъ и дѣтей, и въ объятіи часового съ ружьемъ, который неизмѣнно стоялъ тамъ за стѣной у воротъ, ведущихъ въ нашъ дворъ. Такъ же непрерывно стояли, надъ нашимъ дворомъ, смѣняясь каждые 2 часа, три часовыхъ съ ружьемъ на верху крѣпостной стѣны, причемъ одинъ исключительно надъ «сараемъ», другой въ противоположномъ концѣ на угловой башнѣ и 3-й какъ разъ надъ нашими огородами. Передъ нимъ вся наша жизнь была какъ на ладони, къ нему же летѣло и всякое наше слово, сказанное не шепотомъ. Такъ какъ вся система надзора была построена на взаимномъ шпіонствѣ, причемъ никто изъ лицъ стражи отъ низшихъ до высшихъ чиновъ не имѣлъ права говорить съ нами наединѣ, то и часовому вмѣнялось также въ обязанность слѣдить за нашими разговорами съ унтерами, которые окружали насъ всюду, но оружія не носили. Соблазнъ же перепрыгнуть черезъ кирпичную стѣну конечно предусматривался. Въ виду этого напр. сточная труба съ крыши кордегардіи спускалась не на нашъ дворъ, какъ бы слѣдовало по расположенію крыши, а прихотливо изгибалась и перекидывалась черезъ

стѣну наружу. А ротмистръ Гудзь, правившій нами въ самое либеральное время, каждую весну безпокоился и приказывалъ отрыть отъ стѣны снѣгъ, слежавшійся сугробами въ плотную массу, способную выдержать человѣка и настолько высокую, что съ поверхности ея иногда такъ же легко можно было прыгнуть на крышу стѣны, какъ на спину лошади.

Такъ, я тронулся въ путь церемоніальнымъ маршемъ, прямо на тотъ дворъ, на которомъ только что совершено было смертоубійство въ присутствіи, между прочимъ, П. Н. Дурново, нарочно пріѣзжавшаго сюда изъ Петербурга для этой цѣли. Дворъ, довольно обширный, имѣлъ совершенно пустынный видъ. Изъ каменистой почвы, сплошь усыпанной плитнякомъ и известковымъ мусоромъ отъ многократныхъ вѣковыхъ построекъ, кое гдѣ пробивалась убогая ранняя зелень. Ничто не напоминало о только что совершившейся здѣсь трагедіи. Впослѣдствіи, когда весь этотъ дворъ мы превратили въ культурный видъ и заняли всю площадь его подъ садовыя и огородныя насажденія, мы узнали, что эшафотъ стоялъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ трудами М. Ф. Фроленко были посажены яблони, и гдѣ онѣ стоятъ, можетъ быть, и до сего дня. Быстро прошли мы этотъ т. н. «старый» дворъ, образованный высокими крѣпостными стѣнами, и вышли на новый, который, какъ я сказалъ, отдѣлялся отъ свободнаго крѣпостного населенія невысокой кирпичной стѣной. Здѣсь меня тотчасъ подвели къ первой деревянной двери; я вошелъ въ нее и былъ стремительно запертъ задвижкой.

Мѣсто, гдѣ я очутился, именовавшееся оффиціально «дворикомъ», а у насъ въ просторѣчіи «стойломъ», или «клѣткой», представляло изъ себя треугольную площадку, сплошь усыпанную пескомъ и обнесенную заборомъ въ 4 арш. высоты. (См. приложенный планъ двориковъ). Вдоль самой длинной стороны этого треугольника можно было сдѣлать шаговъ 15. Заборы были двойные,—одна сторона изъ $2^1/_2$ дюймовыхъ досокъ, сложенныхъ горизонтально, другая изъ 1 дюймовыхъ, прибитыхъ вертикально. Между этими двумя стѣнками былъ пустой промежутокъ вершка въ 2. Благодаря такому устройству, не видно было ни малѣйшихъ щелей, въ которыя могъ бы украдкой заглянуть предательскій лучъ солнца. На землѣ было буквально—хоть шаромъ покати. Только посрединѣ высилась небольшая куча песку, и въ ней торчала *деревянная* лопата. Эту кучу можно было пересыпать на другое мѣсто, а завтра опять на прежнее. Трудъ этотъ, впрочемъ отнюдь не обязательный, очевидно, долженъ былъ служить моціономъ, а въ силу своей явной безсмыслицы и нелѣпости, могъ стать полнымъ эквивалентомъ каторжнаго труда. Каюсь, впрочемъ, что я нерѣдко занимался этой совершенно дѣтской забавой и, чтобы придать ей хоть какой-нибудь смыслъ, старался создать изъ песку какія-нибудь скульптурныя фигуры. Всѣ онѣ, разумѣется, тщательно уничтожались тотчасъ послѣ моего ухода,

дабы гуляющій здѣсь послѣ меня товарищъ не могъ прочесть въ нихъ какой-нибудь таинственный и преступный смыслъ.

Прогулка продолжалась примѣрно 1¾ ч. Я видѣлъ въ зенитѣ небо и облака, купался въ солнечныхъ лучахъ и чувствовалъ, какъ обвѣваетъ меня кругомъ весенній вѣтерокъ. Все это было и отрадно, и грустно. Отрадно потому, что доставляло непосредственное пріятное впечатлѣніе; грустно потому, что слишкомъ интенсивно напоминало свободныя небеса, свободные солнечные лучи и свободное дыханіе весны, которое было когда-то такъ живительно и богато надеждами... И это воспоминаніе—о такъ недавно минувшемъ и уже навѣки невозвратномъ—наводило подчасъ такое уныніе и жгучую боль, какъ и созерцаніе могилы, въ которой ты схоронилъ все, что́ любилъ больше всего на свѣтѣ. Въ подобныя минуты холодная и мрачная камера казалась пріятнымъ убѣжищемъ, куда не проникали раздражающіе отзвуки жизни и гдѣ съ безнадежностью положенія наилучше гармонировали безысходныя и безпросвѣтныя стѣны.

„И какъ будто бы легче дышу
Въ моей камерѣ душной и тѣсной."

Такъ оканчиваетъ Вѣра Николаевна одно изъ поэтическихъ своихъ стихотвореній, описывающихъ то же настроеніе.

Въ остальномъ прогулка давала столь же мало ощущеній и наблюденій, какъ и камера. Впослѣдствіи я узналъ, что подобныхъ клѣтокъ устроено шесть, нумеровались онѣ по порядку и всѣ расходились радіусами изъ общаго центра, гдѣ были расположены входныя двери. Чертежъ этого учрежденія прилагаю здѣсь. Непосредственно же надъ входными дверями устроена была вышка, маленькая галлерея, гдѣ постоянно тогда дежурили 2 унтера. Отъ ихъ глазъ не укрывалось ни одно наше движеніе, а отъ глазъ часового—ни одно движеніе унтера. Разъ какъ-то, уходя домой, я заранѣе взялъ горсть песку, чтобы вычистить въ камерѣ раковину. Очевидно, это было замѣчено и «доложево», потому что когда мы шли домой, на дорогѣ Иродъ остановилъ меня и спросилъ:

— Что въ рукѣ?
— Песокъ.
— Зачѣмъ?—Я объяснилъ.
— Нельзя. Дадутъ для этого толченаго кирпича.

VI.

Я забылъ сказать, что на другой же день моего пребыванія, я получилъ, согласно обѣщанію, книгу. Это былъ Гизо, «Сущность христіанства» (если не ошибаюсь). Будучи разочарованъ такимъ приношеніемъ, я попросилъ дать мнѣ каталогъ. Изъ него я узналъ, что въ библіотекѣ есть «Исторія государства Россійскаго» Соловьева, попросилъ ее и получивши на другой день засѣлъ надъ нею надолго (кажется, 29 томовъ). Тогда же мнѣ

дали аспидную доску, наклеенную тонкимъ слоемъ на картонъ и потому очень легкую. Обыкновенная же въ рамкѣ считалась, должно быть, опаснымъ орудіемъ. Затѣмъ потянулись однообразные дни за днями, похожіе другъ на друга, какъ 2 капли воды и безъ малѣйшихъ перемѣнъ. Начиналась та самая унылая, монотонная и совершенно безсмысленная канитель, которая давила хуже кошмара и отъ которой подчасъ съ радостью бѣжалъ бы въ настоящіе рудники, та самая безжизненная, безрадостная и безнадежная канитель, подавленный которою одинъ изъ нашихъ поэтовъ сказалъ,

Что родъ мукъ измѣнитъ
Есть часто предѣлъ всѣхъ желаній.

Такъ прошло у меня недѣли три. Только разъ какъ-то дверь открылась въ неурочное время, и Соколовъ произнесъ:

— Мыться!

Я вышелъ и, пройдя по корридору въ другой конецъ зданія, увидалъ комнату, гдѣ помѣщалась ванна. Я хотѣлъ было уже устремиться туда, какъ былъ остановленъ:

— Надо постричься!

Я невольно улыбнулся, вспомнивши, какъ въ древности насильно «постригали» въ монахи, сѣлъ на подставленный табуретъ и былъ тотчасъ обработанъ наголо ловкимъ артистомъ своего дѣла, который при этой операціи не употреблялъ гребенки и потому оставилъ мою голову съ видомъ только что остриженной овцы: гдѣ была голая кожа, а гдѣ топорщились рѣдкіе кустики волосъ. Когда мы послѣ этого увидались съ Лукашевичемъ и показали другъ другу свои головы, то долго смѣялись надъ такой работой. Если хотѣли уязвить насъ ею, то ошиблись въ расчетѣ: насъ это только смѣшило, какъ невольный маскарадъ. И я до сихъ поръ не могу рѣшить, была ли у нихъ какая-нибудь сознательная цѣль въ этомъ уродованіи головы, или же они только возмещали себя такимъ образомъ за невозможность брить насъ по каторжному положенію. Послѣ неоднократныхъ попытокъ сопротивленія этому бритью со стороны политическихъ въ разныхъ мѣстахъ, наши власти уже не рѣшались продѣлать такой опытъ у насъ, въ полной увѣренности, что эти люди, которыхъ они сами считали отборными, не допустятъ надъ собой явнаго надругательства. Дальнѣйшій прогрессъ здѣсь, какъ и во всемъ, совершался постепенно. На второй уже годъ дежурный держалъ въ рукѣ гребенку, но пользовался ею очень рѣдко. А на третій, кажется, началъ стричь по настоящему. Почти всѣ они, въ качествѣ солдатъ, умѣли стричь какъ слѣдуетъ, въ чемъ послѣ мы вполнѣ убѣдились [1]).

---

[1]) Въ видѣ курьеза разскажу кстати, что когда, уже въ либеральныя времена, однажды стригъ меня довольно добродушный унтеръ, я разсказалъ ему, подъ вліяніемъ естественной ассоціаціи идей, что я во дни оны былъ постриженъ въ семинаріи и посвященъ въ стихарь. Онъ съ интересомъ выслушалъ и весьма глубокомысленно замѣтилъ:

— Да, вотъ жизнь-то человѣческая: куда оно шло, и куда пришло!

Послѣ ванны, которая, какъ и все здѣсь, принималась на глазахъ двухъ жандармовъ, мнѣ дали въ придачу къ тому костюму, который я получилъ въ первый же день, холщевые штаны и такую же куртку, длиной до таліи и съ сѣрымъ тузомъ на спинѣ. Ванна дѣлалась въ это время разъ въ мѣсяцъ, по субботамъ, бѣлье же насильное мѣнялось еженедѣльно, а спальное—дважды въ мѣсяцъ. Во время ванны въ камерѣ производился тщательный обыскъ, при которомъ отбиралась всякая щепочка, которую подобралъ украдкой на дворѣ съ тѣмъ, чтобы пользоваться ею какъ зубочисткой, и которую тщательно спряталъ у себя въ какую-нибудь щель. Нюхъ у нихъ на это былъ необыкновенный и искусство изумительное. Эти обыски, какъ и весь режимъ, съ теченіемъ времени все слабѣли и слабѣли, пока совсѣмъ не прекратились Нерегулярно по камерамъ конечно шарили до конца, но, какъ кажется, больше въ поискахъ за сахаромъ и проч. снѣдями, чѣмъ за чѣмъ-нибудь подозрительнымъ, отыскать которое въ массѣ накопленныхъ вещей уже не было возможности. Въ послѣдніе три года я тщательно пряталъ у себя перочинный ножичекъ (издѣліе П. Л. Антонова). Но случилось однажды, когда я шелъ въ ванну карридоромъ, онъ провалился въ дырявомъ карманѣ штановъ и покатился по полу. Вахмистръ, который шелъ слѣдомъ за мной, наклонился, поднялъ его и молча подалъ мнѣ.

Должно быть, въ первые же дни заключенія я получилъ еще карандашъ и тетрадь сѣрой бумаги въ 1/4 листа, пронумерованную и съ надписью на оборотѣ рукой дежурнаго: «итого въ сей тетрадѣ пронумерованныхъ 12 л.» Исписанную тетрадь нужно было сдать, чтобы получить новую. Понятно, въ какой степени это помогало развитію писательскаго таланта и ученымъ занятіямъ, особенно, если принять во вниманіе, что книгу можно было имѣть только одну, а чтобы получить другую, нужно было сдать первую. Понятно также, что я тотчасъ же сталъ хлопотать, чтобы тетради можно было оставлять у себя. Хлопотали, навѣрное, объ этомъ и другіе, и, кажется, вскорѣ это было разрѣшено, судя по тому, что у меня сохранилась тетрадь съ лѣта этого года. Сколько предъ этимъ было сдано, я не помню. Сначала стали давать и вторую, и третью, безъ затрудненія, но если начиналъ брать часто, просили сдать хоть что-нибудь. Помню, между прочимъ, что я перевелъ какъ-то съ нѣмецкаго книжку Гюка «Путешествіе въ Монголію и Тибетъ», и переводъ сдалъ жандармамъ, вѣроятно, на уничтоженіе. Впрочемъ, они говорили, что отсылаютъ ихъ въ департаментъ.

Писаніе карандашемъ было тоже сопряжено съ немалыми затрудненіями. Очинивали его дежурные, и, значитъ, нужно было ждать раздачи обѣда, чаю либо ужина, чтобы привести писательное орудіе въ годный видъ. И я первымъ долгомъ, конечно, постарался отыскать въ камерѣ какую-нибудь твердую шероховатую поверхность, о которую можно было бы потереть карандашъ и тѣмъ заострить его хоть немножко. Чернила выдали намъ

послѣ спеціальной просьбы (и, вѣроятно, неоднократной) передъ какимъ-то высокимъ посѣтителемъ. Это было уже болѣе, чѣмъ черезъ годъ. У меня какъ разъ подъ 19 сентября 1888 г. значится въ дневникѣ: «Получилъ чернила! Радъ несказанно, точно хлѣба дали послѣ двухлѣтняго поста! Вотъ что значитъ родиться и жить чернильной душой!»

VII.

Изъ жизни въ «сараѣ» я помню еще только свиданіе со священникомъ. Въ инструкціи было сказано, что за хорошее поведеніе, на ряду съ чтеніемъ книгъ и чаемъ, заключеннымъ разрѣшаютъ «бесѣды со священникомъ».

Недѣли 3 спустя послѣ своего водворенія, я пригласилъ его въ надеждѣ встрѣтить живого человѣка среди этихъ ходячихъ манэкеновъ. О днѣ его прихода Соколовъ предупредилъ меня, и я ждалъ. Дверь отворилась, вошли два жандарма и стали по бокамъ вплотную. Поздоровавшись со священникомъ, мы сѣли на кровать, а противъ насъ столбами стали два вѣрныхъ стража. Немного всторонѣ стоялъ самъ Иродъ. Очевидно, никакая бесѣда, при такой обстановкѣ, не могла идти сносно, и мы скоро разстались. Впослѣдствіи я слышалъ отъ товарищей, которые бывали здѣсь въ первые годы на исповѣди, что она производилась въ пустой камерѣ, дверь которой оставалась непритворенной, а глазокъ дверной—постоянно открытымъ. Въ теченіе всей жизни тамъ я нѣсколько разъ въ разное время видѣлся съ этимъ священникомъ, уже не при такой обстановкѣ, видѣлся и наединѣ, и считаю долгомъ заявить, что никогда съ его стороны не встрѣчалъ такого пренебрежительнаго отношенія къ свѣтскимъ книгамъ и свѣтскимъ интересамъ, о какомъ передалъ М. Ю. Ашенбреннеръ со словъ покойнаго Юрковскаго. Приходить безъ зова при мнѣ онъ не имѣлъ права, такъ же какъ и докторъ. А потому выходило, что льготой, о которой говорилось въ инструкціи, можно было пользоваться только послѣ спеціальнаго каждый разъ обращенія къ Ироду. И несмотря на то, что этотъ священникъ былъ мѣстный старожилъ (служилъ болѣе 40 л.), и притомъ ни по возрасту, ни по характеру не могъ возбуждать ни малѣйшаго подозрѣнія, наша мѣстная администрація относилась къ его визитамъ въ тюрьму съ большимъ неудовольствіемъ. Всетаки лишній глазъ! А они считали себя до такой степени полными хозяевами положенія, и такъ привыкли дѣйствовать безъ всякаго контроля, что готовы были счесть священника за соглядатая. И я самъ слышалъ, кажется въ эпоху Плеве, какъ у нашего вахмистра (весьма похожаго на Чеховскаго унтера Пришибеева) сорвалось вдогонку ему негодующее: «Шляется тутъ»... и еще что-то въ такомъ родѣ.

VIII.

Просидѣлъ я въ «сараѣ», кажется, не больше мѣсяца. Туда привели на карцерное положеніе Грачевскаго, о чемъ мы узнали уже позже. Въ тотъ же день Соколовъ предупредилъ меня.

— Тутъ есть одинъ сумасшедшій, такъ прошу не отвѣчать, если онъ закричитъ, либо что...

Криковъ никакихъ не было, но на другой или 3-й день, должно быть во избѣжаніе могущихъ быть осложненій, а вѣрнѣе, во исполненіе предписанія изъ Петербурга—приготовить мѣсто для судившихся въ это время по процессу Лопатина, Соколовъ отворилъ неожиданно дверь передъ обѣдомъ и сказалъ:

— Нужно перейти въ другое мѣсто.

Я взялъ свое имущество, т. е. шапку, книгу, аспидную доску и халатъ, и послѣдовалъ за нимъ въ сопровожденіи обычныхъ спутниковъ. Мы пошли тѣмъ же путемъ, какимъ ходили на прогулку, на новый дворъ, и здѣсь въ новое красное зданіе, на которое прежде я каждый день любовался, задавая вопросъ: не тюрьма ли это? Съ перваго раза оно поразило меня, такъ сказать, своимъ изяществомъ. Вестибюль посреди зданія съ двумя чугунными гранеными колоннами и ажурными прикрасами, деревянныя двери обычнаго типа, направо отъ входа лѣстница во второй этажъ, просторная, съ блестящими лакированными перилами, калориферы за дверью съ претензіей на художественность, свѣтлый корридоръ и, наконецъ, свѣтлая камера, маленькая какъ игрушечка и вся залитая свѣтомъ. Это послѣднее впечатлѣніе въ сильнѣйшей степени грѣшило субъективизмомъ. Свѣтлой она показалась мнѣ только по сравненію съ мрачнымъ склепомъ, который я только что покинулъ. Окно, точно такого же размѣра, какъ и тамъ, пропускало свѣтъ на втрое меньшее пространство, выходило на открытую площадь и было въ этотъ часъ уже освѣщено солнцемъ. Матовыя стекла, разсѣивающія свѣтъ, такъ и сверкали сплошнымъ сіяніемъ. Познакомившись современемъ основательно съ количествомъ свѣта, проникавшаго въ нее, я никакъ не могъ понять, почему это первое впечатлѣніе было такъ сильно. Вмѣстѣ съ богатствомъ свѣта, казалось, отъ этой камеры вѣяло какой-то жизнерадостностью. Это былъ тоже № 8, какъ и тотъ, въ которомъ я жилъ въ «сараѣ». Сѣвши въ эту камеру, я съ небольшими перерывами просидѣлъ здѣсь безотлучно 17 1/2 лѣтъ и только въ ноябрѣ 1904 г. окончательно переселился въ верхній этажъ. Лукашевича привели вслѣдъ за мной и посадили опять рядомъ въ № 9.

Зданіе тюрьмы состояло сплошь изъ желѣза и камня. И камера, особенно запертая желѣзной дверью, могла быть названа въ буквальномъ смыслѣ каменнымъ мѣшкомъ, куда не могли проникнуть не только домашніе грызуны, но и домашніе инзекты, составляющіе необходимую принадлежность подобнаго рода жи-

лищъ. Для того, чтобы добыть ихъ для коллекціи, я долженъ былъ спеціально обращаться за ними къ унтерамъ, и за таракановъ даже предлагалъ вознагражденіе. Изъ дерева были сдѣланы только рамы да подоконники — горизонтальные на корридорѣ и наклонные въ камерахъ. Наклонъ былъ сдѣланъ подъ острымъ угломъ, какъ и въ «сараѣ», въ тѣхъ видахъ, чтобы заключенный не могъ удержаться на подоконникѣ при своихъ преступныхъ попыткахъ поглядѣть за окно. Впослѣдствіи конечно, мы исправили эту архитектурную фантазію и устроили на этомъ откосѣ горизонтальныя полки для цвѣточныхъ горшковъ, отчего судьбы отечества ни капли не пострадали. Въ камерѣ столъ и стулъ (точнѣе сидѣнье) были желѣзные. Впослѣдствіи, я узналъ, что во многихъ другихъ камерахъ они были деревянные, точно такой же конструкціи, какъ и въ «сараѣ». Зданіе двухъэтажное, не менѣе 12 арш. высоты (до крыши), около 18 арш. ширины и 45 длины. По срединѣ его проходилъ широкій сплошной корридоръ, не раздѣленный этажами, по обѣ стороны его расположены камеры, правильно одна надъ другой. На верхній этажъ вела широкая отлогая лѣстница, со ступеньками изъ плитняка, а для входа въ камеры этого этажа служили только узкія галлереи, тянувшіяся въ видѣ балконовъ по обѣ стороны корридора, какъ разъ на той высотѣ, гдѣ долженъ быть помостъ (или полъ), раздѣлявшій оба этажа. Взамѣнъ этого помоста, отъ пола одной галлереи до пола другой была натянута веревочная сѣтка, тянувшаяся сплошь во весь корридоръ и предохранявшая идущихъ по галлереѣ отъ соблазна броситься внизъ головой. Благодаря такому устройству, дежурный, стоявшій внизу корридора, видѣлъ разомъ всѣ двери нижняго и верхняго этажа, равно какъ и всякаго идущаго гдѣ бы то ни было по корридору. Но излишество надзора всюду было таково, что, несмотря на всѣ эти удобства, конечно, общія для всѣхъ тюремъ новѣйшей конструкціи, придуманныя какой-то криминальной головой (разумѣется, на тлетворномъ западѣ!), въ видахъ сокращенія стражи,—у насъ такого сокращенія совсѣмъ не полагалось, и вначалѣ стояло 2 унтера на верхней галлереѣ и 2 внизу, не считая находившихся въ запасѣ въ дежурной комнатѣ. Сверхъ того, когда приходили выпускать на прогулку, Соколовъ являлся къ двери съ двумя новыми конвойными унтерами, и это сложное шествіе трогалось тогда на глазахъ четырехъ корридорныхъ дежурныхъ. Меня вначалѣ очень забавляла эта «гипертрофія» надзора (маленькій сколокъ съ общей гипертрофіи русской власти), и тотъ явный страхъ, которымъ были продиктованы подробности охраны, направленныя противъ безоружныхъ, запертыхъ, изолированныхъ и обезсиленныхъ голодомъ враговъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы сидѣли на островѣ, окруженномъ широкимъ воднымъ пространствомъ, гдѣ теченіе было настолько быстрое, что зимой часто не покрывалось льдомъ. Островъ окруженъ громадной крѣпостной стѣной, съ единственнымъ входомъ, который былъ постоянно запертъ и охраняемъ. Внутри крѣпости

мы были отгорожены новой стѣной, входъ въ которую былъ также запертъ (*второй* замокъ) и охраняемъ. Наружная дверь тюрьмы также запиралась (*третій* замокъ), за нею слѣдовали рѣшетчатыя двери, ведущія на нашъ корридоръ, которыя запирались на ночь (*четвертый* замокъ). Наконецъ, дверь камеры была постоянно заперта (*пятый* замокъ), причемъ она запиралась двумя ключами (на одинъ или на два оборота), и ключъ, запиравшій на два оборота, находился всегда въ квартирѣ смотрителя, даже и потомъ въ эпоху либерализма. Побѣгъ былъ немыслимъ при такихъ условіяхъ, вооруженное сопротивленіе, пока не было инструментовъ, тѣмъ болѣе. Безоружные же не могли быть страшны уже по тому одному, что въ двухъ шагахъ отъ тюрьмы стояла кордегардія, откуда по тревожному звонку моментально могли явиться 12 солдатъ въ полномъ вооруженіи. «Ну,—думалось при видѣ такой обстановки,—и страху же нагнала на нихъ эта ничтожная горсточка людей, сильныхъ только рѣшимостью да вѣрностью своимъ принципамъ!»

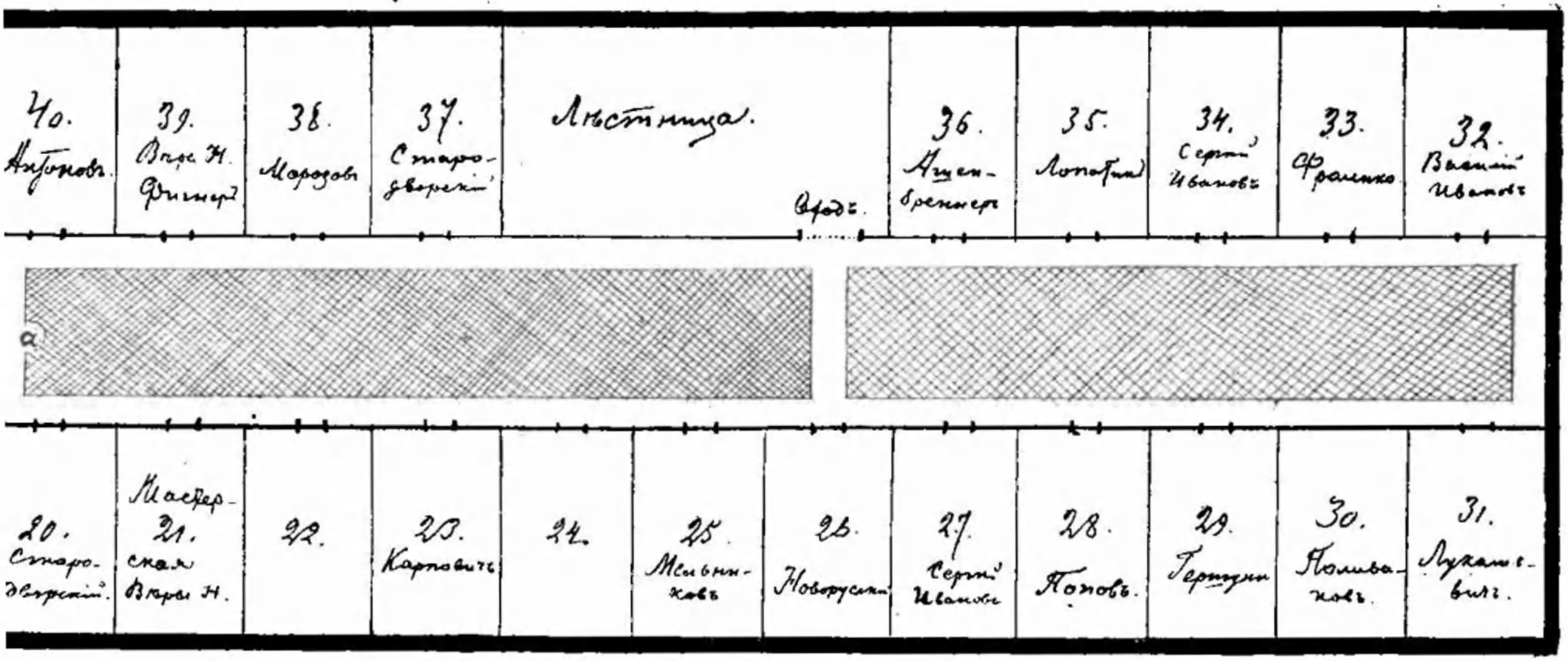
Планъ верхняго этажа здѣсь я прилагаю. Кромѣ главной большой лѣстницы, для сообщенія между этажами служила желѣзная винтовая, помѣщавшаяся въ южномъ концѣ зданія. Всѣхъ камеръ въ этомъ зданіи было 40. Внутреннее убранство совершенно аналогичное тому, какъ въ «сараѣ», только вмѣсто круглой печи былъ маленькій калориферъ общеупотребительнаго типа въ зданіяхъ съ водянымъ нагрѣваніемъ. Внутренній видъ камеры я не могу описать лучше, какъ приведя отрывокъ собственнаго стихотворенія того времени—мой первый опытъ поэтическаго творчества, и, какъ подобаетъ ученику классической школы, — въ гекзаметрахъ:

«Клѣтокъ какихъ-то десятка четыре надѣлали прочныхъ,
Точно разсчетъ былъ на то, что не мало людей имъ придется
Здѣсь продержать до тѣхъ поръ, какъ возстануть народы.
Если бы самые боги, съ престоловъ Олимпа сошедши,
Очи свои искрометныя въ этотъ чертогъ устремили,
Диву бы дались они, созерцая премудрость строенья:
Каждый покой пополамъ раздѣляется синей каймою,
Черному низу границу давая отъ бѣлаго верху,—
Такъ сохранилать темница, иль яма еще и понынѣ.
Въ мракъ погруженный по шею ходитъ здѣсь узникъ,
Пропасть бездонную съ вѣчной могилой всегда вспоминая.
Сверху же, точно совсѣмъ невзначай, отбѣлили изрядно,
Тѣмъ обозначивъ невинность сердечную здѣсь заключенныхъ.
Надвое также и жгучіе помыслы голову рѣжутъ:
Долу опущенный взоръ на страданье отчизны наводитъ,
Участь подобную также мучителямъ злымъ пророкая:
Бездна разверзалась и жадно готовится темное царство
Въ нѣдра свои поглотить...
Кверху глаза обращая, затворникъ ужъ мыслитъ иное:
Свѣтъ и отрада, привалы свободы и братскія чувства
Рано иль поздно проникнутъ повсюду и къ намъ въ эти стѣны»... и проч.

Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, не безъ нѣкоторой дозы игривости чья-то фантазія раздѣлала внутренность нашей камеры, выкра-

Планъ

верхняго этажа новой тюрьмы.

а. Ходъ внизъ по винтовой лѣстницѣ

сивши сажей на маслѣ не только полъ, но и стѣны до высоты 2 арш. При полномъ отсутствіи мебели, особенно если кровать заперта на крюкъ, камера превращалась въ настоящій катафалкъ (какъ ихъ въ мое время дѣлали), а бѣлый сводчатый потолокъ долженъ былъ соотвѣтствовать серебристой парчѣ, служившей украшеніемъ его сверху. Если же припомнить при этомъ, что нѣкоторые знатные посѣтители, облеченные властью вязать и рѣшить, кратко и выразительно заявляли, указуя перстомъ въ черный полъ: «Здѣсь... могила»! то неудивительно, что отдѣлка этого жилища была задумана въ полномъ соотвѣтствіи съ высокими намѣреніями, одушевлявшими тогда его строителей. И если этотъ катафалкъ, при первомъ впечатлѣніи, показался мнѣ игрушкой, вѣявшей жизнерадостностью, то можно себѣ представить, чѣмъ вѣяло отъ камеры «сарая», изъ котораго я былъ изведенъ къ счастію очень скоро.

Порядокъ жизни здѣсь былъ точно такой же, какъ и въ той тюрьмѣ. Время выдачи утренняго и вечерняго чая затѣмъ въ теченіе года колебалось, а обѣдъ и ужинъ неизмѣнно всю жизнь подавался въ одно и то же время. Раздача же лампъ (до введенія электрическаго освѣщенія, кажется въ 1895 г.) совершалась въ зависимости отъ астрономическихъ перемѣнъ года. Вводя меня въ новую камеру, Соколовъ предупредилъ, что «здѣсь, вѣроятно, будутъ стучать, такъ прошу не отвѣчать». Но хотя стуковъ никакихъ я еще не слыхалъ, однако сразу же почувствовалъ, что я попалъ въ общежитіе. Зданіе, строенное на цементѣ, твердѣющемъ до прочности кирпича, представляло изъ себя сплошной камень, прекрасно передающій звуки. Большой корридоръ служилъ резонаторомъ этихъ звуковъ, и по количеству дверей или форточекъ, отворявшихся на прогулку и для раздачи обѣда, скоро можно было опредѣлить число своихъ товарищей по несчастью. Правда, случилось это не сразу. Вначалѣ напр. я слышалъ шаги у себя надъ головой, но не могъ еще рѣшить, было ли это прямо надо мной, справа, или слѣва. Впослѣдствіи же мои уши пріобрѣли такую же утонченность, какъ осязаніе у слѣпыхъ, и я напр. прислушавшись могъ опредѣлить безошибочно, сидитъ ли въ данную минуту жившая надо мной Вѣра Николаевна, или лежитъ. Сидящій человѣкъ, какъ бы неподвиженъ онъ ни былъ, непремѣнно сдѣлаетъ изрѣдка движеніе ногой, шорохъ которой по полу я уже легко улавливаю. Если же никакіе звуки не доходили до меня, то я рѣшалъ, что В. Н. либо лежитъ, либо ея нѣтъ дома.

IX.

Вскорѣ послѣ моего перевода совершался обычный обходъ заключенныхъ начальникомъ управленія (кратко, но неправильно его звали комендантомъ), повторявшійся тогда аккуратно разъ въ мѣсяцъ. Дверь отворялась, обыкновенно послѣ обѣда, стремительно

врывались въ нее 2 унтера, становились по бокамъ почти плечомъ къ плечу, затѣмъ глазъ усматривалъ въ дверяхъ мундирныя фигуры, входившія по рангу: Смотритель (Соколовъ) докторъ и полковникъ (тогда Покрошинскій). Послѣдній нѣсколько разъ при своихъ визитахъ задавалъ мнѣ неизмѣнно одинъ и тотъ же рядъ вопросовъ. Отвѣты всегда были тѣ же, и потому діалогъ этотъ врѣзался въ моей памяти:

— Прогулка совершается?

— Совершается.

— Пишши достаточно?

— Достаточно.

— Заключенный не боленъ?

— Не боленъ.

Слѣдовало нѣкоторое движеніе, отдаленно напоминавшее поклонъ, и посѣтители удалялись. Въ первый же или второй его визитъ, я освѣдомился, не могу ли я написать роднымъ извѣстіе о себѣ. Полковникъ отвѣчалъ: «Никакъ нельзя» и видя, должно быть, мое огорченіе, прибавилъ:

— Быть можетъ, можно будетъ... современемъ... когда-нибудь...

Говорилось это, однако, тономъ, обозначавшимъ полную безнадежность.

Недавно только мнѣ пришлось удостовѣриться, сколько горькихъ и безплодныхъ слезъ было пролито моими родителями единственно оттого, что они не имѣли никакой вѣсти обо мнѣ и считали меня уже погибшимъ. Во всѣхъ нашихъ политическихъ процессахъ самое жестое было то, что наряду съ болѣе или менѣе виновными карались и безусловно невинные.

Такое же точно огражденіе себя посредствомъ живой ширмы изъ 2 унтеровъ практиковалось неизмѣнно при посѣщеніи чиновныхъ персонъ—все время нашего заключенія. И чѣмъ выше былъ рангъ посѣтителя, тѣмъ стремительнѣе вторгались унтера и тѣмъ нагляднѣе выступало на ихъ лицахъ, что они «рады стараться». У меня, кажется, только одинъ Зволянскій, посѣтившій насъ еще въ званіи вице-директора департамента полиціи, былъ безъ такихъ предосторожностей, и притомъ подходилъ прямо ко мнѣ, не останавливаясь у порога, на приличной дистанціи, какъ это дѣлали другіе. Мѣстная администрація, хорошо присмотрѣвшись къ намъ, современемъ вывела изъ употребленія эти предосторожности, какъ совершенно ненужныя и ничему не помогавшія. Но высшее начальство, которымъ онѣ и были изобрѣтены, никогда не рѣшалось заглядывать къ намъ безъ такихъ, «предварительныхъ гарантій», и онѣ вновь выдвигались на сцену изъ стараго архива всякій разъ, какъ пріѣзжалъ кто-нибудь изъ Петербурга, вплоть до послѣдняго визита, который мы видѣли тамъ (фонъ-Валь при Плеве). Когда у насъ были уже мастерскія, то о визитахъ высшихъ властей насъ предупреждали и въ часы работъ не пускали въ рабочія камеры, а оставляли въ спальнѣ безоружными. Только генералъ Петровъ, многократно

посѣщавшій насъ, (и въ качествѣ начальника штаба, и въ качествѣ директора), былъ смѣлѣе и зашелъ ко мнѣ какъ-то прямо въ столярную, разумѣется съ многочисленной свитой и двумя «столпниками».

На эту тему я имѣлъ года черезъ 2 откровенный разговоръ съ младшимъ помощникомъ Степановымъ, котораго мы звали Классикомъ за то, что, по его словамъ, онъ учился когда-то въ гимназіи. Онъ долго исправлялъ должность смотрителя послѣ ухода Соколова, и, по мягкости натуры, а главное, по приверженности къ Бахусу, позволялъ себѣ нарушить иногда «порядокъ», соблюдавшійся Соколовымъ, какъ святыня. Онъ заходилъ, будучи въ подпитіи, въ камеры для приватныхъ разговоровъ и, между прочимъ, жалуясь на свою судьбу, кажется С. Иванову, декламировалъ:

«Суждены намъ благіе порывы,
А свершить намъ ничто не дано...»

Пришелъ онъ какъ-то и ко мнѣ, выгналъ дежурныхъ за дверь, сѣлъ на кровать, закурилъ, предложилъ и мнѣ и началъ бесѣду на тему, что ему жаль меня, и что онъ очень хорошо знаетъ меня по письмамъ, которыя здѣсь получаются на мое имя (и разумѣется, мнѣ не передаются). Тутъ-то я и сказалъ ему прямо, что онъ всетаки боится меня. Онъ, разумѣется, энергично запротестовалъ, а когда я прямо спросилъ, почему же онъ не смѣетъ заходить ко мнѣ безъ свиты, онъ не отвѣтилъ ничего. Вѣроятно, онъ не смѣлъ признаться, что это запрещаетъ имъ ихъ инструкція.

X.

Кажется, недѣли черезъ 3 послѣ того, какъ я былъ переведенъ въ новую тюрьму, меня пустили въ огородъ. Удивительно унылое впечатлѣніе производили наши «пески», особенно среди лѣта, когда зелень всюду энергично вылѣзала изъ земли, даже среди булыжника новой мостовой, окружавшей нашу тюрьму поясомъ арш. въ два шириной. Здѣсь ее тщательно искореняли ежегодно и неумолимо вплоть до послѣдняго лѣта.

Но такъ же тщательно искоренялась тогда зелень и на песчаномъ полу нашихъ стойлъ, чтобы она не мѣшала жандармскому оку слѣдить за нашими преступными ухищреніями, упорно и неослабно стремившимися къ тому, чтобы своему другу, сосѣду или товарищу оставить какую-нибудь конспиративную вѣсточку о себѣ. Можетъ быть, на городского жителя эта безпощадная война съ растительностью не производила такого удручающаго впечатлѣнія. Но на меня, проводившаго всякое лѣто въ деревнѣ, это намѣренное превращеніе мѣста твоего отдохновенія въ унылую пустыню дѣйствовало особенно угнетающе. Предусмотрѣно было, кажется, все, чтобы лишить тебя самаго невиннаго и самаго

естественнаго удовольствія, щедро и безплатно расточаемаго самой природой.

Но скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что я былъ неправъ въ столь рѣшительныхъ сужденіяхъ. Однажды, отправившись на прогулку, я только что направилъ свои шаги къ привычнымъ стойламъ, какъ Соколовъ остановилъ меня и указалъ идти направо къ двери новаго забора. Я вошелъ въ нее и былъ прямо пораженъ. Это былъ огородъ. Клѣтка была немного больше клѣтокъ съ «песками», только въ видѣ продолговатаго четыреугольника и съ заборами немного ниже тѣхъ. По размѣрамъ этотъ огородъ былъ также похожъ на стойло, но такъ какъ онъ былъ весь наполненъ зеленью, то ласкалъ взоры своимъ видомъ, точно я былъ путникъ, попавшій въ оазисъ послѣ томительной Сахары. Зелень была огородная, привычная и совсѣмъ не претендующая на художественность. Но извѣстно вѣдь, что изголодившемуся и хлѣбъ можетъ показаться слаще меда. А если прибавить къ этому, что у самаго забора было посажено нѣсколько кустиковъ флокса, резеды и настурціи, то всякій пойметъ безъ добавленій, что восторгъ мой былъ полный. Очевидно, огородъ былъ наградой за поведеніе, или льготой, которую начальство могло дать, могло и отнять. А рѣзкій контрастъ веселаго зеленаго царства и печальной пустыни песковъ долженъ былъ только усугубить впечатлѣніе кары или благодѣянія. Но зачѣмъ давали цвѣты въ самыя тяжкія времена нашей жизни, я и до сихъ поръ не въ силахъ понять. Ужъ не былъ ли это даръ самоудовлетворенія со стороны мучителя на могилу замученной имъ жертвы? Или, съ обычною бюрократическою изворотливостью вносилась эта статья въ нашъ бюджетъ на всякій случай, чтобы пустить пыль въ глаза кому слѣдуетъ и когда это удобно? Я помню то удивленіе, которое выразилъ министръ И. Н. Дурново, при своемъ визитѣ въ 1889 году, увидавши въ камерѣ въ кружкѣ съ водой нѣсколько цвѣтковъ флокса:

И цвѣточки?!—произнесъ онъ, наполовину вопросительно, наполовину недоумѣнно. И дѣйствительно, на пустынномъ фонѣ мрачной камеры видъ свѣжихъ живыхъ цвѣтовъ особенно рѣзко бросался въ глаза.

— Да, да!—подхватилъ тутъ, выскочившій изъ толпы свиты Петръ Ник. Дурново,—у нихъ *и* цвѣты есть!—какъ будто все остальное, кромѣ цвѣтовъ, у насъ также имѣлось. Сказано было это тономъ знатока всѣхъ мелочей нашей жизни, можетъ быть, имъ же и предусмотрѣнныхъ.

XI.

Не помню, была ли въ первой инструкціи (онѣ неоднократно потомъ мѣнялись) указана въ числѣ льготъ, даруемыхъ за хорошее поведеніе, и прогулка вдвоемъ. Если не была, то, вѣроятно, я и безъ того дѣлалъ соотвѣтствующій запросъ Соколову. Говорили

послѣ, будто онъ разрѣшалъ только тѣмъ, кто его попроситъ. Какъ бы то ни было, недѣль черезъ 6 строгаго одиночнаго заключенія (не считая 2 мѣсяцевъ до суда), я получилъ свиданіе съ Лукашевичемъ. Оно допускалось на прогулкѣ, продолжавшейся, какъ я сказалъ, 1¾ ч., но только три раза въ недѣлю. При первомъ же визитѣ полковника, я просилъ его разрѣшить намъ свиданіе каждый день, и получилъ отказъ, выраженный въ нѣсколько игривой формѣ. Онъ совѣтовалъ сберегать, а не расточать «умственный капиталъ»! (при этомъ наглядный жестъ около лба), такъ какъ онъ еще понадобится въ будущемъ.

Совѣтъ этотъ, по крайней мѣрѣ для меня и въ то время, былъ болѣе чѣмъ неумѣстенъ, потому что эти свиданія вели не къ тратѣ, а именно къ пріобрѣтенію умственнаго капитала. Лукашевичъ, и по своимъ дарованіямъ, и по развитію, и по богатству свѣдѣній особенно въ невѣдомой для меня области естествознанія, стоялъ неизмѣримо выше меня, и общеніе съ нимъ доставляло мнѣ не только истинное духовное наслажденіе, но и неизмѣримую пользу. Часто онъ сообщалъ мнѣ обширныя свѣдѣнія изъ области новыхъ для меня наукъ (къ числу которыхъ относилась тогда даже и политическая экономія); часто мы просто спорили съ нимъ объ общихъ вопросахъ міровоззрѣнія, при чемъ я, знакомый въ главныхъ чертахъ со всѣми философскими точками зрѣнія, самъ придерживался еще спиритуализма и шагъ за шагомъ, упорно отстаивалъ позиціи его отъ нападокъ своего постояннаго оппонента.

Затѣмъ мы не разъ читывали (конечно дома) послѣдовательно однѣ и тѣ же книги, обсуждали при свиданіи прочитанное и разбирали автора по косточкамъ съ такой тщательностью, съ какой можно дѣлать это только при полномъ досугѣ и при отсутствіи всего, что можетъ отвлекать умъ отъ интересовъ этого дня. И книги, заслуживавшія вниманія, мы тогда не просто читали, а читали непремѣнно дважды, съ выписками и съ обязательными перерывами для размышленій. Думается, что отъ такого чтенія немногихъ бывшихъ тогда въ нашемъ распоряженіи книгъ, мы выигрывали несравненно больше, чѣмъ потомъ отъ многочтенія, явившагося ближайшимъ результатомъ сравнительнаго обилія книгъ и желанія не упустить изъ виду ни одной изъ нихъ, къ какой бы области вѣдѣнія она ни относилась. Такъ, помню, какъ мы «разнесли» тогда нашумѣвшій въ свое время трактатъ *Васильчикова* «О землевладѣніи», гдѣ авторъ, стоя на почвѣ самобытности, наговорилъ о Россіи много субъективнаго, вродѣ того, что соціальный вопросъ есть болѣзнь только Запад. Европы, а въ Россіи онъ, благодаря надѣленію крестьянъ землею, въ принципѣ уже разрѣшенъ. Тогда вѣдь въ модѣ было утверждать, что капитализмъ въ Россіи не имѣетъ почвы. Теперь, по выпискамъ, которыя сохранились у меня полностью въ тетрадяхъ, я могъ бы точно воспроизвести, что̀ служило въ первые годы предметомъ моего интереса, и что̀, въ частности, служило предметомъ для

обмѣна мыслей между мною и Лукашевичемъ. Пожалуй, я перечислю авторовъ, которые тогда мною были читаны. Кромѣ *Васильчикова*, *Соловьева*, *Костомарова* и *Шлоссера*, *Андреевскій*, «Государственное право»; *Мышъ*, «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и Городовое Положеніе», *Пухта*, «Римское гражданское право», *Таганцевъ*, «уголовное право», *Коркуновъ*, «Теорія права», *Фостеръ*, «Физіологія человѣка», *Тьеръ*, «О собственности», *Лохвицкій*, «Обзоръ современныхъ конституцій», *Гельвальдъ*, «Земля и народы», *Іерингъ*, «Цѣль въ правѣ», и др.

До какой степени сильна въ человѣкъ потребность въ общеніи съ себѣ подобнымъ, понять это какъ слѣдуетъ можетъ только человѣкъ, лишенный этого общенія. Точно также мы и здоровье свое начинаемъ цѣнить, какъ великое благо, только утративши его. Особенно же сильно сказывалась эта потребность на первыхъ порахъ, когда постоянное одиночество не наложило еще на тебя печать нелюдимости, и когда во всѣхъ фибрахъ твоего существа еще отдавались отзвуки жизни и общественныхъ отношеній, манившіе тебя къ себѣ и раздражавшіе съ такою-же силой, съ какой желудокъ раздражается отъ продолжительной пустоты. Поэтому-то и наслажденіе, получавшееся отъ свиданія, было аналогично насыщенію. Но въ то же время оно часто сопровождалось и чувствомъ неудовлетворенности; вслѣдствіе тѣхъ ограниченій, которыми было обставлено, и потому еще болѣе обостряло желаніе поколебать или совсѣмъ разрушить тѣ преграды, которыя воздвигла администрація противъ этого законнѣйшаго изъ всѣхъ человѣческихъ стремленій. Ниже будетъ указано, какъ мы обходили или разрушали эти преграды. Что же касается чисто психологической стороны дѣла, то я не думаю, чтобы я, переживши на себѣ эти муки страстныхъ стремленій къ себѣ подобному, могъ прибавить своимъ описаніемъ хоть что-нибудь къ весьма обширной литературѣ противъ одиночныхъ тюремъ вообще. Можетъ быть, эта литература и повліяла уже въ послѣднее время на нашихъ юристовъ, ограничившихъ строгое одиночество всего нѣсколькими мѣсяцами.

XII.

Мое описаніе, я чувствую, скользитъ по поверхности и касается только внѣшности. Читатель, жаждущій драматическихъ нотъ, будетъ очень разочарованъ. Откровенно говоря, я и не берусь возсоздать теперь то настроеніе и самочувствіе, которое я переживалъ въ первые мѣсяцы заточенія. Попытка воспроизвести ихъ обязательно грѣшила бы противъ истины. Помню, что внутри все ныло, какъ это бываетъ напр., у того, кто перенесъ утрату самаго дорогого для него и самаго любимаго человѣка. Помню также, какъ эта ноющая боль медленно и постепенно ослабѣвала, точно проходила застарѣлая болѣзнь. Навѣрное, аналогичное чувство переживалось и большинствомъ другихъ товарищей,

судя, по тѣмъ ноткамъ грусти, тоски и горечи, которыя преобладали въ нашихъ поэтическихъ опытахъ. Мы какъ будто даже не замѣчали этихъ нотъ,—до такой степени онѣ были нашей нормальной стихіей. Въ значительной степени вызывались онѣ не столько самымъ фактомъ лишенія свободы и всѣхъ прочихъ житейскихъ радостей, сколько сознаніемъ безплодности принесенныхъ жертвъ, полнаго торжества враждебныхъ намъ силъ и вытекающей отсюда безнадежности нашего положенія. *Головное* утѣшеніе было, конечно, у каждаго. «Идея на штыки не уловляется»; «прогрессъ не можетъ быть задавленъ» и т. д. Но утѣшеніе это было чисто отвлеченное. Мы были не просто побѣжденные, которымъ свойственны и напѣвы подобные классическому: «На рѣкахъ вавилонскихъ». Мы были послѣдніе изъ побѣжденныхъ, и на волѣ оставили полное затишье, которое при самыхъ оптимистическихъ разсчетахъ не давало надежды на близость какого-нибудь переворота. Когда въ первый же годъ нужно было опредѣлить день Пасхи и я откопалъ гдѣ-то въ церковной книгѣ Пасхалію съ нужными свѣдѣніями, я выписалъ себѣ въ тетрадь дни Пасхи на всѣ годы по 1901 г. На этомъ году я остановился, говоря себѣ: «Дальше жить я не намѣренъ. Двадцатый вѣкъ не можетъ вынести позора безправія, и такъ ли, этакъ ли, продиктуетъ родинѣ свободу». Надежда, очевидно, была, но растягивалась на весьма продолжительный періодъ, въ теченіе котораго нужно было переносить всѣ эти лишенія. А это для изнервничавшагося человѣка казалось подчасъ совершенно невыполнимымъ. И когда напр., еще въ 1889 г. я сталъ утѣшать М. П. Шебалина, смотрѣвшаго тогда на свѣтъ Божій очень меланхолически, что ему остается жить здѣсь всего 7 лѣтъ, точно опредѣленныхъ (его срокъ), онъ съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ мнѣ: «Семь лѣтъ, семь лѣтъ! Неужели Вы думаете, что здѣсь можно выжить столько лѣтъ?!»

Наконецъ, эта надежда всетаки не носила характера такой прочной увѣренности, съ какой явились къ намъ недавно представители новаго движенія, оставившіе его не при послѣднемъ издыханіи, а въ моментъ наивысшаго подъема. Вотъ почему Гергуни, не пережившій нашего настроенія, какъ только познакомился съ нашей музой, обозвалъ всѣхъ нашихъ поэтовъ нытиками.

Когда будутъ собраны воедино всѣ эти стихотворенія, читатель найдетъ въ нихъ все, чего недостаетъ у меня. Пока же я рекомендую ему прочесть или припомнить «Отрывокъ изъ воспоминаній» Поливанова, и сдѣлать необходимое обобщеніе. Здѣсь у него уловлена, такъ сказать, вся квинтъ-эссенція строгаго одиночнаго заточенія: исканіе развлеченій, привязанность ко всякому живому существу (пауку даже), изобрѣтательность въ отыскиваніи путей къ общенію съ товарищами, горячая любовь къ ближайшему сосѣду собесѣднику, бывшему единственной отрадой и утѣшеніемъ въ тяжкія минуты; боль и мука за другихъ, стра-

дающихъ и умирающихъ на твоихъ глазахъ; душевная пытка отъ сознанія невозможности облегчить ихъ послѣднія минуты; наконецъ,—и это самое главное,—жизнь прошлымъ, воспоминаніе о пережитомъ, оживавшемъ иногда съ яркостью галлюцинаціи, сожалѣніе о невозвратномъ, и особенно о тѣхъ ошибкахъ, которыя когда-нибудь были сдѣланы и поправить которыхъ уже теперь невозможно; и, какъ вѣнецъ всего,—мысль о самоубійствѣ, какъ единственномъ выходѣ изъ безвыходнаго положенія.

Подобно тому, какъ голодающій живетъ на счетъ веществъ и запасовъ, отложенныхъ ранѣе въ тканяхъ его тѣла, такъ и голодающій мозгъ, т. е. не получающій воспріятій извнѣ, точно жвачку пережевываетъ все то, что когда-нибудь было воспринято имъ. И, Боже мой, чего-чего онъ только не припоминаетъ! Ничтожныя встрѣчи и разговоры, пейзажи, въ которыхъ нѣтъ ничего занимательнаго, сцены и столкновенія, на которыхъ никогда не обращалъ вниманія,—все это настойчиво вылѣзаетъ изъ какихъ-то тайниковъ и выплываетъ на поверхность сознанія. Гонишь этихъ гостей насильно, какъ ненужныхъ и нежелательныхъ, а они упорно стоятъ передъ глазами, или уходятъ только затѣмъ, чтобы уступить свое мѣсто другимъ, столь же назойливымъ, и столь же мало желательнымъ. Читаешь книгу, и если мысль вяло работаетъ, между строкъ,—точно на книгу положилъ кто рисунокъ,—выплываетъ какая-нибудь поляна, берегъ рѣки, опушка лѣса, лугъ или ручей, которые какъ-то разъ въ жизни видѣлъ и забылъ вслѣдствіе мимолетности впечатлѣнія.

Все это у Поливанова набросано съ тѣмъ болѣе захватывающимъ интересомъ, что этотъ процессъ у него переходилъ въ настоящую душевную болѣзнь. На границѣ этой болѣзни стояли всѣ мы, одни ближе къ ней, другіе дальше. Не даромъ попечительное начальство не разрѣшало намъ книгъ по психіатріи. И опытный психологъ безъ всякаго труда сумѣетъ построить a priori процессъ душевнаго разложенія, выходя изъ тѣхъ ненормальныхъ условій, въ которыя мы были поставлены. Вѣдь и ставили-то насъ въ нихъ не для душевнаго оздоровленія! Я тѣмъ настойчивѣе обращаю вниманіе читателя на «Отрывокъ» Поливанова, что все, что касается внутреннихъ переживаній, нахожу схваченнымъ у него совершенно вѣрно, по крайней мѣрѣ для лицъ однородной душевной организаціи. И если-бы я могъ писать въ такомъ же родѣ, мнѣ пришлось бы повторяться. Одно было только у меня утѣшеніе, котораго Поливановъ сначала былъ совершенно лишенъ,—книги. Затѣмъ, періодъ остраго страданія отъ одиночества у меня былъ очень короткій, такъ какъ съ допущеніемъ парной прогулки одиночество ощущалось несравненно слабѣе.

М. Новорусскій.

14 Марта. 1906 г.
Выборгъ.

Въ Шлиссельбургской крѣпости [1]).

Начало общенія и зародышъ промышленной дѣятельности.

„Все течетъ, все измѣняется" (Гераклитъ).

I.

Наслаждаться огородомъ мнѣ приходилось большею частью одному. Лукашевича водили въ тотъ же самый огородъ, но по какимъ-то соображеніямъ не одновременно со мной. Точно они считали ужъ слишкомъ большимъ и потому недопустимымъ благомъ соединять вмѣстѣ удовольствіе свиданія съ удовольствіемъ быть среди зелени. А можетъ быть, здѣсь просто сказывались тѣ практическія затрудненія, которыя создала для себя администрація, поставивши своей задачей пускать 28 человѣкъ въ 12 клѣтокъ и соблюдать при этомъ строжайшія правила изоляціи. А сдѣлать это было весьма не легко. Нужно было принять во вниманіе дарованныя льготы каждаго изъ 28 человѣкъ и осуществить ихъ, не нарушая ничьихъ другихъ. Большинство гуляло только одну смѣну (отъ 8 до 10 или отъ 10 до 12 ч.), либо первую, либо вторую, а нѣкоторые по двѣ (по назначенію врача). Затѣмъ, многіе гуляли попарно, либо на пескахъ, либо на огородахъ. Чтобы привести на вторую смѣну кого-либо изъ сидящихъ дома, Соколовъ долженъ былъ сначала освободить мѣсто, т. е. увести въ камеру одного или двоихъ (конечно поодиночкѣ, хотя бы гуляли они вмѣстѣ), либо изъ огорода, либо изъ клѣтки, смотря по тому, куда предлежитъ отправить того, кого онъ выведетъ. Самъ Соколовъ, съ присущимъ ему терпѣніемъ и усердіемъ, управлялся безъ затрудненій съ этой задачей, ежедневно мѣнявшейся, потому что, кто сегодня гулялъ въ парѣ, завтра будетъ одинъ, и обратно, и столкновеній «поѣздовъ», насколько помню, при немъ не происходило. Послѣ же него, особенно когда «разводъ съ церемоніей» перешелъ въ руки вахмистра, и когда почти всѣ стали гулять въ парѣ, дѣло пошло не такъ гладко. Помню, какъ отъ его недосмотра со мной произошло однажды «событіе», должно быть, ужъ не первое въ нашей тюрьмѣ. Меня пу-

[1]) См. „Былое", кн. 4 и 6.

стили на 2-ю смѣну въ 4-ю клѣтку, въ увѣренности, что она пустая, такъ какъ одного только что увели оттуда. Между тѣмъ тамъ гуляли двое: Шебалинъ и Похитоновъ, и про послѣдняго забыли. Конечно, мы очень обрадовались другъ другу, отрекомендовались, обнялись, и не успѣли обмѣняться нѣсколькими словами, какъ ошибка была замѣчена, и насъ разъединили. Года черезъ четыре со мной повторилось такое же «событіе», но еще болѣе важное, причемъ аналогичная встрѣча произошла съ Вѣрой Николаевной, что для жандармовъ казалось тогда равносильнымъ скандалу. О всякомъ такомъ «событіи» у нихъ дѣлались доклады по начальству и, чего добраго, писались какія-нибудь бумаги. До самыхъ послѣднихъ дней вахмистръ велъ какія-то записки въ особой конторской книгѣ,—должно быть это былъ нашъ «кондуитъ», и, если онъ сохранится, будущій историкъ найдетъ въ немъ неисчерпаемый родникъ бюрократической мелочности и глупости [1]).

Эти затрудненія при размѣщеніи насъ на дворѣ долгое время были, можетъ быть, однимъ изъ главныхъ препятствій мѣнять чаще товарищей для свиданій. А между тѣмъ, для лицъ, сидѣвшихъ уже давно, свѣжесть и разнообразіе впечатлѣній, даваемыхъ знакомствомъ съ новымъ человѣкомъ, были единственнымъ жизненнымъ явленіемъ, нарушавшимъ монотонное и унылое прозябаніе. Я помню, какъ въ самый, можно сказать, медовый мѣсяцъ нашихъ свиданій съ Лукашевичемъ, мы услыхали, что наши сосѣди по клѣткѣ (кажется, Шебалинъ и Похитоновъ) проводили свои часы за чтеніемъ книги. Въ нашей наивности намъ казалось тогда чистѣйшимъ святотатствомъ посвящать чтенію, доступному и въ камерѣ, немногіе часы, единственно доступные для разговора. Мы еще не подозрѣвали тогда, что современемъ всѣ къ тому придемъ. Про душевное настроеніе другъ друга, въ общемъ, знали всегда по стуку и при полной изоляціи, и, если съ кѣмъ-нибудь начинались приступы меланхоліи, спѣшили устроить ему новую пару для свиданій, облегчая тѣмъ и здороваго товарища отъ тяжкой необходимости быть въ постоянномъ и исключительномъ общеніи съ мрачно настроеннымъ человѣкомъ. Для перваго, кажется, Щедрина, мы добились разрѣшенія, въ виду его явной ненормальности, мѣнять ему товарища какъ можно чаще. Сама администрація, въ интересы коей не входило превратить поскорѣе наше Эльдорадо въ сумасшедшій домъ, сравнительно легко уступала здѣсь нашимъ притязаніямъ.

Не такъ легко она уступала въ нашихъ притязаніяхъ удлинить прогулку до двухъ смѣнъ для всѣхъ безъ различія. А какимъ это казалось тогда наслажденіемъ, особенно въ лѣтнее время!

---

[1]) По выходѣ на свободу, мнѣ часто приходилось слышать самые удивительные и неожиданные вопросы о нашей жизни. Между прочимъ, одинъ благонамѣренный гражданинъ спрашивалъ: „А правда ли, что Александръ III приказалъ вамъ вести дневники и самолично ихъ перечитывалъ?“ Не относился ли этотъ наивный вопросъ, заключавшій въ себѣ какой-то оттолосокъ изъ департаментскихъ сферъ, къ тому кондуиту, который такъ заботливо велъ нашъ вахмистръ?

Однажды Классикъ, въ награду за возвращеніе иголки (объ этомъ послѣ), пускалъ насъ съ Лукашевичемъ ежедневно въ теченіе цѣлой недѣли. Я отлично помню, какое удовольствіе доставляла тогда намъ обоимъ эта прогулка въ теченіе 4 часовъ подъ рядъ. Она не только не утомляла и не надоѣдала, но влекла къ себѣ все больше и больше, согласно извѣстной французской пословицѣ: «L'appétit vient en mangeant» (аппетитъ является во время ѣды). Казалось, гулять бы такимъ образомъ цѣлый день, и никогда бы не насытился. Радость, доставляемая свѣжимъ воздухомъ и солнечными лучами, обыкновенно не ощущается, или ощущается въ весьма слабой степени, и едва ли кто, не испытавши ея въ условіяхъ, подобныхъ нашимъ, можетъ хорошо понять, тѣ пріятныя волненія, которыя возникаютъ при видѣ такихъ ординарныхъ вещей, какъ облако, или голубое небо. Конечно, это—въ минуты большей или меньшей уравновѣшенности. Но гулять всѣмъ по 2 смѣны на первыхъ порахъ было невозможно ужъ потому, что число жителей тогда было болѣе, чѣмъ вдвое противъ назначенныхъ для нихъ территорій. А когда умерли Арончикъ, Богдановичъ, Грачевскій, Варынскій, и были построены два новыхъ огорода (7-й и 8-й), рѣшеніе вопроса объ удлиненіи прогулки облегчилось.

Облегчить же «спариваніе», и вообще всю эту сложную махинацію распредѣленія людей по клѣткамъ, помогъ жандармамъ Оржихъ уже тогда, когда въ ходу были наши мастерскія, и намъ, въ интересахъ труда, требовались болѣе частыя свиданія другъ съ другомъ. Онъ началъ самъ составлять «нарядъ» на прогулку (какъ выражались унтера) и предложилъ имъ подавать его ежедневно. Въ «нарядѣ» этомъ указывалось, кто, гдѣ, въ какую смѣну и съ кѣмъ будетъ гулять. Это было очень соблазнительно, особенно для безтолковой Феклы [1]), и ему оставалось только использовать даровую помощь и исполнять ежедневно готовое расписаніе. Вначалѣ оно не пугало новшествами, представляя собой только то, что уже установилось обычаемъ. А потомъ всякая перемѣна въ свиданіяхъ стала осуществляться, такъ сказать, явочнымъ порядкомъ. Вмѣсто того, чтобы звать смотрителя и торговаться съ нимъ, стопло прямо внести соотвѣтственное измѣненіе «въ нарядъ», и вахмистръ, разводившій на прогулку, механически осуществлялъ его. Это былъ первый зародышъ самоуправленія, чреватый послѣдствіями.

И чтобъ яснѣе сдѣлать для непосвященныхъ эту механику, я приведу по памяти одинъ изъ такихъ «нарядовъ», которыхъ появилось въ свѣтъ, должно быть, больше 1000 изданій.

---

[1]) Такъ звали мы смотрителя, который былъ присланъ, наконецъ, послѣ долгаго промежутка на мѣсто Ирода. Фамилія его—Федоровъ. Прозвище это, выражавшее всю его духовную сущность, дано было ему Г. А. Лопатинымъ, который всегда мѣтко нарекалъ имена животнымъ, появлявшимся въ огородѣ нашего «рая».

№№ клѣтокъ	1-я смѣна.	2-я смѣна.	№№ огородовъ.	1 я смѣна.	2-я смѣна.
I	11	25	II	13,14	13/23
2	27/18	20/22	III	26/25	26/4
3	30	30	IV	31/16	31/10
4	23/1	15	V	9/29	29/32
5	12	11/12	VI	20/17	18/9
6	4/15	1 28	VII	10/22	2/21
I	21/28	14/27	VIII	2/5	5/17

Здѣсь лица обозначены номерами, присвоенными имъ, такъ какъ, по правиламъ, жандармы имѣли дѣло только съ номерами и не должны были знать нашихъ фамилій. Чтобы сдѣлать удобочитаемой эту таблицу, я повторю ее, замѣнивши номера соотвѣтствующими имъ фамиліями.

№№ клѣтокъ	1-я смѣна.	2-я смѣна.	№№ огородовъ.	1-я смѣна.	2-я смѣна.
1	Вѣра Никол.	Новор.	II	В. Ивановъ. Ашенбреннеръ.	В. Ивановъ. Яновичъ.
2	Лопатинъ. Шебалинъ.	Панкратовъ. Мануфаровъ.	III	Лукашевичъ. Новор.	Лукашевичъ. Морозовъ.
3	Конашевичъ.		IV	Антоновъ. Суровцевъ.	Антоновъ. Юрковскій.
4	Яновичъ. Тритонъ.	Похитоновъ.	V	Поливановъ. Стародворскій.	Стародворскій. Оржихъ.
5	Людмила Ал.	Людмила Ал. Вѣра Никол.	VI	Панкратовъ. Мартыновъ.	Шебалинъ. Поливановъ.
6	Морозовъ. Похитоновъ.	Тритонъ. С. Ивановъ.	VII	Юрковскій. Мануфаровъ.	Фроленко. Лаговскій.
I	Лаговскій. С. Ивановъ.	Ашенбреннеръ. Лопатинъ.	VIII	Фроленко. Поповъ.	Поповъ. Мартыновъ.

Отсюда легко видѣть, кто и съ кѣмъ могъ видѣться по данному наряду, а также, кто гулялъ только одну смѣну. Насколько неблагодарна такая задача ежедневно комбинировать вновь пары и группы согласно заявленнымъ желаніямъ, понять не трудно, особенно, если было лѣто, и каждаго въ интересахъ земледѣльческихъ нужно было помѣстить въ его собственный огородъ хоть на одну смѣну, хотя бы его сосѣди и замышляли какую-нибудь другую сложную комбинацію. Наконецъ, нужно помнить, что вся процедура сношеній и предварительныхъ соглашеній совершается посредствомъ стуковъ, и что часто заинтересованныя лица сидятъ совершенно въ противоположныхъ углахъ корридора. Понятно поэтому, что понадобилась особая должность для осуществленія такихъ сложныхъ и необычайныхъ функцій. Къ такой щекотливой должности какъ нельзя лучше подходилъ нашъ приснопамятный променадмейстеръ И. Л. Манучаровъ, который одинъ только и могъ осуществлять ее безъ раздраженій, благодаря своей удивительной незлобивости, услужливости и всегдашней внимательности, почему и пришлось ему не одинъ годъ нести на себѣ это нелегкое бремя, кажется, вплоть до своего отъѣзда.

Вся эта египетская работа держалась цѣлые годы благодаря одному нелѣпому условію: каждый обязанъ былъ пробыть въ теченіе цѣлой смѣны тамъ, куда онъ записанъ. Едва это обязательство было сброшено и добыто право передвиженія (хоть и крайне ограниченнаго), я могъ спокойно идти гулять безъ всякихъ предварительныхъ «предначертаній». Выходя на дворъ, я просто спрашивалъ дежурнаго, гдѣ гуляетъ такой-то, шелъ къ нему и оставался тамъ столько времени, сколько хотѣлъ, отъ него къ другому, къ 3-му и т. д. Въ теченіе 4 часовъ я могъ обойти хоть всѣхъ поголовно, какъ это и дѣлалъ потомъ староста, голосуя какой-нибудь вопросъ, или предлагая свѣжепривозные фрукты и снѣди. Если лицо, которое мнѣ было нужно, было занято съ кѣмъ-нибудь, мы тутъ же у открытой двери условливались, когда оно будетъ свободно, и гдѣ лучше свидѣться. А то просто узнавалъ у дежурнаго, гдѣ есть свободное мѣсто, шелъ туда и просилъ его привести ко мнѣ такого-то, а рядомъ, если нужно, такихъ-то. Правда, много нужно было расхлебать горя, чтобъ добиться такихъ простыхъ вещей и разрушить прежніе порядки до основанія.

II.

Первое лѣто мы съ Лукашевичемъ провели въ готовомъ огородѣ, который былъ засѣянъ не нами, и были въ немъ только простыми зрителями. На слѣдующую весну, какъ только оттаяла почва, намъ предложили занять III огородъ, не весь, конечно, а только половину. Другая половина предназначалась другой парѣ. Вся же поверхность этого огорода (съ дорожками и пр.) заключала въ себѣ, кажется, около 140 кв. арш. Мы расположились въ немъ, черезъ 2 года (съ расширеніемъ огородной площади)

заняли его весь и просидѣли въ немъ почти 17 лѣтъ. Только въ послѣдніе годы я эмигрировалъ въ V огородъ, оставивши въ III-мъ за собой только небольшой участокъ. Почти всѣ остальные товарищи многократно мѣняли мѣста и, переходя изъ огорода въ огородъ, переносили съ собой и свои многолѣтнія насажденія. Благодаря такому хозяйничанью нѣкоторые кустарники стали у насъ настоящимъ движимымъ имуществомъ и такъ же легко мѣняли мѣсто своего жительства, какъ и ихъ владѣльцы. Въ 1904 году я водворилъ на 5-ое мѣсто тотъ же самый кустъ крупнаго крыжовника, который я получилъ въ наслѣдство послѣ Щедрина, увезеннаго въ лѣчебницу въ 1896 году. Вслѣдствіе этого физіономія того или другого огорода мѣнялась многократно, въ зависимости отъ вкусовъ владѣльцевъ, которые у одного и того же лица мѣнялись тоже часто. Нынѣшній огородъ превращался на будущій годъ въ земляничную плантацію, на слѣдующій—въ табачную, далѣе весь онъ засаживался цвѣтами, или пускался подъ малину. То появлялся въ немъ парникъ, то насыпныя оригинальныя клумбы, обдѣланныя камнемъ, досками, колышками, или дерномъ; то все это исчезало точно по манію волшебника, и глазъ случайнаго посѣтителя, давно тамъ не бывавшаго, находилъ опять гладкую равнину и какую-нибудь прозаическую культуру, а то и просто лужайку, разведенную человѣкомъ, стосковавшимся по роднымъ полямъ.

Прекрасно помню я нашъ первый огородный дебютъ. Прежде всего при работѣ оказалось, что я безъ очковъ даже копать землю не могу, и мнѣ первому удалось получить отъ доктора какой-то старенькій и плохенькій экземпляръ очковъ. Затѣмъ, лопату, конечно, дали деревянную, ту самую, которая служила для песочныхъ пересыпаній, и которой пользовался зимою для разгребанія снѣга. Но слѣдовъ желѣза на ней не было, и потому «земледѣльческимъ орудіемъ» она служить никоимъ образомъ не могла. Сразу мы отодвинуты были дальше каменнаго вѣка—къ тому времени, когда первобытный человѣкъ ковырялъ землю первымъ попавшимся сукомъ дерева. Ужъ коли начинать культуру, такъ начинать съ начала! За этимъ послѣдовало не менѣе оригинальное продолженіе, зависѣвшее, правда, исключительно отъ насъ самихъ. Мы съ Лукашевичемъ, какъ истые интеллигенты, неопытные въ трудѣ, предварительно взвѣшивали и обсуждали каждый шагъ до мелочей. И вотъ, по зрѣломъ размышленіи, мы опредѣлили примѣрный, и даже максимальный, діаметръ брюквы, и сообразивши, что ничто не мѣшаетъ корнямъ сидѣть вплотную другъ къ другу, мы по этому разсчету намѣтили гнѣздо, гдѣ посадить разсаду. И конечно, посадили ее такъ часто, что ничего не получили. Думая все время о корняхъ брюквы, мы забыли о ея листьяхъ, которые требуютъ для своего развитія надлежащаго простора и безъ развитія которыхъ не растетъ и корень. Другіе, не менѣе насъ опытные огородники, сажали напр., лукъ рѣпчатый не иначе, какъ «вверхъ тормашками», и потомъ крайне удивлялись, видя, какъ изъ того

мѣста, гдѣ бы должна появиться луковая зелень, на самомъ дѣлѣ лѣзутъ корни! Впослѣдствіи, сдѣлавшись знаменитыми огородниками, мы стали тщательно замалчивать свои не менѣе знаменитые первые шаги. И только вотъ теперь, въ интересахъ истины, приходится извлекать ихъ изъ старой памяти.

Сѣмена огородныхъ растеній вначалѣ выдавались жандармами; давалась также и разсада капусты и брюквы. Цвѣты же привозились изъ Петербурга въ горшкахъ въ молодомъ возрастѣ уже въ серединѣ іюня. Потомъ, когда мы помаленьку стали забирать все хозяйство въ свои руки, мы сами стали выписывать и сѣмена, и луковицы, и клубни, и готовыя растенія. Если не ошибаюсь, В. Г. Ивановъ первый выхлопоталъ разрѣшеніе купить осенью нѣсколько луковицъ въ счетъ суммъ, отпускавшихся на наши ремесленныя и огородныя нужды и еще не находившихся въ нашемъ распоряженіи; и Лукашевичъ, бывшій здѣсь истиннымъ иниціаторомъ, произвелъ не малую сенсацію, когда неожиданно выгналъ гіацинтъ зимой и напустилъ неслыханныхъ у насъ ароматовъ чуть не на весь корридоръ. Впослѣдствіи, дѣло это широко развилось, и у насъ за всѣ годы перебывало множество самыхъ разнообразныхъ садовыхъ и огородныхъ растеній, поставщикомъ которыхъ былъ главнымъ образомъ Лукашевичъ, какъ ботаникъ и знатокъ флоры, затѣмъ В. и С. Ивановы, Оржихъ и Похитоновъ. У меня сейчасъ подъ руками «Каталогъ Грачева сѣмянъ, растеній» и т. п. Я насчиталъ въ немъ болѣе 175 родовъ (не считая видовъ) садовыхъ растеній, которыя разводились нами въ разное время. Такъ какъ мы выписывали еще главнымъ образомъ отъ Иммера (изъ Москвы), иногда—Регеля, Фрика и Запѣвалова, то я не погрѣшу, увеличивши общее число садовыхъ растеній до 200 родовъ. Изъ огородныхъ растеній я дѣлалъ гербаріи для Подвижного Музея, и въ нихъ помѣщалъ болѣе 50 видовъ. Теперь цвѣты мы могли имѣть уже круглый годъ. Грунтовые цвѣли почти непрерывно, начиная съ первыхъ чиселъ апрѣля, а комнатные и особенно луковичные можно было выгонять всегда по желанію. Когда развелось много ландышей изъ нѣсколькихъ купленныхъ кустиковъ, я каждый годъ (лѣтъ 9 подъ рядъ) выгонялъ нѣсколько горшковъ съ ними къ Рождеству и къ Новому году, и даже, уѣзжая 28 октября 1905 г., поручилъ М. М. Мельникову нѣсколько заготовленныхъ экземпляровъ, чтобы онъ выгналъ ихъ зимой согласно данному рецепту.

Выписывая сѣмена, Лукашевичъ съ самаго начала сталъ обозначать ихъ латинскими названіями. Чуть ли не въ первый годъ онъ, по желанію курильщиковъ, записалъ Nicotiana Tabacum, и сѣмена, по невѣдѣнію администраціи, были спокойно переданы въ наши руки, затѣмъ выращены въ парникахъ, разсада высажена на грядку, а когда къ осени развились настоящіе листья, они были собраны, заморены и высушены. Все это было продѣлано на глазахъ жандармовъ, ничего не подозрѣвавшихъ до тѣхъ поръ, пока всюду не запахло табачнымъ дымомъ. Эта земледѣль-

ческая операція помогла доктору Безродному добиться разрѣшенія въ департаментѣ покупать табакъ на казенный счетъ.

Не менѣе оригинальнымъ способомъ (точь въ точь—изъ Робинзона) получилась у насъ плантація полевой земляники. Лукашевичъ, просматравая какъ-то «Русскую Старину», присланную изъ департамента, замѣтилъ внутри книги одно сѣмячко, которое онъ легко призналъ за сѣмя земляники. Онъ посѣялъ его на пробу и получилъ всходъ, а затѣмъ кустикъ. Отъ него на второй же годъ на жирной почвѣ пошли уже цѣлыя заросли, которыя я разсадилъ въ тѣнистое мѣсто и съ тѣхъ поръ ежегодно держалъ цѣлую грядку. Она плодоносила все лѣто, иногда до сентября.

III.

Но самые интенсивные сельско-хозяйственные успѣхи ожидали насъ въ будущемъ, когда мы постепенно перешли къ парниковой культурѣ. Попытки устроить парникъ начались вскорѣ послѣ того, какъ открылись мастерскія, и мы пріобрѣли ремесленные навыки. Первый, съ позволенія сказать, парникъ, устроили мы съ Лукашевичемъ. Я сколотилъ изъ досокъ, которыя я самъ же вытесалъ изъ плахъ, ящикъ въ $^3/_4$ арш. шириной и около 1 $^3/_4$ арш. длиной. Этотъ ящикъ (безъ дна) мы поставили прямо на мелкую ямку, наполненную коровьимъ навозомъ, такъ какъ горячаго конскаго тогда не было, а затѣмъ накрыли этотъ ящикъ промасленой бумагой. Стеколъ у насъ еще не было, и мы вообще старались обходиться тѣми матеріалами, которые были подъ рукой. Въ этомъ парникѣ, кромѣ разной разсады, мы получили десятка 3 редисокъ къ 9 мая и считали, что мы сильно ускорили естественный ходъ роста! На другое лѣто смотритель обѣщалъ дать намъ готовую раму, которую онъ вынулъ гдѣ-то изъ башни, чуть ли не той самой, гдѣ сидѣла когда-то царица Евдокія Лопухина. Рама эта была въ формѣ трапеціи и имѣла весьма древній видъ. Точно такую же другую раму онъ далъ Похитонову. Соотвѣтственно такой необыкновенной формѣ рамы мы сдѣлали въ III огородѣ яму со срубомъ такого же фасона, и этотъ парникъ просуществовалъ, должно быть, лѣтъ 12. На третій годъ появилось уже нѣсколько парниковъ съ самодѣльными рамами.

Теперь за это дѣло въ серьезъ взялся М. Р. Поповъ, въ рукахъ котораго оно расцвѣло вполнѣ. Главное наше горе съ этой культурой состояло въ недостаткѣ солнца. Въ III огородѣ на парникъ солнце заглядывало только въ 9 часовъ, а въ 2 часа уже уходило оттуда. Во всѣхъ другихъ огородахъ дѣло было не лучше. Поповъ облюбовалъ себѣ мѣсто на старомъ дворѣ, возлѣ «сарая», гдѣ солнце свѣтило чуть не вдвое дольше и, поторговавшись, какъ водится, съ администраціей, заложилъ сначала тамъ небольшую яму. Это было скромное начало, за которымъ послѣдовало блестящее развитіе. Въ 1904 году, когда насъ по-

гнали съ того двора и заставили переносить всѣ парники опять къ себѣ въ огородъ, я насчиталъ тамъ ровно 52 парниковыхъ рамы разной величины. Частью это было наслѣдство отъ уѣхавшихъ. Но строительныя работы въ этой области никогда не прекращались, и каждый годъ появлялись новыя рамы и новые срубы. Въ это время большая часть первыхъ рамъ уже отслуживала свой вѣкъ, и мы замѣнили ихъ новыми, сдѣланными болѣе прочно, какъ разъ для того, чтобы бросить ихъ тамъ навсегда. Навѣрное, этимъ наслѣдствомъ, безъ нашего дозволенія и завѣщанія, воспользовался кто-нибудь изъ близкихъ къ жандармскому міру. Стекла сначала рѣзали намъ жандармы и солдаты, а затѣмъ мы купили свой алмазъ, и я скоро обучился дѣйствовать имъ.

Въ парникахъ всякій насаждалъ то, что ему нравилось, кто руководясь только личными вкусами, а кто, войдя въ соглашеніе съ другими, съ цѣлью поставлять товаръ на цѣлую компанію. Больше всего тутъ трудился тотъ же М. Р. Поповъ, за что Поливановъ и острилъ надъ нимъ, что онъ приговоренъ къ «каторжнымъ работамъ въ парникахъ безъ сроку». Онъ же, вмѣстѣ съ С. Ивановымъ, не разъ побивалъ рекордъ, доставляя на какое-нибудь наше празднество дыню либо арбузъ собственнаго издѣлія. Но самой распространенной культурой, насаждаемой всѣми безъ исключенія, были, конечно, огурцы, которые въ хорошее лѣто появлялись въ количествѣ, превосходящемъ потребность въ нихъ. Въ послѣднее напр. лѣто ихъ было такъ много, что мы съ ранней весны и въ теченіе всего лѣта сдавали ихъ своей администраціи «на книжку», а потомъ осенью получали отъ нея соотвѣтствующій эквивалентъ огурцами же (для солки) или фруктами. Послѣ такихъ успѣховъ, какихъ мы достигли съ парниками, долженъ казаться дѣтской забавой мой первый ящикъ съ промасленой бумагой, въ которомъ редисъ могъ вырасти только къ 9 мая. Теперь мы старались на спортъ и получали его иногда къ 1 апрѣля, а первые огурцы къ 1 мая. Въ послѣдній годъ П. Л. Антоновъ заложилъ свой парникъ уже въ началѣ февраля и имѣлъ зелень въ мартѣ. Для парниковъ спеціально покупался конскій навозъ, который привозили изъ города рано, иногда въ январѣ, пока ледъ на рѣкѣ былъ надеженъ. А всего требовалось намъ, въ эпоху расцвѣта, возовъ до 60-ти, и взимали за нихъ по 50—60 коп. за маленькій возъ.

IV.

Первый опытъ расширенія земледѣльческой площади былъ сдѣланъ очень рано и состоялъ въ захватѣ «песковъ» подъ культуру. Форменные «пески» существовали при мнѣ, должно быть, только одно лѣто, т. е. только при Иродѣ. Еще годъ или два они сохраняли прежній пустынный видъ, но трава уже не искоренялась, и кое-гдѣ свободно пробивались сквозь толщу песка

кустики зелени. Само собой являлось желаніе превратить эти пустоши въ культурную площадь. Но какъ ни естественно и ни похвально это желаніе, оно встрѣтило со стороны начальства полное неодобреніе, и только послѣ неоднократныхъ настояній разрѣшено было сдѣлать и въ клѣткахъ по узенькой грядкѣ, и то исключительно вдоль заборовъ. И у меня осталось въ памяти, точно «событіе» особой важности, какъ мы съ Лукашевичемъ впервые вонзили лопаты (уже желѣзныя!) въ песчаную грудь своего стойла, и затѣмъ совершенно негодный каменистый грунтъ превратили въ сносную культурную почву. Кончилось, конечно, тѣмъ, чѣмъ и должно было кончиться: торжествомъ разума надъ нелѣпостью. «Пески» были засажены вплотную, и такъ какъ солнца въ нихъ было очень мало, то сюда помѣщали больше кустарники и деревья (сирень, рябина, черемуха, смородина, малина, яблоня), верхушки которыхъ достигали желаннаго свѣта.

Должно быть, въ концѣ концовъ изъ нашихъ стойлъ получились уголки, не лишенные привлекательности, особенно, если взглянуть на нихъ, конечно, лѣтомъ, издали и сверху. Но эти уголки до такой степени опротивѣли намъ своей безысходностью и повторяемостью, что мы совсѣмъ не замѣчали созданной нами поэтической прелести. Жандармы не переставали вносить въ наши насажденія свое спеціально жандармское содѣйствіе. Такъ, если тотъ или другой кустъ имъ почему-либо не нравился (можетъ быть, давалъ слишкомъ густую зелень, непроницаемую для ихъ глазъ), они тайно въ наше отсутствіе подливали подъ корень кипятку, и черезъ нѣсколько дней хозяинъ, лелѣявшій свой кустарникъ, и, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ ботанической видъ, замѣчалъ, что его насажденіе быстро и безъ всякой причины засыхаетъ. Изслѣдованіе почвы обнаруживало, что близъ корней она была истыкана ломомъ и въ сдѣланныя такимъ образомъ ямки наливался кипятокъ изъ чайника. Такой «культуркампфъ» особенно практиковался при полковникѣ Яковлевѣ и, по всей вѣроятности, былъ продуктомъ его изобрѣтательнаго ума.

V.

Не мало труда потрачено было нами на то, чтобы всѣ свои мѣста для прогулокъ превратить въ удобный для этой цѣли видъ. Въ позднѣйшей инструкціи было сказано, что «заключенные гуляютъ въ особо для сего назначенныхъ дворикахъ». А были ли эти дворики защищены отъ дождя, снѣга, слякоти, наводненія и грязи, объ этомъ въ инструкціи не говорилось, а на практикѣ игнорировалось.

Теперь я совсѣмъ не представляю себѣ, какъ мы гуляли въ первые годы во время дождя и слякоти безъ малѣйшаго прикрытія. Помню, какъ въ III огородѣ мы съ Лукашевичемъ устроили «бесѣдку» изъ хмѣля, который надъ головой образовалъ густое сплетеніе, не пропускавшее свѣта. Временно онъ защищалъ и отъ

дождя, но скоро съ такой крыши начинало течь за шею. Современемъ, научившись мастерству, мы понадѣлали себѣ досчатыхъ навѣсовъ по всѣмъ клѣткамъ и огородамъ. И много было потрачено остроумія, творческихъ силъ, художественныхъ способностей, труда и усердія на созиданіе этихъ навѣсовъ! Здѣсь, какъ и всюду, насъ учила практика, скоро показавшая намъ, что наши первые навѣсы были съ большой «протекціей», особенно послѣ лѣтнихъ жаровъ, отъ которыхъ коробились и трескались тонкія доски. А потому мы стали крыть ихъ потомъ желѣзомъ, либо толемъ. Не мало и я лично соорудилъ такихъ навѣсовъ. Помню, я имѣлъ удовольствіе сдѣлать таковое убѣжище для Вѣры Николаевны въ углу въ 1-ой клѣткѣ, съ точеными колонками и клѣтчатой рѣшеткой, которая лѣтомъ вся обростала хмѣлемъ, и имѣлъ же удовольствіе пережить потомъ это сооруженіе, которое было разрушено временемъ и гнилостными бактеріями. Въ послѣдніе годы, когда насъ было почти столько же, сколько и клѣтокъ, каждый имѣлъ для себя особое убѣжище, гдѣ онъ по желанію могъ уединиться, и гдѣ онъ пристраивалъ по своему вкусу столикъ, шкапикъ, полки, скамью или кресло и прочія принадлежности, требуемыя преобладающимъ родомъ его занятій.

Устроивши первымъ долгомъ мѣста для сидѣнья, устроили потомъ и дороги для ходьбы. При постоянныхъ перекопкахъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, особенно на старомъ дворѣ, гдѣ рылись ямы для парниковъ, у насъ накоплялось много известковыхъ плитъ разной величины, формы и толщины. Такъ какъ стѣны крѣпости сложены изъ этого плитняка, то на землѣ, очевидно, валялись остатки матеріаловъ, не пошедшихъ въ свое время въ дѣло. Отчего бы не употребить этотъ матеріалъ, данный природой, въ качествѣ мостильнаго? И вотъ начинается возка плитъ на тачкѣ и носка ихъ на носилкахъ, а затѣмъ изученіе мостильнаго дѣла прямо на практикѣ. На это способенъ былъ всякій, хотя ворочать тяжелыя плиты было не всякому подъ силу. Задача состояла въ томъ, чтобы плиты неравной толщины уложить въ одной плоскости, и плиты произвольной формы подобрать такъ, чтобы онѣ легли вплотную другъ къ другу. Затѣмъ нужно было устроить потребный скатъ для дождевыхъ и весенних водъ. А такъ какъ огороды и клѣтки мѣняли хозяевъ, и у каждаго хозяина появлялись новые планы и новое размѣщеніе насажденій, то мостовыя наши такъ же передвигались съ мѣста на мѣсто, какъ и цѣлые кустарники. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что, несмотря на наше стараніе, въ осеннюю непогоду не легко было найти дорожку, гдѣ бы можно было ходить по суху, ибо наши самодѣльные тротуары отнюдь не были похожи на тѣ, которыми гордится Невскій проспектъ, хотя и очень близко напоминали тѣ, какіе преобладаютъ напр. въ городѣ Уфѣ.

Послѣ всего сказаннаго для всякаго будетъ очевидно безъ поясненій, что у насъ на дворѣ шла непрерывная строительная

и реформаторская дѣятельность: къ ней большинство стремилось инстинктивно, какъ къ единственному спасительному средству, поддерживавшему въ насъ физическую бодрость.

VI.

Я уже говорилъ ранѣе, какъ сильно было на первыхъ порахъ стремленіе къ свѣжему воздуху и желаніе удлинить прогулку какъ можно долѣе. И когда всѣ стали гулять по двѣ смѣны (8—12 ч.), т. е. все время до обѣда, этого казалось еще мало, и потому не разъ поднимался вопросъ, какъ бы устроить прогулку и послѣ обѣда. Я помню только, какъ я получилъ отъ полковника рѣшительный отказъ на такую просьбу. Онъ завѣрялъ, что никакъ не можетъ сдѣлать этого, потому что ему предписаны изъ департамента прямо опредѣленные часы для прогулокъ. Современемъ, однако, съ этимъ предписаніемъ было поступлено такъ же, какъ поступаютъ на Руси со всякимъ предписаніемъ: предаютъ его забвенію. И въ этомъ дѣлѣ большую услугу оказали намъ наши парники. Всю весну нужно было ихъ закрывать матами на ночь, что дѣлалось, смотря по температурѣ, между 3 и 6 часами вечера. Очевидно, спеціально для этого нужно было выпускать на дворъ. Такъ какъ парники встрѣтили благосклонное отношеніе и даже поощреніе свыше, то для этого не дѣлалось никакихъ препятствій. Процедура эта продолжалась сначала минутъ по 10, и выходили сначала только хозяева парниковъ. Затѣмъ, минуты эти, столь пріятныя послѣ душной камеры, стали растягивать; начали выходить, якобы къ парнику, и тѣ, кому просто только хотѣлось освѣжиться; наконецъ, глядя на многихъ, стали выходить всѣ и кончили тѣмъ, что узаконили и ввели въ норму послѣобѣденную прогулку. Такимъ образомъ, лѣтомъ мы получили возможность проводить на дворѣ почти весь день отъ 8 до 6½ часовъ, съ перерывами по одному часу на обѣдъ и чай. А одно лѣто, по добротѣ Гудзя, насъ выпускали даже послѣ ужина съ 7½ часовъ на 1 часъ или ½ часа, смотря по времени захода солнца.

Но такова натура человѣка: его больше соблазняетъ недозволенное. Получивши желаемое, мы, за немногими исключеніями, не пользовались тѣмъ, чтобы проводить цѣлые дни на дворѣ. Увлеченіе ремеслами никакъ нельзя было совмѣстить съ прелестями свѣжаго воздуха и пр. Кто работалъ въ мастерской, тотъ неизбѣжно долженъ былъ лишать себя удовольствій прогулки. А потому, освѣжившись на дворѣ столько времени, сколько ему требовалось, онъ уходилъ работать. Но возможность выйти изъ камеры на дворъ въ любое время и снова вздохнуть свѣжимъ воздухомъ была уже великимъ благомъ, которое тѣмъ необходимѣе было для работающаго, что послѣ иной шлифовки въ тѣсной каморкѣ ему пришлось бы тамъ совсѣмъ задыхаться. Я, какъ работающій въ очкахъ, постоянно имѣлъ случай убѣждаться, по

осадку пыли на ихъ стеклахъ, до какой, такъ сказать, насыщенности доходила атмосфера въ такихъ невозможныхъ условіяхъ, въ какихъ мы работали. И сколько мы ни добивались устроить приспособленныя для работъ помѣщенія, такъ и уѣхали не добившись. Конечно, и сами мы дѣлали попытки устроиться съ верстакомъ на дворѣ, но за разными неудобствами это не удалось, и только кузница, какъ ей и полагается, помѣщалась на дворѣ и дышала воздухомъ во всю. Нерѣдко располагались на дворѣ съ какими-нибудь деталями работъ, не требовавшими большихъ станковъ, особенно съ переплетными, каковы: разборка и сшивка книгъ, обрѣзка ихъ и пр. Для этого выносились туда цѣлыя партіи книгъ и оставлялись подъ какимъ-нибудь утлымъ прикрытіемъ. Но налетѣвшій въ наше отсутствіе шквалъ или неожиданная тучка подчасъ вносили много переполоху въ эти книжные залежи на дворѣ. А весной ими не брезговали и галки, таскавшія бумагу на устройство своихъ гнѣздъ.

VII.

По ходу разсказа, мнѣ волей-неволей приходится перебѣгать отъ впечатлѣній первыхъ дней къ позднѣйшимъ временамъ, чтобы прослѣдить, такъ сказать, эволюцію той или другой стороны нашей жизни. Возвращаюсь опять къ первому лѣту, хотя помянуть его, кажется, больше нечѣмъ. Время дѣлилось на три неравныя доли: на дворѣ разговоры и споры съ Лукашевичемъ; на дворѣ же созерцаніе небеснаго свода въ одиночку, либо спокойное и поэтизирующее, либо тревожное и грустное, и, наконецъ, въ камерѣ, чтеніе и размышленіе, прерываемое приступами тоски и наплывомъ воспоминаній. Съ сосѣдями я пока не стучалъ, потому что не стучали они, знавшіе хорошо условія проходимости звуковъ, я же не прислушался еще къ звукамъ, идущимъ сверху, а внизу рядомъ сосѣдній номеръ былъ пустой. Когда же лѣтомъ на время ремонта перевели въ него М. Ф. Фроленко, мы тотчасъ же вошли въ сношенія, и отъ него впервые узналъ я, кто здѣсь сидитъ и за что судился. Это обыкновенно первые вопросы, которые задаются въ тюрьмѣ сосѣду новоприбывшимъ новичкомъ. А когда Фроленко возвратился опять на старое мѣсто, мы стали стучать съ Юрковскимъ, сидѣвшимъ надо мной, но украдкой, изрѣдка и по-немногу. Однако, какъ мы ни ухитрялись сдѣлать тайнымъ это преступное занятіе, мы были, очевидно, изловлены, потому что на другой день Соколовъ, выведя меня изъ тюрьмы, остановилъ на дорогѣ и сдѣлалъ конфиденціальное замѣчаніе. Очевидно, времена и нравы смягчались, ибо прежде, говорятъ, безъ всякихъ замѣчаній влекли за это въ карцеръ. Матвѣй Ефимычъ попробовалъ дѣйствовать силой убѣжденія, сказалъ почему-то нѣсколько лестныхъ словъ на счетъ моей образованности, точно желалъ подкупить меня ими, или убѣдить, что всякому образованному человѣку не должно быть свойственно

желаніе искать общенія съ себѣ подобными, и, должно быть, увидавши, что это не дѣйствуетъ, употребилъ обычный пріемъ, затасканный уже имъ, а именно—выставилъ Юрковскаго сумасшедшимъ.

Дѣло стука отъ этого нисколько не измѣнилось, и новыхъ репримандовъ я уже не получалъ. Матвей Ефимычъ, должно быть, предчувствовалъ, что дни его сочтены. И дѣйствительно, съ его уходомъ на стукъ стали смотрѣть все легче и легче. Всегда курьезно видѣть, какъ тѣ же самыя власти, которыя еще недавно преслѣдовали какое-нибудь «преступленіе», затѣмъ сами начинаютъ поощрять его. Еще недавно мысль о введеніи въ Россіи представительнаго правленія объявлялась чудовищной и возмутительной тѣми самыми лицами, которыя сами теперь (мартъ 1906 г.) не только организуютъ представительство, но даже заставляютъ во что бы то ни стало выбирать представителей. Точно также и у насъ, стукъ, жестоко преслѣдуемый и караемый, затѣмъ едва терпимый и игнорируемый, сталъ оффиціально признаннымъ способомъ сношеній между нами, къ которому сама администрація обращалась въ экстренныхъ и спѣшныхъ случаяхъ.

Первое время, когда стукъ сталъ только что терпимымъ, мы стучали иногда цѣлыми часами. Лукашевичъ, напр., передавалъ Юрковскому стукомъ всю политическую программу соціалъ-демократической партіи въ томъ видѣ, какъ она тогда печаталась и была конфискована передъ самымъ нашимъ процессомъ. Послѣ, на мѣстѣ Юрковскаго сидѣла Вѣра Николаевна, и съ ней иногда мы «сумерничали» стукомъ, особенно въ пасмурные дни, когда читать нельзя было уже задолго до захода солнца, лампъ не давали, а длинныя сумерки нужно было убить какъ-нибудь. Иногда же послѣ обѣда каждый ложился на свою кровать и, по данному стукомъ сигналу, тотчасъ оказывался въ «клубѣ», такъ какъ кровати четырехъ камеръ (2 вверху и 2 внизу) примыкали къ одной и той же стѣнѣ, звукъ по которой передавался и слышался привычнымъ ухомъ такъ, какъ будто бы потолка вовсе не было. Но и другіе ближайшіе сосѣди, хотя не такъ отчетливо, могли слышать разговоръ. Въ этомъ оригинальномъ «клубѣ» бесѣды длились по долгу, но были немногословны, ибо рѣчи, продолжавшіяся по 5 минутъ, состояли всего изъ 2—3 фразъ. Поэтому въ нихъ чаще преобладалъ легкій послѣобѣденный жанръ, гдѣ остроумная шутка встрѣчала наибольшее одобреніе, выражавшееся въ своеобразномъ смѣхѣ. Этотъ смѣхъ всякій, даже «не учившійся въ семинаріи», сумѣетъ воспроизвести, если простучитъ такъ .... т. е. пять частыхъ ударовъ и три болѣе рѣдкихъ.

Самый принципъ разговора посредствомъ стука, изобрѣтенный, какъ говорятъ, декабристомъ Бестужевымъ, общеизвѣстенъ. Мы только немножко усовершенствовали его, введя массу сокращеній въ словахъ, напр. вмѣсто «хорошо», стучали «хр.», вмѣсто

«человѣкъ»—«чл.» и т. д. Наконецъ, темпъ ударовъ, по мѣрѣ навыка, все учащался, и нѣкоторые виртуозы дошли до такой степени совершенства, что ихъ стукъ для непривычнаго уха слышался, какъ сплошная трещетка, въ которой отдѣльные удары неразличимы. Вначалѣ стучали конечно косточкой указательнаго пальца, грифелемъ, или ложкой. Изобрѣтательные люди лѣпили нарочно изъ мякиша недопеченаго хлѣба орудіе въ видѣ толстой и короткой палочки, высушивали его на печкѣ и получали твердый «языкъ», чрезвычайно удобный для своей цѣли. А съ появленіемъ мастерскихъ каждый обзавелся какой-нибудь примитивной колотушкой. На первыхъ порахъ всѣ эти орудія отбирались во время субботнихъ обысковъ, а на заявленную претензію смотритель отвѣчалъ: «Стучать можно, но имѣть орудіе для стука нельзя». Очевидно, старались пока соблюсти такимъ образомъ пунктъ инструкціи, гласившей о ненарушимости тишины въ тюрьмѣ и показать, что они нарушеній ея не поощряютъ. Въ концѣ концовъ стучали чѣмъ угодно, а стукъ черезъ корридоръ, производившійся въ дверь, былъ такъ громокъ, что могъ разбудить мертваго.

VIII.

Но стукъ былъ первобытнымъ способомъ сношеній, крайне несовершеннымъ и потому весьма неудовлетворительнымъ. И потому мысль, запертая въ тиски и дѣятельная въ молодые годы, упорно искала выхода и становилась изобрѣтательной. Одинаковыя условія часто порождаютъ одинаковыя идеи. Въ 70-хъ годахъ, сидѣвшіе въ Домѣ Предварительнаго Заключенія по процессу 193-хъ, говорятъ, устраивали общіе клубы посредствомъ ватерклозетныхъ трубъ. Я не зналъ этого факта, когда самъ додумался до такого открытія. Додуматься же было чрезвычайно легко. Я сидѣлъ внизу и постоянно слышалъ, какъ вода, спускаемая верхнимъ жильцомъ бѣжитъ внизъ по трубѣ, которая, навѣрное, сообщается гдѣ-нибудь съ моей трубой. Попробовать ничего не стоило. Отъ стульчака непосредственно шла широкая труба съ просвѣтомъ около $1^1/_2$ вершковъ, изогнутая въ самомъ началѣ въ видѣ буквы s.

Благодаря этому, въ изгибѣ стояла всегда вода и не пропускала изъ трубы газовъ внутрь камеры. Когда я выплеснулъ вонъ (посредствомъ тряпки) воду изъ колѣна, то сейчасъ же услыхалъ громкое журчаніе ея,—она текла отъ какого-то сосѣда, очевидно, по общимъ трубамъ. Если сосѣдъ выплеснетъ и у себя воду, то всѣ звуки отъ него ко мнѣ и обратно пойдутъ по трубѣ полностью, и ни малѣйшій шорохъ не затеряется. Попробовать было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, и мы съ Юрковскимъ, уговорившись сначала стукомъ, заговорили, наконецъ, человѣческой рѣчью. Какъ тайно мы это ни дѣлали (только во время раздачи обѣда и шума на коридорѣ), но, конечно, сейчасъ по-

пались. Между тѣмъ, идея уже облетѣла всѣхъ, и заговорили во всѣхъ углахъ. Трубы были такъ устроены, что общая канализація ограничивалась только однимъ угломъ зданія, съ другими же сообщенія не было. Благодаря этому всѣ, сидѣвшіе въ одномъ углу, оказались связанными въ одинъ «клубъ». Начальство, конечно, растерялось, но скоро поняло, что бороться съ этимъ «зломъ» не легко. Нужно или всѣхъ посадить въ карцеръ,—на что не хватитъ и карцеровъ,—или же сдѣлать генеральную перестройку всей канализаціи. Поэтому къ такому безваконію оно долго относилось терпимо. Бывало, едва вызовешь своего сосѣда на это оригинальное интервью, какъ слышишь, въ сосѣднюю пустую камеру идетъ дежурный и также усаживается у ватерклозета, всегда стоявшаго для этой цѣли наготовѣ, и напрягаетъ свое вниманіе къ нашимъ словамъ для донесенія по начальству о характерѣ этихъ поистинѣ подпольныхъ рѣчей. Я говорю подпольныхъ, потому, что трубы изъ каждой камеры шли въ подвалъ и только тамъ гдѣ-то соединялись общей трубой, такъ что звуки изъ верхней камеры ко мнѣ должны были сначала прогуляться внизъ, въ подполье, затѣмъ опять вернуться вверхъ. Несмотря на это, разговоръ на близкихъ разстояніяхъ былъ прекрасно слышенъ, даже шепотомъ. Иногда дежурный пробовалъ записывать для точности наши крамольныя рѣчи. Можно себѣ представить, что у него получалось, при спѣшности и неудобствѣ работы, да при его малограмотности!

Не скажу, чтобы мы особенно увлекались этой «телефоніей». Помнится, бывали періоды, когда не заглядывали въ нихъ подолгу. Всетаки не легко было преодолѣвать естественную брезгливость! И только тяжкая доля, да жгучая потребность общенія заставляли игнорировать такія «условности». Нѣкоторые всетаки выдерживали характеръ, и почти никогда не нисходили до общенія со своимъ ближнимъ посредствомъ трубы съ тлетворнымъ дыханіемъ. А дыханіе это было, хоть и не часто. Иные же относились къ этому вполнѣ философски. Напр., у Юрковскаго съ Лукашевичемъ съ самаго же начала открылись самые горячіе программные дебаты, которые продолжались цѣлыми недѣлями. У меня случайно сохранился отрывокъ съ записью этихъ дебатовъ по числамъ, откуда вижу, что они велись непрерывно и начинались завтра прямо съ того, чѣмъ окончились вчера. Но когда первый жаръ обмѣна мыслей поостылъ, и знакомство установилось, неудобства такихъ сношеній стали ощущаться сильнѣе потребности въ нихъ. Хотѣлось не просто слышать голосъ, искаженный трубнымъ резонансомъ, а видѣть живого человѣка и говорить съ нимъ лицомъ къ лицу. Насколько прочно ассоціировалась въ насъ звуковая рѣчь говорящаго съ нами человѣка и зрительный образъ его, показываетъ то чувство неловкости, которое возникаетъ въ насъ, если мы вынуждены говорить постоянно съ невидимкой. Всѣ мы убѣдились въ этомъ еще разъ, когда къ намъ привезли Карповича, и на первыхъ порахъ мы

должны были говорить съ нимъ, стоя у двери его клѣтки, въ которой онъ былъ замкнутъ. Мы стояли, можно сказать, плечомъ къ плечу, разъединенные только доской двери. Получалось то, да не то!

Отчасти по этой причинѣ произошло само собой и охлажденіе къ «телефонамъ», и когда начальство черезъ годъ или два, наконецъ, задѣлало ихъ, прекративши сообщеніе между трубами посредствомъ какого-то подвальнаго запирателя, мы нисколько не были на это въ претензіи. Только благодаря этому запирателю промывка клозета сильно ухудшилась, на что мы многократно жаловались. Жалобы не принимались, потому что въ нашемъ желаніи уничтожить загражденіе, неудачно устроенное, жандармы видѣли умыселъ иной. Впослѣдствіи они уничтожили эти заграждснія, но зато перемѣнили всѣ клозеты, и упомянутый выше изгибъ, наполнявшійся водой, установили такъ далеко, что вылеснуть изъ него воду было почти невозможно. Дорого, должно быть, обошлась русскому правительству эта борьба съ преступными стремленіями заключенныхъ ко взаимообщенію!

IX.

Тѣмъ временемъ общеніе болѣе свободное налаживалось уже на дворѣ. Первымъ шагамъ на этомъ пути помогла сама природа. Заборы въ огородахъ были приставлены къ крѣпостной стѣнѣ подъ прямымъ угломъ. Какъ ни плотно были они къ ней пригнаны, но время сдѣлало свое. Заборъ немного осѣлъ и откачнулся отъ стѣны. Въ то же время съ наружной поверхности стѣны непрерывно осыпалась известь, служившая цементомъ при кладкѣ ея. И безъ того-то она была рыхлая, но подъ вліяніемъ атмосферныхъ агентовъ совсѣмъ разсыпалась. Нѣсколько ничтожныхъ операцій палкой, и въ стѣнѣ не трудно было выдолбить небольшую нишу. Если эта ниша приходилась какъ разъ въ углу, образуемомъ стѣной и заборомъ, то получалась лазейка въ сосѣдній огородъ, въ которую можно было просунуть руку.

Это былъ большой шагъ впередъ. Прежде, чтобы передать кому-нибудь записку или другую посылку, мы должно были пускаться на всевозможныя ухищренія: подкапываться подъ заборъ, если гуляли рядомъ, или зарывать въ огородную почву, среди рѣпы и капусты, если гуляли въ томъ же огородѣ послѣдовательно. Я помню, какъ Фекла производилъ дознаніе, допрашивая меня съ моей тетрадью въ рукахъ, которую онъ нашелъ въ камерѣ у Юрковскаго. Ему очень хотѣлось узнать, какимъ именно образомъ я ухитрился передать ее. Конечно, узнать ему не удалось. Но времена уже были не столь строгія, и возмездія за это преступленіе я не понесъ, хотя конфискованная тетрадь погибла для меня навѣки.

Когда мы съ Лукашевичемъ, при содѣйствіи ближайшихъ товарищей, выпустили въ свѣтъ свой первый опытъ тюремной

журналистики, мы долго ломали голову, какимъ образомъ передать эту книжку (она была въ переплетѣ) дамамъ. Между собой въ это время мы уже могли передавать, чередуясь въ свиданіяхъ другъ съ другомъ; пути же къ дамамъ и обратно были заграждены совершенно. Мы рѣшили передать не въ огородѣ, гдѣ нелегко было закопать цѣлую книгу на глазахъ дежурнаго, а въ столярной мастерской, въ которую мы ходили по очереди съ дамами. Но такъ какъ тамъ каждый разъ производился тщательный обыскъ, съ цѣлью пресѣчь наши взаимныя сношенія, то мы нарочно для этой цѣли выдолбили двѣ доски въ видѣ футляра и, соединивши ихъ шипами (какъ это дѣлается при склейкѣ щитовъ), устроили конспиративное хранилище. Но воспользоваться имъ, кажется, не пришлось ни разу,- ибо открытіе разныхъ новыхъ путей для сношеній шло впередъ очень быстро.

Теперь, съ образованіемъ между огородами отверстій, дѣло всякихъ передачъ сразу упрощалось. Вообще присутствіе въ нашей средѣ дамъ сыграло огромную роль въ устраненіи преградъ, стоявшихъ на пути къ общенію. Не говоря уже о естественномъ стремленіи къ лицу другого пола, насъ постоянно раздражала та явная несправедливость, что дамы среди насъ поставлены были въ худшія условія, чѣмъ мы. Имѣть общеніе только съ однимъ человѣкомъ ежедневно десятокъ годовъ—на это не хватитъ человѣческихъ силъ. Извѣстный Нансенъ только одну зиму провелъ съ глазу на глазъ съ Іогансеномъ въ шалашѣ на землѣ Франца Іосифа, да и то, по собственному признанію, въ концѣ зимы они съ трудомъ выносили присутствіе другъ друга. Мы, мужчины, могли мѣнять товарищей по прогулкѣ, сначала рѣдко, потомъ все чаще и чаще, и, наконецъ, каждый день, и даже по нѣскольку разъ въ день. Получалось подобіе общественныхъ сношеній. Дамы же были безусловно лишены этого, и все, что онѣ могли себѣ позволить, это—переписка. На первыхъ порахъ, когда бумаги не было, эта переписка шла чрезъ двѣ—три руки (конечно, совершенно открыто) и передавалась стукомъ. Такъ напр., если Вѣрѣ Николаевнѣ нужно было передать нѣсколько строкъ старому другу или товарищу, который сидѣлъ на другомъ концѣ тюрьмы, положимъ въ 3-мъ углу, она стучала эти строки сначала мнѣ (первый этапъ). Я записывалъ ихъ подъ диктовку на аспидной доскѣ и на-завтра несъ ихъ на свиданіе товарищу, съ которымъ я гулялъ, и который жилъ, положимъ, во 2-мъ углу. Онъ переписывалъ эти строки въ свою аспидную доску и дома стучалъ ихъ сосѣду, который гулялъ съ товарищемъ, сидѣвшимъ въ 3-мъ углу (второй этапъ). Этотъ также записывалъ подъ диктовку и на слѣдующій день несъ ихъ своему товарищу, который также списывалъ и ужъ потомъ выстукивалъ дома адресату (3-ій этапъ). Письмо шло 2 либо 3 дня и черезъ столько же времени, и тѣмъ же путемъ возвращалось назадъ.

Просьбы о томъ, чтобы перемѣстили на житье въ другую камеру, ближайшую къ человѣку, съ которымъ хотѣлось бы отвести

душу, въ первые годы встрѣчали постоянный отказъ. Если бы этотъ человѣкъ лежалъ на смертномъ одрѣ, и если бы ты хотѣлъ, сѣвши съ нимъ рядомъ, облегчить хоть стукомъ его послѣднія минуты, ты всетаки не получилъ бы этого утѣшенія. Всѣ человѣческія и самыя святыя чувства тутъ безжалостно попирались, и это не только въ сферѣ сношеній насъ другъ съ другомъ, въ которой власти могли еще кое-какъ опереться на формальное противорѣчіе такихъ «чувствъ» принципамъ одиночной тюрьмы. Что за нами не признавалась личность съ ея высшими запросами, это еще не удивительно: по каторжному положенію ты № такой-то и больше ничего! Но нашимъ властямъ этого было мало. Онѣ не скрывали отъ насъ, что въ ихъ глазахъ мы не только преступники, лишенные всѣхъ правъ, но и нравственные выродки, которымъ чуждо все человѣчное, благородное и высокое. Однажды онѣ особенно наглядно подчеркнули такое отношеніе къ намъ. Это было, кажется, въ 1892 г., когда мы узнали о голодѣ на Руси. Мы собрали всякія свои издѣлія, превратили ихъ въ деньги и просили начальника управленія (Гангарта) собранную такимъ образомъ сумму въ 25 руб. передать въ пользу голодающихъ. Онъ былъ почему-то очень тронутъ такимъ проявленіемъ нашихъ добрыхъ чувствъ, разсыпался въ благодареніяхъ и даже говорилъ, что это счастливѣйшій день въ его жизни. Но изъ департамента, куда онъ, вѣроятно, направилъ деньги, онъ получилъ выговоръ за это приношеніе. И при позднѣйшей попыткѣ повторить свою лепту (въ 1901 г.) мы встрѣтили отъ своей администраціи рѣшительный и упорный отказъ, со ссылкой на взглядъ департамента. Этотъ взглядъ тогда, точно такъ же, какъ и теперь, остается неизмѣннымъ: ты кровожадное чудовище; объ этомъ они всюду будутъ говорить и писать, и потому все, что рисуетъ тебя съ другой стороны, будетъ ими тщательно замазано и искажено.

Я уклонился въ сторону. Когда сажали нашихъ дамъ въ Шлиссельбургъ, конечно, не разсчитывали на долговременное ихъ тамъ пребываніе. Это была морилка, гдѣ людей «выводили въ расходъ», чтобы тотчасъ замѣнить ихъ новыми. Но оказалось, что тамъ приходится устраивать для долгоживущихъ продолжительный modus vivendi и притомъ неслыханный въ исторіи всѣхъ временъ симбіозъ лицъ равнаго пола. Такъ или иначе, мы числились осужденными по суду и, значитъ, отбывающими наказаніе, которое, очевидно, должно быть одинаково за одинаковыя преступленія. Это было такъ элементарно, что понятно даже департаментскимъ чиновникамъ, которыхъ самъ Яковлевъ обзывалъ нелестными для нихъ названіями. Что насъ возмущала полная изоляція нашихъ дамъ, которая усугубляла имъ наказаніе, это ихъ не удивляло. Но когда начались съ нашей стороны аггрессивныя попытки добиться здѣсь нѣкотораго равноправія, они не могли отвѣчать репрессіями, чувствуя, что на этотъ разъ право, даже ихнее право, на нашей сторонѣ. Вотъ почему на расширеніе первыхъ отверстій и на разговоры возлѣ нихъ съ дамами они

смотрѣли сквозь пальцы, хотя еще недавно за малѣйшую попытку сказать на дворѣ 2 слова своему сосѣду прямо уводили домой.

Такъ вошли въ употребленіе естественныя отверстія, которыхъ было немного. Въ нихъ легко было не только говорить, но даже видѣть добрую половину лица сосѣда. Когда живешь съ человѣкомъ бокъ о бокъ, ведешь съ нимъ сношенія, но ни разу не видалъ его, желаніе взглянуть на него хоть однимъ глазкомъ особенно обостряется. *Такого* знакомаго мы непремѣнно представляемъ съ извѣстной внѣшней фигурой, и намъ хочется провѣрить себя и убѣдиться, насколько воображаемое подходитъ къ дѣйствительности. Еще ранѣе открытія этихъ отверстій, мы искали случаевъ для лицезрѣнія. И когда въ заборахъ, среди разсыхающихся досокъ стали появляться щели въ разныхъ мѣстахъ, мы пользовались ими изрѣдка, чтобы удовлетворить этой законной потребности. И я помню, съ какимъ чисто институтскимъ любопытствомъ я прильнулъ однажды глазомъ къ такой щели, чтобы взглянуть впервые на гуляющихъ рядомъ дамъ. Точно такимъ же образомъ и въ томъ же мѣстѣ (изъ IV огорода въ III-ій) Людмила Александровна однажды устроила намъ съ С. Ивановымъ «смотръ». Для того, чтобы оказаться въ полѣ лучей ея зрѣнія, мы должны были по ея указанію встать на скамью и стоять тѣсно рядомъ. Вѣроятно, у нея, какъ и у меня, изображеніе получалось со значительной интерференціей, благодаря узости щели.

X.

Это было начало. Тамъ, гдѣ помогаетъ природа, было бы странно, чтобъ не помогъ себѣ самъ человѣкъ. А потому естественно, что щели природныя расширялись искусственно до предѣловъ возможнаго. Когда ихъ забивали, пластыри отбивали. И такъ какъ орудіемъ для этой цѣли служилъ иногда ломъ, то онъ вмѣстѣ съ пластыремъ отдиралъ и основную доску забора. Получался вмѣсто маленькой рыбки большой тараканъ. На дежурныхъ такіе разрушительные пріемы производили ошеломляющее дѣйствіе, и они въ тревогѣ экстренно вызывали смотрителя. Смотрителемъ былъ Фекла—весьма недалекій, простоватый и трусливый старикъ, которымъ помыкало начальство, какъ хотѣло, и который влѣдствіе этого тотчасъ таялъ, если ему напомнишь, бывало, объ его прерогативахъ. Онъ, между прочимъ, признавался въ минуту откровенности, какъ на него кричитъ и топочетъ ногами Дурново, и какъ онъ трепещетъ передъ своимъ строптивымъ начальствомъ. «Департаментъ, это — Богъ нашъ», сказалъ онъ мнѣ какъ-то тономъ глубокаго убѣжденія. Этой-то Феклѣ приходилось теперь отражать натиски, повторявшіеся ежедневно на заборы въ разныхъ углахъ.

Однажды прибѣжалъ онъ ко мнѣ въ такую критическую минуту (я былъ старостой), сильно взволнованный, и началъ жаловаться, что мои товарищи ломаютъ казенныя вещи, и ему ничего

не остается, какъ сейчасъ же дать телеграмму въ департаментъ. Начались переговоры, въ результатѣ которыхъ оказалось, что если онъ не хочетъ, чтобы проломали большія окна, долженъ согласиться на маленькія и оставить ихъ неприкосновенными. Такимъ образомъ, окна, уже прорѣзанныя, рѣшено было сохранить и не забивать, а гдѣ не прорѣзаны, предоставить хозяевамъ прорѣзать по своему усмотрѣнію, но не шире указанныхъ размѣровъ,— величиной, примѣрно, въ книгу средняго формата. Удовольствіе, завоеванное нами, было не высокаго калибра. Представьте себѣ дыру въ двойномъ толстомъ заборѣ, на высотѣ лица сидящаго человѣка. Въ эту дыру можно было видѣть фигуру человѣка на близкомъ разстояніи только по частямъ. Лѣтомъ засѣданіе у этой дыры сходило легко, гладко и пріятно. Зимой же оно было почти несносно: неподвижное пребываніе на снѣгу, при нашей истощенной организаціи, трудно было вынести больше $^1/_4$ часа подъ рядъ безъ серьезнаго риска. Мы, мужчины, большею частью довольствовались случайными сосѣдями, и только въ рѣдкихъ случаяхъ собирались для какихъ-нибудь бесѣдъ послѣ предварительнаго соглашенія. Дамы же назначали себѣ почти ежедневно пару или двѣ сосѣдей, чередуя ихъ постоянно между собой. Тогда-то именно и расцвѣли променадмейстерскія функціи.

О послѣднихъ я забылъ сказать ранѣе, что къ нимъ относилось не только самое комбинированіе гуляющихъ и составленіе расписанія для вахмистра, но и отпечатываніе ихъ въ столькихъ экземплярахъ, сколько было у насъ налицо душъ. Дѣлалось это посредствомъ копировальной бумаги, которая давала до 9 хорошихъ оттисковъ сразу, и значитъ нужно было переписать то же расписаніе ежедневно разъ пять. Когда мы вошли въ променадмейстерскую организацію, каждый утратилъ частицу своихъ правъ на самого себя: онъ не только самъ назначалъ себѣ мѣсто и товарища, но и былъ назначаемъ по заказу другихъ, или по усмотрѣнію самого мейстера. Полезно было знать заранѣе, гдѣ и съ кѣмъ придется завтра быть на той или другой смѣнѣ. Отсюда понятна надобность въ ежедневныхъ изданіяхъ променадмейстерскаго листка, который онъ разсылалъ всѣмъ черезъ того же вахмистра. Какъ кажется, это было первое начало передачи записокъ другъ къ другу черезъ нашу полицію. Впослѣдствіи она постоянно и регулярно исполняла обязанности почтальоновъ, передавая не только то, что писалось относительно нашихъ текущихъ нуждъ, но и то, что совершенно выходило за предѣлы ихъ. Только наши корреспонденціи никогда не назывались письмами, а всегда «записками».

При этихъ окошкахъ въ первый разъ былъ сдѣланъ въ III огородѣ весьма скромный опытъ празднованія дамскихъ именинъ, при усердномъ содѣйствіи покойнаго Н. Д. Похитонова, великаго охотника и мастера сихъ дѣлъ. На свою долю я взялъ декоративную часть устройства не то шатра, не то будки изъ зелени и цвѣтовъ. Впослѣдствіи это дѣло расцвѣло, попавши въ болѣе

опытныя руки; и особенно декоративная часть иногда достигала высокой степени совершенства.

При этихъ же окнахъ мы устроили, и тоже въ III-мъ огородѣ, первую и послѣднюю свою сельско-хозяйственную выставку. На импровизированномъ помостѣ поперекъ всего огорода, накрытомъ простынями, помѣщались горы овощей всевозможныхъ видовъ и сортовъ. Надъ каждымъ продуктомъ значилось имя его хозяина и вѣсъ или объемъ, всегда очень внушительный. Эти вѣсовыя записи съ выставки у меня хранились случайно до послѣднихъ дней, и, къ сожалѣнію, были сожжены вмѣстѣ съ другимъ хламомъ наканунѣ отъѣзда. А то мы теперь могли бы предъявить ихъ какому-нибудь «Отдѣлу земельныхъ усовершенствованій» и требовать отъ него поддержки и поощреній сообразно нашимъ доказаннымъ успѣхамъ и талантамъ. И эти успѣхи были достигнуты всего черезъ какіе-нибудь 4—5 лѣтъ послѣ того, какъ мы съ Лукашевичемъ такъ не блестяще дебютировали съ первой брюквой. Выставку посѣтилъ Гангартъ и прочіе чины нашей администраціи, выразилъ не малое удивленіе нашему искусству, одобреніе усердію и пожелалъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

XI.

Видя такое вниманіе начальства, мы ополчились противъ самаго больного мѣста нашихъ огородовъ—противъ высокихъ заборовъ. Когда я говорю «мы», подъ этимъ обыкновенно разумѣю какое-нибудь коллективное мѣропріятіе, предпринятое по взаимному соглашенію. Когда стало возможнымъ устраивать такое соглашеніе путемъ взаимныхъ переговоровъ, мы обыкновенно рѣшали каждый за себя, что такія-то и такія-то лица, наиболѣе заинтересованныя въ задуманной реформѣ, позовутъ разомъ начальника управленія и, путемъ устнаго убѣжденія, начнутъ воздѣйствовать на него въ желаемомъ смыслѣ. Чѣмъ больше было количество лицъ, позвавшихъ его, тѣмъ вѣрнѣе бывалъ успѣхъ. Вопросъ, такимъ образомъ, освѣщался со всевозможныхъ сторонъ, и коллективная аргументація, складываясь въ одной и той же головѣ, производила максимальный эффектъ. Если дѣло превышало компетенцію мѣстныхъ властей, онѣ обѣщали въ бытность въ Петербургѣ «ходатайствовать» тамъ за наши интересы, и рѣшеніе привозилось уже оттуда. Гангартъ велъ дѣло довольно самостоятельно и бралъ на свой рискъ такія нововведенія, на которыя болѣе робкіе преемники его никакъ не осмѣливались. И только единственный, кажется, разъ ему пришлось вскорѣ же прекратить такое нововведеніе по требованію департамента: онъ согласился абонироваться для насъ въ Петербургѣ въ общественной библіотекѣ Иванова, и мы уже нѣсколько разъ получили и обмѣняли книги, какъ вдругъ «зло» было пресѣчено въ корнѣ.

Такимъ же путемъ мы открыли походъ и противъ заборовъ. Въ самомъ дѣлѣ, у солнечнаго забора, по узкой полосѣ, доступной лучамъ солнца, овощи росли хорошо. Въ тѣни же, у тѣневого забора, ничего не выходило.

Заборъ этотъ оттѣнялъ почти половину огорода и, такимъ образомъ, лишалъ насъ простора, столь необходимаго въ нашихъ полезныхъ и плодотворныхъ трудахъ. Резоны, приведенные съ нашей стороны, были настолько убѣдительны, что Гангартъ внялъ имъ и приказалъ унтерамъ снять верхнюю часть забора (3—4 доски), высотой въ 1 арш., а въ клѣткахъ понизилъ еще болѣе и всюду вмѣсто снятой части устроилъ деревянную рѣшетку изъ вертикально поставленныхъ брусковъ, толщиною въ одинъ вершокъ. Когда былъ произведенъ первый опытъ пониженія съ однимъ заборомъ, и Фекла увидалъ въ натурѣ плодъ либеральнаго предписанія, онъ пришелъ въ большое волненіе. Помилуйте! Если немного приподняться, то можно видѣть все, что дѣлается въ сосѣднемъ огородѣ! Но волненіе его скоро успокоили,—на то онъ и былъ Феклой; а когда заборы всѣ были передѣланы, то въ укромныхъ уголкахъ, гдѣ предполагалось сидѣть и бесѣдовать съ сосѣдями, появились платформы собственнаго издѣлія на такой высотѣ, какая требовалась въ интересахъ удобства сношеній. Конечно, долгіе дипломатическіе переговоры велись изъ-за каждаго такого помоста, и каждый вершокъ высоты его отстаивался рѣшительно, какъ вообще въ дипломатическихъ сношеніяхъ — доводами важными, убѣдительными и неотразимыми: одинъ боялся сырости, и потому устраивался выше почвы, другой вспоминалъ про зимніе заносы и заботился о томъ, чтобы помостъ всегда былъ сухъ и расположенъ выше толстаго слоя снѣга, третій былъ слѣпъ и тянулся къ солнцу и т. д. На этотъ разъ дипломатія тоже одержала верхъ. И платформы были устроены въ такомъ разсчетѣ, чтобы стоя на нихъ можно было быть лицомъ къ лицу съ сосѣдями, отдѣленными только одной рѣдкой рѣшеткой [1]). Отъ дождя платформы были защищены навѣсами, которые установили выше заборовъ; и такимъ образомъ расширеніе сферы сношеній сдѣлало еще большой шагъ впередъ и было обставлено всѣми удобствами, какія только допускало мѣсто, засаженное всюду разными растеніями.

Наибольшія удобства давалъ единственный пунктъ, гдѣ соприкасались 5 и 6 клѣтки съ I огородомъ, и гдѣ могли совмѣстно бесѣдовать 6 человѣкъ, и всѣ шестеро говорить еще съ двумя помѣщавшимися въ 4-й клѣткѣ. И подобно тому, какъ всюду удобства мѣстности предопредѣляютъ судьбы великаго города, такъ и у насъ образованіе настоящаго «клуба» было предначертано, такъ сказать, самой природой. Здѣсь-то и протекала отнынѣ вся наша публичная жизнь, пока черезъ нѣсколько лѣтъ для нея не нашлось другого, еще лучшаго мѣста. И здѣсь не только читались рефераты и лекціи и происходили всевозможные предметные уроки изъ области науки и техники; сюда приносилась даже иногда классная доска (обычно висѣвшая у

---

[1]) Разстояніе между брусками, составлявшими эту рѣшетку, было установлено администраціей—въ томъ разсчетѣ, чтобы въ промежутки нельзя было просунуть голову.

Морозова въ камерѣ), гдѣ Лукашевичъ наглядно изображалъ разныя мудреныя вещи, бывшія предметомъ интереса для собравшихся слушателей. Впрочемъ начало нашимъ «ученымъ» занятіямъ было положено въ менѣе удобной обстановкѣ въ III огородѣ, и иниціаторомъ ихъ былъ я, открывшій для своей огромной аудиторіи (въ 5 человѣкъ) курсъ чтеній по русскому государственному праву, точнѣе—объ учрежденіяхъ земскихъ и крестьянскихъ. Шли они, впрочемъ, довольно вяло, что́ зависѣло въ равной мѣрѣ, какъ отъ предмета, такъ и отъ лектора, читавшаго исключительно по запискамъ. Впослѣдствіи самымъ усерднымъ насадителемъ и организаторомъ этихъ лекцій всегда была Вѣра Николаевна, сохранившая до конца самый живой интересъ ко всевозможнымъ отраслямъ знанія и искусства и проявлявшая много настойчивости и упорства въ преслѣдованіи своихъ художественныхъ и научныхъ цѣлей. Особенно много усердія обнаруживала она въ стремленіи овладѣть предметомъ, который наименѣе поддавался ея усиліямъ. И было время напр., когда кристаллографическія системы и изученіе ихъ на моделяхъ (работы Лукашевича) составляли не только злобу дня, но и преобладающій интересъ въ совмѣстныхъ свиданіяхъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Тогда термины: «икоситетраэдръ» и «базопинакоидъ», «геміэдрія тетартоэдрическая и скаленоэдрическая» оглашали воздухъ по цѣлымъ часамъ къ великому изумленію и смущенію нашихъ унтеровъ, которые должны были по долгу службы доносить о всѣхъ нашихъ разговорахъ, и едва ли могли повторить съ приблизительною правильностью эти необыкновенно странныя названія.

Впрочемъ, чтобы читатель не подумалъ, что мы въ клубахъ только и дѣлали, что занимались науками, я долженъ предупредить, что эти занятія были все же исключеніемъ, которое остается въ памяти, какъ явленіе, выходящее изъ ряду вонъ. Обычно же въ клубѣ занимались простыми разговорами на всевозможныя злободневныя темы, главнымъ же образомъ, изъ области свѣжихъ и старыхъ административныхъ мѣропріятій, или изъ области только что прочитанныхъ журнальныхъ хроникъ. Это называлось обмѣномъ «новостей» и переходило часто въ пренія, которыя сопровождались галдѣніемъ. Оттого за клубомъ, особенно въ послѣднее время, все больше и больше упрочивалось менѣе лестное названіе «толкучки».

При всякомъ клубѣ, говорятъ, полагается и буфетъ. Устраивался онъ здѣсь и у насъ, конечно въ исключительныхъ случаяхъ, раза 3—4 въ годъ, съ крѣпкими напитками, или безъ оныхъ, смотря по политическому барометру. Хозяйками при этомъ были, конечно, дамы, сначала обѣ, а потомъ одна Вѣра Николаевна а организаторами и исполнителями—всѣ, чувствовавшіе себя особо одаренными въ области кулинарныхъ искусствъ, относимыхъ почему-то до сихъ поръ къ разряду неизящныхъ. Такъ какъ мы были народъ безъ предразсудковъ, и притомъ «ничто человѣческое намъ не было чуждо», то въ нашей жизни было не безъ

крайностей, и сторонній наблюдатель (если бы онъ былъ возможенъ) не безъ ужаса усмотрѣлъ бы, какъ иной даровитый субъектъ, только что набившій парникъ навозомъ, шелъ затѣмъ къ себѣ и приготовлялъ безэ. А другой, еще болѣе даровитый, ободравши крысу и сдѣлавши изъ нея прекрасное чучело, вслѣдъ затѣмъ созидалъ не менѣе очаровательный и весьма живописный тортъ. Конечно, слухи о такихъ празднествахъ, вѣроятно, преувеличенные, доходили до департамента, и директоръ Зволянскій съ большимъ укоромъ выговаривалъ смотрителю Дубровину:

«Они тамъ у васъ цѣлые фестивали устраиваютъ!»

XII.

Здѣсь будетъ умѣстно разсказать кстати и конечную судьбу нашихъ черезъзаборныхъ сношеній. Съ появленіемъ у насъ Яковлева и воцареніемъ на Руси Плеве, наши прежніе порядки, какъ слишкомъ либеральные, скоро пошли на смарку. Осталась конституція, но сугубо куцая. Заборы, очевидно, мѣшали крѣпко спать Яковлеву, какъ поклоннику старыхъ традицій, вѣроятно, слыхавшему отъ мудрыхъ людей, что правило «divide et impera» никогда не старѣетъ. Къ этому времени наши заборы уже порядочно подгнили, хотя стояли еще прочно на своихъ мѣстахъ и простояли бы еще хоть 5 лѣтъ. Но новая метла всегда чисто мететъ, и потому рѣшено было эти заборы замѣнить другими. Кому же неизвѣстно, что всякая новая постройка для чиновниковъ—чистая находка, и что въ частности жандармское вѣдомство, какъ удостовѣрилъ насъ военный инженеръ, часто пріѣзжавшій туда по поводу ремонтовъ, «любитъ строиться». Моментъ былъ очень удобенъ для того, чтобъ не только организовать новую постройку, т. е. получить деньги, но и усердіемъ въ надстройкѣ заборовъ доказать, такъ сказать, свою плевеальность (я чуть не сказалъ—свою лояльность).

По привычкѣ дѣйствовать тайно (онъ всячески ухитрялся скрыть отъ насъ даже рожденіе наслѣдника), не предупреждая насъ заранѣе, точно готовилъ пріятный сюрпризъ, онъ въ одинъ прекрасный день весной 1903 г., сломалъ заборы VII и VIII огородовъ, которые были недавно еще строены и отнюдь не требовали ремонта, и воздвигъ на ихъ мѣсто другіе, ровно въ 4 арш. высотой, уничтожившіе рѣшетку совершенно. Мы предъявили къ нему коллективную претензію и, должно быть, многіе наговорили ему не очень лестныхъ для него вещей, судя по тому, что у меня, послѣ всѣхъ, онъ былъ необычайно красенъ и обѣщалъ, какъ всегда, поѣхать въ Петербургъ и хлопотать въ нашу пользу. Оттуда онъ привезъ резолюцію—сохранить рѣшетки, но не во всякомъ огородѣ, какъ было ранѣе, а черезъ огородъ. Высота же заборовъ осталась, какъ онъ выстроилъ, въ 4 арш. Благодаря этому, у новыхъ заборовъ рѣшетка должна была начаться тамъ, гдѣ у старыхъ была верхушка всего забора. Все было

устроено какъ будто нарочно для того, чтобы доставить намъ побольше неудобствъ. Подняться выше, до возможности говорить опять сквозь рѣшетку, было не трудно, хотя бы для этого понадобилось дѣлать спеціальныя лѣстницы. Но для достиженія цѣли это было всетаки очень неудобно. Затѣмъ стоять и говорить было легко еще въ ясную погоду, а въ дождь общеніе должно было прекращаться, потому что навѣсы, по требованію Яковлева, мы должны были устроить ниже рѣшетокъ.

Много труда было потрачено на то, чтобы преодолѣть всѣ эти препоны и устроить хоть что-нибудь практичное, главнымъ образомъ для Вѣры Николаевны, которая давно была у насъ одна и, не имѣя возможности оффиціально видѣться съ мужчинами, должна была, послѣ 20 лѣтъ заключенія, очутиться опять въ полномъ одиночествѣ. Яковлевъ, конечно, понималъ это, тѣмъ болѣе, что Н. П. Стародворскій предупредительно напомнилъ ему, какъ онъ ломалъ прежніе заборы ломомъ подъ вліяніемъ совершенно аналогичныхъ побужденій. И потому, затруднивши, елико возможно, пользованіе рѣшетками (можетъ быть, для уничтоженія «фестивалей»!), онъ все же не запрещалъ намъ цѣпляться за нихъ подобно акробатамъ и дѣлать для этого кой какія передвижныя и переносныя приспособленія.

Когда началась «эпоха довѣрія», осенью 1904 г. Яковлевъ, какъ было сказано, выжилъ-таки насъ съ того двора, гдѣ процвѣтала наша парниковая культура, очевидно, приготовляя его заранѣе подъ лобное мѣсто.

Но чтобы не лишить насъ окончательно парниковъ, онъ распорядился устроить для нихъ спеціальный дворикъ, разгородивши для этой цѣли заборы у I огорода между II огородомъ 5 и 6 клѣткой.

И эти новые заборы, такъ прочно и основательно воздвигавшіеся всего годъ назадъ, тѣ же самые солдаты, которые строили ихъ, съ большимъ трудомъ извлекли изъ земли (столбы вкопаны были очень глубоко) и увезли со двора.

Тогда же, подъ горячую руку, онъ обѣщалъ и понизить только что повышенные заборы. Это дало поводъ Н. А. Морозову сострить, что передъ манифестомъ нарочно повысили заборы, чтобы имѣть возможность «даровать» намъ что-нибудь послѣ манифеста.

Но наши взоры въ это время были устремлены уже за предѣлы крѣпости, гдѣ разыгрывалась трагедія повыше нашихъ заборныхъ передрягъ, и гдѣ рѣшались судьбы и насъ самихъ, и нашихъ охранителей.

Такъ и погибли теперь эти никчемные заборы, на стоимость которыхъ можно бы было построить не одну деревенскую школу.

М. В. Новорусскій.

Выборгъ.
24-го марта
1906 г.

Въ Шлиссельбургской крѣпости [1]).

Расцвѣтъ хозяйственной дѣятельности.

Политика внутренняя и внѣшняя.

I.

Переходя къ организаціи мастерскихъ, я вынужденъ снова вернуться назадъ. До какой степени въ первые годы былъ не ко двору у насъ какой бы то ни было ручной трудъ, можно видѣть изъ одного забавнаго случая, который я разскажу сейчасъ.

Это было болѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ моего водворенія здѣсь. Во время ванны, какъ я говорилъ ранѣе, камера обыскивалась, обыскивалась и только что снятая верхняя одежда самымъ тщательнымъ образомъ (хотя въ ней никакихъ кармановъ не полагалось). Обыскъ производился не менѣе, какъ двумя унтерами, при чемъ второй, очевидно, контролировалъ перваго. Если одежда требовала ремонта, ее тутъ же чинили, конечно, крайне примитивнымъ образомъ. Все это дѣлалось на глазахъ у мывшагося, такъ какъ ванна помѣщалась тогда въ дежурной комнатѣ.

Случилось какъ-то, что послѣ такой операціи съ моимъ костюмомъ жандармы обнаружили у себя пропажу иголки. Вѣроятно, обыскавши всю свою комнату, они убѣдились, что иголка не иначе, какъ осталась воткнутой въ одежду. Примѣрно черезъ $^1/_2$ часа послѣ того, какъ я вымылся, ко мнѣ въ камеру пришелъ упомянутый выше «Классикъ» съ жандармами и усердно просилъ поискать у себя, нѣтъ ли иголки, и затѣмъ возвратить ему. Я недоумѣваю, почему эта тревога, и что за бѣда, если бы она и совсѣмъ у меня осталась?

Классикъ отвѣчаетъ: «Что вы? Вѣдь это инструментъ»! И въ тонѣ его обнаружилась такая растерянность, точно онъ подлежалъ уголовному суду за тайную передачу арестанту какого-нибудь смертоноснаго орудія. Не найдя у меня ничего, они пошли къ Лукашевичу, который мылся ранѣе меня, и были чрезвычайно довольны,

[1]) См. „Былое" кн. 4, 6 и 7.

отыскавши у него свою пропажу. Съ радости, или въ награду, «Классикъ» послѣ этого цѣлую недѣлю пускалъ насъ гулять вдвоемъ и притомъ по двѣ смѣны.

Понятно, поэтому, что дѣло о мастерскихъ туго подвигалось впередъ, хотя въ инструкцію давно внесено было разрѣшеніе заниматься работами. Вопросъ о нихъ поднимался постоянно, но особенно часто напоминали объ этомъ высокимъ посѣтителямъ наши рабочіе, привыкшіе къ ручному труду и скучавшіе безъ него больше, чѣмъ мы. Я же лично относился тогда къ физическимъ работамъ очень равнодушно. Я не цѣнилъ ихъ даже, какъ моціонъ, потому что съ первыхъ же мѣсяцевъ заключенія началъ заниматься гимнастикой и проводилъ каждое утро не менѣе $^1/_2$ часа въ разныхъ акробатическихъ упражненіяхъ.

Вставши утромъ, я обмывалъ водой, которой тамъ всегда было большое изобиліе, верхнюю часть туловища (и зимой и лѣтомъ). Конечно, при этомъ я страшно брызгался и потому принужденъ былъ потомъ вытирать полъ насухо. Это—фигура первая. Затѣмъ, все еще безъ рубашки, начинались попытки стать на руки головою внизъ, ногами къ небу — это фигура вторая, и т. д. Для дежурнаго, который неизмѣнно заглядывалъ въ стеклышко, должно быть это было занятное зрѣлище; оконную форточку при этомъ я держалъ открытой и зимой (наловчившись самъ лазить на окно и открывать ее), и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ сравнительную нечувствительность къ холоду. Со временемъ я сталъ хлопотать объ устройствѣ душа въ пустой свободной камерѣ; и онъ, дѣйствительно, былъ устроенъ (съ сильнымъ напоромъ воды), а затѣмъ туда же перенесли и ванну, такъ что мыться уже стали безъ соглядатаевъ. Подъ душъ я ходилъ регулярно каждый день, кажется, лѣтъ 12 и разстался съ нимъ не безъ сожалѣнія.

II.

Какъ я уже сказалъ, къ ремесламъ я былъ равнодушенъ. И когда дѣло разрѣшенія ихъ стояло уже на мази, и Федоровъ спросилъ меня однажды, какимъ именно ремесломъ я думаю заняться, я былъ въ большомъ затрудненіи.

— Башмачнымъ.—сказалъ я, наконецъ, думая, что это—самое легкое изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, и, значитъ, самое доступное. Притомъ, у сапожника мнѣ, какъ и всякому, приходилось бывать нерѣдко, а другихъ мастерскихъ я даже не видывалъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

Сначала открыли одну только столярную (кажется въ 90 г.) и представили ее Варынскому, какъ человѣку, уже сильно страдавшему одышкой, для моціона. Онъ сдѣлалъ недурной сапожный столикъ, и когда кончилъ его, я приглашенъ былъ въ мастерскую въ «сарай»—двигать башмачное дѣло. Мнѣ дали колодку, кожу и инструменты и предложили сдѣлать башмаки для Лукашевича, такъ

какъ для его феноменальной ноги казенная обувь была тѣсна, и ему дѣлали ее на заказъ.

Не мало тутъ пришлось мнѣ поломать голову, чтобы собразить, какъ прикрѣпляется подошва. Можетъ быть, я и не рѣшилъ бы этой задачи, если бы не догадался спросить старые башмаки и распороть ихъ; вся премудрость обнаружилась сдѣсь воочію. Но и сверхъ того, оставались еще многія детали, которыя казались мнѣ неразрѣшимыми. Къ счастью, въ это время сидѣлъ рядомъ со мной П. Л. Антоновъ,—на всѣ руки мастеръ. Я возвращался домой и стукомъ передавалъ ему всѣ мои недоумѣнія и затрудненія, которыя онъ тѣмъ же путемъ терпѣливо и разъяснялъ мнѣ, вѣроятно, не мало дивясь моей наивности.

Какъ бы тамъ ни было, но, примѣрно черезъ мѣсяцъ, пара башмаковъ была готова. Я утѣшалъ себя тогда тѣмъ, что первый русскій корабль въ Воронежѣ строился еще дольше. Описывая всю тогдашнюю волокиту, Соловьевъ въ утѣшеніе читателя говоритъ: «какъ ни долго строили, а все-таки выстроили»! Выстроилъ и я свои башмаки. Впослѣдствіи я слыхалъ, что, когда въ 70-хъ годахъ заводились артельныя мастерскія людьми, искавшими единенія съ народомъ, то у нихъ башмакодѣланіе шло не съ большей быстротой, чѣмъ у меня, предоставленнаго исключительно собственнымъ силамъ. Въ рѣдкихъ случаямъ, при окончаніи рабочаго времени (передъ чаемъ), когда за мной приходилъ вахмистръ, онъ кое-что указывалъ мнѣ. Но самъ онъ, кажется, не умѣлъ шить, а судилъ, какъ всякій солдатъ, постоянно видавшій сапожную работу.

Таково было начало. Это же было началомъ и легализированныхъ разговоровъ съ унтерами, при чемъ вначалѣ слово было предоставлено исключительно одному вахмистру.

III.

Послѣ этого подвига мнѣ предложено было зарекомендовать себя въ столярной такимъ же успѣхомъ. Варынскій, должно быть, утомился, еще болѣе расхворался и не ходилъ уже въ мастерскую. На его мѣсто привели меня въ столярную, точно также послѣ обѣда, заперли и ушли. Смотрю я тутъ на разные инструменты, удивляюсь премудрости человѣческаго генія, изобрѣвшаго такія остроумныя штучки, о назначеніи коихъ я никогда бы не догадался, хоть 100 лѣтъ просиди тамъ. Помню, особенно рейсмасъ поразилъ меня своимъ хитроуміемъ, и я мысленно порѣшилъ, что это, навѣрное, машинная работа, потому что такъ тонко не въ силахъ оборудовать его человѣческая рука.

Запирая дверь, мнѣ сказали, что нужно выстрогать доску (около 2 арш. длиной). Я храбро принялся за работу, усердно старался, еще усерднѣе утиралъ потъ, перебралъ всѣ инструменты, о которыхъ я могъ догадываться, что ими строгаютъ, и, увы, доски этой за 3 часа я все же не успѣлъ выстрогать! Не знаю, сколько по-

томъ понадобилось мнѣ дней, (одинъ, два или три), пока я не догадался о причинѣ моей неудачи. Ларчикъ просто открывался: оказалось, что всѣ инструменты были безподобно тупы. Я гордился такимъ открытіемъ, потому что оно было продуктомъ исключительно единоличнаго моего разума. Но доискаться причины и удалить ее—далеко не одно и то же. Долго и много я точилъ, такъ долго, какъ это можно дѣлать только тамъ, гдѣ я сидѣлъ, и гдѣ спѣшить было рѣшительно некуда. Но все-таки я не сумѣлъ наточить! Не обошлось и здѣсь безъ помощи стука и разъясненій Антонова. Таково было второе начало.

Послѣ этого не прошло и двухъ лѣтъ, какъ я самъ уже могъ сдѣлать точно такой же рейсмасъ, который такъ удивилъ меня въ первый день тонкостью своей работы. А теперь, когда мои коллекціи и др. издѣлія разошлись довольно широко, не мнѣ уже говорить о результатахъ, къ которымъ привело это далеко не блестящее начало.

Долгое время дѣйствовали только эти двѣ мастерскихъ. Былъ ли у жандармовъ недостатокъ въ средствахъ, чтобы завести ихъ разомъ нѣсколько штукъ, или, вѣрнѣе, всюду разлитая боязнь разрѣшать сразу какое бы то ни было нововведеніе, но только новыхъ мастерскихъ пока не открывали, а въ этихъ работали поочередно, при чемъ администрація допускала туда не всѣхъ одинаково охотно. Даже значительно позже, когда мы уже всѣ пользовались этой «льготой», Антонову еще не разрѣшали ея и держали его на особомъ положеніи. Между тѣмъ его «поведеніе», которое служило условіемъ полученія льготы, ничѣмъ не отличалось отъ поведенія всѣхъ остальныхъ.

IV.

Когда и при какихъ условіяхъ была организована переплетная мастерская, я рѣшительно не помню. Не помню я также начала и расцвѣта ажурныхъ работъ, которыя предшествовали всѣмъ другимъ, и которыми одно время, за неимѣніемъ ничего лучшаго, многіе увлекались, особенно дамы. Манучаровъ, В. Ивановъ и Похитоновъ были спеціалистами этого дѣла и создали много изящныхъ вещицъ, которыя разошлись по рукамъ жандармовъ и департаментскихъ чиновниковъ. Но самъ я ажурами не занимался.

Точно также почему-то очень долго сторонился я и отъ переплетной работы. Мнѣ казалось, что она предназначена исключительно для больныхъ и слабосильныхъ, а здоровому человѣку не даетъ никакого упражненія. По единообразію же пріемовъ она представлялась мнѣ очень скучной, неспособной дать пищи творческому воображенію. И первый починъ въ переплетномъ дѣлѣ я сдѣлалъ только тогда, когда оно стало обязанностью для всѣхъ. Эту науку я началъ уже въ «сараѣ», подъ руководствомъ одновременно Вѣры Николаевны и М. Ф. Фроленко. Мы съ Фроленко расположились со всѣмъ переплетнымъ багажомъ на корридорѣ, возлѣ

двери столярной мастерской Вѣры Николаевны. Форточка въ ея двери была открыта, и мы поминутно передавали въ нее другъ другу книги и матеріалы. Прессы у насъ были на корридорѣ, и всякую деталь работы, не требующую зажатія, Вѣра Николаевна исполняла сама, а зажимать подавала намъ. Ученикомъ я оказался понятливымъ, судя по тому, что переплетя вмѣстѣ съ ними партію книгъ, я въ слѣдующій разъ приступилъ къ работѣ уже одинъ.

Токарная была открыта года черезъ 2 или 3 послѣ начала работъ. Помню, какъ Гангартъ во время какого-то обычнаго интервью по поводу нашихъ ремесленныхъ нуждъ впервые предупредилъ меня, что онъ скоро дастъ намъ токарный станокъ. Я сказалъ, что не имѣю ни малѣйшаго представленія объ этой работѣ, и сомнѣваюсь, буду ли я въ состояніи оказать въ ней какіе-нибудь успѣхи. Онъ отвѣтилъ, что это очень просто и даже разсказалъ, какъ это дѣлается. Отъ этого мои представленія очень мало прояснились.

Когда же станокъ былъ оборудованъ, кажется, при помощи Антонова (старенькій и первобытнаго устройства), я пришелъ какъ-то къ нему впервые посмотрѣть, что это за штука. Въ это время намъ уже разрѣшено было работать вдвоемъ и притомъ ходить въ мастерскую по собственному выбору къ тому или другому товарищу. Хотя въ дѣтствѣ я обнаруживалъ нѣкоторый интересъ къ ручному труду и, въ частности, къ сложнымъ механизмамъ, но не видывалъ почти ни одного изъ нихъ (кромѣ мельницъ), и передъ машиной испытывалъ какую-то странную робость, точно это орудіе превосходитъ всякое мое разумѣніе. Такъ и токарный станокъ казался мнѣ машиной. Уже одно то, что эта штука постоянно вертится, и вертится какъ бы автоматически (ножное движеніе почти незамѣтно) приводило меня въ немалое смущеніе.

Антоновъ въ 5 минутъ разсказалъ мнѣ всѣ главные пріемы работы и затѣмъ предоставилъ меня всецѣло самому себѣ. Это было четвертое начало, при обстоятельствахъ столь же благопріятныхъ для начинающаго, какъ и въ переплетной работѣ.

V.

Но это было значительно позднѣе. Прошло уже добрыхъ 2 года съ тѣхъ поръ, какъ устроены были столярная и сапожная, и какъ мы дѣлали въ нихъ въ одиночку свои первые мудреные опыты.

Корень ученія горекъ, должно быть всякаго ученія. У насъ же притомъ были всѣ данныя, чтобы обострить эту горечь. Трудно теперь представить всю массу неблагопріятныхъ условій, которыя приходилось тогда преодолѣвать, чтобы сдѣлать хоть какіе-нибудь успѣхи. Едва ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь дѣлались опыты обученія ремеслу въ условіяхъ аналогичныхъ нашимъ. Въ тюрьмахъ, какъ общее правило, научаютъ ремеслу. Но каждый новичекъ учится тамъ у какого-нибудь другого мастера, будетъ ли это товарищъ по

несчастію, надзиратель, или спеціально приставленный руководитель. Быть можетъ, наша администрація, разрѣшая намъ мастерскія, нарочно оставила ихъ въ тѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы жили, въ разсчетѣ, что побалуются люди, да и перестанутъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать что-нибудь путное, не видавши ни разу въ жизни ни верстака, ни коловорота? Возможно ли что-нибудь задумать и осуществить въ пустой камерѣ, гдѣ брошены были точно на смѣхъ 2—3 обрубка дерева и нѣсколько негодныхъ старыхъ досокъ?

Но нашему упорству не было границъ. Къ мастерскимъ мы не только не охладѣли, но скоро же воспользовались ими, какъ тараномъ, чтобы проламывать новыя бреши въ суровомъ режимѣ, недавно казавшемся нерушимымъ. Всякій вѣдь режимъ разрушается жизнью, и разрушается тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше онъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни. Внеси во всякую китайщину новыя условія и новыя потребности, и старыя нормы тотчасъ заколеблются. Въ нашей жизни строго была проведена одна норма, бывшая устоемъ ея,—полное изолированіе насъ другъ отъ друга. Въ видѣ исключенія, которое соблюдалось неукоснительно, мы могли видѣться съ товарищами только на дворѣ, точно предполагалось, что два опасныхъ человѣка, сойдясь вмѣстѣ, образуютъ такую разрушительную силу, которую нельзя спускать съ глазъ, и предъ которой цѣлый десятокъ жандармовъ долженъ быть постоянно насторожѣ. А потому, ни свиданіе другъ съ другомъ въ камерахъ, ни передача другъ другу записокъ, рукописей и проч., ни, тѣмъ болѣе, встрѣчи разомъ втроемъ ни коимъ образомъ не были терпимы въ нашемъ пенитенціарномъ царствѣ.

Въ частности, свиданія въ жилыхъ камерахъ считались безусловно недозволительными. И на этотъ счетъ въ самой послѣдней инструкціи, созданной уже во время наибольшихъ у насъ свободъ, былъ введенъ нелѣпѣйшій §. Въ немъ говорилось, что свиданіе въ спальнѣ можетъ состояться не иначе, какъ въ присутствіи смотрителя, и о каждомъ такомъ свиданіи, равно какъ о причинахъ онаго, должно быть доводимо немедленно до свѣдѣнія департамента полиціи. Понятно, что такое правило или обходилось, или совсѣмъ не соблюдалось.

VI.

Разрѣшеніе мастерскихъ вскорѣ же выдвинуло на сцену всѣ дальнѣйшія разрѣшенія. Практика имѣетъ свою логику. Если вамъ разрѣшили, скажемъ, сѣять рѣпу, и при этомъ не прибавили, что вы можете для этого пользоваться почвой, то вы даже отъ жандармовъ можете вытребовать себѣ послѣднюю, руководясь даннымъ вамъ правомъ. Точно также и въ ремеслѣ. Когда оборудовано было 8 или 9 столярныхъ, и во всѣхъ нихъ работали, трудно было удержать ихъ въ той же изоляціи другъ отъ друга, въ какой держали жильцовъ совершенно пустыхъ камеръ.

Самый наборъ инструментовъ требовалъ постоянныхъ сношеній. Болѣе рѣдкіе и дорогіе изъ нихъ находились всего въ одномъ или двухъ экземплярахъ, и потому, въ случаѣ надобности, неизбѣжно приходилось посылать за ними дежурныхъ къ сосѣду. Дежурные, вообще незнакомые со столярнымъ дѣломъ, были плохими передатчиками такихъ порученій и постоянно путали. Зенковка, коловоротъ, шпунтубель, цикубель, галтель, калевка — для нихъ былъ звукъ пустой. А исполнивши порученіе неправильно, дежурный рисковалъ попасть между двухъ огней и выдержать перепалку съ той и другой стороны. Если же онъ не могъ самъ быть точнымъ, онъ долженъ передать записку отъ одного къ другому, гдѣ объ этомъ говорилось также. Это было до такой степени очевидно для самихъ жандармовъ, что, когда позднѣе Карповичъ былъ совершенно изолированъ отъ насъ и однако пользовался мастерской, ему позволяли писать къ намъ записки по дѣламъ его ремесла и получать обратно отвѣты. Только вахмистръ обязательно ихъ переписывалъ и передавалъ не подлинникъ, а копію! Любопытно, что этого пріема они почему-то не употребляли съ нашими письмами къ роднымъ и отвѣтами на нихъ, а передавали ихъ въ подлинникѣ, и притомъ безъ всякихъ слѣдовъ реактива.

Далѣе. Допустивши мастерскія, трудно было отказать въ разрѣшеніи работать вдвоемъ. Сѣяли въ огородѣ мы вмѣстѣ. Почему же строгать доски мы не можемъ вдвоемъ? И если, по существу дѣла, огородъ можно было разводить и въ одиночку, то столярничать въ одиночку просто немыслимо: при склейкѣ и сборкѣ крупныхъ частей необходимъ былъ какой-нибудь помощникъ. Не дадутъ намъ товарища, такъ мы будемъ звать для этого корридорныхъ и подвергать ихъ постоянному риску тлетворной заразы отъ частаго соприкосновенія съ нами. Всѣ эти соображенія появлялись сами собой и неминуемо вели къ разрѣшенію парныхъ работъ.

VII.

Затѣмъ вскорѣ же открылась потребность выхода на корридоръ. Столярамъ постоянно требуется клей. Разогрѣвался онъ дежурнымъ тутъ же, въ «сараѣ» на плитѣ. Но клеянокъ было только двѣ, а спросъ на нихъ непрерывный: одному, по ходу его дѣла, нуженъ былъ густой клей, другому—жидкій, одному—горячій, другому—чуть теплый. Никакое стараніе дежурнаго не могло угодить всѣмъ требованіямъ, а стараться ради нашихъ интересовъ они вовсе не привыкли. Простой исходъ изъ этого затрудненія подсказывался самъ собой—выпустить разогрѣвать клей самого мастера.

Но плита была почти на корридорѣ, и здѣсь лежалъ запасный лѣсъ, который здѣсь только и можно было разрѣзать на требуемыя части. Когда позволено было работать вдвоемъ, стали и на корридоръ выпускать по двое. Но въ это время рабочихъ душъ набралось въ сараѣ до 16 человѣкъ. Потребность въ выходѣ стала

настоятельнѣе и чаще. Кому нужно было выйти, тотъ не могъ принимать въ соображеніе, что въ этотъ моментъ кто-нибудь грѣетъ свой клей на плитѣ и, конечно, не торопится уйти въ душную мастерскую, а другой рѣжетъ доски на корридорѣ и тоже не имѣетъ интереса спѣшить. Почему же меня не желаютъ выпустить? Развѣ я могу помѣшать тому или другому? И развѣ кѣмъ-то выдуманное требованіе на счетъ двойственнаго числа можетъ быть обязательно для меня, какъ столяра? Вѣдь я пришелъ въ мастерскую работать, а не сидѣть сложа руки да играть въ бирюльки. Почему же меня заставляютъ ждать невѣдомо чего, когда и всего-то мнѣ нужно выйти только на 2 минуты? Что нибудь одно: или разрѣшается работать, или запрещается. Если разрѣшается, почему же мнѣ на практикѣ не даютъ возможности пользоваться этимъ разрѣшеніемъ? и т. д. и т. д. Получается рядъ коллизій, и всѣ онѣ ведутъ къ одному исходу: новыя потребности нельзя втискивать въ старые законы.

Если-бы мы жили въ эпоху, когда вопросъ о нашей жизни и смерти былъ безразличенъ для правящихъ нами сферъ, онѣ бы скоро сумѣли разрѣшить эти коллизіи по-своему, какъ это и было потомъ въ министерство Плеве: вы не хотите работать въ тѣхъ рамкахъ, какія мы нашли нужнымъ прописать вамъ,—какъ хотите. Законы наши святы, и перемѣны въ нихъ вы не ждите. Но мы жили тогда въ эпоху, когда массовыя смерти не на шутку обезпокоили нашихъ блюстителей, и они во время сообразили, что мы для нихъ настоящая курица, несущая золотыя яйца; если зарѣзать насъ всѣхъ, всякому доходу конецъ, а если сохранять, и какъ можно дольше, то можно обезпечить себѣ возлѣ насъ пожизненную ренту, притомъ въ размѣрахъ, чрезвычайно соблазнительныхъ. Очевидно, надо дорожить нами (новыхъ вѣдь ужъ больше не привозятъ!) и всячески обезпечивать наше долголѣтіе. Въ этихъ видахъ мастерскія по справедливости должны считаться наиболѣе раціональнымъ средствомъ для лѣченія отъ тюремной нейрастеніи, апатіи, желудочныхъ и проч. недуговъ, связанныхъ съ безцѣльнымъ и сидячимъ образомъ жизни, а равно и для предупрежденія новыхъ подобныхъ заболѣваній.

VIII.

А тутъ еще какъ разъ рядомъ, у самаго «сарая», организовались сельско-хозяйственныя работы. Я уже говорилъ, какъ сюда постепенно водворили парники. Дворъ раздѣлялся на 2 неравныя части проходящей по нему дорогой (панелью). Парники помѣщались по одну сторону ея, и возлѣ нихъ все пространство скоро было сплошь воздѣлано. Другая, меньшая половина, оставалась еще пустыней, и при той жаждѣ земли, которая овладѣвала нами по мѣрѣ развитія сельско-хозяйственной техники и соотвѣтствующаго расширенія нашихъ замысловъ, было не легко мириться съ ея пустованіемъ. Въ то же время начальство упорно противилось ея воз-

дѣлыванію, очевидно, желая сохранить ее въ такомъ видѣ на случай неожиданнаго спроса для сооруженія эшафота.

Однажды, въ началѣ лѣта, я, не мудрствуя лукаво, вооружился лопатой и вонзилъ ее въ заповѣдную пустошь. Затѣмъ намѣтилъ направленіе будущей грядки вдоль панели и продолжалъ копать сообразно этому плану. Дежурные въ тревогѣ побѣжали за «Феклой» и поспѣшно привели его, очевидно, для пресѣченія самовольнаго захвата новыхъ земель. Начались распросы и препирательства. Я объяснилъ, что хочу только вдоль всей дороги протянуть грядку, дабы посадить на ней цвѣты, и затѣмъ пустился въ дипломатію. Цѣль моя,—доказывалъ я,—не только вполнѣ невинная, но и достойная похвалы. Вѣдь ему же, будущему подполковнику, пріятнѣе на пути въ сарай видѣть кругомъ не сорныя травы, а бордюры цвѣтовъ (Фекла начинаетъ таять). Не говорю уже о томъ, что и высшее начальство съ большимъ удовольствіемъ пройдется здѣсь среди цвѣточныхъ насажденій, чѣмъ среди лопуховъ, крапивы и чертополоха (Фекла побѣждается, предвкушая, что ему будетъ отъ начальства одобреніе за это удовольствіе).

Я привелъ нарочно эту аргументацію, какъ образчикъ того, какимъ образомъ приходилось завоевывать непринадлежащія намъ земли (или права), и какимъ образомъ мы добивались у подобнаго члена нашей администраціи того, въ чемъ открывалась надобность, и въ чемъ отказъ не имѣлъ ни смысла, ни основаній. Федоровъ теперь уступилъ, но съ условіемъ, что я сдѣлаю только то, что обѣщалъ, и отнюдь не буду расширять своей культуры. Обязательство было дано, и цвѣты насажены.

Но мое обязательство не связывало никого другого изъ товарищей. И потому естественно, что черезъ годъ начались расширенія захватныхъ владѣній и новые дипломатическіе переговоры, не менѣе краснорѣчивые и убѣдительные, чѣмъ тѣ, какіе велъ я, вродѣ того, что Новорусскому позволилъ, а мнѣ не позволяетъ, что у него нѣтъ самаго элементарнаго принципа справедливости, что управлять цѣлымъ народомъ съ такой двойственной политикой, значитъ вызывать революцію; что расширеніе это дѣлается только на 1 годъ, и исключительно для салата, который, какъ доказано опытомъ и подтверждено докторомъ, полезенъ отъ цынги; что препятствуя этому, онъ самъ обрекаетъ насъ на новыя заболѣванія и т. д. и т. д.

Разумѣется, кончилось тѣмъ, что весь дворъ былъ «завоеванъ» и обработанъ. Много труда было вложено въ него. Грунтъ, какъ я говорилъ, здѣсь былъ каменистый и почти на $1^1/_2$ арш. сплошь состоялъ изъ остатковъ древнихъ строительныхъ матеріаловъ. Только изрѣдка кое гдѣ лежали тонкіе пласты почвы. Нужно было пробить всю толщу этого мусора и докопаться до настоящей рыхлой подпочвы, которая состояла частью изъ глины, частью изъ мелкаго, наноснаго бѣлаго песку. Чтобы добыть то и другое, проламывали ямы до $1^1/_2$ саж. въ діаметрѣ, камень отбрасывали въ сторону, а со дна вычерпывали глину и песокъ до такой глубины, съ

какой только можно выбросить землю на поверхность. Иногда это искомое добывалось даже посредствомъ ведра, которое одинъ опускалъ въ яму, а другой, сидѣвшій тамъ, наполнялъ. Когда добывать больше оказывалось не подъ силу, на дно ямы сваливался мусоръ, бывшій на поверхности. И если яма подготовлялась для посадки дерева, то въ нее сверху сыпался значительный слой рыхлой смѣси, частью только что добытой изъ глубины, частью принесенной изъ огородовъ съ новаго двора, или вынутой изъ парниковъ. Если же здѣсь проектировались огородныя насажденія, то яма почти вся засыпалась камнемъ и мусоромъ и только на $^1/_2$ арш. сверху клалась рыхлая почва.

Благодаря такимъ трудамъ намъ удалось весь дворъ, такъ сказать, перевернуть вверхъ дномъ и сдѣлать его годнымъ для насажденій. Въ 1904 г., осенью, когда оказалось настоятельно необходимымъ очистить снова это лобное мѣсто, насъ, послѣ многихъ предупрежденій, рѣшительно погнали со двора. Парники, какъ я говорилъ, были цѣликомъ выстроены заново, а земля вся выношена большею частью на носилкахъ въ наши огороды: не пропадать же, стать, нашимъ трудамъ! Значительная часть этой земли, такимъ образомъ, дважды проѣхалась на нашихъ плечахъ туда и обратно.

IX.

И вотъ, когда парники и проч. на дворѣ были оборудованы, и наступала весна, тотчасъ же опытъ жизни предъявлялъ къ нашему режиму самыя сокрушительныя требованія. Нельзя было, находясь на дворѣ, не заходить въ «сарай». Всевозможныя мелочи сельскохозяйственныхъ работъ не могли быть предусмотрѣны заранѣе. То нужна подпорка для рамы, то заплата къ парнику, то молотокъ, то стамеска либо пила, то теплая вода для поливки, то зола для удобренія, то сѣмена, то горшки, оставшіеся въ мастерской. Ходьба была безпрерывная, и нужды парниковыя—неотложныя. Онѣ не могли подчиняться инструкціямъ и ждать, когда освободится корридоръ, чтобы можно было пройти по нему; если разбилъ стекло въ парникѣ, и дуетъ сѣверный вѣтеръ, нужно закрыть или задѣлать дыру какъ можно скорѣе, чтобы не поморозить всѣ продукты своихъ трудовъ.

Такимъ образомъ, подъ дружнымъ натискомъ съ обоихъ фланговъ, со двора и съ корридора, исконныя основы нашей жизни были расшатаны въ конецъ: одна изъ самыхъ первыхъ брешей въ нихъ была сдѣлана мною и Н. Д. Похитоновымъ при счастливомъ содѣйствіи самой нашей администраціи. Гангартъ заказалъ намъ ограду для обнесенія «братской могилы» воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости. По даннымъ чертежамъ, ограда должна была состоять изъ массивныхъ точеныхъ балясинъ, установленныхъ, кажется, по 25 штукъ между двумя вкопанными толстыми столбами. Спеціалисты токари (Лаговскій, Шебалинъ, В. Ивановъ и др.) взя-

лись точить балясины, а я, Похитоновъ, Панкратовъ, Мартыновъ и др.--устраивать столярныя части и дѣлать пробную установку.

Когда первыя части были готовы, понадобилось сдѣлать ихъ примѣрную сборку и, значитъ, работать на корридорѣ, о чемъ въ то время даже и помышлять нельзя было. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ присутствіи властей, которыя сами натолкнули на это. А извѣстно вѣдь, какъ дорогъ первый опытъ!

Затѣмъ около того же времени къ намъ поступилъ младшимъ помощникомъ штабъ ротмистръ Пахаловичъ, котораго, по его словамъ, за симпатіи къ намъ впослѣдствіи Гангартъ звалъ соціалистомъ. Такъ какъ «сарай», какъ арена нашей рабочей дѣятельности, былъ подчиненъ непосредственно младшему помощнику, завѣдывавшему хозяйственной частью, и другому вахмистру, завѣдывавшему спеціально мастерскими, то въ немъ, при доброй волѣ ближайшаго начальника, очень скоро стали устанавливаться признаки «автономіи». Всякое двоевластіе, говорятъ, гибельно, вопросъ только, для кого и для чего.

Первые шаги Пахаловича были чрезвычайно робки. Онъ самъ украдкой ловилъ тѣ немногія секунды, которыя удавалось поймать, чтобы сказать наединѣ нѣсколько словъ. Кончилось же тѣмъ, что онъ разъ навсегда отогналъ отъ себя «нижнихъ чиновъ», соглядатаевъ при офицерѣ, бесѣдовалъ съ нами по цѣлымъ часамъ наединѣ, съ глазу на глазъ и группами, даже—horribile dictu—называлъ насъ иногда по имени и отчеству и, въ концѣ концовъ, при нашемъ благосклонномъ содѣйствіи, разрушилъ окончательно все зданіе суровой толстовской одиночки и безсмысленнаго формализма. Говорятъ, что въ Петербургѣ тогда онъ имѣлъ хорошую протекцію и, вѣроятно, пользовался какъ ею, такъ и временемъ, когда наши верховные аргусы, убаюканные полной побѣдой надъ революціей и взысканные за это великими и богатыми милостями, размякли отъ наслажденій. Часто онъ рисовалъ намъ эти «верхи» тѣми же самыми нелицепріятными красками, которыя теперь только обыватель можетъ встрѣтить въ русской печати, и которыя всякому историку хорошо извѣстны въ характеристикахъ аналогичныхъ правящихъ классовъ прошлаго западной Европы: развратны, трусливы, жестоки, мстительны, глупы и слѣпы.

X.

Такъ вотъ, по совокупности этихъ причинъ, которыя я изложилъ, можетъ быть, съ излишней подробностью, мы получили, наконецъ, нѣкоторое подобіе конституціи. Мнѣ кажется, что и въ нашемъ застѣнкѣ проявились тѣ же общіе законы, которые управляютъ жизнью большихъ организованныхъ обществъ; жизнь всюду можно задавить и всякое общество раздробить на части и уничтожить. Но разъ оно существуетъ и жизнеспособно, разъ у него сохраняется общее дѣло, оно разрушитъ или ослабитъ всякія путы, лежащія ему на пути и приспособитъ всякіе законы къ своимъ потребностямъ.

Расцвѣтъ нашихъ «свободъ» совпалъ съ манифестомъ, даннымъ по случаю бракосочетанія импер. Николая II. Въ немъ до такой степени ясно и недвусмысленно было сказано: «не изъемля и государственныхъ преступниковъ отъ милостей, дарованныхъ въ пунктѣ такомъ-то», что наша администрація поняла его «взаправду» и, кажется, на второй же день принесла намъ газету, гдѣ онъ былъ напечатанъ, подтверждая отъ себя, что еще нѣсколько дней, и многіе изъ насъ увидятъ своихъ родныхъ... Манифестъ этотъ мы читали уже толпами на коридорѣ сарая, и камеры не запирались. Заперты были только дамы, у дверей которыхъ при открытыхъ форточкахъ собирались «клубы». И это исключительное положеніе дамъ на первыхъ порахъ казалось до такой степени страннымъ даже жандармскому уму, что, когда на мѣсто Пахаловича поступилъ его преемникъ и увидалъ на корридорѣ впервые эту картину, то спросилъ съ недоумѣніемъ:

— А почему же онѣ заперты?

Надежды и увлеченія тогда были такъ заразительны, что, когда многіе наши «литераторы» стали подвергать сожженію подъ плитой плоды своихъ думъ, сжегъ и я нѣсколько рукописей. Послѣ я самъ съ большимъ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: чего это я-то заволновался? Какіе шансы были у меня на *немедленный* выходъ?

Но быстро вспыхнувшія надежды еще быстрѣе потухли. Жандармы, пронюхавши гдѣ слѣдуетъ, облеклись въ непроницаемую броню, и ихъ многозначительное молчаніе скоро насъ отрезвило. Впослѣдствіи мы узнали, что при обсужденіи вопроса о примѣненіи къ намъ манифеста компетентными въ нашей судьбѣ лицами, голоса раздѣлились, и перевѣсъ рѣшенію далъ Шебеко, тогдашній шефъ жандармовъ. Онъ заявилъ, что не ручается за спокойствіе Россіи, если манифестъ примѣнятъ и къ намъ. Очевидно, онъ не сообразилъ, что, въ случаѣ примѣненія манифеста, нашъ выходъ растянулся бы на цѣлыхъ 13 лѣтъ, и что думать объ этомъ спокойствіи нужно было раньше, чѣмъ оглашены были публично вышеприведенныя слова манифеста.

Какъ бы тамъ ни было, манифеста мы не получили, а мѣстная администрація, какъ бы сконфуженная за свое высшее начальство, перестала придираться къ разнымъ мелочамъ нашихъ правонарушеній. Съ этихъ поръ и по мартъ 1902 г. упрочилась въ нашемъ «сараѣ», такъ сказать, публичная жизнь. И хоть были неоднократныя попытки возврата къ старому, особенно при смѣнѣ нашихъ ближайшихъ администраторовъ, когда они хотѣли показать своему преемнику незыблемость старыхъ основъ, но онѣ были недолговѣчны. И при каждой мѣстной реакціи болѣе проницательные изъ унтеровъ прямо говорили намъ:

— Все равно! Скоро опять все будетъ по-вашему.

XI.

Одну изъ такихъ попытокъ я прекрасно помню. Смотрителемъ тогда былъ Дубровинъ, только что замѣстившій прогнаннаго Федорова.

Одной изъ нашихъ многочисленныхъ конституцій было установлено, что на корридорѣ могутъ быть только четверо (фиктивно говорилось не четверо, а двое на дворѣ и двое на кухнѣ). Фортки же въ дверяхъ у всѣхъ мастерскихъ будутъ открыты, какъ для вентиляціи, такъ и для удобства получать черезъ корридорныхъ клей, инструменты и проч.

Должно быть, Дубровину, какъ новичку, хотѣлось подтянуть насъ, и онъ, ни слова не сказавши намъ, велѣлъ вахмистру въ одинъ прекрасный день держать фортки на запорѣ. Приходимъ мы, ничего не подозрѣвая въ мастерскія, дверь запираютъ и... Оказывается, мы опять, какъ въ мышеловкѣ! Я работалъ въ это время съ В. Г. Ивановымъ. Онъ, какъ только увидалъ такое «правонарушеніе», вспыхнулъ, какъ порохъ, схватилъ молотокъ и изо всей силы сталъ барабанить имъ въ дверь. Стукъ былъ ужасный, сосѣди подхватили его, и начался обычный тюремный концертъ, при которомъ обыкновенно стража совсѣмъ теряетъ голову. Нарочный побѣжалъ къ смотрителю, тотъ явился и, увидавши, въ какомъ градусѣ находятся лишенные прежней «льготы», тотчасъ же сдался, сказавши, что онъ никакихъ распоряженій на этотъ счетъ вахмистру не давалъ. Фортки немедленно у всѣхъ были открыты, а дальнѣйшихъ покушеній на конституцію долго послѣ этого не было.

Другой казусъ изъ той же категоріи былъ серьезнѣе. Двери всѣхъ мастерскихъ въ это время уже держались открытыми. Я спокойно работалъ въ своей мастерской, а со двора неслись ко мнѣ громкіе возбужденные голоса спорящихъ: тамъ шли какіе-то перекоры съ вахмистромъ, тоже по поводу ограниченія нашихъ льготъ. Въ чемъ именно было дѣло, точно я не знаю. Знаю только, что П. С. Поливановъ, доведенный преніемъ до бѣлаго каленія, прибѣжалъ ко мнѣ въ мастерскую, схватилъ топоръ и моментально исчезъ. Говорили послѣ, что онъ хотѣлъ броситься съ нимъ на вахмистра, но товарищи, бывшіе тоже на дворѣ, во время удержали его. Черезъ минуту послѣ этого я вижу, какъ онъ покорно идетъ, влекомый Базилемъ (В. Ивановымъ) ко мнѣ въ мастерскую, кажется, съ тѣмъ же самымъ топоромъ въ рукахъ, и немедленно подставляетъ голову подъ кранъ, чтобы охладить возбужденіе струей воды.

— Кровь,—говоритъ,—бросилась въ голову.

Благодаря тактичности Гангарта и умѣлому объясненію ему всей исторіи, она не имѣла никакихъ послѣдствій. Даже болѣе: въ тотъ же самый годъ (1896) былъ объявленъ нѣкоторымъ изъ насъ коронаціонный манифестъ, въ томъ числѣ и Поливанову, съ обычной оговоркой, сокращается срокъ «за хорошее поведеніе».

XII.

Весьма трудно воспроизвести теперь, какимъ образомъ я, изъ полнѣйшаго профана во всякомъ ремеслѣ, превратился въ человѣка, чуть не на всѣ руки мастера. По крайней мѣрѣ у жандармовъ сложилась такая репутація обо мнѣ. Когда поступаетъ новое лицо въ корпорацію служащихъ и желаетъ за чѣмъ-нибудь обратиться къ свѣдущему человѣку, его направляютъ ко мнѣ. И это даже въ такихъ вещахъ, на которыя моя спеціальность почти не простиралась. Напр., послѣдній докторъ (Самчукъ) возымѣлъ какъ-то желаніе превратить свой комнатный лимонъ въ дерево, несущее плоды. Приходитъ ко мнѣ, очевидно, направленный кѣмъ-то, и обращается за содѣйствіемъ. Когда я, никогда на дѣлѣ не практиковавшій прививки, разсказалъ ему, какъ это дѣлается, и что для этого требуется, онъ ушелъ немножко сконфуженный. Ему казалось, что для этой цѣли достаточно сдѣлать обрѣзку или прищипку, и что это и будетъ той прививкой, которая здѣсь требуется, о которой говорилъ я.

Всякая наука дается не сразу. Тѣмъ болѣе — ремесленный навыкъ и сноровка. Не думаю, чтобъ у меня на это были особые таланты, но терпѣнія запасъ былъ огромный. А въ дѣлѣ ремесла въ большинствѣ случаевъ оно превозмогаетъ все. Въ столярномъ дѣлѣ меня интересовалъ больше самый процессъ творчества. Мнѣ кажется, если бы меня училъ опытный мастеръ, который заставлялъ все дѣлать по шаблону, я бы далеко не пошелъ, и самое ремесло стало бы для меня скучнымъ и постылымъ. Я же въ самомъ началѣ своихъ опытовъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени Робинзономъ. Даже болѣе. Робинзонъ кое что зналъ, и въ новой обстановкѣ, сравнительно обширной, примѣнялъ старые, извѣстные ему пріемы. Я же ничего не зналъ, и каждую задачу, вродѣ пришиванія подошвы, нужно было сначала рѣшать теоретически, а затѣмъ осуществлять сдѣланное рѣшеніе на дѣлѣ. Въ случаѣ съ подошвой это рѣшеніе не представляло еще интереса, хотя и оно было когда-то продуктомъ человѣческаго генія. Въ столярномъ же дѣлѣ, какъ болѣе сложномъ и разнообразномъ, множество задачъ представляло чисто геометрическій или механическій интересъ, дающій много простора для пытливости, сметки и упражненія ума.

Главные пріемы ремесла, конечно, давнымъ давно разработаны и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію въ готовомъ видѣ. Но вѣдь они выработаны вѣками, вѣдь надъ ними трудился коллективный человѣческій умъ, вѣдь на нихъ трудовая часть человѣчества затратила огромное количество времени, силъ и творчества. Каждое издѣліе, которое мы видимъ у себя въ комнатѣ, и на которое не обращаемъ вниманія, есть не просто издѣліе столяра Ивана, а коллективный человѣческій опытъ, зарегистрованный въ этомъ издѣліи и воплощенный въ одно цѣлое. Можетъ быть, понадобились многіе вѣка постепенныхъ пріобрѣтеній, прежде чѣмъ столяръ Иванъ

могъ сдѣлать для насъ простенькую этажерку и продѣлать надъ ней тѣ сложныя дѣйствія, которыя ему по завѣщанію были переданы сразу, и надъ сущностью которыхъ онъ никогда не задумывался.

Я же задумывался. Предъ каждымъ затрудненіемъ, простое оно или сложное, я ставилъ себѣ вопросъ: какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ первобытный человѣкъ прежде, чѣмъ рѣшеніе этого затрудненія было найдено впервые? Этотъ непрерывный процессъ изобрѣтательности до такой степени поглощалъ и интриговалъ меня, что я никогда не понималъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые предпочитали брать рѣшеніе задачи въ готовомъ видѣ отъ болѣе опытныхъ сосѣдей, вмѣсто того, чтобы раскинуть мозгами по-своему и дать имъ нѣкоторые новое упражненіе

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ эмбріонъ переживаетъ въ немногіе, сравнительно, дни своего роста всю многовѣковую исторію развитія своего вида, точно также и я переживалъ на своихъ опытахъ до нѣкоторой степени цѣлую исторію человѣческой культуры. Въ этихъ видахъ уже безо всякой практической надобности, я однажды попробовалъ зажечь огонь треніемъ куска дерева о дерево, для чего даже нарочно устроилъ вращающійся кругъ («центробѣжную машину»). Увы, опытъ этотъ былъ столь же неудаченъ, какъ неудаченъ онъ былъ, кажется, и у Дарвина.

Конечно, при этомъ мнѣ приходилось нерѣдко «дурака валять»,—умствовать и продѣлывать пробные и невѣрные шаги тамъ, гдѣ ларчикъ просто открывался, и гдѣ открытіе его подсказалъ бы любой изъ товарищей, опытный въ мастерствѣ. Но я предпочиталъ эти невѣрные шаги и сомнительные опыты продѣлывать самостоятельно, полагая не безъ основанія, что масса ошибокъ не есть пустая и вредная трата времени. Эти ошибки въ то же время даютъ массу пріобрѣтеній, хоть и отрицательнаго характера, и массу навыковъ, которыхъ иначе, можетъ быть, и не пріобрѣлъ бы. Отрицательныя же пріобрѣтенія въ практикѣ часто бываютъ не менѣе важны, ибо для насъ полезно знать не только то, куда нужно идти, но и то, куда ходить не нужно.

Первые шаги, какъ водится, я дѣлалъ не безъ помочей. Я уже упоминалъ какъ Антоновъ разъяснялъ мнѣ самыя капитальныя затрудненія. Помнится, что я спрашивалъ у него даже и о томъ, сколько времени нужно, чтобы считать клей вполнѣ высохшимъ. Но скоро я почувствовалъ себя способнымъ ходить безъ чужой поддержки.

XIII.

Однимъ изъ первыхъ моихъ издѣлій была не какая-нибудь мелочь, не стоющая вниманія. Нѣтъ. Большому кораблю всегда прилично большое плаваніе. И я, точно предчувствуя грядущіе успѣхи въ этой области, началъ ни больше, ни меньше, какъ прямо съ большого книжнаго шкафа.

Федоровъ самъ предложилъ мнѣ эту работу, спросивши предварительно, могу ли я сдѣлать такой шкафъ. Я отвѣчалъ, какъ будущій артистъ, котораго спросили, умѣетъ ли онъ играть на скрипкѣ?

— Не пробовалъ никогда. Попробую, можетъ быть, сумѣю.

Помню, что меня при этомъ подбадривало то обстоятельство, что ужъ если жандармы, которые видятъ мое кропанье, обращаются ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, такъ, значитъ, я не лыкомъ шитъ, и тоже кое-что могу.

Итакъ, я взялся за шкафъ, и тутъ начались мои первыя «исканія». Почти каждая часть этой сложной работы приводила меня въ затрудненіе, и я не мало размышлялъ надъ той или другой изъ нихъ, какъ это дѣлается у опытныхъ смертныхъ. Долго я его работалъ: можетъ быть, 2 мѣсяца, можетъ быть 3, даже 4. Но все-таки сработалъ. Онъ и до сихъ поръ, навѣрное, цѣлъ, и все время тамъ книги стояли. Но что это былъ за шкафъ! На немъ смѣло можно бы сдѣлать надпись: «прохожій, стой и удивляйся!» И затѣмъ поставить въ какое-нибудь антропологическое учрежденіе, вродѣ русскаго музея, на ряду съ предметами домашней обстановки, характеризующими первобытное русское искусство. Дверцы у него тоже створчатые и съ филенками, въ тайну коихъ я проникъ, осмотрѣвши предварительно готовый купленый шкафъ. Но самая замѣчательная вещь въ немъ—это то, что одна дверца немного набекрень. Составилъ ее я какъ слѣдуетъ. Но когда склеилъ, то оказалось, что я ее скосилъ, и потому косые углы ея не могутъ совпадать съ прямыми углами отверстія шкафа, въ которое вставляются двери. Будь я опытенъ, я размочилъ бы ее, расклеилъ и снова склеилъ прямоугольно. Но тогда мнѣ ошибка эта казалась непоправимой, и мнѣ оставалось выпрямить углы посредствомъ состругиванія лишняго. Другая же была совершенно правильная. О прочихъ деталяхъ, не менѣе эстетичныхъ, я уже умолчу.

Послѣ этого у меня было сдѣлано не менѣе десятка разныхъ шкафовъ, большихъ и маленькихъ, не считая тѣхъ, которые я дѣлалъ совмѣстно съ другими. Два изъ нихъ даже вывезены оттуда, одинъ у меня, другой такой же у Н. А. Морозова. Въ случаѣ надобности, я могъ бы предъявить ихъ куда слѣдуетъ какъ пробное издѣліе для того, чтобы получить права цехового мастера. А сколько еще, и какихъ именно вещей было сдѣлано мною, теперь даже и приблизительно сказать нельзя. Очень можетъ быть, что списокъ ихъ занялъ бы нѣсколько страницъ. Могу сказать только, что изъ всѣхъ предметовъ домашняго обихода мнѣ не приходилось дѣлать кажется одной только кровати. А именно, я дѣлалъ: скамьи, стулья, кресла, табуреты, столы и столики, лѣстницы, комоды, сундуки, ящики, шкатулки, футляры, пюпитры, жардиньерки, этажерки, мольберты, кіоты, рамы и рамки, вѣшалки, парты, верстаки, шахматныя доски, разные физическіе приборы и игрушки. Въ одномъ экземплярѣ были сдѣланы еще тачка и экранъ къ камину.

XIV.

На наши хозяйственныя нужды, должно быть, съ первыхъ же дней ихъ легализированія, отпускалась особая сумма. Но объ этомъ, равно какъ и о размѣрахъ ея, намъ ничего вначалѣ не говорили. Напротивъ, постоянно слышались жалобы, что мы очень много изводимъ матеріаловъ, и что все, что для насъ покупается, уходитъ невѣдомо куда. Въ 91 году даже требовали, чтобы мы вели списокъ всего, что нами сдѣлано, который имѣлось въ виду представить въ департаментъ, какъ аргументъ при полученіи дальнѣйшей ассигновки. До самого выхода оттуда у меня хранилась тетрадь со спискомъ этихъ издѣлій за одинъ 1891 годъ. Тогда же попросили насъ сдать для отсылки въ департаментъ накопившіяся у насъ разныя издѣлія все въ тѣхъ же видахъ, чтобы зарекомендовать свою трудоспособность и способность превращать покупаемый на казенныя деньги матеріалъ въ полезныя вещи.

Никакого порядка въ закупкѣ нужныхъ матеріаловъ сначала у насъ не было. Просто каждый, нуждающійся въ чемъ-нибудь, заявлялъ объ этомъ смотрителю. Понятно, какой кавардакъ получался при этомъ, когда приходилось заказывать невѣдомо на какія деньги и въ какихъ предѣлахъ и, можетъ быть, въ ущербъ другимъ товарищамъ. Сама собой являлась необходимость составлять одинъ общій списокъ заказовъ съ подведеніемъ общихъ итоговъ, въ размѣрѣ точно опредѣленной суммы, отвѣчающей нашимъ потребностямъ, и конечно, послѣ взаимнаго соглашенія. Словомъ, являлась необходимость не только въ самоуправленіи, но и въ формальномъ признаніи у насъ общинной жизни, что такъ радикально противорѣчило принципу одиночной тюрьмы.

Не знаю, кто первый сталъ составлять списки заказовъ. Помню только, что ихъ составляли то Оржихъ, то Похитоновъ и, вѣроятно, только въ предѣлахъ «своей досягаемости», т.-е. отъ тѣхъ, кого они могли опросить при тогдашнихъ первобытныхъ средствахъ сношенія. Помнится, что иногда приходилъ Федоровъ къ тому или другому составителю и просилъ внести въ списокъ какой-нибудь новый предметъ, который нуженъ N-у такому-то, очевидно, жившему за предѣлами досягаемости.

Появились, такимъ образомъ, сами собой первые зародыши нашего старостства, которое, какъ и въ исторіи первобытныхъ обществъ, сначала было самозваннымъ. Брались за это люди, которые хоть что-нибудь смекали въ матеріалахъ и въ приблизительной оцѣнкѣ ихъ. Не мало неурядицъ пришлось пережить при урегулированіи нашихъ хозяйственныхъ отношеній, неурядицъ, безъ которыхъ въ нашихъ исключительныхъ условіяхъ и невозможно было обойтись, тѣмъ болѣе, что всѣ мы были съ закваской народниковъ 70-хъ гг., которые выше всего ставили отвлеченные принципы, а устраивая совмѣстную хозяйственную жизнь, способны были не разъ создать какого-нибудь «принципіальнаго теленка»,

Михаилъ Васильевичъ
НОВОРУССКІЙ.

Въ одеждѣ узника Шлиссельбургской тюрьмы.

какъ это было, по словамъ Каронина (Петропавловскаго) въ Барской колоніи. Больше всего смущалъ насъ вопросъ не о томъ, *сколько* денегъ я могу имѣть въ своемъ распоряженіи, и *какъ* располагать ими, согласно своимъ пробуждающимся нуждамъ, а какое я имѣю *право* на выдѣлъ себѣ той или другой доли изъ общей ассигновки, т.-е., выражаясь громкими словами, смущала не экономическая, а юридическая сторона дѣла, и сколько же копій было переломано во имя этой юстиціи!

Помню на этотъ счетъ одну презабавную стычку, которая произошла у меня тогда съ И. Л. Манучаровымъ. Я былъ въ это время ярымъ коммунистомъ и думалъ, что все, что поступаетъ въ нашу общину, принадлежитъ одинаково всѣмъ безраздѣльно. Манучаровъ же былъ не менѣе ярымъ индивидуалистомъ и остаивалъ *свою долю* изъ общаго котла. При архаическомъ способѣ выписки, о которомъ я только что сказалъ, онъ купилъ себѣ маленькую бутылочку лаку (въ 12 коп.), такъ какъ дѣлалъ въ то время изящныя ажурныя вещицы и лакировалъ ихъ. Для какого-то пустяка понадобилось и мнѣ немного лаку. Мы еще были разъединены другъ отъ друга, и я гулялъ только съ нимъ. Вмѣсто того, чтобы взять лаку, сколько было нужно, какъ это дѣлаютъ серьезные люди, какъ это дѣлали и мы сами впослѣдствіи,—тѣмъ болѣе, что мы съ Манучаровымъ были дружны, а онъ всегда услужливъ,—мы устроили съ нимъ жестокую баталію по вопросу о томъ, имѣю ли я *право* на лакъ, который онъ выписалъ *себѣ*. Поломавши достаточно копій, можетъ быть, въ теченіи не одного дня, мы, какъ водится, остались каждый при своемъ. А такъ какъ спорный лакъ присутствовалъ здѣсь налицо, то Манучаровъ, подавая, наконецъ, его мнѣ, сказалъ: «даю Вамъ свой лакъ въ видѣ дружеской услуги». Я же, принимая его, отвѣчалъ: «беру его какъ лакъ, принадлежащій мнѣ столько же, сколько и Вамъ».

Къ этой именно эпохѣ относится одна изъ эпиграммъ Г. А. Лопатина, хотя и выпущенная по другому поводу, но вполнѣ приложимая и къ нашему инциденту:

. Въ клубѣ страшный кавардакъ:
Всюду слышишь: лакъ да лакъ!
И самъ чортъ едва-ли скажетъ,
Кто кого тѣмъ лакомъ мажетъ.

XVI.

Какъ бы то ни было, постепенно урегулировалось и наше общественное хозяйство. Способность къ самоуправленію никому и нигдѣ не дается отъ рожденія, а точно такъ же, какъ и всѣ навыки общественной жизни, пріобрѣтается только путемъ опыта и послѣ предварительныхъ ошибокъ и конфликтовъ.

Уже въ 91 году я получилъ формальное избраніе на царство и 9 мѣсяцевъ велъ наши хозяйственныя дѣла. Какъ разъ въ это время,

независимо отъ ремесленныхъ нуждъ, расширялись въ огородахъ наши средства сношенія другъ съ другомъ, сначала посредствомъ щелей, а затѣмъ окошекъ (см. ранѣе). И необходимость во взаимныхъ сношеніяхъ и переговорахъ по дѣламъ ремесленнымъ, въ частности, по выпискѣ матеріаловъ, необходимость, которую наша администрація сама видѣла и понимала, сыграла большую роль въ дѣлѣ разрушенія начальственныхъ преградъ къ этимъ сношеніямъ. И даже ранѣе, чѣмъ окна были устроены, мы могли уже мѣнять товарища по прогулкѣ такъ часто, какъ это было нужно. И я отлично помню то впечатлѣніе, которое я пережилъ впервые, когда, по дѣламъ своей службы, встрѣтился въ одинъ день ровно съ 6 лицами,—съ кѣмъ непосредственно, а съ кѣмъ только въ окна. Это было тоже «событіемъ» въ своемъ родѣ, настолько рѣдкимъ и внушительнымъ, что оно не забылось и до сихъ поръ.

Приступивши къ самоуправленію робкими шагами, мы скоро вошли во вкусъ этого дѣла и расплодили у себя разныхъ «мейстеровъ» въ такомъ же количествѣ, какъ и въ древней германской Gemeinde, гдѣ бывалъ иногда даже танцмейстеръ, завѣдывавшій народными игрищами. У насъ одно время ихъ было цѣлыхъ четверо, т. е. пятая часть націи состояла изъ властей! Одинъ завѣдывалъ ремеслами, другой библіотекой, третій кухоннымъ дѣломъ, четвертый прогулками. Меню мы начали составлять еще гораздо раньше, чѣмъ появились окошки для взаимосношеній, и сначала орудовали, конечно, стукомъ по угламъ. А такъ какъ сношенія междоугольныя были столь же затруднительны, какъ и международныя, то долгое время меню составлялось поочереди: на недѣлю въ одномъ углу, на другую въ другомъ, и т. д. Потомъ, когда наши связи установились на дворѣ, появилось «особо на сей счетъ уполномоченное лицо», которое, составивши огромный списокъ блюдъ съ вопросами: «кто чего любитъ и чего не любитъ», произвело всенародную желудочную анкету. Запасшись достаточнымъ матеріаломъ, конечно съ весьма патетическими дифирамбами въ пользу или противъ того либо другого блюда, это должностное лицо приступило «къ осуществленію своихъ функцій». Задача эта была не только не легкая, но прямо-таки неразрѣшимая. Противъ какого-нибудь картофельнаго киселя на молокѣ стояла, напр., надпись: «хочу, чтобъ назначали его хоть каждый день», и рядомъ другая: «требую, чтобъ это омерзительное тѣсто ни разу не появлялось на столѣ, а употреблялось исключительно для переплетныхъ работъ».

Такихъ, уничтожающихъ другъ друга надписей можно было насчитать немало подъ многими блюдами. Затѣмъ менюмейстеръ, рѣшивши такъ или иначе свою задачу и совершивши истинно гражданскій подвигъ при осуществленіи своего глубоко продуманнаго пищевого расписанія, получалъ со всѣхъ сторонъ должное мздовоздаяніе: одинъ упрекалъ его за то, что онъ не внялъ его голосу и назначилъ-таки неугодную ему колбасу, другой вопіялъ, зачѣмъ его любимое блюдо (вареники) снято съ очереди и ни разу не записано на цѣлыхъ 2 недѣли!

Такъ эти менюальныя невзгоды,—въ основѣ которыхъ лежала невозможность держать на одномъ тощемъ столѣ лицъ разной комплекціи, съ катарральнымъ желудкомъ и благопріобрѣтенными тюремными недугами,—и продолжались затѣмъ непрерывно, вплоть до конца. Въ послѣдній годъ я предложилъ было разбить все наличное населеніе на пары съ болѣе или менѣе подходящими вкусами, съ тѣмъ, чтобы каждая пара составляла меню (на 2 недѣли) по очереди. Попробовали. Но, конечно, нашлись недовольные, которые сорвали реформу и предпочли народовластію прежнее единоначаліе.

Всѣ эти названныя должности то сливались, то опять разъединялись. Функціи променадмейстера были похоронены, наконецъ, за ненадобностью, а оставшіяся три должности потомъ слиты въ одномъ лицѣ, когда народу стало не много и дѣла сократились. А между тѣмъ, какъ это ни странно, дѣла старостѣ было не мало. И чтобы выяснить его, я опишу наши денежныя отношенія.

XVI.

Денегъ, конечно, намъ въ руки не давали, и мы все время имѣли только «текущій счетъ». Когда произошла реформа съ золотой валютой, мы нарочно просили смотрителя, чтобы онъ далъ хоть взглянуть на современныя золотыя монеты, и онъ благодушно раскрывалъ свой кошелекъ и показывалъ деньги въ натурѣ.

Въ первые же годы, какъ только организованы были мастерскія и всѣ начали работать, мы расходовали на нихъ отъ 350 до 450 руб. въ годъ. Эту сумму нужно было не только израсходовать, но и расписать на самыя дробныя доли, отъ 5 коп. и выше. Еслибы велось хозяйство, напр., въ 45,000 руб., и закупки дѣлались не на копѣйки, а на рубли, счетоводный трудъ не былъ бы тогда тяжелѣе и сложнѣе. У насъ были также и «переводы»—паевъ одного лица на другое, и денегъ одной категоріи въ другую. Послѣднее непонятно для лицъ, знающихъ деньги только одной категоріи, покупательная сила которыхъ почти безгранична. У насъ же были деньги четырехъ категорій, причемъ сила тѣхъ или другихъ денегъ была дѣйственна только въ одной, строго опредѣленной области. Напр., на «рабочія» деньги можно было покупать все, что касается ручного труда, но ничего хлѣбнаго, либо книжнаго.

Вторая категорія денегъ были «хлѣбныя», которыя образовались изъ накопленій остатковъ отъ ежедневной порціи хлѣба. Полной порціи хлѣба, которую начальство цѣнило въ 5½ коп. на день, кромѣ Лукашевича, кажется, никто не бралъ, а недобранную долю каждый перечислялъ въ деньги и записывалъ на текущій счетъ. Эти гроши и даже ½ коп. староста долженъ былъ суммировать и на образовавшуюся втеченіи недѣли или мѣсяца сумму дѣлать закупки всего, что могло быть отнесено къ области съѣстныхъ припасовъ. А закупая продукты по индивидуальнымъ заказамъ, онъ опять долженъ былъ расписывать ихъ на индивидуальный счетъ каждому заказчику. Появились эти хлѣбныя деньги, кажется, въ 1893 году, но войну изъ за нихъ пришлось вести не малую, и очень часто намъ угрожали отобрать ихъ у насъ, т. е. лишить насъ права превращать хлѣбныя порціи въ деньги.

Послѣ нихъ появилась третья категорія, деньги «заработныя».

Начало имъ положилъ Гангардтъ, заказавши намъ упомянутую раньше ограду и заплативши за нее 25 руб. Любопытно бы знать, сколько съ него взяли бы, даже изъ его лѣса, при вольномъ заказѣ. Но этотъ опытъ не удержался, и можетъ быть, подъ вліяніемъ нашего пожертвованія въ пользу голодающихъ. Окончательно же было признано за нами право получать плату за свои труды значительно позднѣе, можетъ быть уже въ 1899 году. Работать, конечно, мы могли не на рынокъ, а только для своихъ непосредственныхъ заказчиковъ—чиновъ нашей администраціи, т. е. священника, доктора и офицеровъ. Священникъ, впрочемъ, никогда не дѣлалъ намъ заказовъ. Въ послѣдніе три года даже унтерамъ запрещено было заказывать намъ что-нибудь, очевидно, во избѣжаніе своего рода подкупа съ нашей стороны—посредствомъ издѣлій. Цѣны теперь мы уже назначали сами, по взаимному соглашенію, и большею частію уже по окончаніи работы.

Эти деньги обладали универсальной покупательной силой. Но на практикѣ мы тратили ихъ, главнымъ образомъ, на съѣстное, и отчасти на книги. Это былъ главный фондъ, откуда черпались расходы на именинные пироги и проч. Понятно, что текущій счетъ этихъ денегъ имѣли только тѣ, кто зарабатывалъ. Но и тѣ, кто никогда ничего не заработалъ, иногда получалъ этотъ счетъ или ввидѣ именинnаго подарка, или послѣ «конверсіи».

Была у насъ и такая финансовая операція, хотя обозначалось этимъ названіемъ совсѣмъ не то, что принято въ финансовой наукѣ. Наша конверсія заключалась въ превращеніи денегъ одной категоріи въ другую. Морозовъ, напр., очень рѣдко работалъ въ мастерской, и его пай рабочихъ денегъ числился за нимъ номинально; на дѣлѣ же онъ его дарилъ или распредѣлялъ между нуждающимися по своему усмотрѣнію. Если у меня, который работалъ много, «рабочія» деньги вышли всѣ и отчасти превратились въ «заработныя» (стоимость матеріала я тоже ставилъ себѣ въ заработокъ), то хотя на послѣднія я и могъ купить себѣ какой угодно матеріалъ, я этого не дѣлалъ, а устраивалъ съ Морозовымъ «конверсію». Т. е. я передавалъ ему, напр., 2 руб. «заработныхъ» денегъ, на которыя онъ могъ купить книгу, а онъ мнѣ столько же «рабочихъ» денегъ, на которыя книгъ покупать нельзя было, и на которыя я покупаю матеріалъ. Въ послѣднее время заработныя и хлѣбныя деньги совершенно слились въ нашихъ счетахъ, образовавши одну категорію денегъ для покупки духовной и тѣлесной пищи.

Далѣе слѣдовали деньги «книжныя», появившіяся у насъ, кажется, послѣ 1896 года, въ размѣрѣ 10 руб. на брата. Ихъ можно было употреблять только на книги и журналы. Въ видѣ исключенія, они шли и на научныя пособія. Такъ, напр., было выписано изъ Германіи нѣсколько гербаріевъ тайнобрачныхъ растеній (мхи, лишайники, папоротники). Наконецъ, деньги «чайныя», образовавшіяся изъ оцѣнки въ деньгахъ «чаеваго довольствія», которое сначала давалось натурой по 3 ф. сахара и $^1/_2$ ф. чаю на человѣка въ мѣ-

сяцъ. На эти деньги можно было покупать только тѣ предметы, которые можно было подвести подъ понятіе чаеваго довольствія: кофе ячменный (вначалѣ другого не разрѣшали) и настоящій, цикорій, какао, издѣлія изъ сахара и пр. Эти деньги находились въ личномъ завѣдываніи каждаго, и староста, имѣвшій дѣло съ 4-мя категоріями денегъ, не касался ихъ вовсе.

XVII.

Благодаря такому изобилію и разносторонности денежныхъ отношеній, на старостѣ лежала масса бухгалтерской работы, тѣмъ болѣе докучной и непріятной, что слагалась она вся изъ мелочей. При томъ о всякаго рода покупкахъ нужно было предварительно торговаться съ администраціей: однѣ вещи иногда запрещались вовсе (сѣра, изюмъ и проч.), другія подозрѣвались (множество неизвѣстныхъ имъ техническихъ матеріаловъ), третьи безбожно переоцѣнивались и т. д. Въ послѣднемъ отношеніи особенно отличался бывшій у насъ недавно младшій помощникъ Парфеновъ, котораго мы звали Голубчикомъ, и который съ соизволенія, конечно, своего непосредственнаго начальника, не малую толику положилъ себѣ въ карманъ изъ денегъ, ассигнуемыхъ на наши нужды. Онъ вздувалъ и вздулъ цѣны на большую часть покупавшихся нами предметовъ (а они были необыкновенно разносторонни) до самыхъ крайнихъ предѣловъ. На наши возраженія, онъ, конечно, клялся и божился, что платилъ самъ именно указанную имъ цѣну, и что, напр., 1 ф. чистаго меда (не сотоваго) стоитъ именно 80 коп. Улику противъ него мы, конечно, получили непосредственно отъ унтеровъ, которые, сообщая намъ, по чемъ они покупаютъ тотъ или другой продуктъ, не подозрѣвали, что выдаютъ свое начальство головой. Затѣмъ, когда по уходѣ Парфенова его замѣстилъ болѣе добросовѣстный преемникъ, цѣны на многія вещи сразу упали, точно послѣ экономическаго кризиса. Наконецъ, когда по выходѣ на волю я ознакомился съ дѣйствительными цѣнами въ Петербургѣ на покупавшіеся нами продукты, и при томъ во дни, когда о паденіи цѣнъ и рѣчи не могло быть, то я могъ точно взвѣсить и учесть финансовую политику своихъ бывшихъ опекуновъ.

Когда жандармское вѣдомство приступитъ, наконецъ, къ очищенію своихъ авгіевыхъ конюшенъ, Шлиссельбургскій хозяйственный архивъ дастъ ему много матеріала для его очистительной дѣятельности. Для тѣхъ, кто видѣлъ на волѣ настоящіе перлы бюрократическихъ хищеній, дѣятельность нашего Парфенова покажется совсѣмъ нестоющей вниманія. Для болѣе же дальнозоркихъ изъ насъ, лишенныхъ всякой арены для наблюденій, она служила, такъ сказать, правительственной рекламой. И мы думали, что если у насъ, можно сказать на носу у высшаго начальства, возможны такіе фрукты, то что же произростаетъ вдали, и въ сферахъ, ворочающихъ милліоннымъ хозяйствомъ?

Теперь можно представить себѣ, какъ чувствовалъ себя староста, который въ придачу къ своимъ трудамъ вынужденъ былъ постоянно созерцать явную недобросовѣстность со стороны своихъ мундирныхъ хозяевъ и, при каждомъ обнаруженіи той или другой продѣлки, лишенъ былъ возможности заклеймить ее надлежащимъ именемъ. Любопытно, между прочимъ, что когда Яковлевъ сдѣлалъ покушеніе на наше самоуправленіе въ 1902 г., то его удержало опасеніе жалобъ къ высшему начальству съ нашей стороны на практикующееся у нихъ заглазно воровство. Онъ, можетъ быть, думалъ въ сердечной невинности, что если они будутъ красть на нашихъ глазахъ, то это будетъ для насъ незамѣтно. Департаментъ, преслѣдовавшій свои цѣли, въ то же время покровительствовалъ этой закулисной игрѣ, такъ какъ неоднократно запрещалъ, по ихъ словамъ, представлять намъ подлинные счета на заказанныя нами покупки.

Мнѣ лично пришлось болѣе ½ года вести дѣло съ этимъ Голубчикомъ. Къ числу прочихъ его добродѣтелей относилось, между прочимъ, и то, что языкъ у него былъ всегда, какъ говорится, безъ костей. Онъ столько же донималъ насъ, задерживая наши заказы по цѣлымъ мѣсяцамъ, сколько потѣшалъ своею изворотливостью, подыскивая причины, почему онъ не купилъ того, что заказано. Онъ не могъ, конечно, сказать, что деньги, выданныя ему, напр., на покупку книгъ для насъ, онъ прокутилъ или употребилъ на сюрпризъ для своей строптивой супруги, которая вынудила его пойти въ жандармы «бездѣльной ради корысти». А говорилъ примѣрно:

— Знаете, передъ праздникомъ теперь всюду такая масса покупателей, что, напр., у Вольфа они стоятъ цѣлыми вереницами, ожидая своей очереди, и потому я никакъ не могъ пробраться въ магазинъ.

И притомъ—добродушная улыбка и мягкій заискивающій голосъ, точно онъ дѣйствительно радъ служить мнѣ всей душой, да никакъ не можетъ.

Однажды, все-таки, онъ проврался въ лоскъ. Я долго добивался купить «Вѣстникъ Финансовъ», оффиціальный органъ министерства финансовъ, который намъ съ 1894 г. лѣтъ 8 подрядъ присылали изъ департамента даромъ, но потомъ почему-то прекратили. Теперь время было такое, что періодическія изданія всѣ взяты были жандармами подъ подозрѣніе. Но не могли же они сказать намъ, что даже правительственное изданіе, безусловно лишенное «политики», они считаютъ опаснымъ для насъ. И вотъ, Голубчикъ ищетъ по всему Питеру, гдѣ бы найти «Вѣстникъ Финансовъ», и не можетъ найти.

— «Не появляется,—говоритъ, въ продажѣ, а печатается только для подписчиковъ».

Такъ какъ почти всѣ книжныя сношенія они вели черезъ магазинъ Цинзерлинга, то я просилъ поручить эти розыски самому Цинзерлингу. Голубчикъ привозитъ отвѣтъ:

— Я поручилъ.

Проходитъ опять мѣсяцъ—другой. Я спрашиваю:

— Ну что же?

— Да Цинзерлингъ, говоритъ, тоже объ этомъ журналѣ ничего не знаетъ.

Тогда я беру старый № «Вѣстника Финансовъ» и показываю Голубчику. Тамъ напечатано на первой страницѣ отъ редакціи: «подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга». Понятно, Голубчикъ объяснилъ это недоразумѣніемъ, а «Вѣстника Фин.» я такъ-таки и не получилъ вплоть до самаго ухода изъ Шлиссельбурга.

XVIII.

Пока шла «выработка политическихъ формъ быта», устраивались наши взаимоотношенія на принципіальныхъ основаніяхъ и регулировались отношенія къ непосредственнымъ властямъ, наша экономическая жизнь шла своимъ чередомъ. Лично я ежедневно часа 3, а то и болѣе, простаивалъ за верстакомъ, что-нибудь созидалъ, и пріобрѣталъ тѣ полезные навыки, которые такъ мало распространены въ интеллигентной средѣ, и которыя я считаю въ высшей степени полезными въ интересахъ общаго развитія, не говоря уже о пріобрѣтеніи вѣрности и тонкости зрительныхъ воспріятій. На мой взглядъ экономическая оцѣнка (не въ хозяйственномъ, а въ научномъ и даже философскомъ смыслѣ) окружающей насъ житейской обстановки доступна вполнѣ только лицамъ, знакомымъ отчасти съ производствомъ этой обстановки. Самая квалификація ручного и мишиннаго труда, вообще, можетъ быть сдѣлана вполнѣ сознательно только человѣкомъ, познавшимъ на опытѣ нѣкоторыя отрасли этого труда. Точно также и познаніе всѣхъ сокровищъ растительнаго царства, окружающихъ насъ всюду, доступно только лицамъ, знакомымъ немного не только съ ботаникой, но и съ ботанической техникой, т. е. съ выращиваніемъ растеній.

Одно изъ первыхъ издѣлій для собственныхъ надобностей, которое я помню, и въ созданіи котораго я принималъ участіе, были этажерки. Это было въ то-же время первое пріобрѣтеніе, которое мы внесли въ пустое жилище, и которое, какъ выходецъ съ того свѣта, совершенно не гармонировало съ обстановкой, среди которой оно очутилось. Разрѣшено оно было не безъ долгихъ хлопотъ. Мы уже имѣли столовую и чайную посуду, нѣсколько тетрадей, нѣсколько книгъ, чайницу, сахарницу, словомъ нѣкоторую утварь, которую приходилось держать на полу, такъ какъ она не помѣщалась на тѣсномъ столѣ. Въ виду этого разрѣшили, наконецъ, сдѣлать 3-хъ угольныя этажерки въ 3 полки, по одной въ камеру, съ тѣмъ, чтобы она стояла въ углу и занимала какъ можно меньше мѣста. Соединенными усиліями, кто въ токарной, кто въ столярной, мы снабдили такими этажерками всѣ жилыя камеры.

Казалось-бы, что разъ принципъ «пустоты» былъ нарушенъ, и въ камерѣ появилась одна принадлежность человѣческаго жилья, то ничего не было легче расширить этотъ принципъ и завести мебель вообще. Но почему-то привыкши къ своей берлогѣ, мы совсѣмъ не гнались за ея обстановкой и далеко не спѣшили обзаводиться ею. Потому-ли, что инстинктивно чувствовалась «временность» этого жилища, или потому, что столь же инстинктивно чувствовалось, какъ неумѣстно декорировать самому клѣтку, въ которую ты запертъ насильно, и относительно которой у тебя можетъ быть только одно настойчивое желаніе—покинуть ее какъ можно скорѣе. Поэтому, довольствовались въ началѣ самыми необходимыми и самыми элементарными формами.

Правда, тормазила много и сама администрація. Уже долго спустя послѣ этажерокъ было дозволено сдѣлать еще одинъ шагъ и устроить деревянныя столешницы на желѣзный столъ, который очень холодилъ руки и давалъ постоянно непріятное ощущеніе при занятіяхъ. Но когда Мартыновъ устроилъ эту столешницу для Вѣры Николаевны съ 3 выдвижными ящиками, ее не допустили, какъ роскошь. Точно также, потомъ, разрѣшено было сдѣлать по табурету въ камеру, но именно табуретъ, а не стулъ. Но и впослѣдствіи, когда всѣ эти преграды пали, мы вовсе не спѣшили превратить свою тюрьму въ меблированныя комнаты. И я, напр., обзавелся мягкимъ кресломъ (довольно патріархальной конструкціи) только лѣтъ 7 назадъ, да и то, такъ сказать, по случаю, ибо дѣлалъ его, собственно, для Вѣры Николаевны.

На первыхъ порахъ наше начальство, можетъ быть, потому сдерживало насъ, что наблюдало здѣсь свои выгоды. Разъ мы взялись работать, то будутъ какія-нибудь издѣлія. А разъ намъ своихъ издѣлій сбывать некуда, то ими будутъ пользоваться они, наши опекуны, которымъ отданы были мы въ кормленіе. И дѣйствительно, на первыхъ порахъ они кой чѣмъ поживились, и старшіе чины, и младшіе. Даже въ департаментъ отсылались цѣлыя партіи нашихъ издѣлій, подъ тѣмъ предлогомъ, что «онъ интересуется тѣмъ, что именно мы работаемъ и на что деньги тратимъ. И чиновники департамента, навѣрное, эти сувениры не выпускали на рынокъ, а распоряжались ими согласно правилу: «даровому коню въ зубы не смотрятъ».

Помню изъ болѣе крупныхъ издѣлій была сдѣлана партія шкафовъ, штукъ 12, для унтеровъ. На этихъ шкафахъ, которые мы работали уже вдвоемъ, я впервые пріобрѣлъ столярную опытность. Позднѣе дѣлали другую партію маленькихъ шкапиковъ для казармы, чуть-ли не въ 50 штукъ, и за нихъ, кажется, дана была плата. Изъ другихъ издѣлій, такъ сказать, общественнаго характера, назову школьныя парты, надъ которыми намъ немало пришлось ломать голову, потому что мы совсѣмъ забыли размѣры тѣла дѣтей школьнаго возраста. И, наконецъ, дѣтскія игрушки, которыя мы дѣлали на елку для жандармскихъ дѣтей, и въ которыхъ проявили много творческой фантазіи, не находившей нигдѣ приложенія.

Интереснѣе всего тутъ было то, что мы снабжали шкафами унтеровъ и солдатъ, а свои собственныя вещи въ камерѣ держали въ постоянной пыли. На просьбы же разрѣшить намъ построить шкафы, намъ упорно отказывали, ссылаясь на то, что департаментъ разрѣшилъ только этажерки и такія издѣлія, которыя не бросались бы въ камерѣ въ глаза (кому?). Очевидно, имъ хотѣлось держать насъ пожизненно, и въ то же время въ помѣщеніи, которое бы имѣло видъ тюрьмы, а не жилой комнаты. И только въ послѣдніе годы мы почти всѣ обзавелись шкафами элементарнаго устройства (дѣлали даже изъ картона, и не дурные!) Но и тутъ безъ препирательствъ не обходилось. Напр., у Стародворскаго долго стоялъ въ спальнѣ шкафъ собственнаго издѣлія со стеклянными дверцами. Когда въ 1902 г. начались репрессіи, къ нему пришли съ требованіемъ, чтобы онъ или убралъ этотъ шкафъ изъ спальни, или вынулъ стекла, такъ какъ ихъ де опасно держать въ той камерѣ, гдѣ заключенный спитъ. Это было время, когда рѣжущіе инструменты стали отбирать у насъ на ночь. Стекла же, очевидно, причислялись къ таковымъ, и при томъ стекла, бывшія только въ шкафу, а не въ окнахъ. Сказать кстати, они такъ добросовѣстно исполняли свои «обязанности», что даже послѣ объявленія намъ манифеста о свободѣ. въ послѣдніе 2 дня нашъ вахмистръ столь же усердно обходилъ камеры вечеромъ и спрашивалъ — сдать ножи. Очевидно, военные артикулы требуютъ, чтобы велѣнія властей свято исполнялись даже и тогда, когда тѣ утратили всякій смыслъ.

XIX

Тѣмъ не менѣе, подводя итоги внѣшней обстановкѣ, я долженъ сказать, что оставилъ свое жилище совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ его при входѣ и описалъ выше. Поэтому, коснувшись его благоустройства, я скажу кстати и о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ здѣсь.

Когда я уѣзжалъ, я располагалъ почти ежедневно 4-мя камерами: въ одной спалъ, въ другой жилъ днемъ, въ 3-й имѣлъ верстакъ, въ 4-й былъ складъ матеріаловъ для коллекцій. Сверхъ того, я часто заходилъ въ «Музей», гдѣ тоже хранился матеріалъ, и могъ работать, когда угодно, въ токарной, переплетной, либо кузницѣ. Переходы изъ камеры въ камеру не стѣснялись даже и тогда, когда меня запирали тотчасъ по входѣ. Нужно было только постучать, чтобъ отворили дверь. Переходъ въ спальню совершался регулярно около 9 час. вечера, когда вахмистръ приходилъ запирать тюрьму и переводилъ всѣхъ на «мѣста». Въ жилой камерѣ, которая именовалась рабочей и въ которую я возвращался изъ спальни въ 7 час. утра, у меня были два шкафа, длинная полка, сплошь заставленная чѣмъ-нибудь, столъ съ выдвижнымъ ящикомъ, — точнѣе 2 стола, связанные другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ, табуретъ и кресло. Одинъ шкафъ былъ набитъ всевозможнымъ жи-

тейскимъ и техническимъ хламомъ, который постепенно накоплялся въ разсчетѣ, что всякая мелочь можетъ пригодиться при моихъ разнообразныхъ работахъ. Когда нѣтъ доступа въ лавку, гдѣ можно найти все, что потребуется, поневолѣ дѣлаешь запасы недостатковъ всего, что когда-нибудь побывало въ твоихъ рукахъ. Немало было и всевозможныхъ пузырьковъ съ химическими и техническими веществами, начиная со спирта, который я бралъ въ аптекѣ и постоянно имѣлъ въ небольшомъ запасѣ.

Черезъ годъ или два послѣ моего пріѣзда черная краска стѣнъ, по нашей просьбѣ, была замѣнена сѣрой, а полъ выкрашенъ охрой. Въ сѣрую краску вначалѣ все-таки клали избытокъ сажи и дѣлали ее темно-сѣрой. Я былъ недавно немало удивленъ, когда увидалъ, что въ вокзалѣ Ириновской желѣзной дороги (ведущей въ Шлиссельбургъ) стѣны зала III класса выкрашены снизу въ ту же самую краску, какъ и наши камеры, и съ такой же точно синей каймой, отдѣляющей закрашенный низъ отъ выбѣленнаго верха.

Матовыя стекла лѣтъ черезъ 5 замѣнили прозрачными и такимъ образомъ дали возможность не только читать въ пасмурные дни, но и держать въ камерахъ нѣкоторые цвѣты изъ тѣхъ, что не страдаютъ отъ недостатка свѣта. Для этого на наклонныхъ подоконникахъ мы сами понадѣлали горизонтальныхъ полочекъ. Одновременно матовыя стекла замѣнены были свѣтлыми повсюду, и на корридорѣ, и въ старой тюрьмѣ, гдѣ въ это время уже помѣщались мастерскія и гдѣ работать при отсутствія свѣта было совсѣмъ плохо. Такъ какъ вентиляція въ маленькую форточку совершалась плохо, особенно лѣтомъ, когда температура наружнаго и внутренняго воздуха выравнивалась, и всякая тяга прекращалась, то мы долго хлопотали о разрѣшеніи открывать окна. Рамы были устроены распашныя и значитъ ничего не стоило открывать ихъ для освѣженія воздуха хоть на время отсутствія жильца. Но это сочли почему-то излишней роскошью и еще до моего пріѣзда открывающіяся части были наглухо прибиты огромными гвоздями къ подоконнику. Одно время начальство поколебалось и стало открывать одну половинку рамы, для чего былъ приспособленъ особый ключъ. Но потомъ, должно быть, сочли это опаснымъ и устроили такъ, чтобы открывалась верхняя треть рамы въ видѣ фортки, причемъ жилецъ могъ открывать и закрывать ее самъ когда угодно.

Наконецъ изъ интересовъ надзора измѣнили самую форму камеры: задніе углы ея заложили кирпичемъ, чтобы въ нихъ не могъ прятаться заключенный отъ заглядывающаго въ глазокъ дежурнаго. Благодаря этому, камера значительно уменьшилась въ объемѣ и изъ 4-хъ угольной превратилась въ 6-ти угольную. Ремонтъ ея производился неаккуратно, по усмотрѣнію мѣстной администраціи, то черезъ 2 года, то черезъ 5 лѣтъ. Нѣкоторыя же камеры, занятыя подъ мастерскую, не ремонтировались лѣтъ 10 и были очень грязны. Мытье половъ лежало на нашей обязанности. На корридорѣ же и въ мастерскихъ подметали солдаты и при этомъ страшно пылили. На корридорѣ асфальтовый некрашеный полъ прежде подметали

просто мокрой шваброй. Обухъ ухитрился вычернить его и натереть графитомъ. Благодаря этому ежедневное подметаніе всухую давало массу пыли, а при натираніи графитомъ разъ или 2 въ двѣ недѣли мельчайшая графитная пыль проникала всюду, особенно въ нижнихъ камерахъ, и портила всѣ бѣлыя вещи. Зато корридоръ блестѣлъ и начальственный глазъ радовался, что и требовалось произвести. Для заглушенія шаговъ положены были по всему корридору вверху и внизу веревочныя дорожки. Вечеромъ и ночью дежурные надѣвали какую-либо мягкую обувь.

XX.

Въ нашей жизни, лишенной смысла и цѣли, играли громадную роль случайности. И какая-нибудь первая открывшаяся возможность наталкивала сама на новыя, слѣдовавшія за нею.

Еще въ самыя суровыя времена, когда у насъ ничего не было, покойный Юрковскій подалъ мнѣ мысль, что лампа есть не только орудіе для освѣщенія, но и очагъ, которымъ можно пользоваться для кулинарныхъ цѣлей. Любопытно, что до такого геніальнаго открытія было не додуматься самому. И я помню свой первый опытъ въ этомъ отношеніи, когда я сварилъ въ мѣдной луженой міскѣ нѣсколько капустныхъ листьевъ и сдобривши ихъ жировымъ наваромъ, снятымъ съ вермишелеваго супа, нашелъ свое изготовленіе заслуживающимъ вниманія. На другое лѣто кто то также подалъ мысль о вареньи и увѣрялъ, что варенье изъ моркови можетъ замѣнить если не клубничное, то другое какое-нибудь попроще. Сказано—сдѣлано. Цѣлую недѣлю я копилъ сахаръ (выдававшійся тогда по 1 кусочку утромъ и вечеромъ), накопилъ 4 куска, расплавилъ въ оловянной солонкѣ и варю вмѣстѣ съ морковью. Таганца тогда еще не было, и все время, пока сварилась морковь, приходилось держать солонку надъ лампой въ рукѣ (черезъ полотенце).

Когда техника пошла у насъ въ ходъ, конечно, тотчасъ устроили жестяныя конфорки, которыя прямо надѣвались на стекло лампы, какъ у самовара, и дѣйствовали для небольшой посудины прекрасно. Но и стеколъ же за то лопалось при этомъ! Когда введено было электрическое освѣщеніе (ок. 1895 г.), лампы оставили намъ для кулинарныхъ цѣлей (не безъ борьбы), съ тѣмъ, чтобы мы и стекла и керосинъ покупали на свой счетъ, т. е. въ счетъ суммъ, ассигнованныхъ на ремесленныя нужды. Тогда мы сочли невыгодными такія конфорки и замѣнили ихъ прямо трубой изъ жести или листового желѣза съ раструбомъ, на который прямо можно ставить кружку, жестяную сковородку или тарелку. Кто не довольствовался этимъ, купилъ себѣ керосиновую «кухню». Я же до конца ламповыхъ дней, которые были пресѣчены во цвѣтѣ лѣтъ, пользовался только лампой.

Точно также, когда мы подошли впервые къ плитѣ для цѣлей клееваренія, то сейчасъ же смекнули, что было бы непроститель-

ной узостью—ограничивать функціи плиты исключительно только этой непрезентабельной ролью. Дорого начало. И тамъ, гдѣ посѣяно здоровое зерно, на хорошей почвѣ выростетъ дерево. Такъ и функціи нашей плиты скоро расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ и возлѣ нея въ концѣ концовъ дѣлалось все, для чего только требовался нагрѣвъ. Даже накаливалось желѣзо въ топкѣ съ цѣлью обработать его въ нужное 'издѣліе, такъ какъ кузницы тогда не было, и всѣ просьбы объ открытіи ея разбивались объ упорство департамента: слесарно-кузнечное дѣло въ головѣ нашихъ охранителей тѣсно сплелось съ дѣланіемъ однѣхъ отмычекъ.

И вотъ, начавши съ самыхъ скромныхъ опытовъ, мы довели прогрессъ до того, что въ иной лѣтній день варилось на плитѣ до 30 фун. варенья, уже настоящаго варенья, въ 6—8 посудинахъ. Варить нужно было всѣмъ сразу, потому что ягоды доставлялись гуртомъ и всегда въ такомъ видѣ, что хранить ихъ даже до завтра только было рисковано. И я не видывалъ въ жизни болѣе умилительнаго зрѣлища, какъ то, когда подполковникъ Ашенбреннеръ, обливаясь потомъ, съ болѣе чѣмъ розовой лысиной, весь сіяющій и смакующій, доваривалъ свою ягодную порцію и говорилъ: «кажись, довольно!»

XXI.

Кулинарныя затѣи и увлеченія, какъ они ни были курьезны, сыграли серьезную роль въ возстановленіи и поддержаніи нашего физическаго здоровья. Всѣ наши недуги, отъ большихъ до малыхъ, развивались на почвѣ недостаточнаго питанія. А это питаніе, какъ и вездѣ въ тюрьмахъ, вообще говоря, стояло на minimum'ѣ веществъ, доставлявшихся организму: фиктивно докторъ считался наблюдателемъ надъ кухней. Но самое большее, за чѣмъ онъ могъ слѣдить, это—за доброкачественностью продуктовъ. Но и та, конечно, часто хромала. Вникать же въ то, чтобы столъ былъ достаточно разнообразенъ и доставлялъ организму потребное количество бѣлковъ и углеводовъ, для него было непосильной и можетъ быть даже не желательной задачей. Тѣмъ болѣе, что здѣсь онъ тотчасъ же сталкивался съ явно выраженнымъ стремленіемъ мѣстной администраціи—съэкономить все, что только возможно.

Между тѣмъ, здоровый организмъ, незамѣчавшій серьезныхъ лишеній, часто чувствовалъ, что ему чего-то не достаетъ. Животное, которое ищетъ себѣ корма, въ такихъ случаяхъ инстинктивно тянется къ тому, въ чемъ организмъ нуждается и къ чему возбуждается стремленіе. Намъ искать было негдѣ и нечего. Какъ бы ни бѣдно питался человѣкъ на волѣ, его недостаточное питаніе не можетъ быть въ такой степени хроническимъ и неизмѣннымъ, какъ у насъ. Хотя изрѣдка да удастся ему совершенно случайно гдѣ нибудь съѣсть вещество, непрерывный недостатокъ котораго въ организмѣ ведетъ къ его разрушенію. Мы же не могли расчитывать ни на какое „изрѣдка." И я помню то необыкновенное влеченіе, почти

жадность, которую я почувствовалъ къ клюквѣ и рябинѣ, когда я впервые наконецъ получилъ ихъ послѣ долгаго поста. Для меня это казалось тѣмъ болѣе неожиданнымъ и страннымъ, что я никогда ранѣе не былъ любителемъ этихъ ягодъ, какъ и всякой кислятины. Эту „жадность“ я и теперь не могу себѣ объяснить хорошенько. И мои свѣдѣнія въ физіологіи питанія не даютъ мнѣ ключа къ этому, хоть я и знаю, какъ важны напр. для нашего организма самыя ничтожныя дозы литіевыхъ, фтористыхъ или мышьяковистыхъ соединеній.

Вотъ почему наши варенья, сколько бы мы ихъ ни наварили, распредѣленныя на цѣлый годъ, не только были для насъ лакомствомъ въ общеобиходномъ смыслѣ, но были самой настоятельной необходимостью. Вотъ почему также за нѣсколько лѣтъ ранѣе этого, какъ только мы стали сами составлять свое меню, тамъ фигурировали часто такія необыкновенныя комбинаціи, какъ „котлеты съ клюквой.“ И только получивши возможность дѣлать для себя изъ овощей и разныхъ другихъ продуктовъ прибавочные ингредіенты къ нашему „пищевому довольствію,“ мы могли чувствовать себя гарантированными отъ незбѣжныхъ послѣдствій недоѣданія.

XXII.

Лично для меня плита служила еще источникомъ и пособникомъ осуществленій разныхъ техническихъ замысловъ. Не будь огня, сидѣлъ бы и не мечталъ. А разъ есть огонь, онъ самъ собой наталкивалъ на мысль: „а что, если я это вещество попробую нагрѣть или расплавить?“ Столярное дѣло познакомило меня не только съ деревомъ и его сортами и свойствами. Дерево въ немъ—только матеріалъ. Самое же главное отдѣлка, гдѣ столяръ протравляетъ, мажетъ, краситъ, полируетъ, и вообще орудуетъ разными жидкими и полужидкими веществами, почерпая свѣдѣнія для своихъ операцій изъ области химической технологіи. Когда практика натолкнула меня на эту сферу интересовъ, я тотчасъ почувствовалъ, что неизбѣжно вступить въ нѣкоторое знакомство съ химіей.

Химія въ наши времена была наукой крайне подозрительной: занялся человѣкъ химіей, значитъ навѣрное динамитъ дѣлаетъ. Не даромъ же нашъ просвѣщенный прокуроръ Неклюдовъ ставилъ Маріи Ал. Ананьиной въ образецъ истиннаго пониманія образовательнаго характера этой науки квартирную хозяйку подсудимой Шмидовой. А именно. Когда та увидала у Шмидовой подъ кроватью корзинку съ химической посудой, она пошла и донесла объ этомъ въ полицію. Пускай, молъ, тамъ эта всевѣдущая разбираетъ, настоящая ли эта химія, или „химія“ въ кавычкахъ. Не диво, что просвѣщенный тогда столь свѣдущими людьми, какъ этотъ знаменитый юристъ, я относился къ химіи съ особенной обстоятельностью и робостью. Наше начальство стояло, конечно, на точкѣ зрѣнія полицейской и потому вовсе не расположено было помогать намъ въ столь преступныхъ занятіяхъ. Тутъ выручилъ тогда док-

торъ Безродновъ и черезъ него Морозову и Лукашевичу удалось впервые добыть самые необходимые реагенты въ минимальныхъ количествахъ, равно какъ и самую химическую посуду. Сначала Морозовъ самъ занимался съ Лукашевичемъ, а потомъ подъ его руководствомъ я прошелъ самый элементарный курсъ химіи и продѣлалъ всѣ простые опыты, возможные въ нашей весьма импровизованной „лабораторіи." Тѣмъ временемъ, съ химической технологіей я помаленьку знакомился теоретически; и всякій научный опытъ, который открывалъ мнѣ Морозовъ, я воспринималъ и оцѣнивалъ только съ точки зрѣнія задней мысли: «а къ чему бы это можно было приложить?» Если реакція давала цвѣтной результатъ—«а нельзя ли тутъ краску получить?» Если пахучій—«а что, если бы духи приготовить?» Если сладкій—«хорошо бы утилизировать» и т. д.

При такой настроенности ума, имѣть подъ бокомъ плиту было чрезвычайно соблазнительно. И вотъ, потянулись у меня одинъ за другимъ самодѣльные опыты: то перегонки эфирныхъ маслъ (изъ пахучихъ растеній),. то приготовленія сахара, точнѣе патоки, изъ своей свекловицы, то превращеніе картофельнаго крахмала (собственнаго же издѣлія изъ своего картофеля) въ декстринъ и патоку, то наконецъ спиртодѣліе.

XXIII.

Этому послѣднему, въ виду его такъ сказать пикантной роли въ практикѣ, нужно посвятить особую главу.

Когда я приступилъ къ нему съ техническимъ интересомъ, уже нѣкоторые изъ товарищей давно прошли эту науку практически и успѣли потерпѣть неизбѣжное крушеніе: «заводъ» былъ отобранъ и уничтоженъ, а смотр. Федоровъ допустившій это, былъ прогнанъ. Затѣмъ былъ значительный перерывъ, и новая администрація забыла грѣхи, бывшіе при старой. Такъ какъ я свои знанія почерпалъ не изъ прежней изжитой практики, а изъ тома о винокуреніи, то я счелъ нужнымъ продѣлать все что оттуда извлекалъ; я гналъ водку изъ моркови, изъ свеклы, изъ корней вьюнка (они очень крахмалисты, и ихъ расплодилось у насъ видимо-невидимо), изъ патоки, покупной и своей собственной, изъ купленаго виноградnаго сахара, конечно изъ картофеля, хлѣба и разныхъ ягодъ.

Послѣднее оказалось всего практичнѣе и всего удачнѣе. Дѣло въ томъ, что параллельно винокуренію у меня шли опыты виноградѣлія или приготовленія фруктовыхъ винъ изъ рябины, крыжовника, малины, земляники, вишни и черной смородины. Дѣлалъ и сидръ, но неудачно, какъ и слѣдовало ожидать отъ нашихъ яблокъ. Вина же удавались хорошо. При ихъ приготовленіи получалась масса спиртуозныхъ выжимокъ, которыя ничего не стоило помѣстить въ перегонный аппаратъ и получить ягодную водку. Это было тѣмъ

болѣе удобно, что въ нагрѣваемой жидкости не было ничего клейкаго, чтобы прилипало ко дну «куба» и пригорало, какъ это бывало съ хлѣбнымъ заторомъ. Первые опыты были, конечно, грубы и часто увѣнчивались смѣхотворнымъ результатомъ. Когда съ однимъ изъ подобныхъ опытовъ, послѣ многихъ болѣе удачныхъ, я расположился на плитѣ съ холодильникомъ изъ снѣга, дежурный унтеръ, очевидно уже не разъ слыхавшій мои преступные запахи, сбѣгалъ за офицеромъ—младшимъ помощникомъ и тотъ произвелъ дознаніе. Я сказалъ, что дѣлаю опыты спиртодѣлія, но неудачные и въ удостовѣреніе показалъ, что получается въ результатѣ. Получалась тогда уксусно-кислая жидкость со всякими негодными примѣсями, благодаря сильному жару плиты и очень бурному кипѣнію. Очевидно за такіе опыты нельзя было преслѣдовать. Но я не сталъ подвергать себя новому риску и перенесъ свою дѣятельность въ камеру, гдѣ можно было скорѣе разсчитывать на недостатокъ досмотра. Послѣ оказалось, однако, что дозора и тамъ было достаточно.

Спаять новый перегонный кубъ, примѣнительно къ лампѣ, ничего мнѣ не стоило. Устроенъ онъ былъ изъ жести самымъ экономнымъ образомъ. Я взялъ двѣ жестянки отъ монпансье и надѣвши ихъ другъ на друга спаялъ. Получился глухой цилиндръ. Въ одномъ днѣ его я сдѣлалъ круглое отверстіе и пригналъ къ нему наглухо маленькій „шлемъ“ съ короткой боковой трубкой и съ узкимъ горломъ, черезъ которое наливалась жидкость посредствомъ воронки. Другая колѣнчатая трубка, примѣрно въ 9 -|- 4 вершка длины, однимъ концомъ надѣвалась на боковую трубку куба, а другимъ погружалась въ пузырекъ. Кубъ ставился на лампу, а лампа у раковины — въ такомъ разстояніи отъ крана, чтобы струйка воды, непрерывно текущей изъ него, падала на средину трубки и охлаждала идущей по ней паръ въ жидкость. Ни въ змѣевикѣ, ни въ особомъ холодильникѣ не было надобности. Самый кубъ вмѣщалъ менѣе 1 литра жидкости, и потому легко вообразить, въ какихъ размѣрахъ велось это «производство».

Продуктъ моего производства въ видѣ 60—70 градуснаго ректификата я презентовалъ изрѣдка именинникамъ, иногда поддѣлывая его подъ форму ликера. Отъ Безроднова я не скрывалъ своихъ опытовъ и даже бралъ у него Траллеса для опредѣленія крѣпости перегона въ градусахъ. Тѣмъ временемъ П. Л. Антоновъ, хотя рѣдко, но сразу дѣлалъ «заряды» въ крупныхъ размѣрахъ и наканунѣ какого-нибудь праздника сразу получалъ то количество, которое нужно было, чтобы всѣхъ участниковъ торжества привести въ пріятное расположеніе духа. Онъ дѣлалъ это такъ ловко, что дежурные, которые видѣли, какъ мы пили что-то во время «братской трапезы», оставались въ убѣжденіи, что все это плоды моей фабрикаціи, какъ уже давно патентованной. А потому, когда послѣ исторіи 1902 г. явился ревизоръ, они привели его въ мою рабочую камеру, когда меня тамъ не было, и предали въ его руки мой игрушечный «перегонный кубъ» и множество разныхъ подо-

зрительныхъ жидкостей, въ томъ числѣ бутылокъ 8 съ ягодными винами и 1 банку съ моченой брусникой. Спирту, и при томъ очень слабаго, найдено было около 3—4 рюмокъ. Все это, какъ сказалъ мнѣ вахмистръ, было запечатано и отправлено въ Петербургъ «для анализа». Было бы любопытно приложить сюда протоколъ дознанія спеціалистовъ, если они были призываемы къ осмотру моей жидкости. Вина, конечно, были выпиты за мое здоровье, я же не получилъ ни малѣйшаго вознагражденія за тотъ сахаръ, который былъ затраченъ мною на это производство изъ собственнаго чайнаго пайка.

XXIV.

Послѣ Правоторовъ говорилъ, что въ департаментѣ были очень скандализированы тѣмъ, что въ единственной тюрьмѣ, какая находится въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, завелись преступныя занятія, недопустимыя ни въ какой тюрьмѣ, а на волѣ ведушія къ прямому конфликту съ акцизнымъ вѣдомствомъ. Въ видѣ кары за это мы были лишены безповоротно и лампъ, и керосиновыхъ кухонь, а усердствовавшій отъ себя Яковлевъ постарался надѣть намордникъ даже на чугунку, стоявшую въ ванной комнатѣ, и топившуюся весь ванный день. До этого времени на нее иногда ставили что-нибудь, когда мывшійся тамъ хотѣлъ напримѣръ подогрѣть себѣ чай или разогрѣть обѣдъ.

При моихъ разностороннихъ занятіяхъ, — я какъ разъ въ это время запаивалъ сѣмена и насѣкомыхъ въ стеклянныя трубочки,— запрещеніе огня было огромнымъ лишеніемъ. Только послѣ того, какъ мнѣ разрѣшили давать стеариновую свѣчку, да и то на короткое время, я былъ отчасти вознагражденъ въ этомъ отношеніи. Потомъ свѣчку уже оставили у меня совсѣмъ. Тогда же Яковлевъ поручилъ одному изъ временныхъ замѣстителей доктора произвести ревизію всякихъ нашихъ пузырьковъ съ химическими и прочими веществами и «подозрительные» отобрать. Докторъ счелъ для себя возможнымъ взять на себя эту полицейскую роль, что нѣкоторые и поставили ему прямо на видъ. Но конечно ему отдали только разный хламъ. Въ послѣдній годъ я снова заказалъ кое-что изъ аптекарскаго склада, экспертиза моихъ покупокъ, какъ всегда, поручена была доктору, и ихъ, хоть не безъ затрудненій, все-же выдали мнѣ на руки. Здѣсь было, между прочимъ, и мышьяковистое желѣзо, которое ихъ пугало своимъ именемъ, и которое они не рѣшались было выдать.

Особенно комично бывало всегда положеніе нашихъ властей, когда они являлись въ роли вершителей нашихъ судебъ и контролеровъ надъ нашими занятіями и при этомъ судили о зловредности, допустимости или недопустимости того или другого вещества, которое они впервые видятъ, и названіе котораго они впервые слышатъ. Въ послѣдній разъ, между прочимъ, былъ привезенъ кусокъ натрія въ банкѣ и, конечно, *въ керосинѣ*. Голубчикъ прибѣжалъ

ко мнѣ въ тревогѣ и сказалъ, что хотя купили по моей запискѣ все, но онъ не можетъ выдать мнѣ, потому что тамъ какія-то подозрительныя вещества, что-то плаваетъ *въ водѣ* въ банкѣ и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ весьма дорого было имѣть въ лицѣ доктора не только свѣдущаго, но и самостоятельнаго человѣка, который при этомъ могъ бы освѣтить немножко эти тупые и глубоко невѣжественные умы, отъ которыхъ ежедневно и ежечасно мы чувствовали свою зависимость во всѣхъ мелочахъ своей жизни. Особенно же тягостно это ощущалось, когда дѣло касалось научныхъ увлеченій и вообще умственныхъ занятій.

Чтобы пресѣчь съ корнемъ наше спиртодѣліе, Яковлевъ счелъ недостаточнымъ лишить насъ огня, — какъ будто перегонъ можно сдѣлать какъ-нибудь иначе, безъ нагрѣванія! Онъ запретилъ намъ еще нѣсколько веществъ, которыя, по его мнѣнію, могли употребляться нами въ качествѣ матеріала для этой цѣли. Въ числѣ нихъ былъ запрещенъ одно время не только изюмъ, изъ котораго легко дѣлать и вино, и водку, но и пшеничная мука, и даже клюква. И это въ то время, когда въ своемъ огородѣ мы имѣли много разныхъ ягодъ годныхъ для этого производства. По истинѣ стоитъ вписать въ исторію тотъ актъ «просвѣщеннаго деспотизма», которымъ запрещалась клюква, какъ вещество, могущее служить преступнымъ цѣлямъ!

XXV.

Рѣшительно не помню, какимъ образомъ я натолкнулся на идею высиживанья цыплятъ искусственнымъ способомъ. Натолкнула-ли на это какая-нибудь замѣтка туриста, брошенная мимоходомъ въ описаніи своего путешествія (кстати: отдѣлъ путешествій въ нашей библіотекѣ былъ очень богатъ), или это былъ продуктъ самостоятельнаго замысла, основанный на общебіологическихъ данныхъ, не могу утверждать. Помню только, что о производствѣ куръ я зналъ тогда не больше, чѣмъ напримѣръ о производствѣ крапа или марены. Мнѣ не была даже извѣстна та элементарная истина, что не всякое яйцо бываетъ съ зародышемъ и что зародышъ въ яйцѣ сохраняетъ жизнеспособность не больше 3—4 недѣль, послѣ чего умираетъ. И значитъ, лежалыя яйца не годны для воспроизведенія куринаго потомства.

Эта истина мнѣ была неизвѣстна въ то время, какъ я, одержимый маніей открывать новые пути, не задумываясь взялъ у жандармовъ пару яицъ въ замѣнъ какого-то ужина, подвязалъ ихъ полотенцемъ вокругъ живота и сталъ вынашивать на манеръ сумчатыхъ животныхъ. Это было въ ноябрѣ или декабрѣ, когда свѣжихъ яицъ вообще не бываетъ, и во время какой-то изъ забастовокъ, когда я сидѣлъ безвыходно дома. Носилъ я такимъ образомъ эти яйца дней 10 и, что удивительнѣе всего, ночью ихъ ни разу не раздавилъ. Помнится, что затѣмъ меня начало разбирать сомнѣніе въ успѣхѣ, а можетъ быть яйцо начало уже давать тух-

лый запахъ сквозь скорлупу, только я пересталъ быть осторожнымъ, и днемъ, во время какого-то движенія, разбилъ одно яйцо. Оно было совсѣмъ гнилое. Другое оказалось еще свѣжимъ, но разумѣется, безъ малѣйшихъ признаковъ зародыша.

Этотъ смѣхотворный опытъ, должно быть, не пропалъ даромъ. Всегда бывало такъ, что когда человѣкъ начнетъ размышлять о причинахъ неудачъ, то онъ доищется ихъ и устранитъ. Должно быть, лѣтъ 5 прошло послѣ того. У насъ были уже всевозможные журналы—изъ тѣхъ, что цѣною подешевле, содержаніемъ полегче. Вѣроятно въ нихъ гдѣ нибудь въ отдѣлѣ «Смѣси» я встрѣтилъ замѣтку объ устройствѣ инкубаторовъ, но чрезвычайно краткую: она давала мнѣ одну идею и не давала ничего для осуществленія ея. Ахъ, еслибы всѣ авторы этихъ многочисленныхъ замѣтокъ въ отдѣлахъ «всякая всячина» и пр. давали себѣ надлежащій отчетъ, въ какія дебри иногда можетъ попасть ихъ замѣтка и какія творческія силы разбудить тамъ! Они были бы не такъ небрежны, какъ это ведется до сихъ поръ, и старались бы кратко, но точно дать все существенное о предметѣ, о которомъ взялись говорить!

Я принялся осуществлять свой инкубаторъ, памятуя только одно, что нужно вмѣстилище, гдѣ бы лежали яйца, и возлѣ нихъ какой-нибудь источникъ тепла. Лучше даже не возлѣ, а именно надъ ними. Въ тюрьмѣ было водяное отопленіе и калориферы. Естественно было вообразить, что если два аналогичныхъ калорифера сооружу я надъ ящикомъ съ яйцами, устроивши топку (лампу) не снизу, а сбоку, то я достигну своей цѣли. Я сдѣлалъ глухой ящикъ въ формѣ комода, внизу котораго выдвигался плоскій ящичекъ съ яйцами, а надъ нимъ помѣщалось «водяное отопленіе». Яйца были добыты свѣжія отъ завѣдующаго работами унтера, лампочка куплена, керосинъ тогда мы брали на свой счетъ, и операція началась. Не знаю, какъ относился къ моей затѣѣ завѣдующій, человѣкъ положительный и со смекалкой. Унтера же многіе — не иначе, какъ съ ироніей: «Дѣлаетъ, молъ, яичницу, и воображаетъ, что у него что-нибудь выйдетъ!»

На 8-ой или 9-й день яйца были осмотрѣны въ *овоскопѣ*. Такъ называется простой приборъ, служащій спеціально для этой цѣли, который я самъ же устроилъ. Оказалось, что почти во всѣхъ яйцахъ зародыши ясно развились: значитъ, дѣло идетъ не дурно!

Изъ 15-ти яицъ только два были безъ зародыша, почему и были тотчасъ вынуты.

Не безъ волненія затѣмъ ждалъ я рокового 21-го дня. И съ еще большимъ волненіемъ, понятнымъ только въ тюрьмѣ, замѣтилъ наконецъ первую наклевку: живое существо есть таки, и оно выходитъ изъ моей лабораторіи! Въ концѣ концовъ я получилъ 7 живыхъ цыплятъ. Остальные 6 умерли на разныхъ стадіяхъ развитія, и два изъ нихъ, должно быть, всего за день до конца инкубаціи.

Едва ли кому еще изъ куроводовъ всего свѣта эта инкубація

доставила столько безсонныхъ ночей. Благодаря недостаткамъ аппарата, колебанія температуры въ немъ совершались очень быстро вверхъ и внизъ, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій—жилища и атмосферы, равно какъ и отъ нагара на свѣтильнѣ. Днемъ я почти каждые $^1/_2$ часа контролировалъ ходъ нагрѣва. Ночью же засыпалъ тревожно, съ неотвязной мыслью, какъ бы у меня все не застыло. А потому просыпался почти ежечасно отъ безпокойныхъ сновидѣній, въ которыхъ то бѣгали по мнѣ цѣлыя тысячи цыплятъ, то я давилъ яйца, то производилъ пожаръ и т. д.

Но съ выходомъ цыплятъ изъ яицъ мои тревоги не только не прекратились, а еще осложнились. Ихъ нужно было согрѣвать и пасти и, значитъ, посвящать имъ цѣлый день, превратившись въ курицу. Ко мнѣ они привыкли съ первыхъ же дней и лѣзли такъ же, какъ къ маткѣ, за пазуху и всюду, гдѣ имъ казалось потеплѣе, и сидѣли смирно только до тѣхъ поръ, пока видѣли меня. Когда же я уходилъ, они поднимали крикъ, какъ это дѣлаютъ всегда цыплята, потерявшія матку, и орали до тѣхъ поръ, пока я не возвращался успокоивать ихъ. Если же я проводилъ время въ огородѣ въ ихъ присутствіи, они вертѣлись у самыхъ ногъ съ полной довѣрчивостью, не подозрѣвая, что малѣйшій неосторожный мой шагъ грозитъ имъ неминуемой смертью.

XXVI.

Благодаря какому-то предразсудку, среди публики, незнакомой съ дѣломъ, цыплята выведенные искусственно, считаются безплодными. Такое мнѣніе очень распространено. Придерживались его и у насъ нѣкоторые, слыхавшіе на этотъ счетъ кое-что. Изъ выведенныхъ мною я оставилъ двѣ курочки при себѣ и онѣ скоро доказали, что во всѣхъ статьяхъ рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ рожденныхъ естественнымъ путемъ, и только по прежнему навсегда оставались совершенно ручными.

Со своей инкубаціей я, оказывается, опоздалъ. Какъ разъ въ то время, когда я паялъ свои калориферы, у насъ появились уже взрослыя куры. Прихожу я однажды въ «сарай» и застаю на коридорѣ чуть не всенародное собраніе. Вся публика стоитъ въ кружокъ, а въ центрѣ круга—живые и взрослые пѣтухъ и курица, смущенные и изумленные не менѣе самой публики, потому что имъ ни разу въ жизни не приходилось быть предметомъ столь яваго и даже восторженнаго вниманія и удивленія. И не диво! Иной изъ товарищей вѣдь больше 10 годовъ не видывалъ вблизи и въ натурѣ ни одной живой курицы. А когда пѣтухъ, не смущаясь обстановкой, внезапно запѣлъ по пѣтушиному, сенсація была полная!

Въ виду такого неожиданнаго для меня появленія куръ, которое безъ всякихъ затрудненій было разрѣшено полковникомъ Обухомъ (ихъ купили у жандармовъ въ счетъ ремесленныхъ суммъ), мои инкубаціонные замыслы сразу утратили полцѣны. Зачѣмъ я

буду стараться, если эта самая Марфутка (такъ прозвали первую курицу) высидитъ лѣтомъ цѣлый выводокъ безъ всякихъ хлопотъ и въ лучшемъ видѣ! Можетъ быть это охлажденіе интереса отразилось и на устройствѣ инкубатора и затѣмъ на успѣхѣ всего опыта.

Тѣмъ не менѣе, первый малоудачный опытъ заинтересовалъ меня. Разъ будутъ у курицы свои цыплята, можно подпустить къ ней еще десятокъ инкубаторскихъ. Всѣ хлопоты по выращиванію, такимъ образомъ, становятся ненужными. Но такъ какъ мой инкубаторъ былъ совершенно не годенъ, то я устроилъ другой—на иныхъ началахъ. Не буду описывать его. Скажу только, что онъ былъ, какъ я узналъ это послѣ, почти точной копіей аппарата, изобрѣтеннаго въ XVIII вѣкѣ Лавуазье, извѣстнымъ химикомъ, который преподнесъ его для развлеченія Маріи Антуанетѣ. Извѣстная истина: надъ чѣмъ встарину задумывались геніальные мужи, то теперь стало доступнымъ уму самаго обыкновеннаго смертнаго. Этотъ второй инкубаторъ ни разу не былъ употребленъ въ дѣло. Въ немъ Вѣра Николаевна только обсушивала иногда своихъ новорожденныхъ, вылупившихся подъ маткой.

Выводить въ немъ цыплятъ не пришлось потому, что скоро куроводство расцвѣло у насъ пышнымъ цвѣтомъ. Первая пара была предоставлена въ собственность Вѣры Николаевны. А затѣмъ за это дѣло взялись такіе солидные практики, какъ В. Г. Ивановъ и М. Ф. Фроленко, познакомившіе насъ скоро въ натурѣ чуть не со всѣми куриными породами, которыя только извѣстны любителямъ. По всему двору и всюду бродили у насъ и прельщали наши взоры лангшанъ и віандотъ, плимутрокъ и брама́, кохинхинки и итальянки. А разговоры между свѣдущими и заинтересованными лицами велись исключительно на тему о выносливости и носкости той или другой породы, равно какъ о величинѣ яицъ, которыя при этомъ тщательно взвѣшивались.

Особенно обширно было «заведеніе» у Фроленки, который предался своему дѣлу со свойственнымъ ему увлеченіемъ, построилъ себѣ образцовый курятникъ съ толстыми мшеными стѣнами и одно лѣто вывелъ кажется до сотни цыплятъ. Въ это время мы стояли уже чуть-ли не на высотѣ современныхъ куроводныхъ знаній, выписывали спеціальныя сочиненія, трактующія объ этомъ предметѣ и даже цѣлый годъ получали періодическій журналъ, посвященный исключительно птицеводству, правда чрезвычайно бѣдный содержаніемъ, хотя и очень претенціозный.

Но надъ всѣми нашими увлеченіями, какъ бы они ни были невинны и даже благонамѣренны, всегда висѣлъ Дамокловъ мечъ. Говорятъ, что онъ висѣлъ и вообще надъ всякимъ русскимъ хозяиномъ, не извѣдавшимъ еще, какое хозяйственное благо заключается въ «гарантіяхъ» его личности и его самодѣятельности.

Почти все куроводство погибло у насъ сразу во время мартовскаго кризиса 1902 г. И только В. Ивановъ сохранилъ свое небольшое стадо еще на 1 годъ, но безъ права размноженія. Яков-

левъ не могъ допустить такого нарушенія «порядка». Присланный къ намъ Сипягинымъ за три дня до его смерти съ разными ограничительными полномочіями, онъ ни слова не сказалъ о курахъ. А когда пришло имъ время насиживать, онъ объявилъ отъ имени прославшаго его министра, котораго уже 2 мѣсяца какъ не было въ живыхъ (о чемъ тогда мы еще не знали), что куроводству положенъ предѣлъ.

Изъ всѣхъ репрессій и запрещеній, какія сыпались когда нибудь на нашу родину, запрещеніе разводить куръ, кажется, можно отмѣтить какъ самое оригинальное и самое нелѣпое.

XXVII.

Какъ ни кратковременно было наше куроводство, оно все же внесло не мало разнообразія въ нашу жизнь. Строительная дѣятельность расширилась у насъ, и какъ ни стѣснены мы были въ своихъ клѣткахъ, все же владѣльцы куринаго стада ухитрялись создать для него своеобразные аппартаменты, согласно своимъ личнымъ вкусамъ и намѣреніямъ. Постоянное пребываніе возлѣ насъ домашнихъ животныхъ создавало вокругъ какъ-бы иллюзію жизни и домоводства. А періодическое появленіе цыплятъ, весьма забавныхъ въ первые дни ихъ жизни, вносило сюда даже своеобразный элементъ нѣжности, обыкновенно совершенно чуждый той средѣ, гдѣ отсутствуютъ дѣти и вообще существа вполнѣ безпомощныя.

Должно быть однимъ изъ проявленій этой эмоціи нѣжности было разведеніе кроликовъ, которое предшествовало куроводству. Эти невинныя и совершенно безполезныя у насъ созданія пользовались почти у всѣхъ насъ особымъ расположеніемъ, главнымъ образомъ потому, что у нихъ постоянно рождались новые выводки, которые служили объектомъ няньчанья и можетъ быть замѣняли собакъ и кошекъ, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ у старыхъ холостяковъ и дѣвъ. Этотъ антропоморфизмъ заходилъ такъ далеко, что кроличье мясо не только не поступало къ намъ въ кухню, но и тѣ немногіе изъ насъ, кто дерзалъ такимъ образомъ сокращать естественное перепроизводство кроличьей породы, слыли не иначе, какъ за людоѣдовъ. Къ цыплятамъ такой нѣжности уже не питали, и молодые выводки, достаточно подкормленные, поступали къ именинному столу. Но и то посягали на это мясо далеко не всѣ.

Мысль о наиболѣе раціональномъ опытѣ инкубаціи все же не была заброшена мною. И такъ какъ въ птицеводной и проч. литературѣ (напримѣръ въ журналѣ «Хозяинъ») я начитался свѣдѣній о надлежащемъ устройствѣ аппаратовъ, то я передѣлалъ еще разъ свой инкубаторъ, принявши во вниманіе всѣ удобства и предосторожности, которыя могъ осуществить при своихъ ограниченныхъ средствахъ. Даже керосиновую лампу изъ жести я спаялъ самъ. Инкубаціонный ящикъ я прокрасилъ нѣсколько разъ масляной

краской, придавши ему вѣковую прочность. И, увы, ни разу мнѣ не пришлось испытать его въ дѣйствіи, такъ какъ всякое куроводство тогда же было пресѣчено въ корнѣ.

Уѣзжая изъ Шлиссельбурга, я подарилъ этотъ приборъ священнику и теперь не знаю, какъ съ нимъ обстоитъ дѣло.

М. Новорусскій.

Май 1906 годъ.
Выборгъ.

Въ Шлиссельбургѣ [1]).

Пища духовная.

XXVIII.

Я выдѣлилъ въ особую главу нашу духовную пищу.

Въ началѣ я уже называлъ нѣсколько книгъ, читанныхъ мною въ первый годъ заточенія, и тѣмъ далъ уже читателю нѣкоторое понятіе о характерѣ нашей умственной пищи. Съ теченіемъ времени она разнообразилась все больше и больше. Такъ какъ самъ я не стоялъ на высотѣ всѣхъ знаній и не могъ перечесть всего, что находилось въ нашемъ распоряженіи, то мнѣ необходимо сойти съ личной почвы для того, чтобы ознакомить читателя полнѣе съ нашей сокровищницей знанія и, можно сказать, съ главнымъ жизненнымъ нервомъ, поддерживавшимъ въ насъ душу живу, охранявшимъ насъ отъ окончательнаго душевнаго разложенія.

На первыхъ порахъ, когда весь день, за исключеніемъ 2-хъ часовъ прогулки, проводился въ камерѣ, читалось особенно много. Запасъ книгъ небольшой и число нечитанныхъ быстро сокращалось.

Поэтому при каждомъ визитѣ кого-нибудь изъ Петербурга мы засыпали посѣтителей заявленіями о присылкѣ книгъ, заявленія эти дѣлались разно. Одни просили прислать «что нибудь по исторіи», «что нибудь по естествознанію». Другіе называли прямо тѣхъ или другихъ авторовъ, которыхъ знали по старой памяти. Если генералъ былъ въ духѣ и не пьянъ, или плотно и пріятно позавтракалъ передъ визитомъ, онъ относился внимательно къ нашимъ заявленіямъ и приказывалъ своему адъютанту тутъ же записать ихъ. Затѣмъ мы ждали приблизительно съ полгода результатовъ и обыкновенно на одну изъ пяти просьбъ получали то или другое удовлетвореніе.

Въ первый же годъ моей жизни посѣтилъ насъ Шебеко, тов. мин., завѣдующій полиціей, только что назначенный на мѣсто извѣстнаго своей жестокостью Оржевскаго, котораго прогнали въ Вильну послѣ нашего процесса. Со мной и Лукашевичемъ Шебеко

---

[1]) См. „Былое“ кн—4, 6, 7 8 и 9.

былъ тогда необыкновенно любезенъ. Товарищи острили по этому поводу, что онъ намъ обязанъ повышеніемъ и потому старался выразить намъ признательность за нашу услугу. Съ предупредительной улыбкой онъ спрашивалъ у меня, не могу ли я сдѣлать какого нибудь заявленія. И когда я сказалъ, что мнѣ желательно было-бы получить полный сводъ законовъ, онъ даже просіялъ отъ удовольствія, точно я польстилъ ему этой просьбой.

— Помилуйте, отвѣтилъ онъ: у насъ тамъ они даромъ валяются! Пришлемъ, непремѣнно пришлемъ!

И приказалъ адъютанту записать.

Но за всѣ 18 лѣтъ я такъ и не добился этого свода, хотя еще раза два повторялъ эту просьбу разнымъ лицамъ. Очевидно имъ совсѣмъ не хотѣлось, чтобъ мы вычитали тамъ что-нибудь насчетъ своихъ «правовъ» и затѣмъ цитатами оттуда повергали въ смущеніе своихъ высокихъ посѣтителей. Это дѣвственное невѣдѣніе законовъ систематически поддерживалось въ нашихъ душахъ вплоть до послѣдняго года, вопреки явному требованію, что никто не долженъ отговариваться ихъ невѣдѣніемъ. Зато любопытно было слышать, когда мѣстное начальство называло *закономъ* тотъ или другой § своей инструкціи. Когда въ 1903 году вышло новое уложеніе о наказаніяхъ, мы стали просить свою администрацію купить намъ его. Смотритель (Правоторовъ) обѣщалъ, будучи въ Петербургѣ, спросить разрѣшенія у директора, которымъ былъ тогда Лопухинъ, юристъ, и, можно думать, поборникъ и насадитель юридическихъ знаній. По словамъ Правоторова бесѣда его съ директоромъ на этотъ счетъ была кратка, но вполнѣ ясна.

— Заключенные говорятъ, что вышло новое уложеніе и просятъ купить его имъ.

— Да вышло. Вотъ оно лежитъ (и показалъ экземпляръ его). Но оно къ нимъ не относится, а потому и читать его имъ нѣтъ надобности.

Эта аргументація была особенно замѣчательна тѣмъ, что въ скоромъ времени это уложеніе примѣнено было именно къ однимъ политическимъ преступленіямъ, и значитъ должно бы относиться только къ намъ и никому другому.

Послѣ паденія Плеве намъ, все-таки, наконецъ, купили его. Однако, эта охрана насъ отъ язвы законности была совершенно излишней. У насъ все-таки были въ библіотекѣ и старое уложеніе, и уставъ о ссыльныхъ, и судебные уставы, полученные нами помимо департамента, откуда мы могли вычитать сколько угодно опасныхъ для нихъ цитатъ. Да болѣе откровенные изъ нихъ и не смущались этимъ, а прямо заявляли: «къ этой тюрьмѣ никакіе законы не относятся». И дѣйствительно, наивно было разсуждать о законности въ тюрьмѣ, гдѣ ровно 10 л. просидѣлъ на каторжномъ положеніи штабсъ-капитанъ М. Ф. Лаговскій, посаженный туда безъ всякаго суда и слѣдствія и несшій совершенно одинаковую участь съ лицами, приговоренными по суду къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ.

XXIX.

Пока книги присылались намъ изъ департамента натурой, мы всецѣло зависѣли отъ его усмотрѣнія и смотрѣли на свои книжныя хлопоты какъ на лоттерею: авось вытащишь выигрышный билетъ и тебѣ пришлютъ какъ разъ то, чего ты хотѣлъ и что требуется тебѣ настоятельно по ходу твоихъ занятій. А не пришлютъ, такъ похорони и свои умственные запросы и стремленія, какъ ты похоронилъ все остальное.

Но когда, съ 1897 г., намъ ассигновали опредѣленную сумму на выписку книгъ (именно 140 р.), наше положеніе при этомъ улучшилось очень мало. Мѣстный полковникъ либо разрѣшалъ, своею властью, покупать все, что мы закажемъ, либо нѣтъ, смотря по вѣянію въ высшихъ сферахъ. Но чаще составленный нами списокъ книгъ, которыя мы хотѣли бы купить на ассигнованныя деньги, отправлялся въ департаментъ, гдѣ валялся не менѣе полугода и возвращался къ намъ съ урѣзками, въ которыхъ никакой проницательный умъ не могъ усмотрѣть ни системы, ни основаній. Запрещенныя нынче книги мы нарочно записывали снова на будущій годъ и получали разрѣшеніе. Это полное отсутствіе руководящей мысли при запрещеніи и разрѣшеніи было очевидно даже нашимъ жандармамъ, которые въ книгахъ вообще были столько же свѣдущи, какъ и въ китайскомъ языкѣ. Спросишь, бывало, офицера, завѣдующаго покупкой книгъ:

— Ну, скажите пожалуйста, почему запретили мнѣ „Полное географическое описаніе нашего отечества подъ ред. Семенова?"

— А вы, отвѣчаетъ онъ хладнокровно, напишите ее опять въ слѣдующій разъ, и тогда получите разрѣшеніе.

Даже Гефдингъ, очерки психологіи, былъ запрещенъ однажды. Всякій, у кого только бывалъ обыскъ,—а у кого-то теперь онъ не бывалъ?—знаетъ изъ практики, до чего невѣжественны въ книжныхъ вещахъ полицейскіе и жандармскіе агенты, ищущіе въ вашей библіотекѣ чего-нибудь предосудительнаго. Изъ нашихъ списковъ, посылавшихся въ департаментъ, мы имѣли неоднократно случай вывести убѣжденіе, что ихъ командиры, засѣдающіе въ департаментѣ, не менѣе невѣжественны. Когда ваши духовные интересы находятся въ рукахъ бурбона, облеченнаго неограниченною властью и высоко о себѣ думающаго и въ то же время круглаго невѣжды,—вы замѣчаете это на каждомъ шагу, потому что самоувѣренный бурбонъ постоянно попадаетъ въ просакъ. Если бы вы могли удовлетворять свои духовные запросы иными путями, независимо отъ него, то это зрѣлище своимъ глубокимъ комизмомъ доставило бы вамъ много развлеченія. Но мы были всецѣло въ ихъ рукахъ, постоянно чувствовали грубое прикосновеніе къ невиннѣйшимъ интеллектуальнымъ интересамъ, и потому намъ было не до смѣху.

Стоитъ ли прибавлять, что область соціальныхъ наукъ пользовалась особымъ вниманіемъ нашихъ властей и что громадное боль-

шинство ихъ запрещеній обрушивалось именно въ эту сторону. Тутъ запрещались книги исключительно за то, что въ своемъ заглавіи содержали терминъ „соціальный“. Никакому, напр., даже департаментскому невѣждѣ не пришло бы въ голову запрещать намъ Исторію древняго Рима. Но когда вышла въ свѣтъ, недавно, *соціальная* исторія древн. Рима, и мы выписали ее, понятно намъ запретили.

Это дало поводъ Г. А. Лопатину какъ-то предложить намъ—изгнать изъ нашихъ списковъ разъ навсегда терминъ „соціальный“, а писать вмѣсто него „салициловый“. Онъ же неоднократно пикировался по этому поводу съ департаментскими чиновниками, живописуя въ письмахъ къ своему брату ихъ безграмотность, безстыдство и наглость. Письма, конечно, читались въ Петербургѣ и возвращались ему обратно съ увѣдомленіемъ, что такое письмо отправлено быть не можетъ, и съ требованіемъ передѣлать его.

XXX.

Но курица по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ, говоритъ пословица. И несмотря на всѣ эти препоны, у насъ кое-что понакопилось. Все, что ни попадало къ намъ, оставалось у насъ и составляло вкладъ въ нашу библіотеку. Помаленьку, изъ года въ годъ, она расширялась, и къ концу нашей жизни въ ней считалось не менѣе 3,000 томовъ.

Образованію такой библіотеки больше всего помогли намъ журналы, гдѣ въ объявленіяхъ и библіографическихъ отдѣлахъ мы находили заглавія книгъ, и благодаря которымъ могли до нѣкоторой степени стоять на уровнѣ современныхъ знаній въ любой отрасли наукъ.

Съ цѣлью постоянно слѣдить за книжными новинками, мы выписывали много лѣтъ подрядъ «Извѣстія книжныхъ магазиновъ Вольфа», которыя давали намъ почти тотчасъ послѣ выхода даже въ такіе дни, когда не давали никакихъ журналовъ, кромѣ строго научныхъ.

Во избѣжаніе вторженія въ нашу библіотеку какого-нибудь поборника помраченія, который могъ бы приказать изъять лишнія книги, мы въ послѣднее время стали всячески сжимать каталогъ, веденіе котораго находилось всецѣло въ нашихъ рукахъ. Для этого авторъ съ многотомными и многоразличными сочиненіями записывался обязательно подъ однимъ №. Такъ подъ однимъ № стояли сочиненія Спенсера, Милля, Маколея, Карѣева, Золя, Дюма, Мопасана, Диккенса, М. Твэна, Шекспира и др. Точно также журналы разныхъ лѣтъ, но одного названія, числились подъ однимъ №. И все-таки у насъ было свыше 2000 номеровъ. Отдѣлъ изящной литературы, въ первые годы рѣшительно не разрѣшавшейся намъ, былъ особенно богатъ. Почти всѣ выдающіеся заграничные романисты были въ полномъ собраніи, и часто на двухъ языкахъ. Рус-

скихъ было мало. Но ихъ легко было достать изъ канцеляріи, откуда намъ давали даже Горькаго, правда послѣ многократныхъ обращеній. Отказы всегда аргументировались тѣмъ, что Горькаго не любятъ въ департаментѣ.

Каталогъ трудами Стародворскаго въ 1902 г. былъ разбитъ на много отдѣловъ, и въ каждомъ у насъ можно было найти кое что достойное вниманія. Тамъ были: лингвистика, медицина, физика и математика, зоологія, ботаника, геологія, анатомія и физіологія, юридич. науки, статистика, беллетристика, путешествія и пр. Человѣку съ универсальнымъ, хотя и диллетантскимъ интересомъ, жаловаться особенно не приходилось. Къ сожалѣнію, это богатство образовалось для насъ довольно поздно. Силы значительно ослабѣли. Интересъ къ знанію, безжизненному и непродуктивному, постепенно охладѣвалъ. И то, что въ молодые годы схватывалось и усвоивалось въ мѣсяцы, теперь приходилось изучать годы. П. В. Карповичъ, первый свѣжій человѣкъ, появившійся у насъ послѣ долгаго застоя, выразилъ рѣзкое порицаніе составу нашей библіотеки.

Для него, искавшаго отвѣтовъ почти исключительно на современные запросы общественной жизни, наша библіотека давала слишкомъ мало. Онъ только что оторвался отъ богатыхъ книгохранилищъ Европы и не переживалъ нашего прежняго убожества. Извѣстное дѣло: другая точка зрѣнія,—другія и сужденія.

XXXI.

Опасенія же наши насчетъ изъятій и сокращеній изъ нашей библіотеки имѣли подъ собой серьезныя основанія. Въ 1889 г. П. Н. Дурново, бывши у насъ съ визитомъ, усмотрѣлъ у кого-то въ камерѣ Исторію французской революціи Кинэ и полюбопытствовалъ заглянуть въ нашъ каталогъ. Тамъ было десятка два названій, которыя ему очень не понравились, почти исключительно изъ книгъ, привезенныхъ съ собой въ тюрьму нѣкоторыми изъ товарищей. Ранѣе этого ихъ разрѣшено было внести въ нашу библіотеку, теперь же онъ приказалъ ихъ изъять. Такъ какъ книги тогда были единственнымъ содержаніемъ нашей жизни, то почти всѣ мы были буквально потрясены этимъ безсмысленнымъ распоряженіемъ. Намъ казалось это началомъ возврата къ старому, когда кромѣ религіозныхъ книгъ не давали никакихъ, и когда люди готовы были идти на всякую крайность, вплоть до самоубійства, лишь бы избавить себя отъ такого идіотскаго прозябанія.

«Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ это», думалось и теперь почти каждому. Положеніе казалось настолько серьезнымъ и внушающимъ опасенія, настроеніе наше было такъ тревожно и безнадежно, что почти безъ всякихъ соглашеній, дѣлать которыя тогда было невозможно при нашей изолированности, рѣшено было выразить протестъ единственнымъ доступнымъ тюрьмѣ способомъ—голодовкой.

Какъ ни безсмысленнымъ кажется для многихъ этотъ самоубійственный способъ дѣлать непріятности своему врагу своимъ бокомъ, онъ имѣетъ за себя много резоновъ. И самый фактъ его частой повторяемости въ наши дни служитъ лучшимъ аргументомъ въ его пользу. Чтобы судить о голодовкѣ правильно, нужно принять во вниманіе импульсы, подъ какими складывается рѣшимость прибѣгнуть къ ней. Обыкновенно она является результатомъ не холоднаго обдуманнаго вывода, а какого-нибудь сильнаго аффекта, назрѣвавшаго постепенно въ тюремномъ положеніи или возникшаго сразу, благодаря случайной причинѣ, какъ это было у насъ. Слѣдовательно, къ сужденію о ней не приложимы доводы разсудка людей, небывавшихъ въ подобномъ положнніи. Но помимо этого, голодовка имѣетъ за себя и объективное основаніе, потому что она воздѣйствуетъ на людей, отъ усмотрѣнія которыхъ всецѣло зависятъ устранить или не устранить причину голодовки. Во многихъ случаяхъ, гдѣ причина голодовки лежитъ въ простой и даже незаконной небрежности, она даетъ лишній стимулъ для лицъ, вѣдающихъ судьбы людей и совершенно не думающихъ о нихъ.

А самое главное,—она, какъ и всякій ненормальный и выходящій изъ ряда вонъ пріемъ, чревата всякими неожиданностями. Благодаря этому, мѣстная администрація, которая присутствуетъ при ходѣ этой драмы, теряетъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Для нея, какъ для всѣхъ вообще чиновниковъ, дороже всего эта именно увѣренность и это отсутствіе опасеній. А тутъ вдругъ ей приходится 5, 6, 7, 8, 9 дней, изъ минуты въ минуту переживать подъ этой гнетущей мыслью и постоянно тревожить себя вопросомъ а какъ-то посмотритъ высшее начальство, которое обыкновенно съ важностью отмалчивается, какъ на самую голодовку, такъ и на могущія произойти изъ нея неожиданности.

Девять жуткихъ дней провели и мы среди разнообразныхъ ощущеній, сопровождающихъ муки голода. Девять длинныхъ дней, изъ часу въ часъ, изъ минуты въ минуту мы переживали сложныя и мучительныя чувства, наединѣ съ самими собой, ничѣмъ не занятые и не отвлекаемые отъ болѣзненнаго самосозерцанія. Чтобы не измѣнить тона объективнаго разсказчика, я не внесу и въ этотъ драматическій эпизодъ лирическихъ нотъ. Физіологія давно и совершенно точно описала процессъ голоданія и всѣ связанныя съ нимъ психическія явленія. Къ этому я не прибавилъ-бы здѣсь ни одной детали.

Послѣдніе дни всѣ мы (въ голодовкѣ не участвовали кажется только четверо), лежали почти безъ движенія, какъ больные. Пищу перестали ставить мнѣ какъ и другимъ съ перваго же дня, какъ я отказался отъ нея и сказалъ вахмистру: «вѣдь все равно я буду выливать въ ватерклозетъ; такъ зачѣмъ же попусту изводить ее?»

На 8-й кажется день Буцинскій, и безъ того на половину больной, окончательно свалился. Докторъ зашелъ къ нему и сказалъ, что ничѣмъ не можетъ помочь, пока больной самъ намѣренно изводитъ себя. Въ то же время Стародворскій вскрылъ себѣ

гвоздемъ артерію на рукѣ съ цѣлью самоубійства и выпустилъ нѣсколько стакановъ крови, но былъ во время усмотрѣнъ. Выходило, такимъ образомъ, что мы, болѣе крѣпкіе, спекулируемъ на жизнь болѣе слабыхъ, или болѣе порывистыхъ. Не всѣ подумали объ этомъ заранѣе. Но когда такая перспектива стала воочію передъ глазами всѣхъ на самомъ порогѣ роковой развязки, отъ нея быстро отшатнулись. Изъ нашего угла, гдѣ были самые немощные, Буцинскій и Морозовъ, вышло предложеніе объ окончаніи протеста, и голодовку прекратили. Только Вѣра Николаевна да Юрковскій голодали еще лишнихъ два дня, пока не сдались на просьбы товарищей.

Какъ часто бываетъ, непосредственныхъ результатовъ она не принесла никакихъ, развѣ только расшатала окончательно здоровье Буцинскаго, который затѣмъ недолго протянулъ. Но безслѣдно она не прошла, и какъ одно изъ звеньевъ въ ряду причинъ, подкапывавшихъ суровые тюремные порядки, она сыграла свою роль. Возвратовъ къ старому въ книжномъ дѣлѣ не было, и никогда больше не повторялось въ нашей жизни это вторженіе въ библіотеку съ цѣлію производить въ ней сокращенія. И это несмотря на то, что въ ней накопилось, безъ вѣдома департамента, не мало книгъ, которыя были бы выброшены оттуда безъ всякаго милосердія любымъ ретивымъ охранителемъ. Нѣсколько книгъ были записаны даже въ каталогѣ не подъ своимъ заглавіемъ.

Отобранныя же книги мы получили полностью года черезъ 3 отъ Пахаловича, который принесъ ихъ изъ канцеляріи, гдѣ все это время онѣ лежали неприкосновенными и, разумѣется, безъ всякаго употребленія.

Зачѣмъ былъ продѣланъ этотъ экспериментъ in anima vili?

XXXII.

Какъ и во всей русской жизни, руководимой исключительно взглядомъ начальства, у насъ этотъ «взглядъ» особенно рельефно отражался на библіотечномъ дѣлѣ. Чего не разрѣшалъ одинъ директоръ, то разрѣшалъ другой, его преемникъ. Продуктъ его разрѣшенія, книга, разъ сданная, лежала неприкосновенною въ библіотекѣ. Ее всегда можно было взять и читать вторично, даже третично. Она не теряла вдругъ своей цѣнности. Всякій новый бурбонъ, запрещавшій купить новыя книги вродѣ имѣющихся у насъ, не касался того, что уже было. Если бы онъ каждый разъ перебиралъ библіотеку сообразно своимъ вкусамъ, намъ житья не было-бы.

Не то съ журналами. Старые прочитанные журналы не могли возбуждать никакого интереса. Намъ нужны были новые. И запрещеніе касающееся ихъ обрушивалось на насъ всею тяжестью, создавая такую атмосферу лишенія, величины котораго, можетъ быть, не представлялъ себѣ ясно и самъ запретитель. Даже митро-

политъ, вообще сдержанный и несклонный выражать осужденіе по адресу начальства, при посѣщеніи насъ въ іюлѣ 1904 г. назвалъ запрещеніе намъ журналовъ безцѣльной жестокостью.

Первый свѣжій журналъ намъ дали, должно быть, въ 1890 г. Этотъ, съ позволенія сказать, журналъ былъ «Паломникъ», и далъ намъ его священникъ по моей личной просьбѣ. Какъ ни мизерно его содержаніе, и какъ ни мало оно соотвѣтствуетъ нашему міровоззрѣнію, но его читали всѣ поголовно. До такой степени сильно было желаніе видѣть бумагу, недавно вышедшую изъ типографіи, въ тщетной надеждѣ найти тамъ какіе-нибудь отголоски общественной жизни. Отголоски эти, правда, находили, точнѣе истолковывали. И начитавшись такого журнала за цѣлый годъ, люди увлекающіеся спѣшили съ заключеніемъ:

— Ну, и ханжество же разлито всюду по Россіи.

У каждаго до такой степени сильна была потребность быть сыномъ своего времени, а не исторической категоріей, витавшей только въ области историческихъ временъ, что самый видъ года 1890, доселѣ нигдѣ больше невиданный въ печати, былъ уже пріятенъ. Это было какъ бы ниточкой, которая привязывала насъ къ современности. Вмѣстѣ съ этимъ ослаблялось одно изъ самыхъ тяжелыхъ чувствъ—чувство насильственной отрѣшенности.

Это была первая ласточка. Весны она еще не дѣлала, но за нею со временемъ прилетѣли другія. Въ 1892 г. мы уже имѣли разные иллюстрированные журналы за прошлый годъ. И сколько же ихъ было тогда! Нива, Звѣзда, Сѣверъ, Историческій Вѣстникъ, Живописное Обозрѣніе, Природа и Люди, Родина, Лучъ, Развѣдчикъ, даже Будильникъ или Стрекоза и др. въ этакомъ родѣ. Изъ департамента прислали намъ серію «Нивъ» лѣтъ за 5—6. Остальные журналы собирались тутъ же отъ служащихъ. Часть выписывалась въ канцелярію. Ихъ давали якобы для переплета: переплетная мастерская въ это время была въ полномъ ходу и нѣсколько лицъ работали тамъ почти непрерывно. Гангартъ получилъ формальное разрѣшеніе давать намъ иллюстрированные журналы кажется уже потомъ, послѣ того, какъ такая выдача ихъ въ переплетную вошла въ обычай.

Журналы давали въ началѣ января разомъ за весь годъ. И при такомъ обиліи ихъ, да при страстномъ желаніи найти въ нихъ какъ можно больше интереснаго, мы поглощали массу дребедени и тратили на просмотръ ихъ столько времени, что послѣ этого стали, должно быть, значительно глупѣе. Чтеніе серьезное отошло на задній планъ, а такіе, съ позволенія сказать, органы, которыхъ ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ не сталъ бы въ руки брать, здѣсь не только бралъ, но и читалъ, соблазняемый ихъ свѣжестью. Думалось, что все, что ново, то и есть послѣднее слово. Къ тому же, о чемъ бы тамъ ни говорилось, все это были отголоски жизни, которая дразнила насъ своею недоступностью.

На первыхъ порахъ дали, можетъ быть, не всѣ названные журналы. Пока ихъ было мало, старался слѣдить за всѣми ими. Но

въ концѣ концовъ наплывъ ихъ былъ такъ великъ (всякому унтеру и даже родственнику унтера хотѣлось переплесть ихъ на даровщинку!), что скоро послѣдовало насыщеніе. А потому нѣкоторые поступали прямо въ переплетную и ихъ просматривали развѣ только тѣ, кто работалъ надъ ними. И только позднѣе, иногда черезъ годъ, я узналъ изъ отчета всю бездну премудрости, изливавшейся надъ нами.

Позднѣе, когда мы стали работать за плату, а охотниковъ сидѣть въ переплетной не было, эта бездна значительно сократилась.

XXXIII.

Какъ только совершился этотъ наплывъ, почувствовалась надобность въ особомъ должностномъ лицѣ, которое вѣдало бы пріемъ и сдачу этого литературнаго матеріала, а, главное, распредѣленіе его между жаждущими читать. Сдѣлать это было нелегко, потому что всякому хотѣлось снять сливки какъ можно скорѣе. Поэтому на тѣ журналы, гдѣ хроника была содержательнѣе, спросъ былъ со всѣхъ сторонъ. Устроить же частый обмѣнъ въ тюрьмѣ, не переставшей еще быть одиночною, было совсѣмъ не легко. И нашъ библіотекарь превратился въ «бухгалтера движенія», который пускалъ журналы въ ходъ, регулировалъ его, слѣдилъ за правильностью и при малѣйшемъ уклоненіи направлялъ ихъ опять на должный путь.

Для этого выработался практикой такой пріемъ. Предварительно библіотекарь спрашивалъ всѣхъ посредствомъ подписного листа, содержащаго списокъ выданныхъ ему смотрителемъ журналовъ: кто какой желаетъ читать ранѣе и на сколько времени думаетъ брать. Положимъ, одни хотѣли читать прежде «Сѣверъ,» другіе «Звѣзду,» третьи «Живописное Обозрѣніе» (и того до 150 №№), и большинство склонялось одолѣвать по 5 №№ въ день.

Тогда библіотекарь расчленяетъ всѣхъ своихъ кліентовъ на группы, сообразно ихъ желаніямъ, журналъ тоже разбивается на пучки или ежедневныя порціи, положимъ въ пять №№, каждая порція заключается въ особую папку, на которой наклеивается списокъ читателей по порядку, опредѣленному жребіемъ (т. н. маршрутъ) и первая папка каждаго изъ 3-хъ журналовъ сдается вахмистру для раздачи по номерамъ (въ оффиціальныхъ сношеніяхъ мы именовались не фамиліями, а номерами). На другой день онъ выпускаетъ вторыя папки (съ №№ 6—10), на третій—третьи (№№ 11—15) и т. д. Если насъ 21 чел. то на 7-й день въ движеніи будетъ уже 21 папка. Каждый, прочитавши свою порцію, отправляетъ ее далѣе по маршруту черезъ вахмистра, для чего въ папку вкладываетъ билетикъ съ номеромъ лица, слѣдующаго за нимъ. По этимъ №№ дежурные и разносили папки, обыкновенно во время раздачи утренняго чая.

Но нерѣдко случалось, что дежурный ошибется и передастъ

папку не тому адресату (прочитавши напр. 11 вмѣсто 17). Межъ тѣмъ истинный адресатъ, не получая должнаго, бьетъ тревогу и требуетъ свою пропажу у библіотекаря. Тотъ пускается на поиски и дѣлаетъ это стукомъ, потому что въ первое время никакой другой способъ опроса не допускался. Стукъ не всякій услышитъ или не всякій пойметъ, папки не оказывается, и библіотекарь теряется въ догадкахъ, куда она могла пропасть. Благодаря разсѣянности нѣкоторыхъ, она залеживалась иногда у нихъ по нѣскольку дней. Въ свою очередь нарушеніе единичное могло повести за собой путаницу въ дальнѣйшемъ движеніи, распутывать которую становилось еще труднѣе. Нервные люди при этомъ нервничали. И всѣ подобныя мелочи иногда давали тонъ нашей обыденной жизни.

Но если нарушеній не было и все шло правильно, то каждый получалъ свою порцію, иногда двѣ, даже три, если журналовъ накоплялось много. Получалась непрерывная цѣпь, которая, какъ и всякій круговоротъ, затягивала человѣка и давала ему иллюзію обязанности—прочесть ежедневно положенное, несмотря ни на какія случайныя увлеченія ремесленными либо огородными работами. Приходишь иногда послѣ какой-нибудь тяжелой работы, весь изломанный, въ грязи и поту. Но вмѣсто отдыха сначала проглоти свою порцію духовой пищи, иначе ты, навѣрное, никогда не вернешь ее къ себѣ.

XXXIV.

Горемыкинъ, послѣ своего визита въ 1896 г., разрѣшилъ намъ всѣ журналы безъ исключенія за прошлый годъ, независимо отъ ихъ иллюстрированности. И мы стали покупать Вѣстникъ Европы, Міръ Божій, Русское Богатство, Revue des Revues, Review of Reviews, Научное Обозрѣніе, Хозяинъ. Послѣдніе два, впрочемъ, были разрѣшены и раньше, какъ научные и техническіе. Гангартъ давно уже выписывалъ для насъ Ремесленную газету, чертежи и рисунки которой много помогли намъ въ развитіи столярныхъ и токарныхъ вкусовъ и навыковъ. Давалъ онъ ее намъ не считаясь со временемъ и циркулярами, прямо по мѣрѣ выхода. А когди это упрочилось, мы выпросили у него и «Ниву» на тѣхъ же основаніяхъ и читали ее всегда изъ недѣли въ недѣлю до марта 1902 г., т. е. почти 10 лѣтъ подрядъ. Давалъ онъ ее свободно потому, что въ ней почти не было хроники, ради которой и дѣлались эти сроковыя ограниченія. Далѣе, самъ департаментъ по нашей просьбѣ присылалъ, начиная съ 1894 г., Вѣстникъ Финансовъ, по полугодію или по третямъ, нарушая, такимъ образомъ, самолично то предписаніе о прошломъ годѣ, которое онъ давалъ. Примѣръ былъ заразителенъ, и потому мѣстная администрація не особенно была строга на счетъ годичнаго возраста журналовъ и стала давать сначала «Хозяинъ» и «Научное Обозрѣніе,» а затѣмъ и другіе все въ болѣе свѣжемъ видѣ.

Департаментъ же разрѣшилъ намъ въ 1898 году выписать еженедѣльное изданіе Times'a и такимъ образомъ окончательно сгладилъ разницу между журналомъ и газетой. Въ виду этого Обухъ безпрепятственно выдалъ въ 1900 году 1-го января «Новое Время» за прошлый годъ, правда въ разрозненномъ видѣ, но все же въ большомъ количествѣ номеровъ. Если же прибавить сюда періодическія изданія, которыя мы стали получать черезъ доктора Безроднова изъ подвижного музея учебныхъ пособій (Начало, Жизнь, Новое Слово, Образованіе), то можно сказать, что въ отношеніи періодической печати въ послѣднее время мы были обставлены недурно и періодъ 1898—1901 гг. нужно назвать «эпохой просвѣщенія» въ нашемъ унылomъ и замкнутомъ мірѣ: Недоставало только свѣжей газеты, да и то годъ или два получался Сынъ Отечества (1899—1900), не считая еще газеты-журнала «Петербургъ», которая сама себя называетъ самой маленькой *газетой*. Любопытно, что я не встрѣчалъ рѣшительно нигдѣ объявленій объ изданіи этого «журнала», выходившаго тогда 3 раза въ недѣлю, кромѣ Ириновскаго вокзала на Охтѣ, откуда ѣздятъ въ Шлиссельбургъ. Простая ли это случайность? Эти газеты, равно какъ и Times постепенно стали выдавать намъ по мѣрѣ ихъ выхода.

XXXV.

Одновременно съ этими послабленіями насчетъ современныхъ свѣдѣній въ печати, окружающіе насъ унтера перестали держать языкъ за зубами и помаленьку втянулись въ откровенныя бесѣды съ нами, какъ на темы изъ мѣстной жизни, такъ и на общественныя. Свою администрацію они всегда цѣнили по достоинству и посвящали насъ во всѣ детали ихъ финансовыхъ операцій (съ ремонтомъ, поставками и пр.), именуя ихъ обычнымъ теперь въ печати грубымъ терминомъ, т. е. воровствомъ. Особенно, когда настала Бурская война и сочувствіе Бурамъ невольно сблизило насъ, мы не рѣдко читали съ ними на корридорѣ «сарая» какъ свою газету, такъ и ту, которую они приносили съ собой. За чтеніемъ слѣдовало обсужденіе и пренія. Но каждый разъ какъ мы старались подчеркнуть выгоды англійскаго способа правленія сравнительно съ русскимъ, они стыдливо опускали глаза въ землю. Изрѣдка только какой-нибудь ретивый изъ нихъ, увлекшись перечисленіемъ неправдъ, чинимыхъ русскими властями, неожиданно восклицалъ:

— Бить ихъ надо, такихъ сякихъ!

Мы смѣялись, но видѣли, что это только одно «плѣнной мысли раздраженье», и что послѣ этой вспышки увлекшійся жандармъ можетъ самъ на себя донести со слезами раскаянія.

Ихъ «политическую зрѣлость» я лучше всего охарактеризую, разсказавши свою бесѣду съ однимъ такимъ велерѣчивымъ хулителемъ русскихъ порядковъ. Въ Шлиссельбургѣ только что ввели

казенную продажу водки, и онъ ругалъ ее какъ только могъ. Я возражалъ, начитавшись Вѣстника Финансовъ, гдѣ ее превозносили выше небесъ. При этомъ я разсказалъ описанную тамъ экспертизу, когда десятокъ свѣдущихъ винопійцъ перепробовали въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ водки всѣхъ русскихъ заводовъ и единогласно вынесли резолюцію, что лучше казенной водки нѣтъ. Унтеръ спокойно выслушалъ и еще спокойнѣе сказалъ:

— Да если бы меня пригласили туда, то и я сказалъ бы, что лучше казенной нѣтъ.

На мое удивленіе и вопросъ: «почему?» онъ столь же невозмутимо отвѣтилъ, какъ бы удивляясь моей наивности:

— Да вѣдь за это чины и ордена даютъ!

XXXVI.

Начитавшись только что полученныхъ журналовъ, наша публика стремилась въ «клубъ», чтобы облегчить себя отъ излишняго бремени. Одинъ читалъ одно, другой другое, иной читалъ черезчуръ бѣгло и въ головѣ у него не осталось отчетливыхъ воспоминаній. Начинается порывистый обмѣнъ «новостей»: А слышали?.. А читали?.. и т. д.

Если слышали или читали всѣ собесѣдники, оказывается иногда, что кто-нибудь не дочиталъ или понялъ неправильно. Загорается споръ, идетъ провѣрка другъ друга и затѣмъ неизбѣжное пари: увѣряю, что тамъ такъ сказано... Другой увѣряетъ, что сказано иначе. Затѣмъ бѣгутъ домой или къ сосѣдямъ на розыски печатнаго первоисточника, и истина возстановляется.

Получалась, такимъ образомъ, иллюзія переживанія «современныхъ событій». Эта иллюзія заставляла спорщиковъ забывать, что событіе, о которомъ они говорятъ, описано, можетъ быть, еще годъ назадъ и давно кануло въ лету, и что, въ частности, спорить горячо и судить о современности по тѣмъ обрывкамъ ея, которые совершенно случайно проникали въ печать, было очень рискованно.

Подобно тому, какъ по Паломнику нельзя было составить никакого сужденія о современности, нельзя его было составить и по тогдашнимъ газетамъ. Для лицъ, безусловно отрѣзанныхъ отъ живого общенія и отъ слуховъ, питавшихъ русское общество въ то время, онѣ давали чрезвычайно убогій матеріалъ. Сейчасъ, какъ я пишу эти строки, всѣ газеты заполнены телеграммами и сообщеніями политическаго характера. Если бы правительство было въ силахъ сейчасъ водворить ту же цензуру, какая была тогда, всѣ газеты содержали бы массу свѣдѣній о вскрытіи рѣкъ, объ открытіи навигаціи, о пожарахъ и наводненіяхъ, о пріѣздѣ и отъѣздѣ градоправителей и т. д. въ этакомъ родѣ. И читатель, читающій въ какомъ-нибудь Шлюшинѣ подобную хронику, былъ бы лишенъ всякихъ свѣдѣній о самыхъ животрепещущихъ интересахъ, которыми волнуется сейчасъ все общество. Въ частности, сатири-

ческая пресса показала, какіе сюжеты въ ней преобладаютъ съ разрѣшенія и безъ разрѣшенія цензуры.

Если вообще русскій читатель того времени читалъ больше между строкъ, то въ частности мы должны были усиленнымъ творчествомъ воображенія создавать эту междустрочную хронику. Чтеніе періодическихъ изданій давало, такимъ образомъ, новое поприще къ обнаруженію этого творчества. И такъ какъ оно проявлялось не у всѣхъ одинаково и не у всѣхъ въ одномъ направленіи, то мы очень часто, благодаря этой субъективной предпосылкѣ, вычитывали изъ однихъ и тѣхъ же изданій различныя вещи. Особенно рѣзко это сказалось въ послѣдній годъ, когда двое изъ нашихъ товарищей, слишкомъ «патріотически» настроенныхъ, принимали за чистую монету все, что оффиціально сообщалось о войнѣ, и потомъ жестоко спорили со скептиками. Послѣдніе смотрѣли на это, какъ на сплошное вранье и судили «героевъ» Ялу, Портъ-Артура и всѣхъ прочихъ такъ, какъ они заслуживали съ общеисторической точки зрѣнія, которая гласитъ: истиннаго героизма не ищи въ арміи того государства, которое основано на кнутѣ, невѣжествѣ и безправіи, и гдѣ сверху до низу все продажно и лживо.

XXXVII.

Я не могу перечислить всѣхъ періодическихъ изданій, которыя перебывали у насъ въ разное время. Списокъ ихъ вышелъ бы довольно длиннымъ. Въ началѣ 1902 года мы получали каждый день по какому-нибудь новому изданію за текущій годъ, не считая тѣхъ, которые давались гуртомъ за прошлый годъ. Это были: Times, Harmsworth Magazine, Review of Reviews, Gartenlaube, Illustration europaiene, «Хозяинъ», «С.-Петербургъ» и «Нива». Въ 1901 г. сверхъ того получались «Климатъ» (Демчинскаго) и «Журналъ Птицеводства».

Я завѣдовалъ въ это время книжнымъ дѣломъ и уже привыкъ получать ежедневно что-нибудь новенькое, какъ вдругъ случился нашъ крахъ, и всѣ выдачи сразу же были пріостановлены. Перепугавшееся начальство, которому навѣрное сообщили о готовящейся ревизіи, стало усиленно отбирать у насъ всякую литературу, еще недавно наполнявшую наши камеры. Вмѣстѣ съ кипами газетъ «Новое Время» и «Россія» Гудзь поусердствовалъ отобрать даже сборники «Нивы» «Литературное приложеніе». Въ одинъ день мы вдругъ сѣли какъ раки на мели.

Чего стоило намъ приспособиться въ эти дни къ такому лишенію, едва ли стоитъ распространяться объ этомъ. Въ тюрьмѣ всякое новое отнятіе на фонѣ общихъ лишеній чувствуется особенно интенсивно. Такое же лишеніе, какое теперь надъ нами разразилось, было невообразимо тягостно. Только благодаря тому, что весь интересъ у насъ сосредоточился на участи Вѣры Николаевны, сорвавшей погоны съ Гудзя, мы могли сравнительно легко пере-

нести первыя недѣли кризиса. А когда тревога за Вѣру Николаевну стала стихать и мы успокоивались на мысли, что дѣло окончится ничѣмъ, радость отъ такой развязки нѣсколько вознаградила насъ за литературныя утраты. Къ тому же мы имѣли уже основаніе думать, что репрессіи надъ нами есть результатъ событій «на волѣ», и что если это есть отместка *намъ*, то, очевидно, за что-то серьезное, сдѣланное *имъ*.

XXXVIII.

Въ первое время, пока политика Плеве еще не опредѣлилась въ отношеніи насъ, намъ обѣщали вернуть отнятое въ недалекомъ будущемъ. Но затѣмъ всякія обнадеживанья скоро прекратились: очевидно, не тѣмъ запахло въ воздухѣ. Продолжали давать по инерціи только „Хозяинъ“, какъ журналъ, трактующій объ удобреніи и проч. матеріяхъ, имѣющихъ непосредственное приложеніе къ нашей жизни. Но и въ немъ сначала начали вырѣзать хронику, а потомъ и совсѣмъ прекратили выдачу подъ тѣмъ предлогомъ, что «Хозяинъ» пересталъ выходить. Въ свое же время мы узнали, что это было неправда, но невыданныхъ номеровъ Яковлевъ такъ и не возвратилъ, несмотря на всѣ хлопоты.

Остались у насъ только строго научные журналы: Knowledge (ежемѣс.), Naturwissenschaftliche Wochenschrift (еженед.) Chemical News (еженед.) и Журналъ Физико Химическаго Общества (ежемѣс). Иностранные журналы выдавали намъ вскорѣ послѣ ихъ выхода, но съ нѣкоторой задержкой, ссылаясь на то, что они просматриваются. По словамъ смотрителя, англійскіе журналы просматривалъ кто-то изъ англичанъ съ мѣстной фабрики, принадлежащей англійской К⁰. И намъ горько было слышать, что нашелся англичанинъ, способный исполнять обязанности сыщика въ интересахъ нашихъ жандармовъ. Въ Knowledge'ѣ нерѣдко были вырваны листы съ объявленіями, очевидно рукою импровизованной цензуры.

Даже „Извѣстія“ Вольфа были запрещены въ это время. Но что извѣстія! Это все-таки періодическій органъ. Запретили даже календари—всѣ, кромѣ отрывныхъ. Мы смѣялись, что нами правитъ, должно быть, тайное общество, которое не допускаетъ, чтобы мы знали ихъ имена, печатающіяся обыкновенно въ календаряхъ.

Въ началѣ 1904 г. я какъ то при свиданіи спросилъ Яковлева прямо:

— Вѣдь Вы не дадите мнѣ календарь Гатцука? при чемъ для наглядности указалъ тутъ же на этотъ календарь за 1901 г.

— Нѣтъ, не дамъ, отвѣчалъ онъ столь же опредѣленно.

— Тогда не дадите ли мнѣ вотъ этой статистической таблицы, которая къ нему прилагается ежегодно? Все остальное можете оставить у себя.

Онъ обѣщалъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ этотъ Календарь за 1904 г. Изъ него вырвано было все, что указывало на современность, въ томъ числѣ и „сказаніе объ открытіи мощей

Св. Серафима Саровскаго". Конечно, это было усердіе мѣстныхъ властей, но они правильно рѣшили, что открытіе мощей есть дѣло политическое, и потому сказаніе о немъ, какъ обо всемъ политическомъ, не должно быть допущено до насъ.

Въ это время мнѣ не давали даже церковныхъ Вѣдомостей, оффиціальнаго органа св. Синода, который я уже много лѣтъ получалъ отъ священника регулярно. А такъ какъ нельзя было привести никакого резона о такомъ отказѣ, то смотритель принесъ мнѣ отвѣтъ якобы отъ лица священника, къ которому я отправилъ его съ просьбой:

— «Батюшка въ этомъ году не выписывалъ ихъ!»

Это была явная ложь, одна изъ тѣхъ лжей, которыя приходилось скрѣпя сердце выслушивать отъ нихъ ежедневно во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ.

На другой годъ я видѣлся со священникомъ наединѣ, и потому этотъ резонъ было неудобно повторить. Поэтому обѣщали Церковныя Вѣдомости выдать, но послѣ спеціальнаго просмотра. И вотъ начинается этотъ просмотръ и тянется затѣмъ цѣлые мѣсяца. Лѣнивые и отупѣлые, они даже такой работы не могли сдѣлать безъ сильнаго долговременнаго напряженія. Вырывать что-нибудь изъ „св. отцовъ" было черезчуръ зазорно, поэтому они задерживали цѣлые №№, если тамъ встрѣчалось что нибудь недопустимое съ ихъ точки зрѣнія.

На мой прямой вопросъ къ Правоторову:

— Да почему это вы даже Синодскія Вѣдомости не можете выдать полностью?

Онъ отвѣчалъ съ особой многозначительной интонаціей:

— Нельзя! Все они лѣзутъ туда, куда ихъ не спрашиваютъ. Это значило: позволяютъ себѣ судить о чемъ-то другомъ, выходящемъ изъ сферы узко церковной. Это неразвитое дитё такъ забавно и такъ недипломатично отразило на себѣ все то, чему оно наслышалось въ департаментскихъ сферахъ, что мнѣ оставалось только поучаться при видѣ того, какъ одно охранное вѣдомство, присвоившее себѣ монополію охранительныхъ функцій, ревниво смотритъ на вторженіе въ свою область другого охранительнаго вѣдомства. Подобное этому, говорятъ, можно встрѣтить только въ глухой провинціи, гдѣ постоянно пикируются между собой власти полицейская и жандармская—изъ за наградъ и добычи, перебиваемыхъ другъ у друга.

За эти цѣлые два года намъ выдали еще, кромѣ названныхъ, только два техническихъ журнала, одинъ англійскій, другой американскій, которые выписывались, очевидно, англичанами, служащими на Шлисс. хлопчато-бумажной фабрикѣ. Вѣроятно владѣльцемъ этихъ изданій было то же самое лице, которое оказывало услуги Яковлеву, производя досмотръ нашихъ собственныхъ англійскихъ журналовъ.

Такъ какъ за 1902 г. нами уже были выписаны до катастрофы «Міръ Божій» и «Русское Богатство», то намъ въ концѣ концовъ вы-

дали ихъ. Но, Боже мой, что это были за журналы. По устному полномочію отъ департамента, на которое ссылались наши власти, они вырвали изъ нихъ не только всю хронику, но и всѣ статьи, которыя, на ихъ просвѣщенный вкусъ, казались „неудобными". Вырваны были даже такія статьи, какъ „Биконсфильдъ, государственный дѣятель". Не одно поколѣніе русскихъ писателей переживало много мучительныхъ часовъ, проводя продукты своей мысли сквозь цензуру. Но никому и никогда еще не приходилось переносить такой цензуры, какъ эта. Она, какъ и всюду, тоже была неодинакова: на усердіе смотрителя мы жаловались сверхусердствующему Яковлеву, и тотъ иногда обнаруживалъ „великодушіе", и приносилъ самолично то цѣлую хронику, болѣе невинную, за какой-нибудь одинъ мѣсяцъ, то цѣлую статью. Не нужно и добавлять, что всѣ журналы послѣ такой операціи распадались на отдѣльные листочки и вообще имѣли самый невозможный видъ.

И все-таки жажда новизны была такъ сильна въ насъ, что она пересиливала отвращеніе къ такому изуродованію и къ ежедневнымъ хлопотамъ по поводу каждой вырванной вещи. А потому мы и на слѣдующій годъ выписали тѣ же журналы на деньги, ассигнованныя намъ на книги, хотя и получали за свои деньги меньше половины печатныхъ листовъ. Вырванъ былъ даже разсказъ Вересаева „На поворотѣ".

XXXIX.

Особенно тщательно охраняли насъ въ 1904 г., съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, отъ всякихъ свѣдѣній о войнѣ и даже отъ самыхъ намековъ на войну.

О началѣ войны мы узнали уже въ февралѣ того же года по газетному обрывку, который подсунутъ былъ однимъ изъ нашихъ добрыхъ геніевъ. Такой же геній подсунулъ намъ и свѣдѣніе объ убійствѣ Сипягина, которое вовсе не было занесено вѣтромъ, какъ ошибочно огласилъ это М. Ю. Ашенбреннеръ, самъ не знавшій этого. Затѣмъ, по лицамъ унтеровъ, читавшихъ газеты ежедневно на нашихъ глазахъ, мы слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій. И, признаться, судили о немъ совершенно правильно. На лицахъ ихъ ежедневно читалось одно и тоже:

— Никакого успѣха!

Только о смерти Макарова мы узнали изъ журнала Ф. Х. общества, причемъ тамъ была вырвана цѣликомъ статья, посвященная ученымъ заслугамъ этого адмирала. Но гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и какъ онъ умеръ, ничего не было извѣстно. За весь 1904 г. больше мы не узнали ничего. Въ письмахъ всякій намекъ на войну тщательно вымарывался. Попову писали, что его тетка ухаживаетъ за больными и *ранеными*: послѣднее слово было густо замазано чернилами. Но и тутъ однажды не досмотрѣли и въ письмѣ къ Вѣрѣ Николаевнѣ пропустили строку, что ея родственникъ докторъ отправился на войну. Это дало намъ по-

водъ заговорить съ начальствомъ о войнѣ открыто. Конечно, они отрицали самый фактъ ея существованія, и Голубчикъ готовъ былъ клясться и божиться, что никакой войны у насъ нѣтъ.

Наконецъ мы дожили до того, что война и формально объявилась. Это было въ ноябрѣ 1904 г., когда намъ опять возвратили разрѣшеніе, на самомъ дѣлѣ никогда оффиціально не отмѣнявшееся, читать журналы за прошлый годъ. Кому мы были обязаны этой реставраціей правъ, я не знаю. Яковлевъ, конечно, приписывалъ это себѣ. Но мы уже слишкомъ хорошо знали, что онъ могъ только лишать да отнимать, а отнюдь не возвращать. Даже и здѣсь онъ постарался изгнать газеты окончательно изъ этого разрѣшенія, а прошлый годъ истолковалъ въ узко буквальномъ смыслѣ, т. е. выдавалъ то, что вышло изъ печати ровно годъ тому назадъ. Сначала онъ хотѣлъ выдавать такъ изъ недѣли въ недѣлю; но потомъ смягчился и сталъ давать разомъ за мѣсяцъ, причемъ въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца мы получали все, что печаталось въ будущемъ мѣсяцѣ прошлаго года.

XL.

Установилась весьма своеобразная иллюзія, какъ будто мы очутились на такой отдаленной планетѣ, до которой свѣтовые лучи достигаютъ ровно черезъ годъ. Мы слѣдили шагъ за шагомъ, съ полной постепенностью, за рядомъ событій и такъ входили въ курсъ дѣла, что готовы были считать ихъ за самоновѣйшія. Также спрашивали другъ друга: что новаго? и также передавали другъ другу „свѣдѣнія" о томъ, что было годъ назадъ. То, что мы читали сейчасъ, намъ казалось совершившимся въ теченіи этого мѣсяца. А то, что читали въ прошлый разъ, представлялось совершившимся мѣсяцъ тому назадъ.

Когда Портъ-Артуръ уже палъ и разразилась Мукденская катастрофа, когда окончательно и для слѣпыхъ стали явны полныя неудачи русскаго оружія, мы только что приступили къ чтенію перваго мѣсяца войны и къ описанію тѣхъ всеобщихъ „ликованій", которыми будто-бы повсюду было встрѣчено объявленіе войны. Едва ли кто-нибудь въ Россіи, кромѣ насъ, имѣлъ случай перечитывать всѣ „патріотическія" завыванія первыхъ дней войны—въ то время, когда крушеніе надеждъ было уже полное и когда лакейство и глупость смиренномудрствующихъ писателей выступало съ особенной назидательностью. Осебенно, когда суемыслiе они выдавали за волю и намѣреніе Божества.

Сами жандармы подъ вліяніемъ пораженій и событій внутренней жизни стали разговорчивѣе и начали передавать устно кое-что о самыхъ послѣднихъ новостяхъ, о которыхъ прочесть мы могли-бы только черезъ годъ. Такимъ образомъ мы узнали главное и про Мукденъ, и про походъ Рождественскаго, и про Цусиму.

Послѣ всякаго наиболѣе крупнаго краха дежурные, у которыхъ

въ груди билось солдатское сердце, не могли сдержать своего негодованія и, не взирая на строжайшій запретъ, увлекались разговорами промежъ себя такъ громко, что кое-что долетало и до насъ. И доставалось же тутъ злосчастному Куропаткину, этому недавнему идолу, баловню судьбы и надеждѣ Россіи! Офицера тоже разсказывали многое, преимущественно по «Новому Времени».

Потомъ подъ вліяніемъ газетъ, рѣчи нашихъ унтеровъ стали дышать укоризной по адресу бюрократіи. И особенно забавно было слышать эти укоры изъ устъ нашего вахмистра, который самъ былъ типичнѣйшимъ воплощеніемъ бюрократическаго режима въ своей сферѣ.

— Ну, думалось при этомъ, „Царство, раздѣлившееся на ся непремѣнно запустѣетъ".

Наконецъ, лѣтомъ 1905 г. доходили до моихъ ушей такія рѣчи о самодержавіи и ограниченіи его, читанныя унтерами въ газетахъ, за которыя прежде насъ въ Сибирь ссылали. Было очевидно, къ чему идетъ. Вскорѣ мы получили и положеніе о Булыгинской Думѣ въ № Правительств. Вѣстника, который былъ намъ данъ по спеціальной просьбѣ. Единственнымъ же свѣжимъ періодическимъ органомъ были только «Извѣстія» Вольфа, гдѣ мы читали необыкновенныя для насъ вещи о *свободѣ* совѣсти, печати и пр. Наконецъ, получили даже книжку «Конституціонное государство»—сборникъ статей, трактовавшихъ въ общедоступной формѣ вещи, совершенно непозволительныя для русской печати.

И все это время у насъ одинъ глазъ былъ устремленъ на вопросы текущаго момента, а другой съ прежней постепенностью перечитывалъ битву при Тюренченѣ, Цзинжоу, Вафангоу, Дашичао, Ляоянѣ, вплоть до Шахэ, послѣ ознакомленія съ которой мы вышли на волю. Подробностей о взятіи Портъ-Артура, Мукденской и Цусимской катастрофѣ мнѣ такъ и не пришлось читать до сихъ поръ.

XLI.

Въ настоящій моментъ, когда ликвидировали въ Шлиссельбургѣ охранявшее насъ жандармское управленіе, наша библіотека, какъ говорятъ, перевезена въ департаментъ полиціи и, вѣроятно, далеко не въ полномъ составѣ. Смотрѣли на нее, какъ на казенное имущество, и поступали, конечно, соотвѣтственно этому. Между тѣмъ въ ней, по самой скромной оцѣнкѣ, было по крайней мѣрѣ рублей на 500 нашихъ собственныхъ книгъ.

Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя присылались изъ департамента, а затѣмъ покупались на ассигнованныя намъ деньги, въ нашу библіотеку вошли:

1) книги, привезенныя съ собой многими товарищами. Ихъ насчитывалось болѣе 150 названій.

2) Книги, купленныя на деньги, оказавшіяся у нѣкоторыхъ изъ товарищей при доставкѣ ихъ въ Шлиссельбургъ, въ томъ числѣ

и на деньги, вырученныя отъ продажи костюма и проч. вещей Карповича. Костюмы же всѣхъ прочихъ, въ томъ числѣ и мой, какъ говорятъ, были преданы сожженію.

3) Книги, которыя мы покупали на свои заработанныя суммы. Напр. въ одномъ 1904 году было затрачено не менѣе 25 руб. изъ этихъ суммъ. Такъ оплачены были напр. десятитомныя воспоминанія Фабра (Souvenirs enthomologiques) и журналъ физико-хим. общества.

4) Книги, пожертвованныя намъ частью черезъ подвижной музей изъ Петербурга, частью черезъ Пахаловича и др. чиновъ администраціи.

Я еще не говорилъ, что Пахаловичъ вообще доставлялъ намъ много книгъ для чтенія. Откуда онъ ихъ бралъ, мнѣ неизвѣстно; но онъ охотно и въ изобиліи доставлялъ ихъ, на русскомъ и франц. языкахъ и притомъ большею частью такого сорта, какихъ мы не могли разсчитывать получить оффиціальнымъ путемъ. Отъ него напр. мы могли получать все главное по политической экономіи, начиная съ Маркса, который въ то время, особенно въ жандармскомъ вѣдомствѣ, считался настоящимъ жупеломъ. До этого, отдѣлъ политич. экономіи у насъ представленъ былъ исключительно Шторхомъ, забытымъ русскимъ экономистомъ временъ Александра I, и Тьеромъ съ его трактатомъ «о собственности». Многія изъ доставленныхъ черезъ Пахаловича книгъ, въ томъ числѣ и три тома свода законовъ, поступили совсѣмъ въ нашу библіотеку.

Іюнь 1906 г.
Выборгъ.

М. Новорусскій.

Въ Шлиссельбургской крѣпости [1]).

Отношенія внѣшнія и внутреннія.

I.

Для управленія нашей тюрьмой образовано было съ самаго начала ея основанія Шлиссельбургское жандармское управленіе. Во главѣ его стоялъ полковникъ въ званіи начальника, а рядомъ съ нимъ два помощника его—старшій и младшій. Первый былъ, собственно, смотрителемъ тюрьмы; второй же завѣдывалъ ея хозяйственной жизнью, въ томъ числѣ нашей кухней, а затѣмъ, по мѣрѣ образованія денегъ разныхъ категорій въ нашемъ распоряженіи, и этими деньгами.

Фактически начальникомъ тюрьмы былъ, конечно, не смотритель, а полковникъ, снабженный свыше спеціальной инструкціей, которой мы никогда не видали, но о ней мы постоянно слыхали—всякій разъ, какъ замышляли какое нибудь новшество, еще не допускавшеся въ нашей жизни.

— «Ничего не подѣлаешь: *наша* инструкція рѣшительно не позволяетъ разрѣшить вамъ это»....

— «Эхъ, господа, если бы вы знали нашу инструкцію!»....

— «Да такъ ли еще слѣдовало бы по инструкціи!»....

Словомъ, инструкція стояла на каждомъ шагу, какъ нѣкое пугало или чудище, коимъ пугаютъ малыхъ ребятъ—всякій разъ, какъ они начинаютъ надоѣдать взрослымъ. Надоѣдать же мы, разумѣется, не ослабѣвали.

На основаніи этой инструкціи мѣстная администрація сочиняла инструкцію и для насъ, по временамъ мѣняя ее: въ первый разъ она была гектографированная, потомъ печатная, и наконецъ писаная на машинѣ. Она вывѣшивалась у каждаго въ камерѣ; но мы почти тотчасъ же срывали ее и уничтожали въ удостовѣреніе того, что считаться съ ней мы не намѣрены. Тѣмъ болѣе, что она ни разу не была никѣмъ подписана, и значитъ являлась въ нѣкоторомъ родѣ подпольнымъ произведеніемъ.

---

[1]) См. Былое №№ 4, 6, 7, 8, 9 и 10.

При управленіи состояли еще докторъ, фельдшеръ и священникъ, и конечно канцелярія, въ которой орудовалъ писарь, простой унтеръ-офицеръ.

Вѣроятно, нѣкоторыя дѣла рѣшались у нихъ коллегіально. Но какъ и во всякой бюрократической коллегіи, въ концѣ концовъ вершителемъ всѣхъ судебъ являлся главный начальникъ, личность котораго всегда накладывала замѣтный отпечатокъ на весь нашъ режимъ.

Въ распоряженіи нашего начальника находилось еще до 30 человѣкъ унтеровъ, которые несли внутреннюю стражу какъ въ самой тюрьмѣ, такъ и на дворѣ,

Только эти лица и пользовались правомъ постояннаго входа на нашъ тюремный дворъ и имѣли возможность видѣть насъ въ лицо. Впрочемъ священникъ допускался только въ томъ случаѣ, если его кто-нибудь позоветъ. Тюремной церкви вовсе не было, а въ крѣпостную, которая стояла какъ разъ у насъ подъ окнами, никого изъ насъ не пускали, какъ не пускали и вообще никого изъ насъ изъ предѣловъ тюремнаго двора.

II

Кромѣ названныхъ лицъ, въ каждый «ванный» день приводили къ нашимъ дамамъ въ ванную комнату женщину, обыкновенно жену вахмистра. Но намъ, мужчинамъ, видѣть ее удавалось лишь изрѣдка и украдкой, такъ какъ принимались тщательныя мѣры предосторожности, чтобы какъ нибудь мы не встрѣтились съ нею случайно на корридорѣ либо на дворѣ.

Такія-же мѣры предосторожности принимались и противъ встрѣчи со слесаремъ, который нерѣдко приходилъ въ тюрьму по дѣламъ своей профессіи. Но всякій шагъ не предусмотришь. Поэтому видали и мы его, а онъ, навѣрное, зналъ каждаго изъ насъ.

Рабочихъ же наемныхъ, приходившихъ «съ воли», всегда тщательно отъ насъ прятали: мы еще могли видѣть ихъ тайкомъ, они же насъ едвали, развѣ только издали. Въ послѣдніе же два года, крамола, очевидно, расползлась повсюду. Яковлевъ выдумывалъ особыя хитроумныя приспособленія, чтобы насъ не увидали каменщики, перекладывавшіе трубы на крышахъ зданій, отстоявшихъ отъ нашей тюрьмы на 50 саж. и болѣе.

Приходилъ еще изрѣдка на нашъ дворъ, точно также по надобностямъ своей профессіи, военный инженеръ. Но въ такомъ случаѣ насъ предварительно «убирали» со двора и запирали дома, такъ что мы только изъ своихъ оконъ видѣли его на дворѣ или на стѣнѣ крѣпости.

Затѣмъ, почти каждый годъ, а иногда и дважды въ годъ, пріѣзжалъ изъ Петербурга кто нибудь изъ высшихъ чиновъ, обыкновенно со свитой, о чемъ администрація наша всегда была предупреждена, а въ послѣдніе 10—12 лѣтъ регулярно предупреждала

и насъ. Все это были, конечно, лица «своего» круга, т. е. изъ жандармскихъ или департаментскихъ сферъ. Изъ болѣе извѣстныхъ именъ у насъ были: П. Н. Дурново, Галкинъ-Врасскій, Оржевскій, И. Н. Дурново (преемникъ Толстого), генералъ Шебеко, Горемыкинъ, генералъ Петровъ, Зволянскій, генералъ Пантелѣевъ, Святополкъ-Мирскій и фонъ-Валь.

Изъ лицъ совершенно другого круга за всѣ 21 годъ насъ посѣтилъ только митрополитъ Антоній (9 іюля 1904 г.) и старушка княжна М. М. Дондукова-Корсакова. Послѣдняя получила спеціальное разрѣшеніе и посѣщала насъ многократно лѣтомъ 1904 г. и 1905 г. Причемъ свиданія съ нею происходили сначала при полузакрытыхъ дверяхъ и при явномъ подслушиваніи, а потомъ, когда ей удалось добиться отмѣны такого унизительнаго порядка,—при закрытыхъ дверяхъ и при тайномъ подслушиваніи.

Вѣроятно, нѣкоторыя особы высокаго ранга имѣли право, въ силу своего званія, дѣлать визиты къ намъ. Когда пріѣзжалъ въ крѣпость Куропаткинъ (кажется въ 1902 г.) въ званіи военнаго министра, неимѣвшій никакого отношенія къ нашей тюрьмѣ, то мѣстная администрація, на всякій случай, приготовилась къ встрѣчѣ его и предупредила насъ объ этомъ. Но онъ не зашелъ. Всѣ же остальные, хотя бы и состоящіе при департаментѣ, допускались только въ томъ случаѣ, если предъявляли полковнику соотвѣтствующую грамоту, безъ которой онъ имѣлъ право отказать всякому, не взирая на его чинъ.

Наши родные, конечно, ни разу не были допущены туда. И на спеціальную просьбу М. Р. Попова—дозволить его матери, въ виду ея престарѣлаго возраста, повидаться съ сыномъ въ послѣдній разъ и проститься передъ смертію, послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Передъ этимъ она не видала его болѣе 20 лѣтъ.

III.

За 21 годъ тамъ смѣнилось 6-ть полковниковъ: Покрошинскій, Добродѣевъ, Кореневъ, Гангардтъ, Обухъ и Яковлевъ. Точно также 6 старшихъ помощниковъ и болѣе 8 младшихъ, 6 докторовъ, не считая четверыхъ пріѣзжавшихъ изъ Петербурга для временнаго исправленія должности, пока подыскивался кандидатъ на освободившуюся вакансію.

Изъ унтеровъ нашелся только одинъ, который безсмѣнно прослужилъ тамъ 21 годъ, да и туда пріѣхалъ еще изъ равелина. Остальные всѣ служили болѣе или менѣе короткіе сроки, служили, конечно, по собственному желанію. Смѣны были для насъ большею частію всегда неожиданны: одно знакомое лицо дежурнаго перестало появляться, а появилось другое незнакомое. Вотъ и все. Такимъ образомъ передъ нашими глазами за все время прошло ихъ не менѣе 100 человѣкъ.

Всѣ вышепоименованныя лица были единственными людьми, ко-

торыхъ мы видѣли за всѣ 21 годъ. Я не считаю солдатъ, несшихъ наружную охрану, стоявшихъ на часахъ на стѣнѣ, состоявшихъ при кухнѣ и употреблявшихся для уборки двора и тюрьмы. Насъ всѣхъ они видѣли, но заговаривать съ нами имъ строжайше было запрещено. И нѣкоторые изъ нихъ впадали чуть не въ паническій ужасъ, если неожиданно обращался къ нимъ съ какимъ-нибудь невиннымъ вопросомъ. До какой степени можно запугать солдата, которому, по самому званію его, должна быть и смерть не страшна!

И все таки, какъ и всюду на свѣтѣ, жизнь брала свое, разрушая людскія убѣжденія, и въ средѣ солдатъ мы находимъ своихъ друзей. Одинъ изъ нихъ даже взялся однажды (въ 1902 г.) передать письмо Попова на почту, но сдѣлалъ это такъ неумѣло, что былъ арестованъ и, вѣроятно, строго наказанъ. Мы же всѣ за такую дерзость были немедленно лишены прежнихъ льготъ.

Остальное населеніе крѣпости состояло изъ женщинъ и дѣтей, которыхъ мы отлично видѣли изъ своихъ оконъ, они же насъ никогда не видали. И только при выходѣ того или другаго изъ насъ на свободу давали волю своему естественному любопытству и выглядывали откуда-нибудь изъ за угла, чтобъ хоть однимъ глазомъ взглянуть на выпускаемую жаръ-птицу, сидѣвшую взаперти невѣдомое число лѣтъ и недоступную глазу обыкновеннаго смертчаго.

IV.

Объ отношеніи къ намъ унтеровъ я уже кое-что говорилъ ранѣе. Вообще они были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нашего главнаго дирижера и безпрекословно, безъ всякихъ разсужденій, исполняли всякое его велѣнье. И не мудрено. Они получали по 30 руб. въ мѣсяцъ жалованья при готовой квартирѣ,отопленіи, освѣщеніи и даже одеждѣ. По крайней мѣрѣ полушубки зимой имъ давались казенные.

Дѣлать же имъ было рѣшительно нечего. Днемъ они фланировали около насъ, большею частію съ газетой въ рукахъ; ночью же, особенно въ послѣдніе годы, спали почти безпробудно, несмотря на то, что спать на дежурствѣ имъ строжайше запрещалось. Людямъ ихъ категоріи, полу-грамотнымъ и отвыкшимъ отъ крестьянскаго труда, не легко было подыскать другое, столь же сытое существованіе. И они сами хорошо сознавали это. Даже когда строгости усилились, какъ-то въ 1903 г. одинъ сѣдобородый унтеръ сознавался предо мной откровенно:

— «Житье наше хорошее: *дай Богъ всякому*!»

Назначались они къ намъ, должно быть, департаментомъ, конечно, послѣ тщательнаго испытанія ихъ благонадежности. Уволить же ихъ могъ самъ полковникъ во всякое время по собственному усмотрѣнію, хотя, можетъ быть, не безъ верховной санкціи изъ Петербурга.

А такъ какъ своимъ мѣстомъ они очень дорожили, то угроза увольненіемъ въ рукахъ начальника всегда была самымъ могучимъ орудіемъ, которымъ онъ держалъ ихъ ежедневно въ слѣпомъ подчиненіи. И когда дежурный, во исполненіе воли своего начальника, чего нибудь не допускалъ или что нибудь запрещалъ, то никакіе резоны съ нашей стороны не оказывали на него ни малѣйшаго вліянія. Даже болѣе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ у него было свое мнѣніе, явно несогласное съ мнѣніемъ начальства. И тѣмъ не менѣе, самое нелѣпое распоряженіе находило всегда въ ихъ лицѣ самыхъ покорныхъ исполнителей. Вахмистръ Муравскій, стоявшій лѣтъ 8 твердо на своемъ посту, какъ вѣрный стражъ и оберегатель всякихъ послѣднихъ начальственныхъ предписаній, неоднократно сознавался въ минуты откровенности:

— «Эхъ, еслибъ я былъ министромъ! Я бы прописалъ вамъ... напр. выпустилъ васъ всѣхъ здѣсь на островѣ, и кормитесь сами чѣмъ и какъ хотите».

Особенно забавно было наблюдать это во время перемѣны вѣяній, когда вдругъ запрещалось что-нибудь, что еще вчера было дозволено, или дозволялось то, что вчера пресѣкалось, какъ преступленіе. Въ томъ и другомъ случаѣ унтеръ сохранялъ истукано-образную невозмутимость и ни однимъ жестомъ не выдавалъ своего субъективнаго отношенія къ велѣніямъ властей: одобряетъ ли онъ то, что было вчера, или то, что введено сегодня.

Вообще для любознательнаго антрополога много поучительнаго было въ наблюденіи за этой породой россійскихъ гражданъ, которые органически неспособны были понять, что законно и что незаконно. Всѣ они отъ высшихъ до низшихъ, съ законами никогда не церемонились.

— «У насъ, вѣдь, не Англія!» глубокомысленно и назидательно изрекалъ ротмистръ Гудзь. И мы постоянно слышали, какъ они называли «закономъ» то инструкцію, то послѣднюю бумагу изъ департамента, то устный приказъ того или другаго бурбона.

Говорятъ, впрочемъ, что и самые опытные юристы за послѣдніе годы не могли точно рѣшить, что нужно считать закономъ въ примѣненіи къ такому государству, какъ русское.

V.

Позднѣе уже, когда режимъ ослабѣлъ и унтера стали болѣе разговорчивы съ нами, они не стѣснялись критиковать и поносить свое начальство съ присущею русскому человѣку развязностью. И тогда нѣкоторые сознавались, что они люди маленькіе, что съѣсть ихъ ничего не стоитъ, а дѣться имъ некуда. Словомъ, приносили оправданія, коими споконъ вѣка оправдываетъ себя всякій палачъ, жандармъ и полицейскій и всякій вообще агентъ власти, которому приходится возмущаться душой противъ безнравственныхъ ея велѣній и оправдывать себя мистическими терминами служебнаго долга и присяги.

Любопытнѣе всего, что въ тѣ времена, когда они боялись говорить намъ что бы то ни было изъ области высшей политики и сообщать о перемѣнахъ, происходящихъ внѣ нашихъ стѣнъ, они не боялись выдавать намъ свое непосредственное начальство и спокойно разсказывали о ихъ внутреннихъ и семейныхъ дрязгахъ или о ихъ недобросовѣстномъ хозяйничаньи въ тюрьмѣ и крѣпости. Очевидно, это не было предусмотрѣно начальственными запрещеніями и не входило въ понятіе нарушенія долга службы.

Въ свою очередь офицеры держались той же самой тактики въ отношеніи высшихъ сферъ. Особенно живописенъ здѣсь былъ совершенно безпардонный Яковлевъ, называвшій неприличными терминами не только департаментскихъ чиновниковъ, но и самого носителя верховной власти.

Но такое отношеніе къ своей власти не имѣло ничего общаго съ духомъ критики, который овладѣваетъ человѣкомъ при революціонномъ настроеніи и возвышаетъ его индивидуально. Тогда онъ неспособенъ оставаться безсмысленнымъ исполнителемъ и играть роли, обезличивающія человѣка.

И всетаки, нужно отдать имъ честь: несмотря ни на что, ихъ дисциплинѣ можно было во многихъ случаяхъ позавидовать и пожалѣть, что она не всегда оказывается на лицо въ массовыхъ выступленіяхъ въ дни революціонной борьбы и въ средѣ, не затронутой военной выправкой.

VI.

Удивительнѣе всего, что ихъ дисциплина не страдала отъ взаимнаго шпіонства другъ за другомъ, на которомъ основана вся система надзора.

Каждый долженъ былъ доносить на каждаго, независимо отъ его подчиненности. Получалась своеобразная картина:

Полковникъ могъ въ одну минуту прогнать подчиненнаго ему унтера. Но унтеръ могъ предупредить его и, донеся въ департаментъ на какія-нибудь отступленія отъ инструкціи, надѣлать ему не мало непріятностей.

Въ первое время, какъ только начали колебаться наши суровые устои, многіе изъ нихъ въ широкой степени пользовались своими полномочіями по части доноса. И департаментъ, благодаря этому, постоянно зналъ всѣ мелочи нашей жизни. Но зато и полковникъ находился всегда подъ угрозой выговора. Потомъ Гангардтъ хвалился, что онъ вывелъ изъ моды эти доносы. Какъ это онъ сдѣлалъ, я доподлинно не знаю, но, вѣроятно, не безъ поощренія со стороны самого департамента, который могъ, наконецъ, понять, какой развратъ онъ вноситъ подобной политикой въ среду своихъ вѣрныхъ и надежныхъ стражей.

Когда эти доносы прекратились, а «послабленія» и «льготы» усилились, нѣкоторые правовѣрные унтера громко ворчали на

допускаемыя новшества. Всюду вѣдь есть врожденные консерваторы, о которыхъ еще Милль написалъ въ своей логикѣ: «всякій тупоголовый человѣкъ есть непремѣнно консерваторъ». Одинъ изъ такихъ у насъ не могъ напр. долго помириться съ тѣмъ, что намъ стали выдавать чай натурой, прямо изъ магазина, и въ торговой же укупоркѣ.

— «До чего дошло!» негодовалъ онъ: «чай даютъ прямо изъ магазина! Они развернутъ четвертушку, а тамъ, вдругъ, прокламація!».

Прокламація въ ихъ пониманіи была, конечно, одна, а именно преступная. И этому хулителю новыхъ порядковъ казалось особенно опаснымъ появленіе въ нашемъ герметически замкнутомъ учрежденіи какой-нибудь прокламаціи, хотя бы на мотивъ современной: «чего хотятъ люди, которые ходятъ съ краснымъ знаменемъ». Это было еще то старое невинное время, когда прокламація была событіемъ, а чтеніе ея «дѣяніемъ»!

Когда другому, менѣе ретивому критику либеральныхъ дѣйствій нашей администраціи въ шутку мы предложили донести на насъ въ департаментъ, онъ съ горечью въ голосѣ отвѣтилъ:

— «Да, донеси... А оттуда напишутъ не твое это дѣло!».

Очевидно, онъ уже испыталъ это на опытѣ.

Но послѣ того, какъ «донесенія» прекратились, зависимость ихъ отъ своего ближайшаго начальства еще болѣе усилилась: крѣпкая власть торжествовала на всѣхъ пунктахъ и всегда грубо третировала вѣрныхъ исполнителей своихъ повелѣній.

За это лишеніе ихъ доносительныхъ функцій они однажды отплатили сразу своему мѣстному начальству, когда въ 1902 г. Сипягинъ прислалъ своего адъютанта по случаю происшедшихъ у насъ «безпорядковъ», связанныхъ съ письмомъ Попова, о которомъ я упомянулъ выше. Онъ допросилъ всякаго унтера по одиночкѣ о нашихъ порядкахъ и, судя по послѣдствіямъ, они не церемонились въ изображеніи ихъ и разсказали всю подноготную про «послабленія» и «отступленія», какія у насъ допускались. Особенно не пощадили они Гудзя, который донималъ ихъ больше всего ежечасными визитами въ тюрьму и ежечаснымъ же требованіемъ «чести»—каждый разъ, сколько бы онъ ни проходилъ. Въ результатѣ ихъ дружескихъ усилій смотритель Гудзь и начальникъ управленія Обухъ были уволены и замѣщены новыми лицами (Правоторовъ и Яковлевъ).

VII.

Несмотря на слѣпую дисциплину, на совершенно одинаковую зависимость, чреватую роковыми для насъ неожиданностями (сдѣлаютъ все, что ни прикажутъ), наши унтера не были простыми машинами, реагирующими всегда одинаково на одинаковое давленіе рычага. Индивидуальность и у нихъ все же сказывалась постоянно.

Изъ цѣлой толпы солдатъ, взятыхъ наудачу, всегда можно выдѣлить при первомъ знакомствѣ наиболѣе жестокихъ, наиболѣе злобныхъ и мстительныхъ, которые при всякомъ рѣшительномъ столкновеніи готовы сверхъ должнаго и положеннаго по уставу наддать еще кое-что и отъ себя.

По многу лѣтъ мы жили со своими унтерами неразлучно, и потому имѣли достаточно времени, чтобы распознать каждаго изъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ. По природѣ это были, несмотря на свой мундиръ, обыкновенные русскіе мужики—изъ тѣхъ, что добровольно ловятъ «сицилистовъ» и доставляютъ становому, частію по своему неразумію, частію потому, что это поощряется властями, а власти вообще имъ импонируютъ. При другой обстановкѣ, съ большинствомъ изъ нихъ легко было бы имѣть разныя дѣловыя и хозяйственныя отношенія, не находя въ нихъ ничего сугубо отталкивающаго.

Между тѣмъ въ тюрьмѣ, естественно, между нами и ими былъ хроническій антагонизмъ, причемъ съ нашей стороны въ отношеніи ихъ чувствовалось постоянное раздраженіе, такъ какъ именно они были непосредственными исполнителями приказовъ, которые несли лишеніе, отнятіе, прекращеніе, затрудненіе и запрещеніе. И никакое возраженіе съ ихъ стороны, что они тутъ не причемъ, что они только работаютъ за кусокъ хлѣба, согласно принятому на себя обязательству, не могло дѣйствовать на насъ, потому что впечатлѣніе отъ ихъ исполнительныхъ функцій, т. е. отъ ихъ ежедневныхъ пресѣченій и предупрежденій, дѣйствовало сильнѣе резоновъ, которыми они передъ нами оправдывались.

VIII.

Обыкновенно дежурный наблюдалъ за тѣмъ, чтобы мы не выходили изъ сферы запрещеній, которыя въ данное время всюду опутывали насъ. Если запрещено было намъ перестукиваться, онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы не покушались на это. Если запрещено было сноситься письменно,—чтобъ мы не бросали записки черезъ заборъ къ сосѣду. Если запрещено быть втроемъ,—чтобъ не сходились. Если запрещено останавливаться при встрѣчахъ на дворѣ или на коридорѣ,—чтобъ не дѣлали этого, и т. д. и т. д.

При малѣйшемъ покушеніи съ нашей стороны проявить свою волю, несогласную съ указанными рамками, онъ долженъ былъ немедленно воспрепятствовать нарушенію, или-же позвать другого свободнаго дежурнаго, чтобъ тотчасъ же доложить о «безпорядкѣ» вахмистру. Смотря по характеру дѣла, вахмистръ или являлся самъ водворять порядокъ, или-же давалъ знать смотрителю, который опять таки, смотря по характеру дѣла, или приказывалъ махнуть рукой на пустякъ, нестоющій разбирательства, или являлся самъ для разбора дѣла и возстановленія нарушенныхъ нормъ, или же докладывалъ начальнику управленія. Въ исключительныхъ случаяхъ самъ являлся на мѣсто дѣйствія.

Весьма нерѣдко смотрителя звали и мы сами, если намъ казалось, что унтеръ злоупотребляетъ властью и отъ себя ли, по приказу ли, пресѣкаетъ тамъ, гдѣ мы не желали встрѣчать ни малѣйшихъ пресѣченій. Тогда происходила бурная сцена. Слышалось вдругъ:

— «Это что еще за новость? Позвать сюда смотрителя! Подать сюда смотрителя! Чтобъ живо пришелъ сюда смотритель!» и т. п. Если кипѣніе произошло очень бурное, унтера спокойно молчатъ. Если не очень, то прибѣжавшій немедленно вахмистръ вставляетъ свое трезвое слово:

— Звать его я не имѣю права, а могу только доложить...

Тѣмъ не менѣе, смотритель является немедленно, бурю выдерживаетъ самолично и обыкновенно въ концѣ ея изрекаетъ резолюцію, создающую какой нибудь компромиссъ, съ которымъ взбунтовавшійся готовъ помириться.

Нерѣдко такія сцены происходили въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація дѣлала пробные шаги къ лишенію насъ той или другой льготы. Унтерамъ дается тайный приказъ, и они «недопускаютъ». Происходитъ вспышка. Смотря по ея силѣ и опасности для общаго спокойствія, администрація торгуется, иногда совсѣмъ отмѣняетъ только что данный приказъ, свалivши все на унтера, который будто-бы отъ себя задумалъ это стѣсненіе, или не понялъ данныхъ ему инструкцій.

Кромѣ экстренныхъ донесеній въ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, ежедневно дѣлались дежурными общіе и детальные доклады о проведенномъ днѣ и о замѣченныхъ нарушеніяхъ. Причемъ принимающій донесеніе вахмистръ или смотритель давалъ соотвѣтствующіе директивы для дѣйствій дежурнаго на будущее время въ аналогичныхъ обстоятельствахъ.

Понятно, что при такихъ порядкахъ отъ личности дежурнаго много зависѣло. Онъ могъ замѣчать и не замѣчать, въ зависимости отъ степени бдительности и отъ желанія быть бдительнымъ. Могъ и замѣтивши доносить, или смотрѣть сквозь пальцы. Словомъ, тоже, что и во всякой тюрьмѣ, гдѣ заключенные отлично знаютъ свойства каждаго дежурнаго и пользуются ими въ своихъ интересахъ. Если задумывается заранѣе какое нибудь «правонарушеніе, то принимается въ соображеніе, кто именно стоитъ на дежурствѣ въ данномъ мѣстѣ и въ данный часъ.

«Нарядъ» на дежурство составлялся для нихъ вахмистромъ на цѣлую недѣлю. Но намъ онъ не былъ извѣстенъ. Самыя фамиліи унтеровъ мы узнавали случайно, и знали почти половину ихъ, иныхъ награждали прозвищами, но были и просто безымянные. Гудзь особенно тщательно скрывалъ ихъ фамиліи. И когда я однажды попросилъ технологію, принадлежавшую сыну унтера Власова, съ которымъ я предварительно договорился объ этомъ, и фамилію котораго я зналъ съ незапамятныхъ временъ, Гудзь тщательно запечаталъ своей печатью первый листъ книги, гдѣ была фамилія. На мой вопросъ: «къ чему это? Что за бѣда, еслибъ узналъ фамилію?» онъ отвѣтилъ:

— «Да, сначала вы узнаете фамилію, а потомъ еще что нибудь; смотришь, вы ужъ и очень много знаете!»

Съ нашими фамиліями даже бывали курьезы. Всѣ унтера прекрасно знали всѣхъ насъ не только по именамъ, но и по отчествамъ. Но должны были не показывать виду, что это имъ извѣстно, называть-же насъ не иначе, какъ по номерамъ. Если-же я посылаю что нибудь своему товарищу и называю его по фамиліи, дежурный дѣлаетъ иногда невинное лицо и говоритъ: «я не знаю такого», или «а кто это такой?» въ ожиданіи, что я назову адресата по номеру.

IX.

Такъ ужъ всегда бываетъ, что когда злыя собаки не даютъ проходу прохожему, то послѣдній бьетъ именно ихъ, а не хозяевъ, которые ихъ содержатъ и дѣлаютъ злыми. Приходилось и намъ воевать со своими унтерами, и нерѣдко со всею рѣзкостью, какая могла прорваться послѣ многократныхъ ежедневныхъ и ежечасныхъ мелочныхъ придирокъ.

Къ этому вынуждали, большею частію, сами наши власти. Любезничая при личныхъ встрѣчахъ, заглазно они третировали насъ какъ арестантовъ, съ которыми церемониться особенно не приходится и потому, когда имъ требовалось чего нибудь лишить насъ, или въ чемъ нибудь подтянуть, они дѣлали это большею частью тайно и экспромтомъ. Вмѣсто того, чтобы наканунѣ формально и гласно объявить, что такая-то «льгота» съ завтрашняго дня прекращается, они давали просто оффиціальное приказаніе унтерамъ—съ завтрашняго дня пресѣкать то, что вчера дозволялось.

Понятное дѣло, всякій прохожій, привыкшій многократно мирно и безмятежно проходить по извѣстному мѣсту, склоненъ выйти изъ себя, если завтра онъ встрѣтитъ здѣсь загородку, либо цѣпныхъ собакъ, готовыхъ разорвать его на части. Такъ какъ наши унтера были все-же разумныя существа и притомъ не всѣ одинаковые, а были и такіе, которые готовы были при случаѣ и отъ себя лично учинить какую-нибудь непріятность, то естественно, что каждый изъ насъ, встрѣтивши неожиданную препону, набрасывался прежде всего на того, кто загораживаетъ дорогу своей особой.

Получалась сцена, болѣе или менѣе бурная, въ зависимости отъ такта и сдержанности унтера. Несмотря на все разнообразіе характеровъ и на всю сдержанность, которою многіе обладали, не было изъ нашей среды ни одного человѣка, котораго бы не вывели изъ себя ни разу такія отношенія и доведя до бѣлаго каленія не заставили пережить нѣсколько жгучихъ минутъ крайняго возбужденія и острой вспышки. Очевидно, въ самомъ существѣ тюремныхъ отношеній лежало то, чтобы насъ раздражали, а мы раздражались.

Первымъ буферомъ въ такихъ случаяхъ бывалъ всегда дежур-

ный. Зато, какъ же радовался, бывало, иной откровенный унтеръ, что такая-то сцена случилась не въ его дежурство или не въ его участкѣ! Очевидно, имъ солоно приходилось всегда при такой оказіи!

При воспоминаніи объ этихъ отношеніяхъ, предо мной проходитъ галлерея лицъ, угрюмыхъ и открытыхъ, злобныхъ и добродушныхъ, мстительныхъ, равнодушныхъ, убѣжденныхъ гонителей и тюремщиковъ и совершенно безразличныхъ. Отъ этой галлереи лицъ, стоявшихъ возлѣ меня безотлучно сомкнутымъ кольцомъ болѣе 18 лѣтъ, ежедневно зависѣлъ каждый короткій шагъ моей укороченной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мое доброе настроеніе и, значитъ, мое времяпрепровожденіе.

Послушные только голосу своего начальства, они менѣе всего заботились именно о моемъ душевномъ спокойствіи и о томъ, какъ тотъ или другой актъ ихъ служебнаго усердія дѣйствуетъ на мою психику. Подчасъ, и нерѣдко, казалось даже, что они и приставлены то ко мнѣ спеціально затѣмъ, чтобы постоянно раздражать и допекать, и тѣмъ создавать атмосферу непрерывныхъ огорченій, чтобы какъ можно вѣрнѣе осуществить идеалъ пенитенціарной тюрьмы, въ задачи которой входитъ мученіе, а не успокоеніе.

X.

Я говорю о среднемъ, такъ сказать, нормальномъ и постоянномъ характерѣ отношеній съ унтерами, и при томъ о времени *моего* пребыванія въ тюрьмѣ. Ранѣе этого, по разсказамъ товарищей, они дѣйствовали въ буквальномъ смыслѣ какъ безсловесныя твари, потому что никогда не произносили ни одного слова, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по мановенію пальца Ирода, набрасывались чисто по звѣрски, вязали, били, стучали въ заслоны, чтобъ лишить возможности сосѣдей перестукиваться другъ съ другомъ, и вообще дѣйствовали активно, вызывающе и наносили страданіе вполнѣ сознательно и даже съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

Теперь, когда тотъ или другой министръ старается сдѣлать невинную мину по поводу избіеній въ участкахъ и тюрьмахъ, приписывая это злоупотребленію низшихъ агентовъ, мы, пережившіе всѣ ужасы длительныхъ и сложныхъ репрессій, можемъ торжественно и всенародно удостовѣрить, что низшіе агенты,—того же ранга, какъ въ участкахъ и проч. тюрьмахъ,—дѣйствовали всегда согласно волѣ и «предначертанію высшихъ властей». И эти послѣдніе, отъ скромнаго жандармскаго полковника Покрошинскаго, до блестящаго жандармскаго генерала Оржевскаго, умѣли дѣлать такую же добрую мину, какую теперь дѣлаютъ персоны болѣе крупнаго калибра.

Мы воочію убѣдились въ этомъ, переживши переломъ, котораго сейчасъ добивается вся Россія, когда избіенія прекратились, хотя всѣ низшіе агенты оставались безсмѣнно на своихъ мѣстахъ. И

видѣли, какъ тѣ же самыя лица, которыя вчера еще горѣли желаніемъ учинить надо мной какое нибудь грубое насиліе, сегодня становились разговорчивы, любезны, обходительны и деликатны. Точь въ точь какъ маріонетка, которую дернули за другой шнурокъ.

Затѣмъ мѣнялись лица, младшія и старшія и самыя старшія, сидящія наверху; бывали изъ нихъ и жестокіе, и мягкіе, бывали и такіе, которые открыто выражали сожалѣніе о невозможности заковать насъ въ кандалы, и такіе, которые угрожающе кричали на весь коридоръ, какъ Шебеко:

«Полковникъ, плети! плети, плети!»

Но лозунгъ «не бить» оставался въ силѣ, и никто ни разу за цѣлыхъ 15 лѣтъ насъ пальцемъ не тронулъ.

XI.

Унтера подавали намъ чай или кипятокъ, хлѣбъ и вообще пищу, бѣлье спальное и носильное, книгу, бумагу, дѣлали ванну, отворяли и затворяли дверь при входѣ и выходѣ, разогрѣвали клей, варили клейстеръ, передавали инструменты, порученія и записки, матеріалы и вообще разныя покупки. Въ виду этого неудивительно, если они въ концѣ концовъ превратились въ особый родъ лакеевъ или «коридорныхъ» въ гостинницѣ, которые исполняютъ роль услужающихъ» при господахъ и получаютъ за это на чай. Въ эпоху бо́льшаго либерализма, когда самъ Гудзь, дѣлая имъ внушеніе, говорилъ откровенно: «не *они* ради васъ живутъ здѣсь, а вы ради нихъ, и потому вы *должны*...» эти служебныя отношенія выступали особенно рельефно.

И вообще, чѣмъ меньше съ нихъ требовалось въ порядкѣ охраны, тѣмъ больше требовалось въ порядкѣ услуги. Большинство изъ нихъ были вовсе не въ претензіи отъ такой замѣны, потому что требованія начальства держали ихъ подъ угрозой кары, требованія же наши не угрожали ничѣмъ, кромѣ легкихъ взаимныхъ попрековъ между ними. И это несмотря на то, что по мѣрѣ ослабленія репрессій, расширялись и разнообразились наши нужды, а значитъ и наши притязанія.

А когда установились такія отношенія, что я просилъ или заявлялъ, а они приносили или исполняли, тогда трудно было имъ удержаться въ границахъ и исполнять только то, что они обязаны были по складу нашей жизни и только тогда, когда просьба объ этомъ была выражена въ вѣжливой формѣ. Они были не только мужики, т. е. люди, вѣками порабощенные, съ инстинктами раба, но и солдаты, т. е. недавно нарочито дисциплинированные въ систематическомъ исполненіи чужихъ приказаній и привыкшіе къ тому, чтобы эти приказанія выражались властно, т. е. рѣзко и грубо. А потому они вовсе не претендовали на тѣхъ изъ насъ, кто обходился съ ними круто. Вѣдь смотритель, котораго они никапли не уважали, обходился съ ними неизмѣримо хуже. Мы же,

какъ общее правило, были вѣжливы и обходительны съ ними, и нерѣдко платили имъ какъ могли за ихъ услуги натурой, т. е. какими нибудь издѣліями, когда это позволялось, или огородными овощами, до которыхъ они, какъ многосемейные, были особенно лакомы! Когда Яковлевъ строжайшее запретилъ имъ брать у насъ что бы то ни было, овощи они все же брали, хотя съ большой оглядкой.

XII.

Неудивительно при этомъ, что несмотря на писанныя инструкціи, повелѣвавшія намъ «безпрекословно исполнять распоряженія дежурнаго унтеръ-офицера», жизнь, слѣдуя своей собственной логикѣ, слагалась какъ разъ наоборотъ, и господами и командирами надъ ними постепенно сдѣлались мы. Но такъ какъ они были не только лакеи по натурѣ, но при этомъ служили еще законному господину по найму, и охраняли его интересы отъ нашихъ покушеній на нихъ, то получалась самая удобная комбинація для того, чтобы мы въ минуты раздраженія третировали ихъ по собачьи, а они злобствовали на насъ и, будучи наружно послушными, исподтишка старались всячески напакостить намъ.

Такъ и жили мы постоянно, точно кошка съ собакой, то мирясь и добродушничая, то воюя.

И хотя были изъ нихъ 2—3 человѣка, которые тяготились обязанностью открывать передъ нами незамкнутую дверь или дѣлать другія подобныя вещи, которыя каждый изъ насъ и самъ могъ бы сдѣлать, но и такіе были, собственно, лакеями въ душѣ. И не было изъ нихъ ни одного человѣка съ истинныхъ самоуваженіемъ, который запротестовалъ бы серьезно противъ своей двусмысленной роли и бросилъ ее съ негодованіемъ, вовсе не желая прислуживать лицамъ, которыхъ за глаза онъ зоветъ арестантами, каторжниками или преступниками.

Очевидно, какъ ни называй людей, и какъ ни лишай ихъ правъ и преимуществъ своего званія, а высшая индивидуальность всегда будетъ господствовать надъ низшей и подчинять ее себѣ, независимо отъ оффиціальныхъ рамокъ и указокъ. Такъ было у насъ, такъ и всюду было съ политическими заключенными. И правительство, чтобы парализовать эти неизбѣжные результаты, всегда прибѣгало или къ частой смѣнѣ своихъ вѣрныхъ стражей, плохо вѣря въ незыблемость ихъ преданности, или же окружало ихъ свирѣпыми угрозами и страхомъ немедленнаго возмездія за малѣйшее уклоненіе отъ пути долга, т. е. отъ интересовъ тѣхъ, кто сейчасъ у власти.

Но нужно отдать справедливость нашимъ унтерамъ, ихъ услуженіе намъ никогда не выходило изъ границъ, за коими оно становится съ ихъ точки зрѣнія преступнымъ. Быть можетъ, здѣсь все дѣло только въ деньгахъ. И продажныя души, которыя надѣваютъ и носятъ мундиръ только потому, что за это хорошо пла-

тятъ, едва ли бы было трудно перекупить, давши имъ другое болѣе соблазнительное и не менѣе прочное обезпеченіе.

Такъ какъ унтера выходили отъ насъ и замѣнялись новыми по одиночкѣ, то каждый вновь поступившій, какъ бы тщательно онъ ни вызубрилъ свою инструкцію, при выходѣ на дежурство совмѣстно съ другими старшими унтерами, тотчасъ замѣчалъ, что инструкція особь статья, а уклады нашей жизни—особь статья, и что течетъ она по своимъ особеннымъ законамъ, а вовсе не по писаной бумажкѣ. Поэтому онъ тотчасъ же подвергался «обрусенію», обращался въ новую вѣру и уже не осмѣливался предъявлять намъ требованій, которыя давно стали въ нашихъ глазахъ нетолько устарѣлыми, но и смѣшными. Въ крайнемъ случаѣ, его, при первой же попыткѣ проявить свое усердіе, такъ недвусмысленно осаживали, что онъ долго послѣ этого ломалъ голову надъ соотношеніемъ между писанымъ закономъ и неписанымъ.

XIII

Почти такому же обученію нужно было подвергать и каждаго смотрителя—новичка. Тотъ являлся въ первый разъ съ большимъ вѣсомъ и апломбомъ. Отъ него еще вѣяло полномочіями, только что полученными въ департаментѣ, и онъ дѣлалъ обыкновенно одну или двѣ попытки къ водворенію «порядка» и къ проявленію только что полученной власти, которая отуманила его голову. Но такъ какъ онъ брался за дѣло ретиво, то все кончалось обыкновенно скандаломъ. А такъ какъ онъ не хотѣлъ доводить до свѣдѣнія департамента, что съ его поступленіемъ начались въ тюрьмѣ небывалыя прежде «исторіи», то быстро успокаивался и оставлялъ завоеванный ранѣе «безпорядокъ» въ прежнемъ видѣ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, портить себѣ кровь, когда такъ легко и спокойно можно лежать дома по цѣлымъ днямъ, показываясь въ тюрьмѣ только на нѣсколько минутъ во время раздачи обѣда и ужина и получать за это заслуженныя $3^1/_2$ т. руб. жалованья? Такъ обыкновенно и вели себя послѣдніе два смотрителя, умудренные жизнію и опытомъ предшественника.

Полковникъ Гангардтъ, который больше всѣхъ своихъ предшественниковъ допускалъ у насъ новшествъ и «послабленій», уходя на другое мѣсто, попробовалъ, было, водворить старый порядокъ, мотивируя это тѣмъ, что онъ долженъ сдать тюрьму въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ принялъ ее отъ своего предшественника. Но изъ этого все равно ничего не вышло. Слишкомъ мало мы склонны были поступаться тѣмъ, чѣмъ уже пользовались фактически.

Дѣло въ этомъ отношеніи стояло всегда одинаково, сколько бы ни было повторныхъ попытокъ. Можно было произвести «переворотъ» тайно, давши приказъ унтерамъ завтра вести все по новому. Но тогда «бунтъ» былъ бы неизбѣженъ. Или же пуститься съ нами въ дипломатію и начать переговоры о сокращеніи тѣхъ или дру-

гихъ льготъ. Въ дипломатіи же верхъ всегда оставался за нами. При этомъ начальство какъ бы случайно зондировало почву, слишкомъ ли мы дорожимъ той или другой льготой и способны ли пойти въ защиту ея на открытую войну. Мы же всегда ставили ему на видъ, что вѣдь терять намъ нечего... Словомъ, въ великомъ и ничтожномъ политика есть политика, и черты ея тѣ же.

XIV.

Чѣмъ были унтера въ отношеніи своего непосредственнаго начальства, тѣмъ было это послѣднее въ отношеніи начальства департаментскаго. Трудно, почти невозможно, говорить и не проговориться.

Нѣчто подобное практиковалось у насъ постоянно въ отношеніи нашихъ офицеровъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали разговаривать съ нами. Правда, немного у насъ было охотниковъ до этого рода спорта. Но были любители, которые пользовались всякимъ случаемъ встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ для того, чтобы кстати интервьюировать ихъ и позондировать почву насчетъ текущаго момента. Какъ ни осторожны и сдержанны они были, но, конечно, проговаривались. Ихъ собственныя сужденія и взгляды были неинтересны. Но они отражали на себѣ взгляды либо только что вычитанные изъ *своей* газеты, т. е. изъ Новаго Времени, либо вчера привезенные изъ департамента. И то, и другое знать было любопытно.

Сплошь и рядомъ тотъ или другой изъ нихъ скажетъ какое нибудь неожиданное beau mot, которое даетъ намъ забаву на цѣлый день. Когда при Плеве стали насъ подтягивать, а фонъ-Валь не обинуясь изрекъ, что здѣсь должны быть водворены «старые порядки» (т. е. запрещены книги, работы, сношенія и проч.), смотритель Правоторовъ въ одномъ изъ обычныхъ такихъ разговоровъ сдѣлалъ признаніе, что «они стремятся къ *идеалу*», т. е. хотятъ поставить нашу тюрьму на возможно высшую степень тюремнаго, а значитъ, и одиночнаго совершенства. Всякіе, оказывается, бываютъ идеалы! Но въ то же время всякому человѣку, даже и жандарму, свойственно стремленіе къ нему!

Особенно много проговаривались они въ послѣдній годъ насчетъ хода военныхъ дѣйствій. Откровенничать они, все же, не желали, да, можетъ быть, и сами изъ Новаго Времени не могли хорошенько знать о настоящемъ положеніи дѣла, а все таки невольно выдавали правду. Такъ, когда Портъ-Артуръ былъ уже взятъ, Яковлевъ на прямой вопросъ объ этомъ ничего не отвѣтилъ. А когда затѣмъ сталъ объяснять причины военныхъ неудачъ, то спокойно сказалъ:

— «Ничего не подѣлаешь: одинъ только путь, по которому приходится посылать все необходимое для арміи».

Для насъ, ровно ничего не знавшихъ о войнѣ, стало очевидно, что другой путь, т. е. морской, былъ совершенно закрытъ.

XV.

Отношенія наши съ мѣстной администраціей были въ корнѣ фальшивыя. Безсильному и порабощенному вездѣ остается въ удѣлъ только хитрость и скрытность.

Сила была не на нашей сторонѣ, и гдѣ нельзя было взять открытой стычкой, убѣжденіемъ или дипломатіей, приходилось брать хитростью, т. е. продѣлывать за спиной и за глазами все то, что запрещалось дѣлать явно. Любопытно, что многіе изъ нихъ (особенно Гудзь и Обухъ) сами поощряли такую политику и взыскивали только за то, что они *лично* видѣли. «Дѣлай, да не попадайся», было ихъ девизомъ.

Даже прямой какъ палка и тупой какъ бревно Соколовъ, и тотъ, утомившись въ борьбѣ противъ стука, въ концѣ концовъ училъ В. С. Панкратова:

— «Стучи, но чтобъ тебя не видѣли и не слышали!»

Я помню, какъ Обухъ, проходя по корридору не въ свое время, случайно увидалъ меня въ мастерской Вѣры Николаевны, гдѣ мы вмѣстѣ съ нею разводили какую-то краску. Дверь, какъ всегда, была открыта настежь. Гудзь счелъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе по этому поводу, но не за то, что я былъ тамъ, — это онъ не могъ считать преступленіемъ,—а за то, что былъ тамъ *тогда*, когда проходилъ мимо полковникъ. На это наивное разсужденіе можно было только отвѣтить:

— «Вы бы предупредили»...

Обыкновенно и предупреждали. Смотритель предупреждалъ о пришествіи полковника, а полковникъ о пріѣздѣ кого-нибудь изъ Петербурга.

Очевидно на такое поведеніе, практикуемое нами добровольно, во избѣжаніе безплодныхъ и раздражающихъ словопреній, они не могли быть въ претензіи. Гдѣ все сводится къ показной сторонѣ, тамъ только ей и придаютъ значеніе.

Для насъ же самихъ это не казалось надувательствомъ. Всякая правомѣрная и вполнѣ нормальная дѣятельность неизбѣжно становится подпольной, разъ ей ставятъ насильственныя и ничѣмъ не оправдываемыя преграды.

XVI.

Въ свою очередь сами они, несмотря на торжество грубой силы, не находили въ себѣ достаточно физическаго мужества, чтобы опираться только на нее, не считаясь ни съ какими принципами. При всякомъ случаѣ, подъ то или другое распоряженіе свое или департаментское, они старались подвести какое нибудь разумное или этическое основаніе. А такъ какъ такихъ основаній подыскать было не легко, то они выдумывали ихъ и доходили въ изобрѣтеніи лживыхъ доводовъ до самаго откровеннаго безстыдства.

Благодаря этому, вести съ ними какіе-нибудь переговоры и разсужденія было настоящей пыткой. Врали они на каждомъ шагу, врали систематически, врали неумѣло и неумно, какъ артисты, которымъ ухищряться особенно нечего, врали кстати и некстати, по важному дѣлу и безъ всякаго дѣла, старшіе и младшіе, врали по нашему запросу, врали и по собственной иниціативѣ, врали намъ, врали и другъ другу.

Какъ они еще могли существовать и работать вмѣстѣ въ этой атмосферѣ сплошной и безысходной лжи!

Унтеръ иногда откровенно сознавался, какъ онъ совралъ вахмистру; вахмистръ, какъ онъ совралъ смотрителю; смотритель только и дѣлалъ, что водилъ за носъ начальника управленія. А тотъ, разумѣется, оперировалъ подобнымъ же образомъ съ департаментомъ.

Можно представить себѣ послѣ этого, какіе отчеты доставляли они этому учрежденію! И что писалось въ ихъ книгахъ, хозяйственныхъ и иныхъ, шнуровыхъ и скрѣпленныхъ печатями! Можно представить себѣ, что лично передавалось ими въ Петербургѣ, и въ какомъ видѣ они рисовали тамъ и насъ, и нашу жизнь!

Когда кто-то изъ товарищей, возмущенный особенно наглой ложью вахмистра, заявилъ объ этомъ Гудзю, тотъ не смущаясь отвѣтилъ:

— «Если-бы онъ не вралъ, то и не служилъ бы въ жандармахъ»!

Характерно, именно, формальное признаніе этого. Что весь корпусъ жандармовъ пропитанъ лживостью, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался, кто хоть разъ имѣлъ неудовольствіе познакомиться съ нимъ. Недаромъ же онъ пользуется всеобщимъ презрѣніемъ, каковой аттестатъ выдалъ ему даже самъ знаменитый Ренненкампфъ. Даже цѣлая юридическая комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ, несмотря на свою бюрократическую лойяльность, принуждена была сознаться, что слѣдствіе, ведомое жандармами, чаще всего «не соотвѣтствуетъ дѣйствительности».

Но всякому, даже лжецу, свойственно прикидываться честнымъ. Здѣсь же цинизмъ полный и оголтѣлый: лжемъ не только по случаю, либо увлеченію, а по принципу. Служба требуетъ постоянной лживости, значитъ ложь составляетъ служебный долгъ, строгое исполненіе котораго гарантируется торжественной присягой, освященной церковью. А этотъ терминъ «служебный долгъ» звучитъ такъ возвышенно и такъ торжественно, что въ умахъ даже и не жандармскаго калибра можетъ смѣло покрывать и затмевать житейскія условности, вродѣ какой-то правдивости, и придавать всему черному и грязному видимость чистоты и невинности.

Что такое правдивость? Что такое «слово благороднаго офицера»? Оно нужно только въ домашнемъ обиходѣ, да и то среди недалекихъ людей. Врагамъ же всегда всѣ лгутъ, начиная съ самого министра иностранныхъ дѣлъ. Что же дѣлать цѣлому корпусу, который непрерывно ведетъ войну и для котораго всякій обыватель всегда можетъ оказаться «врагомъ»?

И чрезвычайно рѣдко случалось, чтобы кто-нибудь изъ нихъ на прямой и неудобный для нихъ вопросъ отвѣтилъ:

«Этого я вамъ не могу сказать», или:

«Отвѣчать на подобный вопросъ мнѣ запрещаетъ моя инструкція». Отвѣтъ почти всегда получался немедленный и всегда лживый. Отвѣчали всегда смотря въ глаза съ наглой откровенностью, безъ малѣйшихъ слѣдовъ смущенія. И когда ложь была очевидная и явная для всякаго младенца, я невольно опускалъ глаза при видѣ такого безстыдства и поскорѣе давалъ понять, что разговоръ послѣ этого считаю покончennымъ.

Любопытнѣе всего, что и высшіе и низшіе лгуны чаще всего выдвигали на сцену наши собственные интересы: точь въ точь какъ губернаторъ, налагающій veto на земское постановленіе, который никогда не скажетъ, что онъ дѣлаетъ это въ силу негласнаго распоряженія изъ Петербурга, или въ интересахъ своей карьеры, а непремѣнно приплететъ сюда государственныя нужды и пользы. Кажется, не было ни одного запрещенія, дѣлая которое у насъ не ссылались бы на наше собственное душевное спокойствіе или тѣлесное здравіе. Читать романъ или газеты, писать роднымъ или видѣться съ ними, перестукиваться другъ съ другомъ—всего этого нельзя дѣлать, главнымъ образомъ, потому, что все это причиняетъ намъ лишнее безпокойство и волненіе. А топить теплѣе печи, давать намъ кофе, или устроить кузницу — все это разрушительно можетъ повліять на наше здоровье.

Понятно, что всякій лгунъ въ то же время хлопоталъ о томъ, чтобъ мы вѣрили ему на слово. И самый отчаянный и виртуозный изъ нихъ, Яковлевъ, любилъ часто повторять:

— «Слово мое вѣрно».

На этомъ его часто ловили, требуя настойчиво, чтобъ онъ исполнилъ то или другое обѣщаніе, которое у него случайно сорвалось съ языка.

XVII.

Это было самое тяжелое въ нашемъ положеніи съ того времени, какъ всякіе крайніе эксцессы съ ихъ стороны совершенно прекратились. Откровенной грубости и жестокости всякаго сорта можно было дать отпоръ. Откровенная грубость и жестокость по самому существу своему таковы, что моментально вызываютъ рѣзкую вспышку и, значитъ, ведутъ, такъ сказать, дѣло къ прекращенію. Надъ такими натурами, каковы были у насъ, система откровенныхъ репрессій физически не могла долго практиковаться.

Елейное же вранье, ежедневно превращаясь въ новыя и новыя благовидныя формы, вползало всюду гадомъ и вызывало только чувство брезгливости и отвращенія. Какъ ни понятно и ни интенсивно оно было, оно вело къ другимъ болѣе сложнымъ рефлексамъ, чѣмъ явный и безцеремонный гнетъ. А такъ какъ жить, все-таки, было надо, и водить дѣла съ людьми подобной категоріи

было неизбѣжно, то было неизбѣжно таить въ себѣ это чувство, производить надъ собой постоянное нравственное насиліе и обращаться къ людямъ, отъ которыхъ все нутро отворачивалось съ явнымъ омерзеніемъ.

Индивидуальность и здѣсь много значила, и мѣстныя власти могли многое попускать отъ себя. Но попускали они, конечно, съ оглядкой и всегда держали носъ по вѣтру, прислушиваясь къ вѣяніямъ въ высшихъ сферахъ.

Зависимость нашихъ льготъ и вообще порядковъ отъ этихъ вѣяній была такъ велика, что по настроенію мѣстнаго начальства мы довольно точно опредѣляли настроеніе сферъ. Если полковникъ, или смотритель былъ особенно разговорчивъ и любезенъ, мы говорили, что дѣлишки идутъ недурно. Если же тотъ или другой былъ угрюмъ, сердитъ или невнимателенъ, мы заключали, что наши фонды стоятъ плохо.

Нѣкоторые изъ насъ были особенно склонны предаваться иллюзіямъ въ ту или другую сторону и гадать по этимъ «внутренностямъ животныхъ». И какъ ни серьезны и ни внушительны бывали подчасъ эти признаки сами по себѣ, все же злоупотребленіе ими доходило иногда до смѣшного, когда забывалось, что и у нашего начальства, какъ и у всякаго смертнаго, можетъ быть несвареніе желудка, картежный проигрышъ или непріятность съ женой—причины весьма серьезныя для угрюмаго вида, но съ политикой вовсе не связанныя.

Когда не было никакихъ вѣстей съ воли, всѣ наши новости сводились къ посѣщенію кого-нибудь изъ насъ администраціей.

— «Кто былъ, и зачѣмъ?—Что говорилъ, и какъ выглядѣлъ»?

И эти свѣдѣнія давали прочный базисъ для какихъ-нибудь высшихъ заключеній, на которыя никогда не скупилась наша праздная творческая фантазія. И какъ ни курьезны подчасъ были эти заключенія, въ общемъ, мы часто угадывали истину, точно также, какъ угадывало ее и все русское общество, которое, не будучи посвящено въ политику сферъ, тѣмъ не менѣе умѣло улавливать коечто въ зловѣщемъ молчаніи ихъ. У насъ же при этомъ проницательность постепенно развивалась до виртуозности.

Когда въ жандармскомъ присутствіи идетъ «дознаніе» и ради него ведется праздный разговоръ между опытнымъ и прожженнымъ докой и допрашиваемымъ новичкомъ, каждое слово и каждое сужденіе послѣдняго даетъ матеріалъ въ руки этихъ слѣдователей для соотвѣтствующихъ заключеній.

Къ числу тюремныхъ лишеній, т. е. страданій отрицательнаго характера, присоединялось еще одно неизбѣжное страданіе, положительное, происходящее отъ необходимости сожительствовать въ подчиненныхъ отношеніяхъ съ людьми, каждый разговоръ съ которыми оставлялъ слѣды нравственной тошноты, подчасъ столь же тягостной, какъ и тошнота физическая.

Такова уже участь всѣхъ новаторовъ, что ихъ отдаютъ обыкновенно въ руки распинателей и палачей, т. е, людей вырождаю-

щихся, съ полнымъ отсутствіемъ моральнаго чувства и съ неистощимымъ запасомъ безчеловѣчія.

О нашихъ главныхъ распинателяхъ мы не могли сказать въ извиненіе и оправданіе: «не вѣдятъ бо что творятъ», потому что они прекрасно знали, что дѣло, которое они творятъ, у всѣхъ развитыхъ людей и народовъ называется гнусностью.

Но я долженъ оговориться: преждевременная ли старость, или слишкомъ продолжительное пребываніе въ этой отвратительной атмосферѣ алчности, лжи и насилій, притупили во мнѣ естественное чувство негодованія. И я пишу эти строки безъ должнаго душевнаго трепета, обязательнаго для всякаго здороваго человѣка. А потому я увѣренно могу заявить, что эти строки продиктованы не чувствомъ застарѣлой мести и злобы въ отношеніи людей, которые, какъ ни какъ, были только простыми орудіями, а чувствомъ правдивости, отъ которой больше всего я боюсь уклониться.

XVIII.

„Даже въ лучшихъ людяхъ есть нѣчто отвратительное; и даже лучшій человѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть".

Ницше.

Обойти молчаніемъ наши внутреннія отношенія другъ къ другу было бы большимъ опущеніемъ. Входить же въ анализъ ихъ, по самому существу дѣла, чрезвычайно затруднительно и я, признаюсь, совсѣмъ теряюсь передъ этой задачей.

Мы прожили вмѣстѣ полъ жизни, точнѣе—лучшую пору своей жизни. За этотъ долгій, долгій промежутокъ времени можно было пережить очень много. И едва-ли кто будетъ такъ наивенъ, что вообразитъ, будто весь этотъ длинный и тягостный путь былъ усѣянъ только розами взаимной дружбы и взаимныхъ привязанностей.

Многіе совсѣмъ не знали другъ друга ранѣе, сошлись и познакомились въ тюрьмѣ, среди тюремнаго бездѣлья и будничной прозы. Сошлись люди въ самую бурливую пору своей жизни, въ условіяхъ вѣчно раздражающихъ и озлобляющихъ, куда лучъ радости и оживленія почти не заглядывалъ, и гдѣ хмурыя и непривѣтливыя лица можно было встрѣтить чаще, чѣмъ лица, дышащія довѣрчивостью и дружелюбіемъ.

Когда человѣка постоянно терзаютъ невзгоды, и въ душѣ тревожно, больно и раздражительно, отъ какихъ-бы причинъ это ни зависѣло, онъ невольно выражаетъ это и на своемъ лицѣ, которое тогда разучивается отвѣчать съ радушіемъ и улыбаться привѣтливо при встрѣчахъ и обращеніи съ самыми близкими для него товари-

щами. Послѣдніе же, при видѣ хмураго лица, инстинктивно сами хмурятъ брови, даже если собственное самочувствіе у нихъ совершенно удовлетворительно.

Пока мы были молоды и разъединены, мы страстно стремились другъ къ другу. Юность всегда вѣдь общительна, склонна къ сердечнымъ и проч. изліяніямъ, весьма экспансивна и отзывчива, жизнерадостна, довѣрчива и легковѣрна.

XIX.

Поэтому, вначалѣ, пока мы еще сидѣли изолированно, у насъ постоянно были раскрыты братскія объятія, и мы готовы были включить въ нихъ всякаго, кто получилъ себѣ на долю рѣдкое счастье—засѣсть въ Шлиссельбургѣ милостью Плеве, Дурново, или Толстого. *Живого* человѣка мы или не знали вовсе, или знали по тѣмъ дѣловымъ или недѣловымъ встрѣчамъ, которыя среди молодежи обыкновенны, и въ которыхъ люди съ первой встрѣчи сближаются необыкновенно быстро, но и расходятся затѣмъ безъ сокрушенія.

Въ своемъ сосѣдѣ, къ которому мы пылали самой искренней любовью, большею частію мы знали не человѣка, а только политическое или соціальное знамя, стоять подъ которымъ и охранять которое одинаково считали общею честью и общимъ дѣломъ. Но подъ всякимъ знаменемъ можно стоять, ходить, бороться, вообще дѣйствовать, а не сидѣть сложа руки безъ движенія. Мы же обречены были именно на бездѣйствіе.

И если-бы кто зналъ, какъ трудно бездѣйствовать долгое время подъ знаменемъ! Кто нейдетъ впередъ, неминуемо идетъ назадъ. Здѣсь, какъ и на велосипедѣ: нужно или катиться, или падать.

Неудивительно, что знамя, само по себѣ достаточное орудіе для сближенія людей въ активной жизни, не могло служить такимъ орудіемъ въ жизни пассивной.

Въ первые года, пока пассивность этой жизни не была еще вполнѣ оцѣнена нами, и пока отголоски только что смолкшей борьбы звучали у всѣхъ созвучно и одинаково интенсивно, мы жили совмѣстно этимъ недавнимъ прошлымъ. Оно у всѣхъ насъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, было общее и при томъ не только самое дорогое само по себѣ, но и одинаково увѣнчанное ореоломъ смертнаго или каторжнаго приговора. Въ сосѣдѣ чувствовался не только собратъ по оружію, товарищъ по цѣлямъ всей жизни, но и мученикъ за идею, пострадавшій можетъ быть сильнѣе и больше, чѣмъ я самъ, и потому съ моей стороны достойный удивленія и особой симпатіи за ту доблесть и нравственное мужество, съ которымъ все это онъ перенесъ непоколебимо, и котораго не сломили ничѣмъ и до сихъ поръ.

Стойкость въ настоящемъ и прошломъ и вѣрность «святымъ завѣтамъ» юности, которымъ не суждено было восторжествовать,

но которые во всемъ своемъ грозномъ величіи перешли къ слѣдующему поколѣнію, была единственнымъ душевнымъ свойствомъ, при наличности котораго, казалось, дружба обезпечена навѣки, а солидарность упрочена нерушимо.

XX.

Еще задолго до того, какъ мы увидали другъ друга въ лицо, мы собирали свѣдѣнія о всѣхъ сидящихъ съ нами подъ одной крышей, и знали каждый о каждомъ все, что полагалось и считалось достаточнымъ знать, т.-е. что совершилъ, за что судился, въ чемъ обвинялся, какъ допрашивался и какъ защищался. Казалось, всѣ эти данныя, разъ онѣ удовлетворительны, составляли всю сущность человѣка и, при наличности ихъ, все наше сердце открывалось для него и онъ имѣлъ право на наше безграничное расположеніе.

Собирать такія свѣдѣнія посредствомъ стука было крайне затруднительно. Естественно, ограничивались этимъ малымъ и самымъ существеннымъ. Уже значительно позднѣе, и то какъ-нибудь случайно, узнавалось, кто онъ по происхожденію, по профессіи, по образованію и по семейному состоянію.

Соотвѣтственно этому, симпатіи, скопившіяся въ душѣ и не находившія нигдѣ приложенія, щедро разсыпались направо и налѣво. Заочно мы чувствовали себя прочной единой неразрывной семьей, узы которой, казалось, становились еще тѣснѣе отъ общей тягости тюремныхъ узъ. И въ сознаніи этой солидарности мы почерпали громадныя силы для перенесенія нашихъ невзгодъ, которыя каждый несъ и чувствовалъ не только за себя, но и за другихъ, и притомъ какъ бы на глазахъ другихъ.

— «Тяжело... Что за пустяки! Вонъ такой-то чувствительнѣе тебя; онъ потерялъ больше и страдалъ больше тебя, межъ тѣмъ вовсе не охаетъ и не вздыхаетъ, стыдись!..

И чувство стыдливости за легкій приступъ малодушія дѣлало свое дѣло, побѣждало врага и вселяло бодрость и даже умиленіе. «На людяхъ и смерть красна». Въ толпѣ солидарныхъ лицъ всегда вѣдь индивидъ способенъ на нѣчто большее, и нерѣдко можетъ совершенно превзойти себя.

Я упоминалъ уже ранѣе, какое самочувствіе явилось у меня тотчасъ, какъ только меня привели въ новую тюрьму и я почувствовалъ себя въ ней точно въ общежитіи, благодаря одному только присутствію въ однѣхъ стѣнахъ со мной большой толпы товарищей.

XXI.

Это былъ самый лучшій, можно сказать—завидный періодъ нашей внутренней жизни.

Мудрые люди давно думаютъ, что для того, чтобы быть съ людьми въ прекрасныхъ отношеніяхъ, нужно отойти отъ нихъ на

нѣкоторое разстояніе. Издали всѣ неровности и шероховатости сглаживаются, а все непріятное становится менѣе замѣтнымъ.

Мы сидѣли всѣ подъ одной крышей и бокъ-о бокъ. Но такъ какъ были изолированы стѣнами, то были точно вдали другъ отъ друга. А небольшія фразы, которыми обмѣнивались посредствомъ стука, вначалѣ очень рѣдкія, были столь кратки, что если-бы ихъ написать на бумагѣ, получилось бы за цѣлую недѣлю одно письмо—въ родѣ того, какимъ обмѣниваются другъ съ другомъ добрые знакомые, разъединенные сотнями верстъ.

Отрѣзанные отъ всего живого, мы были *вспыхъ* другъ для друга. Всякій изъ насъ оставилъ на волѣ одного или нѣсколькихъ лицъ, которыхъ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ... Какъ ни свѣжа еще была разлука, эта разлука была на вѣки. За исключеніемъ двухъ товарищей, сроки всѣхъ превышали 10 лѣтъ. А это—такой промежутокъ, въ теченіи котораго чрезвычайно легко утратить всѣхъ близкихъ лицъ. Добрая же половина состояла изъ безсрочныхъ, которымъ иной департаментскій законникъ откровенно говорилъ:

— «Вы приговорены безъ срока? Ну, и сидѣть будете безъ срока!»

У каждаго почти въ душѣ была рана, требующая долгаго врачеванія и нѣжнаго прикосновенія. У каждаго почти былъ уголокъ въ душѣ, особенно чувствительный ко всякаго рода взаимности и теперь совершенно праздный.

У каждаго изъ насъ, сверхъ того, было не только любящее сердце въ широкомъ смыслѣ, но и вообще натура эмоціональная, склонная къ чувствительности, и необыкновенно отзывчивая. Только прокуроры въ цѣляхъ своей карьеры и согласно своей профессіи расписывали насъ извергами, бездушными «исчадіями», лишенными всѣхъ нормальныхъ сердечныхъ движеній, свойственныхъ человѣку въ футлярѣ, никогда не мечтавшему ни о государственныхъ переворотахъ, ни о нарушеніи прописной морали. Чувствительность у каждаго было молодая и чуткая. Разочарованій мы почти незнали. А холодный скепсисъ, удѣлъ старости, еще не зарождался подъ нашими черепами.

Поэтому, какъ нельзя болѣе естественно было перенести всѣ освободившіяся симпатіи на своихъ случайныхъ спутниковъ подневольной жизни, которые отнынѣ и, можетъ быть, навсегда должны замѣнить для меня и родителей, и братьевъ, и сестеръ, и друзей, и ближнихъ и дальнихъ, и родину и человѣчество.

Время была ничѣмъ не занято. Политическія чувства, недавно еще составлявшія преобладающій тонъ жизни, отошли на задній планъ за ненадобностью. Оставалось немножко размышлять, немножко мечтать и сантиментальничать.

Соотвѣтственно такому состоянію, мы всѣ вдругъ прозрѣли поэтическими очами и стали писать стихи. Даже я, никогда не умѣвшій связать и пары строкъ въ рифму, теперь обрѣлъ въ себѣ поэтическій даръ и рифмовалъ не хуже другихъ. Можно сказать,

только лѣнивый не писалъ стиховъ. На Парнасѣ бывали почти всѣ. Даже болѣе: Парнасъ сдѣлался мѣстомъ, куда лазили на спортъ, изъ ухарства и соревнованія, шутя и зубоскаля и всячески забавляясь.

Въ стихахъ мы изливали избытки чувствъ, оставшихся безъ употребленія, стихами утишали сердечныя боли, свои и своихъ сосѣдей и друзей, посвящали ихъ другъ другу, даже дебатировали и полемизировали ими, и вообще разряжали атмосферу, черезчуръ пересыщенную эмоціями. Въ стихахъ разсказывались воспоминанія, стихами воспроизводилось прошлое, стихами же отзывались и на злобу дня. А такъ какъ эта злоба была очень мизерная, то цвѣты поэзіи, которыми старались подкрасить ее, принимали особый пикантный характеръ, возмущавшій иногда поклонниковъ стараго искусства, недопускавшихъ его профанаціи. Когда напр. послѣ долгой голодухи въ наше меню впервые проникла такая рѣдкость, какъ макароны, одинъ поэтъ сложилъ въ честь ихъ прочувствованное стихотвореніе, которое начиналось такъ:

О благодѣтельныя власти,
Какія вы даете сласти.

XXII.

Присутствіе дамъ въ нашей средѣ еще больше насыщало атмосферу сантиментами и вносило въ нее особый оттѣнокъ нѣжности, неизбѣжно проявляющійся всюду, гдѣ есть дѣти и женщины. И одна Людмила Александровна, доброе сердце которой у всѣхъ насъ было притчей въ языцѣхъ, навѣрное унесла въ могилу отъ этой эпохи огромную коллекцію сувенировъ, связанныхъ съ этимъ напоромъ чувствъ, неимѣвшихъ примѣненія и также безсильно бившихся въ судорогахъ неволи, какъ безсильно билась и наша мысль, запертая въ клѣтку и лишенная самыхъ элементарныхъ средствъ для продуктивной и бодрой дѣятельности.

«Быль молодцу не укоръ». Къ тому же теперь вѣдь это уже давно минувшіе дни. А потому можно спокойно сознаться, что въ отношеніи дамъ чувства у насъ были нѣсколько особаго характера, чѣмъ въ отношеніи другъ друга. Мы были хоть и въ могилѣ, но всетаки живыми людьми. А живому человѣку, особенно молодому, свойственны и соотвѣтствующія волненія. Напротивъ, было-бы совершенно противоестественно, если-бы оставаясь всю жизнь подъ одной крышей, ежедневно чувствуя присутствіе женщины, а потомъ и видя ее, мы оставались холодны, какъ трупъ, и невозмутимы, какъ истуканъ.

И кто знаетъ? Не было ли у правительства, посадившаго въ одну тюрьму мужчинъ и женщинъ на режимъ одиночества, спеціальныхъ цѣлей внести въ эту тюрьму новый родъ мученій, еще не испытанныхъ древностью и неизвѣстныхъ въ арсеналѣ инквизиціи?

Въ среду мужчинъ такое отношеніе къ дамамъ вносило нѣкоторый оттѣнокъ соперничества, которое иногда проявлялось въ формахъ не вполнѣ корректныхъ и принесло всѣмъ намъ не мало горькихъ минутъ. Но было бы грубой ошибкой отнести, какъ самое соперничество, такъ и слѣдствія, вытекавшія изъ него, исключительно насчетъ половыхъ отношеній. Когда вся жизнь течетъ ненормально, неизбѣжны въ ней и ненормальныя чувства, и горькія минуты. И весьма вѣроятно, что и въ томъ случаѣ, если бы въ нашей средѣ дамъ вовсе не было, намъ суждено было пережить много совершенно аналогичныхъ настроеній и волненій, которыя развились бы тогда на какой-нибудь другой почвѣ.

Что же касается самихъ дамъ, то можно легко вообразить, что избытокъ преклоненія и нѣжныхъ чувствъ, которыми ихъ окружали, доводилъ ихъ до раздраженія и вызывалъ чувство досады чаще, чѣмъ всякое другое. Всякое изилишество всегда приноситъ горькіе плоды. Но касаться этой стороны я совершенно не вправѣ, да къ тому же и общественнаго интереса она вовсе не представляетъ.

XXIII.

Я уже упоминалъ, какую роль сыгралъ этотъ избытокъ соціальныхъ и альтруистическихъ чувствъ и связанное съ ними стремленіе другъ къ другу въ разрушеніи всяческихъ преградъ ко взаимнымъ сношеніямъ.

Но когда преграды всѣ были сломлены, наши чувства совершенно неожиданно для насъ потерпѣли крушеніе и даже сдѣлали эволюцію совсѣмъ въ обратную сторону.

Прежде мы знали одно только имя, или человѣка подъ знаменемъ. Прежде политическое въ товарищѣ заслоняло передъ глазами всѣ остальныя его свойства. Мы знали его съ одной только стороны. Все остальное какъ бы само собой подразумѣвалось.

Но этотъ періодъ скоро прошелъ. При личныхъ встрѣчахъ мы узнали другъ въ другѣ живого человѣка, который, какъ это постоянно бываетъ, не походилъ на воображаемаго, узнали тогда, когда ореолъ прошлаго значительно поблекъ, когда чувства окружавшія его, были изжиты и замѣтно остыли, и когда текущая жизнь постоянно подсовывала намъ мелочи житейскаго обихода, къ совмѣстному веденію и рѣшенію которыхъ мы были вовсе не подготовлены ни личнымъ опытомъ, ни живыми примѣрами.

Когда въ этихъ будничныхъ рамкахъ мы увидали живого человѣка, казавшагося еще вчера чуть не вершителемъ судьбы Россіи, мы были поражены крайней неожиданностью и глубоко разочарованы. Между тѣмъ будничныя рамки отнынѣ были постоянными рамками для нашихъ душевныхъ проявленій, въ которыхъ, естественно, не могло оказаться ничего ни великаго, ни возвышеннаго. И отнынѣ, какъ бы вздорны и мелочны ни были и эти рамки, и эти душевныя движенія, они должны были неминуемо составлять все содержаніе нашей жизни...

Чрезвычайно рѣдко бываютъ люди,—если только они бываютъ,—гармонически развитые, у которыхъ одни чувства не погашали бы и не заглушали другихъ, или одно и то же чувство одинаково проявлялось во всѣ возрасты и при всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Люди находчивые въ исключительныхъ и необыкновенныхъ обстоятельствахъ теряются передъ пустыми задачами повседневной жизни. И наоборотъ: прекрасно лавирующіе среди этихъ послѣднихъ совсѣмъ теряютъ голову въ рѣшительныя минуты. Люди мужественные до самопожертвованія бываютъ боязливы передъ какой-нибудь ничтожной житейской непріятностью. Люди, способные отказаться отъ всѣхъ житейскихъ соблазновъ и утѣхъ, неспособны пожертвовать ничтожной мелочью или блестящей бездѣлушкой, которая въ данную минуту овладѣла ихъ воображеніемъ. И наоборотъ: чрезвычайно добрые и уступчивые въ мелочахъ тотчасъ становятся скупы и расчетливы, какъ только нужно бываетъ поступиться чѣмъ-нибудь посерьезнѣе.

XXIV.

Эти простыя и повседневныя истины, прекрасно извѣстныя каждому изъ житейскаго опыта, были совершенно неизвѣстны намъ, младенцамъ въ практикѣ жизни, когда свои возвышенныя мечты пришлось намъ прилагать къ житейской дѣйствительности и провѣрять ихъ на ней. Всякая другая, болѣе сложная и серьезная дѣйствительность могла легко вынести эту провѣрку: мы всѣ доказали, что на серьезныя-то вещи мы способны.

Наша же дѣйствительность была не только не серьезна, но и гнетуща, и не только гнетуща, но и сплошь неестественна. Уже не говорю о томъ, что дамы у насъ носили навозъ въ носилкахъ и рубили топоромъ, а мужчины шили, вязали иглой и стряпали. Это, конечно, пустяки и привожу ихъ только ради курьеза. Нѣтъ неестественность была совсѣмъ другого сорта. Всякое общее дѣло, какъ бы оно ни было ничтожно, для своего успѣха требовало общественнаго рѣшенія и общественнаго осуществленія. Мы же составляли, такъ сказать, общество въ идеѣ, а не въ натурѣ, потому что въ натурѣ мы все время были разъединены и считали верхомъ свободы, если 6 человѣкъ могли сойтись вмѣстѣ обсуждать свои дѣла и, порѣшивши на чемъ-нибудь, уступить это мѣсто для другой шестерки, которая могла рѣшить то же дѣло, какъ разъ наоборотъ.

Благодаря этому, невозможно было ни убѣждать другъ друга, ни уяснять положеніе вещей. Благодаря этому неизбѣжны были ложные шаги, сомнительные опыты и вѣчныя недоразумѣнія, связанныя со взаимными непріятностями. А такъ какъ народъ у насъ былъ по природѣ горячій,—одиночка же не только не располагала къ сдержанности, а напротивъ отучала отъ нея и держала всѣхъ въ состояніи хроническаго раздраженія,—то при всякомъ взаимномъ

столкновеніи горячность переходила въ рѣзкость, вызывала соотвѣтствующій откликъ съ другой стороны, обостряла неудовольствія и порождала вѣчныя размолвки и вѣчные «инциденты».

Притомъ же каждый, живя постоянно съ глазу на глазъ со своимъ *я*, привыкши къ самоуглубленію и самосозерцанію, совершенно утратилъ способность входить въ нужды и чувства другихъ, быть внимательнымъ къ нимъ и дѣлать необходимыя уступки, вызываемыя всякимъ общежитіемъ. Вслѣдствіе этого получался тотъ постоянный диссонансъ, съ очень серьезными дефектами, который ставилъ иногда нашу тюрьму на одинъ уровень съ домомъ умалишенныхъ. И жаль, что не было въ то время у насъ психіатра, который позондировалъ бы у всякаго подъ черепомъ и вообще въ центральной нервной системѣ!

XXV.

Кто самъ живалъ или слыхалъ о жизни политическихъ ссыльныхъ или эмигрантовъ, и русскихъ и иностранныхъ, тому покажется все это въ порядкѣ вещей. Что подобныя исторіи—въ порядкѣ вещей и во всякой другой соціальной сферѣ, объ этомъ я ужъ лучше умолчу. Онѣ тамъ меньше замѣтны лишь потому, что каждому открывается полный просторъ—перемѣнить и мѣсто, и лицъ, и самую арену дѣятельности во всякую нужную минуту и даже заблаговременно.

Но надо быть справедливымъ: мы имѣли въ свою пользу больше извиняющихъ обстоятельствъ, чѣмъ кто бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. И безнадежность положенія, и болѣзненная нервность, требующая чисто психіатрическаго ухода, и наконецъ полная невозможность выпрыгнуть изъ тѣсной навязанной обстановки, перемѣнить хоть на короткое время и ее, и надоѣвшія до отупѣнія лица,—все это свойственно было только намъ, и въ полной мѣрѣ исключительно намъ. Были ли у насъ натуры исключительныя и героическія, объ этомъ не намъ судить. Но если бы и такъ, наивно думать, что такимъ натурамъ не свойственны слабости обыкновенныхъ смертныхъ.

Нужно сказать еще, что наиболѣе печальные спутники, порхавшіе вокругъ нашего «общежитія», относились къ тому времени, когда мы только что приступили съ неумѣлыми руками къ организаціи нашей промышленной и вообще хозяйственной жизни, и приступили въ самый неудобный для насъ моментъ: нѣкоторые способы ко взаимному общенію были уже дозволены намъ, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это нужно было для дѣла, хотя въ совершенно достаточныхъ размѣрахъ для нанесенія словесныхъ обидъ и огорченій.

Позднѣе, когда мы свое имущество и свои владѣнія такъ или иначе подѣлили и пользованіе ими урегулировали, когда сношенія наши расширились и стали почти безпрепятственными (за исклю-

ченіемъ *общихъ* собраній, которыя никогда не допускались) и когда мы узнали другъ друга во всѣхъ подробностяхъ, наши взаимныя столкновенія почти совершенно исчезли. Шероховатости сгладились. Каждаго каждый зналъ въ натурѣ, а не въ заоблачной фантазіи, бралъ его какъ онъ есть, со всѣми достоинствами и недостатками, и имѣлъ съ нимъ дѣло постольку, поскольку симпатизировалъ однимъ и брезговалъ другими. А затѣмъ старался обходить всѣ подводные камни, близъ которыхъ въ прошлые годы случались какія нибудь аваріи.

Съ возрастомъ мы немного поумнѣли и поостыли. Кипѣніе въ крови, если и происходило, то не столь бурное. Привыкли смотрѣть на многія вещи трезво, и естественно увидали то, что и должны были увидать, т. е., что наши товарищи по счастью и несчастью—не простыя заурядныя натуры, которыми легко и смѣло можно пренебречь въ случаѣ сосѣдскихъ неудовольствій, а люди во всѣхъ отношеніяхъ весьма богато одаренные, общеніе съ которыми не только неизбѣжно въ силу подневольныхъ условій, но и вполнѣ желательно и пріятно само по себѣ.

Въ то же время, благодаря привычкѣ быть постоянно на людяхъ, такъ какъ многіе лѣтомъ почти цѣлые дни проводили въ компаніи 3—5 лицъ, составъ которыхъ постоянно мѣнялся,—главные недостатки, нажитые одиночкой, сгладились или исчезли, и наши взаимоотношенія вошли почти въ нормальную колею.

XXVI.

Въ годы общественныхъ начинаній, когда наша общественность зарождалась и ей никакъ неудавалось родиться, рѣдкій изъ насъ послѣ какихъ-нибудь особенно громкихъ выступленій, сопровождавшихся „инцидентами“, не забирался опять въ свою скорлупу, гдѣ онъ чувствовалъ себя анахоретомъ и мизантропомъ.

Но время проходило и брало свое: уязвленія рубцевались, заживали и забывались, и вчерашній анахоретъ, взывавшій къ небесамъ о томъ, чтобы они обрушились на грѣшную землю, опять являлся міру и становился болѣе или менѣе частымъ и, конечно, желаннымъ гостемъ „толкучки“, потому что толкучка всегда была бѣдна людьми.

Бывало это и со мной лично. Впрочемъ самъ я вообще проводилъ болѣе или менѣе замкнутую жизнь. Благодаря большей сдержанности и уравновѣшанности характера, я, можетъ быть, рѣже входилъ въ конфликты и потому менѣе другихъ вынесъ «дружескихъ» репримандовъ. Да, наконецъ, гдѣ и какая жизнь совершенно обходится безъ нихъ?

Какъ и всякій другой, съ однимъ я былъ болѣе близокъ, чаще встрѣчался, разсуждалъ, спорилъ и откровенничалъ, чѣмъ съ другими. Но всегда чувствовалъ, что настоящее сближеніе между людьми можетъ развиться и упрочиться только на какомъ-нибудь общемъ

дѣлѣ, постоянно поддерживающемъ и закрѣпляющемъ общность чувствъ, идей и симпатій.

А именно дѣла-то этого у насъ и не было, и его-то жаждали мы больше всего и упорнѣе всего.

XXVII.

Въ концѣ же концовъ, мы, какъ водится, тѣсно сжились другъ съ другомъ и разстались добрыми товарищами. Особенно этому помогли послѣдніе $2^1/_2$ года, когда мы опять вступили въ эру репрессій и намъ угрожала не только безнадежность, которую явно стали подчеркивать («выходъ отсюда зависитъ де отъ васъ самихъ, и *только* отъ васъ»), но и новый циклъ страданій, о которыхъ мы давно уже успѣли забыть, а заботливое начальство успѣло вспомнить и вздыхало о нихъ съ сожалѣніемъ, обѣщая вернуть ихъ обратно.

И вообще слишкомъ ощутительно и постоянно было давленіе, подъ которымъ мы жили. Оно невольно сплачивало насъ независимо отъ мимолетныхъ и преходящихъ огорченій.

И мы вышли дружеской семьей, съ чувствами сердечной пріязни другъ къ другу, и въ тѣмъ болѣе приподнятомъ настроеніи, что выходили мы, старики, всѣ сразу, и не имѣли несчастья пережить муки выходившихъ ранѣе насъ, которые покидали въ тюрьмѣ всѣхъ старыхъ товарищей и потому не могли радоваться свободѣ, ожидающей только ихъ лично.

Нашъ возрастъ уже не таковъ, чтобъ давать мѣсто изліяніямъ и экспансивности. Но, быть можетъ, я не ошибусь, если сдѣлаю обобщеніе и скажу за всѣхъ, что мы разстались другъ съ другомъ въ Петропавловской крѣпости не безъ истинной грусти, сознавая, что разстаемся, быть можетъ, на вѣки. Чувствовалось, что предъ каждымъ открывается совершенно новая жизнь, сложная и богатая необычайнымъ обиліемъ впечатлѣній, сулящая новыя связи и новыя дружескія отношенія, за которыми старыя совершенно поблекнутъ и станутъ только предметомъ досужихъ и рѣдкихъ воспоминаній.

Выборгъ,
Іюль 1906 г.

М. Новорусскій.

Въ Шлиссельбургской крѣпости.

ЧѢМЪ ЖИЛИ МЫ?

Счáстливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны:
Счáстливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.

Минскій.

I.

Послѣ болѣе или менѣе длинныхъ описаній того, какъ внѣшне слагалась наша жизнь, чѣмъ она наполнялась и что составляло ея матеріальное содержаніе, я чувствую необходимость въ интересахъ полноты своихъ записокъ, поставить такой вопросъ, которымъ я озаглавилъ этотъ очеркъ.

Читатель вправѣ спросить меня: Неужели ваши парники и огороды, верстаки и станки удовлетворяли васъ? Неужели вы похоронили въ себѣ живого человѣка и превратились въ рабочую машину, годную только для производства овощей и шкафовъ хотя бы и усовершенствованныхъ? Или вы сдѣлались читающимъ аппаратомъ, фонографомъ, что-ли, который считываетъ одинаково равнодушно и безжизненно всякую рѣчь или піесу, которую на него ни положатъ? Не отупѣли-ли вы безнадежно отъ многочтенія безсистемнаго, безпочвеннаго и безжизненнаго? Былъ ли у васъ хоть какой-нибудь жизненный пульсъ, который согрѣвалъ вашу душу и охранялъ отъ опасности превратиться въ слабоумное животное, тянущее жизнь чисто растительную по рутинѣ и по инерціи?

II.

Бываютъ и теперь анахореты по призванію, которые отрекаются отъ міра и всѣхъ прелестей его и проводятъ жизнь въ молит-

вѣ и созерцаніи. Это—люди особаго душевнаго склада, у которыхъ всякое зло вызываетъ не двигательный актъ, моментально его уничтожающій или ставящій ему серьезныя преграды, а мозговую рефлексію, быть можетъ также сердечное сокрушеніе слабаго напряженія, словомъ—легкую внутреннюю зыбь, тихо волнующую и легко замирающую въ душѣ, неспособной быстро воспламеняться, негодовать и бороться.

Люди такого склада могли бы легко прожить въ нашей тюрьмѣ, предаваясь мечтаніямъ, самоуглубленію и поочередно—то самобичеванію, то самоуслажденію, отъ сознанія достигнутыхъ успѣховъ въ укрощеніи своихъ зловредныхъ помысловъ. Вѣдь гдѣ абсолютно нѣтъ никакихъ новыхъ соблазновъ, а старые отодвигаются съ каждымъ часомъ все дальше и дальше въ область забвенія, тамъ помыслы легко замираютъ сами собой, и война съ ними становится очень легкой и, конечно, побѣдоносной.

Не такова натура была у громаднаго большинства изъ насъ. Мы не только не могли и не хотѣли уходить куда бы то ни было и отъ житейскихъ золъ, и отъ земныхъ соблазновъ, а совершенно сознательно приступили къ изученію ихъ природныхъ причинъ съ тѣмъ, чтобы отыскать путь къ ихъ устраненію. И не только отыскать и указать эти пути всякому вопрошающему, но и самимъ проложить ихъ, сдѣлавши первые шаги, всегда трудные, и не всегда вѣрные и правильные.

Для людей такой категоріи, дѣятельныхъ, рвущихся, энергичныхъ по природѣ, не могли выдумать сильнѣе и жесточе наказанія, какъ обречь ихъ на пожизненное бездѣйствіе и не дать имъ даже суррогата живого общественнаго дѣла.

Такое дѣло, конечно, нашлось бы, безъ всякаго ущерба для тюремнаго режима въ странѣ, необыкновенно бѣдной интеллектуальными силами и еще болѣе бѣдной духомъ иниціативы и предпріимчивости. Начиная отъ простыхъ цыфровыхъ работъ надъ сводкой статистическаго матеріала, и кончая постановкой какихъ нибудь микроскопическихъ, физіологическихъ, даже хозяйственныхъ опытовъ, нашлось-бы широкое и разностороннее поле для приложенія богатыхъ духовныхъ способностей, которыя заключены были пожизненно въ Шлиссельбургѣ и обречены на вымираніе съ чисто дьявольскимъ человѣконенавистничествомъ и зложелательствомъ.

Наши враги окрестили насъ врагами народа и, конечно, не могли допустить, чтобы мы сдѣлали что-нибудь полезное для своей родины и тѣмъ огласили, что сердце наше бьется любовію къ ней, и что мы горимъ постояннымъ желаніемъ быть для нея полезными хоть какъ нибудь, и хоть въ чемъ нибудь. Притомъ же умы, привыкшіе ходить только по рутинѣ, неспособны были допустить, чтобы тюрьма была чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ фабрики терпѣнія, и чтобы въ ней процвѣтало что-нибудь другое, кромѣ сплошного страданія и торжества Немезиды, карающей слѣпо и безъ милосердія.

III.

И намъ оставалось страдать и *въ самомъ страданіи находить источникъ силъ*, необходимыхъ для долголѣтняго существованія.

Всякое страданіе, какъ бы велико оно ни было, имѣетъ одинъ постоянный недостатокъ: ему свойственно притупляться и, значитъ, исчезать. Какъ бы сознавая эту истину, наши власти дѣлали его прерывистымъ. Говорятъ, что такъ дѣлали и истинные инквизиторы: пытаютъ, а затѣмъ дадутъ отдохнуть измученному пыткой, или даже залечатъ его раны, съ тѣмъ, чтобы опять примѣнить ту же самую, или новаго рода пытку. Точно также и у насъ: не было, кажется, ни одной «льготы», которая давалась бы намъ навсегда и не подвергалась затѣмъ временному упраздненію. Если ее не упраздняли совсѣмъ, то многократно угрожали упразднить и, значитъ, держали насъ подъ постояннымъ страхомъ—лишиться того, что стало уже привычнымъ и необходимымъ, и начать снова пріучаться къ терпѣнію.

Какъ ни малы были сами по себѣ эти «льготы», онѣ представляли собой тотъ minimum житейскихъ благъ, на которомъ мы могли еще помириться и ниже котораго жизнь была бы не въ моготу и началось бы сплошное вымираніе. А потому для насъ онѣ не только не были ничтожны сами по себѣ, а напротивъ представляли высокую цѣнность: отстаивая ихъ, мы также имѣли дѣло съ вопросомъ жизни и смерти, какъ и рабочіе, рѣшающіеся на всѣ опасности забастовки ради прибавки какихъ нибудь 5 коп. заработной платы въ день. Словомъ, у насъ была въ своемъ родѣ та же борьба за существованіе, хоть и размѣненная на мѣдную монету. Эта борьба за modus vivendi, за право стучать, гулять, писать, читать и говорить была та же самая борьба за свободы, хотя и въ страшно миньятюрномъ видѣ.

Вспоминая о всѣхъ лишеніяхъ, съ какихъ началась наша тюремная жизнь, я не могу достаточно надивиться той колоссальной силѣ сопротивляемости, которой одаренъ каждый организмъ противъ разрушительныхъ вліяній. Сдѣлано было, кажется, все, чтобы разрушить его поскорѣе: ни воздуху, ни свѣту, ни пищи, ни дѣятельности,—ни умственной, ни физической. И все-таки, кто не заболѣвалъ тотчасъ же тяжелой формой цынги, тотъ ухитрялся какъ то приспособляться ко всѣмъ этимъ невозможнымъ условіямъ. И только судорожные порывы и вспышки противъ того или другого наиболѣе губительнаго лишенія говорили и о размѣрахъ страданія, и о чисто рефлективныхъ попыткахъ освободиться отъ него.

На волѣ, слушая мои разсказы, нѣкоторые откровенно заявляли: «я бы не вынесъ этого»... Не знаю, былъ ли это комплиментъ по адресу нашей стойкости, или недостаточное знакомство съ собственными силами. Думаю, что иногда и невѣроятное становится возможнымъ: у насъ тоже сомнѣвались въ своихъ силахъ и, можетъ быть, всѣ задаютъ теперь сами себѣ тотъ же недоумѣнный вопросъ:

— Неужели я могъ все это вынести?

IV.

Ниже я еще буду говорить объ этой своеобразной *политической* борьбѣ въ тюрьмѣ. Теперь же я напомню еще, что вѣдь и ближайшіе враги, непосредственные объекты для борьбы, у насъ были тѣ же, что и на волѣ.

Точно нарочно, для двухъ политическихъ тюремъ въ Россіи, у насъ и на Карѣ, почему то учредили стражу исключительно изъ жандармовъ. Точно разчетъ былъ на то, чтобъ самый видъ ихъ ежедневно напоминалъ намъ, въ чьихъ рукахъ мы находимся и кому обязаны высокою честью страдать за свободу родины.

Вѣдь могло же правительство за такія деньги найти достаточно людей любой категоріи, которые «вѣрой и правдой» служили-бы ему, какъ служатъ напр. теперь въ Крестахъ! Вѣдь служили же вѣрой и правдой Людовику XVI-му наемные швейцарцы; и даже душу свою положили въ защиту его абсолютной власти противъ его народа, который выросъ изъ пеленокъ и пожелалъ ходить безъ нянекъ. Со временъ Ирода, царя іудейскаго, бывало великое множество людей, которые, давши присягу снести съ плечъ чужую голову, считаютъ своимъ священнымъ долгомъ *такую* клятву исполнять буквально и безъ малѣйшаго колебанія!

Нѣтъ, насъ не довѣрили никому другому, и мы по прежнему были въ рукахъ Жандармскаго Корпуса. Чины его охотились за нами на волѣ и успѣшно поймали, обнаруживши при этомъ всѣ типичнѣйшіе пріемы и духовныя черты охотника за цѣнной дичью. Чины его затѣмъ вели все слѣдствіе и старались доказать, что первые чины, арестовавшіе насъ, дѣйствительно взяли опаснѣйшихъ людей и за это заслуживаютъ награды. Чины его, далѣе, предрѣшали судебный вердиктъ и тѣмъ доказывали, что слѣдователи отнюдь не ошибались, направляя дѣло къ жестокому возмездію. Чины его содѣйствовали затѣмъ заключенію насъ въ Шлиссельбургъ, удостовѣряя тѣмъ, что мы дѣйствительно такіе ужасные и опасные люди, за которыхъ признали насъ прежніе чины. И, наконецъ, чины же его берегли насъ въ тюрьмѣ, ежемѣсячно подтверждая въ своихъ отчетахъ, что всѣ имѣющіе съ нами дѣло чины не только не ошиблись, но и безусловно достойны всякаго одобренія за свою проницательность, усердіе и ревность въ дѣлѣ искорененія крамолы и поддержанія тишины и спокойствія.

И если-бы кто могъ сосчитать, сколько лицъ этого Корпуса, благодаря такому своеобразному круговому ручательству, погрѣло возлѣ насъ руки! И если-бы какой историкъ могъ теперь же изобразить, сколько Государственныхъ мужей выковало свою «блестящую» политическую карьеру исключительно на нашихъ спинахъ!

Понятно, было-бы очень рискованно передать насъ въ руки какого нибудь другого вѣдомства, которое могло-бы, чего доб-

раго, не только свести на смарку всю предыдущую работу, но и доказать, что все, что прежде считалось проницательностью и усердіемъ, было сплошной ошибкой или искуснымъ гешефтомъ опытныхъ дѣльцовъ, набившихъ себѣ руку въ снисканіи земныхъ благъ путемъ благовиднаго и болѣе или менѣе сокровеннаго истребленія своихъ ближнихъ.

V.

Въ свою очередь мы, оставаясь въ той же самой жандармской атмосферѣ, совершенно не замѣчали, что наша революціонная жизнь давно и безповоротно кончилась, что мы не только обезоружены и выбиты изъ колеи, но связаны и обречены на одно безмолвное вымираніе. Мы не замѣчали этого, или забывали про это, потому что видѣли надъ собой ту же властную жандармскую десницу, которая и прежде вездѣ хватала направо и налѣво, слышали ежечасно тотъ же незабываемый во вѣки звонъ шпоръ, который для каждаго гражданина издавна служитъ глашатаемъ безправія и спутникомъ всякаго акта, въ которомъ нужно учинить явное беззаконіе.

Съ формальной стороны, мы были осуждены судомъ. Надъ нами была продѣлана нѣкая юридическая манипуляція, которая, будь она образцомъ законности и правового сознанія націи, могла бы дѣйствовать убійственно на насъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Всякій изъ насъ чувствовалъ себя и до суда и послѣ суда во власти одного грубаго произвола, который для приличія прикрывается фиговымъ листкомъ писанныхъ законовъ, но которому совершенно чужды жизненный смыслъ всякихъ писанныхъ законовъ, именно *внутренняя* правда.

VI.

Бороться съ правительствомъ, которое стоитъ на стражѣ закона, и которое своимъ уваженіемъ къ закону и подчиненіемъ ему первое даетъ образецъ для дѣятельности и подчиненныхъ органовъ, и всѣхъ подданныхъ,—бороться съ такимъ правительствомъ едвали возможно путемъ насилія. Въ сознаніи всякой революціонной группы оно стоитъ неуязвимо, потому что оно дѣйствуетъ только какъ слуга закона и, въ силу этого, за свои дѣйствія совершенно неотвѣтственно. Даже болѣе, за свои дѣйствія по службѣ, злоупотребленія, опущенія и превышенія власти оно отвѣтственно передъ закономъ.

Совершенно другого рода психика складывается въ странѣ, гдѣ правительство поставило само себя на мѣсто закона и орудуетъ вездѣ и во всемъ руководясь однимъ усмотрѣніемъ. Та критика и тѣ чувства, которыя въ первомъ случаѣ были-бы направлены противъ безличнаго закона и въ концѣ концовъ, вели бы только къ измѣненію или замѣнѣ его, здѣсь всецѣло направлены про-

тивъ правящихъ лицъ. Онѣ становятся отвѣтственны за все и передъ всѣми, потому что сами себѣ узурпировали автократическій образъ дѣйствій, сами себя поставили на мѣсто закона и даже выше закона.

Въ свою очередь тѣ, кто вооружается на нихъ, не можетъ чувствовать за собой отвѣтственности. Чувства отвѣтственности передъ закономъ въ немъ не воспитала вся россійская дѣйствительность, руководимая народной мудростью: законъ, что дышло: куда повернулъ, туда и вышло». Какъ я буду отвѣчать передъ закономъ, когда передъ нимъ не отвѣчаютъ ни сами творцы закона, ни исполнители его!

Чувства же отвѣтственности передъ лицами, держащими въ рукахъ безотвѣтственную власть, не можетъ быть по самому существу дѣла. Чувство отвѣтственности можетъ относиться къ какому-нибудь верховному авторитету, воля котораго стоитъ выше индивидуальной воли, и правда котораго безупречна и незыблема. Тѣ же лица, которыя прежде чѣмъ вызвали противъ себя революціонную войну, вооружили предварительно противъ себя значительную часть общества негодованіемъ и возмущеніемъ, тѣ лица не могутъ претендовать ни на какой авторитетъ, ни на какое уважительное отношеніе.

VII.

А потому судебная процедура, въ сознаніи всѣхъ насъ, независимо отъ фактическаго участія или неучастія въ дѣлѣ, была одной пустой комедіей, которую нужно было зачѣмъ-то продѣлать для видимости. Сами устроители ея забывали про нее тотчасъ же, какъ только она оканчивалась. Они тотчасъ же начинали дѣйствовать по усмотрѣнію, независимо отъ судебнаго рѣшенія, отправляя одного изъ «каторжниковъ» въ Сибирь, а другого въ Шлиссельбургъ, гдѣ условія отбыванія сроковъ совершенно различны, а значитъ, различно и самое возмездіе. Въ ушахъ еще звучало: «каторжныя работы безъ срока», и притомъ «въ рудникахъ», какъ добавлялъ отъ себя читавшій оффиціальную бумагу, а ужъ другой приговоръ, совершенно независимый отъ суда, и совершенно вопреки ему, заготовлялъ пароходъ и направлялъ осужденныхъ въ вѣчное заточеніе, о которомъ въ законахъ нигдѣ ни слова не сказано.

Переживши такую судебную процедуру съ административнымъ этапомъ, всякій изъ насъ оставался на всю жизнь съ прочно установившимся самочувствіемъ, что гнететъ тебя сила произвола правда совершенно непреодолимая, но все-таки одна грубая сила, безъ малѣйшей нравственной или строго юридической санкціи.

VIII.

Таково было самочувствіе, съ которымъ очутились мы въ безвыходномъ положеніи на всю жизнь. Мы были очень молоды, и

вся жизнь была впереди. Терминъ «безсрочная» каторга въ приложеніи къ этой молодой жизни звучалъ какъ то особенно внушительно, потому что обѣщалъ при «благопріятныхъ обстоятельствахъ заключеніе лѣтъ на 50. И я помню, съ какимъ особеннымъ интересомъ я остановилъ вниманіе у Соловьева на какомъ-то князѣ Рюриковичѣ, который просидѣлъ будто бы въ Кіевѣ въ заключеніи ровно 50 лѣтъ.

Не надо было ходить такъ далеко. Но тогда я еще не зналъ, что въ той же самой Шлисельбургской крѣпости, всего за 20 лѣтъ до моего вступленія въ нее, умеръ человѣкъ, прожившій въ ней 38 лѣтъ, котораго не коснулись ни «милости», ни «свободы» либерализма 60-хъ гг.

И хорошо, что не зналъ этого, потому что такой «прецедентъ» пришлось бы долго переваривать.

Ни милости, ни свободы Шлисельбурга не касаются. Впослѣдствіи мы убѣдились, что въ отношеніи насъ продолжается здѣсь та же традиціонная политика.

«Никакихъ снисхожденій своимъ врагамъ» — этотъ девизъ абсолютизма остается на вѣки неизмѣннымъ. — Ни время, ни пространство, ни національность не дѣйствуютъ на него. Бастилія и Шпильбергъ, крѣпость св. Ангела (въ Римѣ) и Неаполитанскія тюрьмы—все это одинаково безчеловѣчно, одинаково свирѣпо и одинаково проникнуто духомъ непримиримой ненависти къ личнымъ врагамъ, дерзнувшимъ усумниться въ святости грубаго произвола и безконтрольнаго грабежа и растраты народнаго достоянія. Всюду одинаково царила воля одного, и всюду одинаково эта воля была непреклонна и вѣрна одному и тому же принципу: никогда не прощать своимъ врагамъ.

Въ общемъ такія свойства этой воли были извѣстны намъ давно и не составляли секрета съ первыхъ-же дней, какъ мы попали въ ея полное распоряженіе. Детали мы потомъ узнавали изъ исторіи. И если читали, что такой-то нѣмецкій герцогъ еще 60 лѣтъ назадъ въ центрѣ Западной Европы и въ прославленной своимъ просвѣщеніемъ Германіи заставлялъ своихъ политическихъ враговъ, ввергнутыхъ имъ въ узилище, падать ницъ передъ своимъ портретомъ, который спеціально для этого приносили въ камеру, то мы испытывали нѣкоторое чувство удовлетворенія при мысли о томъ, что даже въ герцогскія души прогрессъ можетъ проникнуть и черезъ 60 лѣтъ сдѣлать невозможнымъ кое что изъ арсенала ихъ политической мудрости, практиковавшагося невозбранно и, конечно, съ одобрѣнія ближайшихъ совѣтниковъ.

IX.

Такимъ образомъ, не только ясное сознаніе произвола, вынесенное изъ всей процедуры, предшествовавшей поселенію въ эту тюрьму, но и явственное предчувствіе господства этого произвола въ нашей дальнѣйшей жизни составляло, такъ сказать, тѣ сердеч-

ные тоны, которые сопровождали біеніе пульса нашей жизни, ни на минуту не покидая его. Если къ этому прибавить еще, что пріѣзжающіе чины, время отъ времени, напоминали намъ русскимъ языкомъ, что здѣсь—могила; что многіе чины, особенно мѣстной администраціи, многократно подчеркивали, что выходъ отсюда находится въ нашихъ собственныхъ рукахъ, и что двери тюрьмы могутъ открываться передъ нами только при условіи, если умѣючи да умненько взяться за дѣло; то этимъ точно будетъ обрисована та атмосфера, въ которой суждено было произрастать нашимъ надеждамъ на счастливое будущее и перемѣны въ личной судьбѣ.

X.

Что эта надежда была и никогда не умирала, объ этомъ я упоминалъ уже. Состояніе безнадежности, какъ общее и постоянное явленіе, невозможно для человѣка. Оно можетъ „находить" и длиться часами, можетъ продолжаться нѣсколько дней подрядъ. Но не можетъ сдѣлаться непрерывнымъ. Это не въ природѣ человѣка, также какъ не въ природѣ человѣка—думать постоянно о своей смерти.

„Живой живое и думаетъ". И весь мозговой аппаратъ человѣка служилъ искони и служитъ теперь только для того, чтобы оріентироваться *въ жизни*, поддерживать и расширять жизнь, а отнюдь не уничтожать. Минуты приготовленія къ смерти, которыя переживаетъ каждый человѣкъ, можетъ быть, не одинъ разъ въ жизни, суть только минуты и доступны только или тому, кому угрожаетъ внезапно непредвидѣнная смерть, или же тому, кто стоитъ у грани жизни, на краю естественной могилы.

Точно также у насъ не могло быть постояннымъ и сознаніе безнадежности, и состояніе отчаянія, потому что оно отрицаетъ жизнь, пресѣкаетъ ее, и притомъ не въ преддверіи гроба, а при полномъ расцвѣтѣ юношескихъ силъ, живой напоръ которыхъ повелительно внушалъ мысль о продолжительной жизни, о торжествѣ ея, о побѣдѣ, о счастьи и волѣ, о всемъ томъ, что теперь недоступно, что заповѣдано и заказано и семью печатями запечатано.

Надежда была смутная, неувѣренная, непостоянная и колеблющаяся, но она была и не могло не быть ея, потому что состояніе непрерывной безнадежности не свойственно здоровой человѣческой организаціи. Соотвѣтственно этому двойному вліянію, т. е. субъективному протесту противъ безнадежности и объективному отрицанію всякихъ надеждъ, колебалось и наше внутреннее настроеніе. И несмотря на преобладающій повышенный и оптимистическій тонъ, въ него повелительно вторгались диссонансомъ нерѣдкія ноты грусти, уныніе и общей подавленности, при которой все представлялось въ мрачномъ и безутѣшномъ видѣ. Но „полоса" эта, какъ туча, проходила, и вновь на душѣ свѣтилось солнце, вновь торжествовали живыя силы организма, и вновь мерцали надежды...

XI.

Если бы дѣло шло только о надеждахъ, при полномъ отсутствіи объективныхъ данныхъ въ пользу или противъ этихъ надеждъ, то вышеприведенной ссылкой на природу человѣка можно бы и закончить. Но мы какъ разъ напротивъ были обставлены намѣренно такими жизненными условіями, которыя должны были погасить насильственно всѣ надежды, за отсутствіемъ для нихъ какихъ бы то ни было реальныхъ или видимыхъ основаній. Питать надежды, находясь въ рукахъ, неспособныхъ на великодушіе, питать надежды вопреки яснымъ заявленіямъ авторитетныхъ властей, всецѣло располагающихъ нашей судьбой, можно было людямъ или неискоренимаго оптимизма, или фанатическаго самообольщенія. Сторонній человѣкъ, можетъ быть, сказалъ бы, что для этого нужно было имѣть недюжинную натуру, неизсякаемый запасъ духовной мощи, болѣе чѣмъ незаурядный умъ и непоколебимую убѣжденность въ правильности соціальнаго діагноза и вѣрности избраннаго пути, того пути, который одни называютъ преступнымъ, а другіе героическимъ.

Не легко было хранить этотъ спеціальный огонь безъ потуханія, когда всякій горючій матеріалъ для него тщательно и сознательно къ намъ не допускался. Понимали вѣдь наши враги, что всякое свѣдѣніе, о новыхъ ли дефектахъ правительственной системы, которые наши властители ухитрялись скрывать отъ большой публики вплоть до Цусимы, о взрывѣ ли гдѣ нибудь наболѣвшихъ чувствъ противъ возмутительныхъ репрессій,—что всѣ эти свѣдѣнія подливаютъ масла въ нашъ немеркнувшій огонь. Нужно было напр. видѣть наши лица при вѣсти объ убійствѣ Плеве, творца и зиждителя всего нашего застѣнка.

Да, нелегко было при этихъ условіяхъ бодрствовать непрерывно со свѣтильникомъ въ рукахъ, не давать ему потухнуть и ждать прихода жениха, который всегда является „яко тать въ нощи“ и часто, очень часто, сильно запаздываетъ.

XII.

И не было у насъ примѣра, чтобы у кого нибудь этотъ свѣтильникъ окончательно погасъ. Напротивъ, были примѣры, когда потухалъ самый разумъ, а свѣтильникъ все таки горѣлъ... Не было примѣра, чтобы кто нибудь извѣрился окончательно, истощенный безплоднымъ и безконечнымъ ожиданіемъ, и сказалъ бы себѣ откровенно и рѣшительно: „нѣтъ, я не вѣрю въ наступленіе переворота! Нѣтъ, я не вѣрю въ близость революціи на Руси, не вѣрю, что когда нибудь еще при моей жизни

„Взойдетъ она
Заря плѣнительнаго счастья...“

Не было примѣра, чтобы кто нибудь поставилъ крестъ надъ увлеченіями своей молодости и обратился къ своимъ врагамъ съ робкимъ просительнымъ или смѣлымъ и беззастѣнчивымъ заявленіемъ: «Да, я ошибался, и вполнѣ сожалѣю объ этомъ.»

XIII.

Зато, съ какою затаенною страстью предавались мы изученію историческихъ сочиненій! Съ какимъ жгучимъ чувствомъ не просто научной любознательности, а чувствомъ почти религіознаго вѣрованія. отыскивали мы въ книгѣ все, что могло служить хоть косвеннымъ, хоть отдаленнымъ аргументомъ въ пользу того, что все таки земля вертится, что все таки прогрессъ идетъ впередъ, съ неодолимой настойчивостью разрушая всѣ преграды, и что все таки всѣ народы всегда въ концѣ концовъ завоевываютъ себѣ свободу и перестаютъ считать преступнымъ стремленіе къ ней и борьбу за нее.

А когда же получили, наконецъ, журналы, хотя бы и убогіе,—съ какой пытливостью набрасывались въ нихъ на внутреннюю политическую хронику съ затаенной надеждой отыскать тамъ хоть какой нибудь намекъ, хоть отдаленное напоминаніе о томъ, что русская нація не задушена въ тискахъ политическаго рабства, что русскій геній не забитъ наглухо въ колодки, что все идетъ къ тому же концу и что конецъ этотъ одинъ—народная воля!

Въ этомъ отношеніи всѣ ухищренія властей—оградить насъ отъ тлетворныхъ вѣяній зловредныхъ книгъ, не только разбивались прахомъ,—какъ разбивались они повсюду въ Россіи,—но играли какъ разъ обратную роль. Чѣмъ меньше было книгъ, тѣмъ тщательнѣе мы ихъ изучали. Чѣмъ тщательнѣе изучали, тѣмъ больше размышляли и фантазировали.

Въ книгахъ мы видѣли не только то, что тамъ было написано, но и то, чего тамъ не было написано, и что мы отыскивали, руководясь намеками и недомолвками. Мы не только читали автора, но разбирали его по косточкамъ и дополняли на основаніи тѣхъ крупицъ, которыя тщательно извлекали изъ другихъ авторовъ и старательно выписывали себѣ въ тетрадь для памяти. Эти выписки, собранныя по микроскопическимъ крохамъ, дѣйствовали тѣмъ внушительнѣе на убѣжденіе, что онѣ собраны были съ затратой большого труда. Тяжесть аргументовъ субъективно чувствовалась увѣсистѣе въ зависимости отъ величины усилій, потраченныхъ на ихъ собираніе.

Когда, напр., человѣку въ нормальныхъ условіяхъ нужна бываетъ цыфра желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, онъ беретъ какой нибудь справочникъ и находитъ ее тамъ. А когда она понадобилась мнѣ, я бралъ карту Россіи, бумажку и карандашъ и аккуратно вымѣривалъ длину всѣхъ линій масштабомъ карты, дѣлалъ соотвѣтственное умноженіе и получалъ общую величину всей сѣти въ тысячахъ верстъ. Такъ добытая цыфра тверже помнилась и гораздо больше импонировала.

Не приводили къ цѣли и планомѣрныя усилія нашихъ враговъ— изгонять отъ насъ всякую книгу, въ которой встрѣчались слова: свобода, конституція, революція, соціализмъ и соціологія. Кстати сказать, два послѣднихъ слова они, очевидно, смѣшивали и совершенно не умѣли различать термины «соціальный и соціалистическій». Чѣмъ рѣже попадались эти слова, тѣмъ заманчивѣе становились соединенныя съ ними понятія. Самый же фактъ недопущенія къ намъ литературы по соціальнымъ вопросамъ дѣйствовалъ на насъ гораздо убѣдительнѣе многихъ трактатовъ, ибо для насъ было давно, а теперь и для младенца стало ясно, что на Руси запрещаютъ только ту литературу, противъ которой литературныхъ аргументовъ не находится.

XIV.

Если авторъ былъ отрицательнаго направленія, боролся со всѣми преступными «измами», начиная съ либерализма, онъ шилъ свой трактатъ, какъ водится, бѣлыми нитками и давалъ намъ поэтому неистощимый запасъ аргументовъ противъ самого себя, и тѣмъ самымъ еще больше укрѣплялъ наши позиціи и поддерживалъ насъ въ увѣренности, что основы нашихъ воззрѣній правильны и что будущее принадлежитъ намъ и нашимъ идеямъ.

И напр. самый ярый защитникъ невѣрія не могъ ничего лучшаго придумать для насажденія его, какъ людямъ, извѣдавшимъ всѣ тайны міросданья, доступныя современному уму, дать Четьи-Минеи со всѣми ихъ скандалезными баснями и духовные журналы 40-хъ гг., гдѣ легковѣріе и суевѣріе ставилось во главу угла и гдѣ преподносились читателю съ видомъ глубокаго убѣжденія въ истинности разныя сказки и небылицы, разсказчику которыхъ никогда не было вѣдомо, что такое критическое мышленіе и въ чемъ состоитъ научная дисциплина, именуемая исторической критикой.

А это-то чтеніе именно и поощрялось у насъ въ первые годы, какъ «духовнонравственное» и назидательное. И такъ какъ ничего другого, кромѣ него, не давалось, и мысль не была занята ничѣмъ серьезнымъ, то мы со всею тяжестью развитого, изстрадавшагося отъ голода мозга и обрушивались на дѣтскія сказанія этихъ писаній, которыя, несмотря на ихъ наивность, предназначались отнюдь не для младенцевъ, а для убѣжденія заблуждающихся и инакомыслящихъ.

Понятно, въ этихъ писаніяхъ не только не оставалось камня на камнѣ отъ разрушительной дѣятельности критически настроеннаго человѣка, запертаго въ стѣнахъ и лишеннаго всѣхъ другихъ вліяній, но они давали еще обильный источникъ самыхъ забавныхъ и пикантныхъ курьезовъ, благодаря которымъ все «духовное», какъ нѣчто спецефически затхлое, подвергалось самому веселому вышучиванью.

XV.

Даже *библія* давала человѣку, чувствующему на себѣ ежеминутно грубую силу идейнаго и тѣлеснаго плѣненія, не то, что вычитываютъ въ ней благодушные мирные обыватели, жизнь которыхъ хорошо смазана житейскими благами и течетъ гладко и елейно.

Въ ней наши читатели искали и въ изобиліи находили всякаго рода борьбу,—борьбу съ беззаконіемъ и неправдой, съ угнетателями и насильниками, борьбу за попранныя права, борьбу кровавую и безпощадную съ истребленіемъ всякаго противника національныхъ интересовъ и нормальнаго развитія народа, борьбу насильственную съ одной стороны и идейную съ другой,—величественную борьбу еврейскихъ пророковъ, этихъ «самозванныхъ» энтузіастовъ, «самочинныхъ» выходцевъ изъ нѣдръ народа, въ рубищахъ и вретищахъ, презираемыхъ и избиваемыхъ своими же царями и, несмотря на преслѣдованія, съ еще большимъ дерзновеніемъ возвышающихъ свой голосъ, полный огня и грома, обличенія и негодованія, угрозы и укоризны. Наконецъ, находили тамъ борьбу всего народа за свое національное самоопредѣленіе, за свою свободу и независимость, за свои права и привилегіи, не считаясь ни съ силой иноплеменныхъ завоевателей, ни съ продолжительностью узаконеннаго ими господства, ни съ доктриной, правда тогда еще не существовавшей, будто «нѣсть власть, аще не отъ Бога».

Словомъ, вездѣ борьба и борьба, вездѣ дерзновеніе во имя священныхъ и возвышенныхъ интересовъ народа, вездѣ вражда противъ всего, что сковываетъ и уродуетъ правильную и закономѣрную жизнь родной страны, и всюду мученичество и страданіе за идею и страстное алканіе попранной и униженной правды.

Такимъ образомъ, библія давала несомнѣнное утѣшеніе въ мысли, что судьба дерзкихъ агитаторовъ, неумѣющихъ ходить избитыми, широкими и гладкими путями, споконъ вѣку всюду одна и та же. Поэтому она не только не доводила до «раскаянія», до смиренія и покорности, а напротивъ, какъ и всякая свѣтская литература, лишь укрѣпляла мысль въ томъ же направленіи. И наши читатели послѣ нея оставались въ прочномъ убѣжденіи, что даже еслибы очи наши и не удостоились узрѣть исполненія нашихъ завѣтныхъ желаній, дерзновенное стремленіе къ осуществленію ихъ есть, дѣйствительно, священный долгъ всякаго, кто почувствовалъ внутри голосъ своего Бога, зовущаго его на этотъ крестный путь.

XVI.

И такъ наша мысль неизмѣнно продолжала работать въ разъ принятомъ направленіи, читали ли мы зажигательную исторію Европы Шлоссера, который чуть не всѣхъ королей пригвождалъ

къ позорному столбу за «неслыханную» жестокость, «безумное» мотовство и «безсмысленный» развратъ; или, за отсутствіемъ романовъ, просматривали Четьи Минеи, гдѣ чуть не всякое описаніе мученическихъ подвиговъ проповѣдывало неуваженіе къ властямъ, такъ какъ тамъ ставилась мученику въ особую доблесть, если онъ «плюну въ лицо игемона съ дерзновеніемъ»; или, наконецъ, поучались въ чтеніи свящ. Писанія, гдѣ разсказывалось, что и съ фараонами, и съ израильскими царями и царицами, въ случаѣ надобности, практиковалась очень крутая расправа.

Всюду мы находили, что дѣло дерзающихъ во имя блага родины, хотя бы и попадающихъ потомъ въ плѣнъ, вовсе не такъ плохо, какъ стараются показать заинтересованныя въ своей позиціи торжествующія власти. Въ оправданіи или самооправданіи мы не нуждались. Не получали, поэтому, ни умягченія сердецъ, ни сознанія сугубой грѣховности, ни чувства самоугрызенія. Поддержанію же душевной бодрости въ минуты раздумья, тревоги и припадка меланхоліи содѣйствовало рѣшительно все, что мы ни читали.

Вѣдь всякій всегда отыскиваетъ въ книгахъ то, что ближе всего задѣваетъ его, или что составляетъ преобладающій интересъ его жизни. И всякая мелочь, которая для обыкновеннаго читателя кажется нестоющей вниманія, здѣсь выростала въ глазахъ отрѣшенныхъ отъ всего живого до серьезныхъ размѣровъ, лишь бы она льстила затаенному желанію и удовлетворяла непреодолимой потребности вѣрить въ то, что все идетъ къ лучшему въ этомъ наихудшемъ мірѣ.

Въ свою очередь факты и аргументы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что зло иногда торжествуетъ, что безкорыстныя и самоотверженныя усилія часто не увѣнчиваются успѣхомъ, что бывало на свѣтѣ много пылкихъ и горячихъ вѣрованій, совершенно разбитыхъ жизнію и насиліемъ,—всѣ такія и подобныя вещи скользили по сознанію поверхностно, отнюдь не задѣвая его.

Вѣра всегда есть вѣра, и психологія ея одна и та же, касается ли она догматовъ о небесномъ Владыкѣ, или политическихъ доктринъ, говорящихъ и происхожденіи и судьбахъ земныхъ властителей. Все, что оправдываетъ вѣру, тщательно замѣчается, нанизывается въ одну ассоціацію и запоминается. Все, что противорѣчитъ ей, столь же тщательно игнорируется, отбрасывается и забывается. И вѣрующій искренно убѣждается, что онъ вѣритъ главнымъ образомъ потому, что въ пользу его вѣрованій слишкомъ много накопилось убѣдительныхъ доказательствъ.

Вотъ почему заявленія властей о томъ, что «отсюда не выходятъ, а выносятъ» дѣйствовали на насъ такъ же, какъ увѣреніе, съ которымъ обращаются къ вѣрующему въ загробную жизнь, что съ концомъ этой жизни для него кончается все.

XVII.

Но было бы большой неправдой, если читатель останется въ убѣжденіи, что мы были слѣпые фанатики, коимъ чужды объек-

тивные доводы холоднаго разсудка и которые размышляютъ и разсуждаютъ по своимъ особымъ логическимъ законамъ, составляющимъ свойства только нездоровыхъ умовъ, отъ природы неспособныхъ на кропотливое и хлопотливое изысканіе истины.

Совершенно напротивъ. Времени для того, чтобы остылъ юношескій фанатизмъ, у насъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Къ тому же и температура для такого охлажденія была черезчуръ низкая. Вполнѣ достаточно было времени и для того, чтобы произвести переоцѣнку всѣхъ цѣнностей. Мысль, работавшая критически съ молодыхъ лѣтъ, не могла направлять свою критику только въ одну сторону и оставлять неприкосновенной другую. Критическій умъ отъ природы одаренъ большимъ запасомъ скепсиса, и этотъ скепсисъ умѣлъ разлагать и развѣнчивать всѣ авторитеты, какъ бы ни была сѣда древность, завѣщавшая намъ ихъ.

Совершенно невѣроятно поэтому, чтобы умъ такого закала былъ безусловно слѣпъ къ одному роду авторитетовъ,—именно къ тѣмъ, которые учатъ, что зло политическое и зло экономическое—не только временное и преходящее, но и вполнѣ устранимое обыкновенными земными средствами. И что ни въ природѣ человѣка, ни въ характерѣ экономическихъ и политическихъ отношеній, нѣтъ никакихъ незыблемыхъ основъ, на которыхъ на вѣки вѣчные были бы нерушимо установлены безправіе и самовластіе, нищета и роскошь.

XVIII.

И ни въ соціальныхъ, ни въ общихъ воззрѣніяхъ мы вовсе не стояли на одномъ мѣстѣ въ какомъ то умственномъ гипнозѣ или оцѣпенѣніи. Напротивъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, несмотря на всѣ, явно выдвигаемыя преграды къ нашему дальнѣйшему самообразованію и развитію, мы помаленьку шли впередъ и впередъ, захватывали въ своемъ интересѣ новыя и новыя области знанія и углубляли и расширяли знанія, уже имѣвшіяся. Правда, эти завоеванія дѣлались съ необыкновенной медленностью, но они все таки дѣлались, не столько въ прямомъ расчетѣ воспользоваться пріобрѣтенными свѣдѣніями тогда, когда откроютъ двери тюрьмы, сколько изъ ненасытной потребности ума—ставить себѣ новые вопросы и новыя задачи и посильно рѣшать ихъ.

Здѣсь начальство сыграло съ нами самую сквернную штуку. Когда умственныя силы были еще свѣжи, когда запросы ума были сильны, и способность къ усвоенію новыхъ свѣдѣній пластична и энергична, тогда намъ почти не давали матеріаловъ для умственной дѣятельности и научной работы, или же давали ихъ въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ. А когда этотъ матеріалъ накопился въ достаточномъ количествѣ и сталъ расширяться быстро и почти безгранично,—особенно съ появленіемъ у насъ книгъ, присылавшихся изъ музея,—тогда, увы, силы наши были уже ослаблены и возрастомъ и бездѣятельностью, и, можетъ быть, плохимъ пита-

ніемъ, и мы не могли уже использовать всего научнаго богатства въ желательной мѣрѣ и съ желаемой пользою.

Не всѣ одинаково ревностно занимались. Не всѣ были одинаково разносторонни. И не мнѣ описывать поименно, кто, въ какой области и въ какой мѣрѣ обогатилъ себя, а, главное, кому и какое удовлетвореніе доставлялъ интеллектуальный трудъ, вѣчно свѣжій и всегда привлекательный.

Этотъ трудъ, какъ бы мало онъ ни былъ продуктивенъ и жизнедѣятеленъ, былъ во всякомъ случаѣ для большинства главнымъ содержаніемъ нашей безсодержательной жизни. И можно безъ преувеличенія сказать, что мы за это двадцатилѣтіе просидѣли за книгами столько времени, сколько рѣдкіе изъ нашихъ сверстниковъ на волѣ. И прочли за это время, навѣрное, большее количество книгъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было на свободѣ, хотя, увы, не всегда цѣнныхъ и не всегда стоющихъ того, чтобы на нихъ тратить силы и вниманіе. Стоитъ ли прибавлять, что и продумано, и прочувствовано было по поводу этихъ книгъ такъ много, какъ много можно продумать и прочувствовать только будучи наединѣ съ книгами, внѣ всякихъ «отрезвляющихъ» и отвлекающихъ житейскихъ впечатлѣній.

XIX.

Особыми симпатіями, конечно, пользовалась *беллетристика*, вначалѣ долго и настойчиво изгоняемая изъ нашего обихода.

Въ запрещеніи намъ изящной литературы сказалась та же опытная рука тюремщика, которая ограждала насъ рѣшительно отъ всего, что могло если не скрасить нашу мрачную жизнь, то по крайней мѣрѣ внести въ нее частицу поэзіи и очарованія. Намъ нечѣмъ было заглушить гнетущее чувство боли, разъ оно возникало. Намъ не надъ чѣмъ было забыться и отвлечься отъ созерцанія и ощущенія тюрьмы. Намъ негдѣ было найти того сказочнаго Пегаса, который на крыльяхъ воображенія унесъ бы насъ изъ подъ душныхъ давящихъ сводовъ на просторъ широкаго и свободнаго міра.

Фантазія, правда, у насъ была своя, но не у всякаго она была жива и продуктивна. Поощрять же и развивать пустое фантазированіе было чрезвычайно опасно—съ точки зрѣнія душевнаго равновѣсія, потому что дѣло легко могло дойти до галлюцинацій, ясновидѣній, болѣзненнаго бреда и, наконецъ, явнаго сумасшествія, когда человѣкъ уже теряетъ власть надъ непокорными и слишкомъ живыми умственными образами. Здоровой же пищи для воображенія насъ намѣренно лишали.

И да будетъ позорна память того благодѣтеля человѣчества, который, изобрѣвши одиночныя тюрьмы, додумался лишить заключенныхъ тамъ и возвышающихъ художественныхъ произведеній!

Я не въ силахъ описать или сосчитать, сколько часовъ, а можетъ-быть и дней подрядъ проводилось среди фантастическихъ

видѣній, навѣянныхъ романомъ. Когда запрещеніе съ нихъ было снято, къ намъ поплыли и въ библіотеку, и въ переплетную—для чтенія всевозможныя творенія этого рода, просто изящныя и изящныя во всѣхъ отношеніяхъ, и вовсе не изящныя. Много было корифеевъ всемірной литературы, старыхъ, старинныхъ, и новыхъ, и новѣйшихъ. Были, съ позволенія сказать—беллетристы, вродѣ знаменитаго при «Свѣтѣ» Гейнце. Когда отношенія съ жандармами шли ровнымъ и мирнымъ ходомъ, они присылали намъ переплетать и читать всякую дребедень. Серьезнаго у нихъ почти не было, романовъ же—хоть прудъ пруди! Почти вся библіотека при ихъ канцеляріи состояла, главнымъ образомъ, изъ романовъ, и множество изъ нихъ было переплетено и прочитано нами.

Это было, конечно, развлеченіемъ, которому отдавались только временами и, между прочимъ, особенно же лѣтомъ на дворѣ, и часто въ компаніи, гдѣ при этомъ желающіе занимались кой-какимъ рукодѣльемъ.

XX.

Серьезными же вещами мы занимались, большею частію въ одиночку и въ первые годы могли обсуждать ихъ только одинъ на одинъ со своимъ товарищемъ по прогулкѣ. Это касалось какъ разнородныхъ научныхъ вопросовъ, такъ въ частности экономическихъ и политическихъ. Благодаря этому мы долго не могли подмѣтить разногласій, незамѣтно и постепенно назрѣвавшихъ въ нашей средѣ.

Всѣ мы, за исключеніемъ Яновича и Варынскаго, были приговорены судомъ какъ члены партіи Народной Воли, и потому въ политическихъ и экономическихъ воззрѣніяхъ, какъ думалось, были солидарны. На самомъ же дѣлѣ, первые годы уединенныхъ размышленій не прошли даромъ.

Позднѣйшихъ марксистовъ обыкновенно упрекали за ихъ догматичность, слѣпое довѣріе къ авторитету и нежеланье критически относиться къ истинамъ, которыя, можетъ быть, и вѣрны, но не безспорны, какъ безспорны напр. математическія аксіомы. Мнѣ сдается, что старые народовольцы грѣшили этимъ въ неменьшей степени.

Да иначе и быть не можетъ. Всякая партія, вынужденная скрываться въ подпольи и лишенная возможности открыто обсуждать свои принципы и программные вопросы, слишкомъ многое беретъ на вѣру, и потому бываетъ слишкомъ строга къ правовѣрію своихъ адептовъ, незамѣтное уклоненіе которыхъ въ иномысліе можетъ угрожать самому существованію партіи.

По крайней мѣрѣ у насъ, когда обнаружилось при самомъ началѣ общественныхъ сношеній, что нѣкоторые болѣе или менѣе давно таили въ себѣ упорную склонность къ соціалъ-демократіи, изъ стариковъ многіе отнеслись къ ней очень и очень сурово и, какъ водится, свысока. Пробнымъ камнемъ у насъ, какъ всюду,

былъ вопросъ объ общинѣ, этотъ догматъ своего рода старыхъ народниковъ. И дебаты о ней у насъ, какъ и вездѣ, были столь же горячи, страстны и ожесточенны, какъ и всюду на Руси. Когда открылось, что изъ насъ нѣсколько человѣкъ (Яновичъ, Лукашевичъ, Шебалинъ, Морозовъ и я) не только не поклонники общиннаго быта, но не прочь и совсѣмъ разрушить его, насъ готовы были обвинить въ настоящей измѣнѣ не только святымъ завѣтамъ всей передовой русской литературы, изъ которой партія Н. В. почерпала матеріалы для своей экономической программы, но и „святому дѣлу служенія народу“ вообще.

Но какъ ни остры и ожесточенны были пренія, особенно на первыхъ порахъ, отпавшихъ еретиковъ нельзя было переубѣдить, и волей неволей наша единая партійная семья раскололась. Мы устремили все свое вниманіе въ городъ и на фабрики. А тѣ, главнымъ образомъ, въ деревню и на интересы земледѣлія. Мы привѣтствовали капитализмъ какъ силу, не только организующую рабочихъ и составляющую революціонные кадры, но и созидающую промышленное богатство *страны*. Они же предавали его проклятію, какъ причину обезземеленія и обѣдненія *народа*.

XXI.

А затѣмъ все остальное шло какъ по маслу, до буквальности сходно съ тѣмъ, что дѣлалось вездѣ, какъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, такъ и въ Средне-Колымскѣ. По крайней мѣрѣ въ одномъ очеркѣ Тана изъ жизни города Пропадинска я помню картинку преній на экономическія темы — такого рода, что если подъ ней подписать: пренія въ Шлиссельбургѣ въ 96 — 98 гг., то ошибки большой не будетъ.

Пренія, особенно горячія и громкія, конечно, изощряли умы, полировали кровь, укрѣпляли легкія и даже усиливали аппетитъ, что при сидячей жизни было далеко не лишнее. И несомнѣнно, помогали укрѣплять позиціи другъ друга.

Объективно говоря, эти разногласія внесли больше разнообразія и оживленія въ нашъ умственный міръ, чѣмъ было бы въ томъ случаѣ, если бы мы были въ общемъ всѣ болѣе или менѣе согласны. Умственный застой и китаизмъ наступаетъ какъ разъ тогда, когда изъ общества изгнано все, что можетъ противорѣчить разъ установленнымъ принципамъ и обычаямъ. Даже и теперь, несмотря на разность воззрѣній, при ежедневныхъ встрѣчахъ и частыхъ спорахъ мы до такой степени изучили другъ друга, что заранѣе могли угадать, что скажетъ тотъ или другой изъ насъ по тому или другому поводу. Что же было бы, если бы этой разности во взглядахъ не существовало, и если бы каждый видѣлъ въ своемъ сосѣдѣ свое другое интеллектуальное *я*?

Не было у насъ примѣра съ тѣхъ поръ, какъ мы раскололись, чтобъ кто-нибудь, убѣдившись доводами противной стороны, перешелъ въ другой лагерь. Очевидно, что-то лежало въ природѣ че-

ловѣка, по крайней мѣрѣ въ природѣ его познавательной способности, въ силу чего одинъ примыкалъ болѣе къ марксизму, другой къ народничеству, какъ говорили тогда, къ с. д. и с. р., какъ сказали бы теперь.

И какъ ни жестоки были наши пренія, у насъ не было также примѣра, чтобъ они перешли во вражду исключительно на принципіальной почвѣ, и чтобы теоретическіе контры отразились на обостреніи или измѣненіи нашихъ взаимныхъ чувствъ и отношеній. Между тѣмъ какъ на волѣ я слыхалъ, что расторгались даже супружескія пары единственно по той причинѣ, что мужъ с. д., а жена с. р. или наоборотъ.

Очевидно, несмотря на всю страстность, наши споры все же были слишкомъ далеки отъ жизни.

XXII.

Впрочемъ, о превращеніи нѣкоторой части народниковъ въ эсъеровъ мы ровно ничего не знали до іюня 1905 г., когда къ намъ привели изъ старой тюрьмы М. М. Мельникова, который сообщилъ кое-что. Болѣе подробно посвятилъ насъ въ новый кругъ идей Г. А. Гершуни, всего за мѣсяцъ до выхода. Развитіе же и аргументацію этихъ идей мы встрѣтили въ печати только по выходѣ на свѣтъ Божій.

И здѣсь ничто такъ не опечалило насъ, какъ антагонизмъ двухъ направленій русской экономической мысли и экономической политики, какъ разъ въ тѣ дни, когда необходимо было говорить только о солидарности да единеніи на почвѣ завоеванія новыхъ конституціонныхъ свободъ, не вышедшихъ еще изъ фазы пустыхъ обѣщаній. Намъ казалось, что если еще можно раздувать антагонизмъ, взаимно пикируясь упреками въ невѣжествѣ и непониманіи соціальной азбуки, и заниматься выясненіемъ своихъ разногласій въ минуты досуга, политическаго затишья или полнаго торжества, то дѣлать это подъ Дамокловымъ мечемъ можно было только подъ вліяніемъ либо крайняго легкомыслія, либо партійной ослѣпленности. Такое же, какъ мнѣ казалось, легкомысліе сказалось потомъ и въ рѣшеніи бойкотировать Думу.

Но здѣсь я уже выхожу изъ предѣловъ идейныхъ распрей въ нашемъ собственномъ застѣнкѣ. И чтобы войти опять въ него, я напомню, что какъ было у насъ, такъ остается и доселѣ, т.-е.: тюрьма неизбѣжно ровняетъ всѣхъ, и вчерашніе ярые противники на митингѣ, сегодня могутъ встрѣтиться рядомъ въ однихъ и тѣхъ же узахъ, гдѣ они должны дружески совмѣстно влачить унылое существованіе и помышлять лишь о томъ, чтобы какъ можно меньше досаждать и огорчать другъ друга.

XXIII.

Такимъ образомъ, со стороны интеллектуальной нашу жизнь нельзя назвать ни совершенно безсодержательной, ни совершенно

безплодной. Идейный интересъ у насъ всегда стоялъ очень высоко, и мы старались какъ-нибудь удовлетворить его всѣми тѣми источниками, какіе только находились въ нашемъ распоряженіи. Въ основныхъ соціально-политическихъ взглядахъ мы такъ или иначе плелись за своимъ вѣкомъ и теперь не кажемся отсталыми.

Но нужно сознаться, что собственно въ политическомъ прогнозѣ, и въ частности въ вопросѣ о близости переворота наши теоретическіе взгляды не оказали намъ существенной услуги. Нужно сказать болѣе. Поддерживая въ насъ душевную бодрость и оживляя надежды на возможность политическаго краха въ болѣе или менѣе неопредѣленномъ будущемъ, они не могли хоть приблизительно намѣтить намъ срока для этого вожделѣннаго конца. Въ этихъ вещахъ даже глубокіе и притомъ вполнѣ освѣдомленные умы не могли опередить своего времени и дать точныя предсказанія.

А когда началась война съ Японіей, и большинство изъ насъ тотчасъ порѣшило на основаніи своихъ общихъ историческихъ и соціальныхъ знаній, что страна съ такимъ политическимъ режимомъ, какъ Россія, не можетъ вести побѣдоносной войны, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, несмотря на свою теоретическую освѣдомленность, были ослѣплены чувствомъ патріотизма и судили совершенно иначе. Когда они желали побѣды Россіи, то свое желаніе аргументировали не идейными доводами, — доводъ о необходимости для насъ внѣшнихъ рынковъ былъ слабъ, да и взятъ онъ съ чужого плеча, — а, такъ сказать, эмоціональными: «стыдно де быть побитыми» и «нельзя желать сознательно родинѣ такого позора».

Но я уже замѣтилъ выше, что наши интеллектуальные интересы и увлеченія были все таки болѣе или менѣе безжизненны. Можно было построить какую угодно геніальную систему; можно было сдѣлать выдающееся открытіе; можно было обогатить себя самыми разносторонними и полезными свѣдѣніями. И все это, какъ бы оно ни было важно для твоей полуграмотной и некультурной родины, все это останется здѣсь при тебѣ, въ цѣпкихъ рукахъ сознательныхъ гасителей всякаго умственнаго движенія и никогда не увидитъ свѣта. Быть можетъ, случится это; быть можетъ, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, это еще подъ большимъ сомнѣніемъ. И потому такая перспектива не могла оказать ни малѣйшаго содѣйствія твоей работоспособности.

И надо было имѣть по истинѣ необыкновенную голову, чтобъ она, не взирая на полную неопредѣленность благопріятнаго исхода, неустанно работала, работала безцѣльно, совершенно независимо отъ практическаго приложенія своихъ трудовъ къ живому міру...

И я до сихъ поръ не могу сдѣлать рѣшительнаго приговора, вытекала-ли эта интеллектуальная работоспособность просто изъ свойствъ здороваго мозга, требующаго дѣятельности, несмотря ни на что, и проявляющаго ее, какъ проявляетъ птица въ клѣткѣ инстинктъ строенія гнѣздъ безъ всякой надобности въ этомъ;—или-же наша вѣра въ скорое торжество дѣла, которому мы отдали всю

жизнь, была безъ вѣдома насъ самихъ такъ глубоко и прочно заложена въ нѣдрахъ безсознательнаго, что оказывала вліяніе и на наше настроеніе, и на проявленіе и направленіе умственной жизни совершенно независимо отъ нашего сознанія. Вѣрнѣе всего было и то, и другое, и въ разныхъ лицахъ, и даже въ однихъ и тѣхъ же лицахъ въ разныя времена сказывалось преобладаніе въ нашей внутренней жизни то одного фактора, то другого.

XXIV.

Но умственная жизнь, будь она даже въ 20 разъ глубже и интенсивнѣй, чѣмъ была у насъ, сама по себѣ едва-ли могла напомнить все наше существованіе и дать ему тотъ внутренній смыслъ, безъ котораго не стоило бы и тянуть его. Такія натуры, которыя живутъ исключительно головой, вообще крайне рѣдки. Мы же были почти исключительно всѣ не изъ ихъ числа. Иначе бы мы не попали туда, куда попали.

Нѣтъ, кромѣ тихихъ и безмятежныхъ интеллектуальныхъ радостей, кромѣ еще болѣе тихаго мерцанія чарующихъ надеждъ и упованій, задававшихъ тонъ и поддерживавшихъ нашу мечтательность, у насъ была, какъ я уже упомянулъ въ началѣ, и своя *реальная жизнь*. Когда нѣтъ настоящаго дѣла; суррогатъ его все-же можетъ отчасти успокоить непреодолимую жажду дѣятельности, тотъ своеобразный мускульный зудъ, который знакомъ всякому здоровому человѣку въ минуты вынужденнаго бездѣлья. Этой потребности въ нѣкоторой степени удовлетворяли наши техническія и проч. работы, дававшія кой-какой исходъ творчеству дѣятельной натуры, которая могла не только строить замыслы, но и наслаждаться осуществленіемъ ихъ.

Природа человѣка слишкомъ универсальна. Когда ей не даютъ возможности проявляться нормально въ излюбленномъ ею направленіи, она всѣ свои таланты посвящаетъ на что нибудь другое, временно представляющее интересъ.—Если-бы можно было въ настоящую минуту учесть хоть приблизительно то количество чисто геніальныхъ усилій ума и воли, которыя потрачены въ Россіи на то, чтобы обмануть стражу и уйти изъ тюрьмы! Сколько блага было бы принесено родинѣ, если бы эти даровитыя натуры имѣли возможность тратить всѣ свои способности на мирную и продуктивную работу! И сколько трагизма и неизмѣримаго зла скрыто въ такомъ положеніи, когда даровитые люди или гибнутъ подъ гнетомъ, или растрачиваются на борьбу съ нимъ, въ то время, какъ бездарная и грубая, но организованная физическая сила топчетъ и сокрушаетъ все, что стремится на широкій путь прогресса! И какъ ни занимательно подчасъ казалось кому нибудь изъ насъ столярное, токарное или другое подобное «искусство», всегда грустно было видѣть со стороны, какъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, съ широкимъ умственнымъ размахомъ, стоитъ у верстака, точно простой мастеровой и разсуждаетъ, а то и горячо споритъ о раціональномъ способѣ устройства шиповъ или покрытія лакомъ.

XXV.

Я случайно только что упомянулъ о побѣгахъ.

Ни о чемъ такъ долго, упорно и мучительно не мечталось, какъ именно о побѣгѣ. И это несмотря на то, что трезвое сознаніе ясно говорило о полной его невозможности. Это «мечтаніе» находило какъ-то само собой, вдругъ и безъ всякихъ причинъ, изрѣдка лишь по поводу какого-нибудь недосмотра дежурнаго натолкнувшаго на вопросъ: «а что, если бы я воспользовался сейчасъ этимъ?»

Мечтали объ этомъ и въ безсонную ночь, мечтали и днемъ, мечтали и въ зимнюю вьюгу, которая слѣпитъ глаза часовому, и въ яркій лѣтній полдень, который такъ заманчиво манитъ на просторъ полей и на свободное лоно природы. Мечтали объ этомъ тайно наединѣ съ самимъ собой, мечтали и вслухъ, попарно и скопомъ. Но больше всего, кажется, мечтали объ этомъ въ Христову ночь, тогда, казалось, всѣ до такой степени проникнуты мыслью о возстаніи изъ гробовъ и о торжествѣ жизни надъ тлѣніемъ и свободы надъ плѣномъ, что могутъ только привѣтствовать мое освобожденіе и братски обнять всякаго, расторгшаго узы во имя служенія своимъ ближнимъ.

Строились самые правдоподобные и осуществимые проэкты: и какъ выйти изъ зданія, и какъ влѣзть на стѣну, и какъ обойти стоявшаго тамъ часового, спуститься со стѣны и нырнуть затѣмъ въ быстрыя воды Невы, или пуститься зимой по ненадежному и необозримому ледяному полю, и какъ, въ концѣ концовъ, очутиться гдѣ нибудь въ Петербургѣ и отыскать тамъ скорое и вѣрное убѣжище.

И эти мечты съ одинаковымъ упорствомъ лѣзли въ голову какъ тогда, когда у насъ не было еще инструментовъ и мы не имѣли ни малѣйшей возможности выбраться изъ камеры, такъ и тогда, когда перепилить рѣшетку уже не представляло никакого труда, но уйти было столь же невозможно, потому что электрическіе фонари на дворѣ дѣлали для часового замѣтной всякую фигуру во всякую бурную, темную или снѣжную ночь.

Мечты эти, безнадежныя и фантастичныя, были положительно очаровательны и тѣшили своими волнующими перипетіями и воображаемой осуществимостью самыхъ завѣтныхъ и незаглушаемыхъ желаній. Такъ мечтаетъ подчасъ влюбленный юноша о недоступной красавицѣ, которая по общественному положенію ему совсѣмъ не пара, и которая не подавала ему рѣшительно никакихъ надеждъ.

Эти мечты были такъ соблазнительны, навязчивы и вытекали такъ неизбѣжно изъ природы вещей, что для своего возникновенія или обострѣнія не нуждались ни въ какомъ постороннемъ напоминаніи. Поэтому насъ не мало позабавило, когда однажды Гудзь выдалъ намъ очередный № газеты «С.-Петербургъ», въ которомъ нѣсколько строкъ было замарано чернилами. Когда ихъ смыли, оказалось, что тамъ говорится о побѣгѣ одного или нѣсколькихъ

уголовныхъ изъ какой-то провинціальной тюрьмы. Бѣдный смотритель хотѣлъ этимъ способомъ предохранить насъ отъ опасной идеи и отъ тлетворнаго вліянія періодической печати!

Въ послѣдніе годы, когда дошли до насъ свѣдѣнія о подводныхъ лодкахъ, я не мало мечталъ о примѣненіи ихъ для устройства подкопа подъ крѣпостную стѣну прямо въ одинъ изъ нашихъ огородовъ, примыкавшихъ къ этой стѣнѣ. Разумѣется, воображались доброжелатели, которые могли-бы не только взяться за это, но и имѣть средства на пріобрѣтеніе лодки небольшого калибра. Предполагалось, она причалитъ подъ водой къ крутому берегу, и ея обитатели въ водолазныхъ костюмахъ начнутъ подкопъ въ берегъ подъ водой и затѣмъ выведутъ его въ надводную часть берега, гдѣ устроятъ пещеру, съ тайнымъ отверстіемъ для воздуха какъ базу для всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Мнѣ часто представлялось, какъ это легко было бы осуществить, и какъ мы всѣ, по данному сигналу, сбѣжались-бы среди бѣла дня въ огородъ, куда выходитъ подкопъ, и нырнули-бы одинъ за другимъ на глазахъ дежурныхъ въ открытое отверстіе, чтобы тоннелемъ добѣжать до подводной лодки, даже сквозь слой воды, заливавшей начало подкопа отъ лодки. Очевидно, фантазіи Жюля Верна; знакомыя съ дѣтства, нашли здѣсь неожиданное практическое и крайне заманчивое приложеніе.

XXVI.

Но возвращаюсь къ реальной жизни.

Самымъ жизненнымъ нервомъ, который бился постоянно и непрерывно, независимо ни отъ какихъ случайностей, была борьба за «льготы», съ которой, собственно, я и началъ этотъ очеркъ. Это и была наша реальная жизнь, совершенно чуждая мечтаній и фантазій, научныхъ, поэтическихъ или освободительныхъ.

Борьба эта шла или открытая и вполнѣ предусмотрѣнная, или тайная и закулисная, хоть и столь же дѣятельная, или же пассивная, которая сознавалась, какъ отвращеніе отъ своихъ тюремщиковъ, какъ нежеланіе осуществлять какія бы то ни было ихъ распоряженія, какъ постоянный и неослабный антагонизмъ, стремленіе уйти въ себя и всячески оградить себя отъ внезапныхъ и всегда ожидаемыхъ оскорбленій и посягательствъ на свою личность и на свое достоинство.

Эта борьба, въ чемъ бы она ни выражалась, какія бы формы ни принимала, даже въ самые мирные и либеральные дни нашей жизни держала васъ въ состояніи хроническаго раздраженія. Такое раздраженіе, исхода которому почти не было въ активной и разносторонней дѣятельности, отражалось крайне губительно на нервной системѣ. Но въ то же время оно замѣняло до нѣкоторой степени живыя впечатлѣнія, и дѣйствовало на нашу духовную организацію въ такомъ же родѣ, какъ температура дѣйствуетъ на организацію физическую: въ извѣстныхъ предѣлахъ она поддерживаетъ жизнь и составляетъ необходимое условіе для нормальнаго обмѣна ве-

ществъ. За границами-же этихъ предѣловъ дѣйствуетъ болѣзненно или совсѣмъ разрушительно.

Я уже сказалъ ранѣе, что какъ ни ничтожны были объекты тѣхъ благъ, которыя намъ нужно было завоевать, они для насъ были необходимы, какъ minimum, при которомъ мы могли согласиться жить, переносить всѣ прочія лишенія и терпѣливо ждать лучшихъ временъ. Насъ посадили, можно сказать, прямо на голодную смерть, физическую и духовную. У насъ хотѣли отнять сначала самое цѣнное, что было для насъ дороже жизни, и чѣмъ особенно мы были ненавистны нашимъ врагамъ,—нашу духовную личность, и доведя насъ до послѣдней степени отупѣнія и обезволенія, заморить окончательно медленною и благовидною смертью.

Перспектива была настолько угрожающая, что она чуть не въ первые же дни вызвала самыя рѣшительныя дѣйствія со стороны Мышкина и Минакова. Затѣмъ цѣлый рядъ мелкихъ стычекъ, главнымъ образомъ за право перестукиваться и гулять вдвоемъ, закончился необыкновенно трагическимъ самоубійствомъ Грачевскаго.

Я пріѣхалъ въ тюрьму тогда, когда наиболѣе острый, такъ сказать террористическій періодъ борьбы уже закончился и перешелъ въ болѣе мирный, о которомъ только я и могу теперь говорить.

XXVII.

Борьба эта велась уже болѣе или менѣе парламентарнымъ способомъ, и, какъ водится въ тюрьмахъ, до нѣкоторой степени своимъ бокомъ. Я уже говорилъ кое-что объ этомъ, когда рѣчь была о нашей голодовкѣ. Въ парламентскихъ-же дебатахъ съ начальствомъ принимали участіе или охотники, иногда самые зубастые, или депутаты, т. е. лица, завѣдующіе тѣми или другими интересами нашей жизни, съ тѣхъ поръ какъ у насъ установилось самоуправленіе, или просто случайные индивиды, настигнутые такъ или иначе на какомъ нибудь «правонарушеніи», и въ своемъ самооправданіи старавшіеся доказать полную несостоятельность и даже безнравственность либо безчеловѣчность самого «закона».

Парламентскія и дипломатическія рѣчи, образцы которыхъ уже приводились въ прежнихъ очеркахъ, велись или ровно, спокойно, покладливо, или бурно и рѣзко, смотря по существу дѣла и настроенію заинтересованныхъ сторонъ. Иногда, заявленіе, подробно мотивированное, препровождалось начальнику управленія на бумагѣ. Бывало, что этотъ способъ даже поощрялся, особенно при Гудзѣ, который, можетъ быть, хотѣлъ снять съ себя всякую обузу въ дѣлѣ передачи нашихъ ходатайствъ по командѣ.

Когда простая ораторская рѣчь или спокойные доводы разсудка не дѣйствовали, тогда пускались въ ходъ, какъ и въ парламентахъ, угрозы съ болѣе или менѣе прозрачными намеками на вооруженную борьбу, или вмѣшательство всей націи in corpore, или на какія нибудь опредѣленныя дѣянія мятежническаго характера, нарушающія стройное теченіе жизни и сулящія администраціи запросы и разные реприманды изъ Петербурга.

Но какъ бы не велась эта борьба, какъ бы ни были рѣдки серьезныя активныя мѣропріятія рѣшительнаго характера, вся жизнь человѣка безправнаго, стоящаго внѣ закона, въ рукахъ грубыхъ тюремщиковъ, неувѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ, держала насъ въ состояніи какого-то непрерывнаго воинственнаго напряженія, и въ ежедневномъ ожиданіи какихъ нибудь неожиданныхъ случайностей. Въ такомъ состояніи, какъ кажется, находятся въ настоящую минуту цѣлыя мѣстности, «сильно и чрезвычайно охраняемыя». Конечно, и наша стража, хотя она и не носила при себѣ оружія, чувствовала себя постоянно на военномъ положеніи.

XXVIII.

Никакихъ правилъ, установленныхъ для насъ заботливой администраціей, мы не признавали. Никакія ихъ распоряженія не считали для себя обязательными. Никакіе аргументы не могли насъ убѣдить ни въ святости, ни въ справедливости, ни въ необходимости этихъ правилъ. Соблюдали мы ихъ только подчиняясь неопреодолимой силѣ, и до тѣхъ поръ, пока эту силу можно было или взять хитростью, или устранить какъ нибудь иначе. Поэтому ни одного дня никто изъ насъ не былъ увѣренъ, что онъ соблюлъ всѣ «заповѣди» и что къ нему не зайдетъ вечеромъ смотритель учинить какое нибудь мздовоздаяніе.

Одинъ видъ этого неожиданнаго и незваннаго посѣтителя, являющагося безъ доклада и безъ церемоніи, со спеціальной охраной изъ одного или двухъ унтеровъ, способенъ былъ всякаго вывести изъ равновѣсія, а болѣе нервнаго уколоть до боли, или воспламенить какъ порохъ. Нужно было много самообладанія и весьма продолжительную привычку, чтобъ относиться спокойно и отвѣчать безъ дерзостей офицеру, который самое вступленіе въ ваше жилище начинаетъ съ того, что беретъ васъ подъ арестъ, т. е. ставитъ возлѣ васъ стражу и тѣмъ напоминаетъ вамъ, что вы можете сдѣлать ему, и чего онъ ждетъ отъ васъ.

Но и независимо отъ этого, даже мягкое и елико возможно деликатно сдѣланное замѣчаніе способно было привести нѣкоторыхъ въ негодованіе, особенно со стороны Гудзя, потому что дѣло возникало изъ за какого нибудь мелочнаго вздора, давать выговоры за который полагается малолѣтнему школяру, а отнюдь не 40-лѣтнему мужу. Для него самое слово «инструкція» ненавистно, какъ напоминаніе и символъ произвола и беззаконія.

Нашимъ товарищамъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ читали инструкцію, въ которой угрожали ни болѣе ни менѣе, какъ 4000 шпицрутеновъ. У насъ же инструкцію, составленную якобы для каторжниковъ, предъявляли Лаговскому, который даже не былъ лишенъ правъ; а инструкцію предназначенную для мужчинъ, вручали женщинамъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, послѣ того, какъ вышелъ законъ, отмѣнившій тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ женщинъ, инструкція съ упоминаніемъ о 50 розгахъ все еще

вывѣшивалась въ камерахъ нашихъ дамъ. Когда я указалъ «либеральному» Гангардту на эту несообразность,—чтобъ не говорить о беззаконіи,—онъ ничего не могъ возразить кромѣ того, что они вывѣшиваютъ инструкцію въ камерѣ, а кто въ ней сидитъ, это ихъ не касается. Трудно было ладить съ такой инструкціей, о которой сами составители говорятъ, что они не разбираютъ, для кого, собственно, она предназначается, а для кого нѣтъ.

XXIX.

Мнѣ пришлось бы писать и долго, и, можетъ быть, не совсѣмъ правдиво, если бы я сталъ разсказывать разные случаи изъ нашей воинственной практики. Къ тому же таланты военнаго хроникера мнѣ совсѣмъ не свойственны. Да и всѣ эти случаи были столь же мелочны, какъ мелочна была отдѣльная цѣль, къ достиженію которой стремились воюющіе, и могли сойти за «событіе» только лишь въ тюрьмѣ.

Тѣ кто имѣлъ дѣла съ жандармами, особенно если хлопоталъ передъ ними за близкихъ лицъ, находящихся въ ихъ власти, отлично знаютъ, какъ успѣшно дѣйствуетъ на нихъ властный или грубый тонъ, окрикъ, рѣзкія и даже бранныя выраженія, откровенныя угрозы, и вообще такое обращеніе, которое кратко и точно опредѣляютъ, когда говорятъ, что человѣкъ дѣйствуетъ нахрапомъ.

Съ мелкими душонками, продажными, лакействующими всю свою жизнь и трусливыми такой способъ обращенія, говорятъ, всюду даетъ наилучшіе результаты. Онѣ слишкомъ пріучены къ такому тону своимъ начальствомъ. Не даромъ же англійскіе корреспонденты, знатоки нашихъ бюрократическихъ сферъ, не могутъ достаточно надивиться ихъ грубости, невоспитанности и настоящему хамству, которыя бросаются всякому въ глаза въ этихъ сферахъ, и которыя составляютъ полную противоположность англійскому джентльменству.

Вести дѣло съ такими господами, да еще низшаго калибра, джентльменскимъ образомъ—значило неминуемо проиграть его. Деликатное обращеніе къ нимъ въ ихъ глазахъ кажется слабостью, робостью, вообще ничтожествомъ. А они уступаютъ только тогда, когда чего-нибудь опасаются. Просителямъ, какъ общее правило, у насъ даютъ только голыя обѣщанія, особенно, если они являются съ пустыми руками. Если хочешь чего-нибудь добиться, требуй настойчиво, и твои требованія, хотя бы они имѣли только видимость вѣса, скорѣй достигнутъ цѣли.

Кто всю свою жизнь только и дѣлаетъ, что исполняетъ чужія приказанія не разсуждая, у того въ природѣ заложена и практикой развита большая склонность впадать въ растерянность и уступать при всякомъ *властномъ* окрикѣ. Все грубое и рѣзкое импонируетъ ихъ грубому уму какъ сила, и они невольно уступаютъ ей, даже не отдавая себѣ отчета.

Всѣ эти истины были даже не очевидны для насъ въ началѣ нашей жизни и выведены были потомъ, болѣе или менѣе невольно, какъ резюме изъ нашихъ сношеній съ жандармами. Въ концѣ-концовъ сложилось убѣжденіе, котораго мы не скрывали и отъ нихъ самихъ: если хочешь чего нибудь добиться отъ нихъ, выругай ихъ хорошенько или учини какую нибудь другую грубую непріятность, которую они *почувствовали* бы, потому что *понимать* доводы не всякій изъ нихъ былъ въ состояніи.

Благодаря этому тотъ изъ насъ, кто чувствовалъ себя въ силахъ стать съ ними на одинъ уровень и, во имя правила: «на войнѣ какъ на войнѣ», не церемонился съ ними, скорѣе достигалъ желательныхъ результатовъ. Напр. мы всю жизнь тщетно добивались, чтобъ намъ давали къ чаю настоящій, а не остуженный кипятокъ. И все было напрасно. Въ послѣдній годъ Г. А. Лопатинъ сдѣлалъ письменное обращеніе по этому поводу къ Яковлеву съ выраженіями не вполнѣ удачными для печати, но чрезвычайно энергичными и краснорѣчивыми. Посланіе подѣйствовало, и послѣ этого ему отдѣльно стали нагрѣвать маленькій самоваръ и приносить его въ камеру въ тотъ часъ, когда остальнымъ раздавали обычный кипятокъ.

Вотъ еще почему я не вхожу въ подробности, говоря о способахъ борьбы. Многіе изъ нихъ были не вполнѣ естественны и, можетъ быть, это, какъ разъ, тѣ, которые оказались наиболѣе успѣшными. Однажды напр. К. Ф. Мартыновъ, выведенный изъ себя смотрителемъ Федоровымъ, который запрещалъ ему лазить на окно, просто на просто плюнулъ ему въ физіономію чрезъ открытую форточку въ двери. За это онъ былъ закованъ въ кандалы и затѣмъ высидѣлъ съ полгода въ строгомъ карцерѣ въ старой тюрьмѣ. Потомъ Федоровъ съ нимъ помирился, а лазанье на окно перестало быть преступнымъ.

XXX.

Самое «буйное» и всеобщее выступленіе у насъ было одно, это 2 марта 1902 г. Я уже не разъ упоминалъ объ этомъ вскользь. Когда перехвачено было у солдата письмо Попова къ матери, у насъ тотчасъ же отняли многія изъ прежнихъ льготъ. Въ тотъ же день вечеромъ, когда всѣ мы, не зная причины, были крайне огорошены и возбуждены, у С. Иванова вышло обычное «столкновеніе» со смотрителемъ. С. Ивановъ закрылъ глазокъ въ двери и не хотѣлъ «подчиниться» требованію смотрителя, мотивируя это тѣмъ, что дежурный раздражаетъ его, когда заглядываетъ.

Тогда Гудзь, во исполненіе приказа полковника Обуха, распорядился связать непослушнаго и перенести въ карцеръ, такъ какъ добровольно онъ отказался идти. Сидѣлъ С. Ивановъ рядомъ со мной справа, а пустая камера, въ которую должны были перенести его, была рядомъ со мной слѣва. Я слышалъ, какъ заходили къ нему зачѣмъ-то раза два и вели какіе-то переговоры, и чуть-

емъ догадался, что происходитъ что-то неладное. Поэтому я сталъ внимательно прислушиваться, и когда къ нему вошли въ камеру еще разъ, я услыхалъ легкую возню и полусдавленный слабый крикъ:

— «Доктора зовите, доктора!»

Моментально, не помня себя, я схватилъ швабру и ея палкой сталъ со всей силы барабанить въ дверь. Точно по сигналу, началось тоже самое во всѣхъ другихъ камерахъ: всякій, очевидно, орудовалъ тѣмъ, что было подъ руками. Вышелъ концертъ, подобнаго которому не слыхала наша тюрьма съ начала своихъ дней.

Недавно мнѣ пришлось слышать, что такой же концертъ, но разъ въ 20 болѣе сильный, происходилъ въ Бутыркахъ въ ноябрѣ 1905 г. А теперь, навѣрное, гдѣ только онъ не происходитъ!

Стуки, крики: «палачи, изверги, кровопійцы» и проч. и какое то громоподобное уханье, точно вышибалъ кто то свою дверь тараномъ, продолжались съ полчаса, поочередно то замирая, то вновь поднимаясь. Кто кричалъ: «смотрителя сюда!» кто: «полковника!» кто: «доктора!» Полковникъ быстро явился и снизу корридора подавалъ успокоительное заявленіе въ такомъ родѣ, что ничего, молъ, особаго не происходитъ, связали только человѣка, который не хочетъ идти въ карцеръ.

Тѣмъ временемъ С. Иванова, который тотчасъ же лишился сознанія, перенесли мимо моей двери въ пустую камеру, а Поповъ, сидѣвшій съ другой стороны отъ него, потребовалъ, чтобы его пустили посмотрѣть, въ какомъ состояніи находится нашъ товарищъ. Смотритель выпустилъ было его, но онъ не успѣлъ дойти, какъ снизу послышался приказъ полковника: «не надо!» Его повлекли насильно обратно, онъ что то кричалъ, а мы всѣ снова усиленно колотили въ двери. Словомъ, точно по волшебству, всегда мертвенно тихая тюрьма превратилась въ буйное отдѣленіе сумасшедшаго дома.

Доктора все таки пришлось позвать. Онъ привелъ въ чувство С. Иванова и просидѣлъ у него съ $^1/_2$ часа. Съ его появленіемъ въ тюрьмѣ все тотчасъ успокоилось. Больной пролежалъ еще дня 2—3 въ пустой камерѣ. На желѣзной обшивкѣ дверей остались знаки этой вспышки, незадѣланные до сихъ поръ. А въ нервахъ, по крайней мѣрѣ у меня, долго чувствовалась такая встряска и боль, подобной которой я еще ни разу не испытывалъ.

Черезъ день послѣ этого, Вѣра Николаевна сорвала погоны съ Гудзя въ видѣ протеста за учиненное насиліе и съ цѣлью довести его до свѣдѣнія высшихъ властей, такъ какъ письмо къ ея матери, въ которомъ былъ намекъ на это, Гудзь отказался переслать.

Болѣе мелкія и одиночныя выступленія подобнаго сорта производились еще не разъ. Но любопытно, что у насъ ни разу не были выбиты стекла въ окнахъ, что такъ нерѣдко случается въ нашихъ политическихъ узилищахъ въ видѣ протеста противъ того или другого беззаконнаго лишенія.

XXXI.

Немыслимо, конечно, перечислить хоть съ нѣкоторой полнотой всѣ *права*, которыя были въ концѣ концовъ добыты этой мелочной, повседневной и раздражающей борьбой. Назову только для курьеза нѣкоторыя изъ нихъ, потому что въ приложеніи къ такимъ житейскимъ актамъ терминъ «право» можно употребить только въ видѣ шутки. Право стучать, шумѣть, свистать и пѣть, право лазить на окно или заборъ (чтобы укрѣпить вьющееся растеніе, или придѣлать навѣсъ), право подкапывать заборъ, имѣть желѣзную лопату, передавать въ огородѣ записки другъ другу, останавливаться другъ съ другомъ при встрѣчѣ, особенно же съ дамой, или на корридорѣ у двери камеры, заходить въ пустую чужую камеру, тушить огонь, завѣшивать окно отъ солнца или холода, стричься подъ гребенку, мыться наединѣ и еженедѣльно, имѣть при себѣ разомъ нѣсколько книгъ, бумагу и чернила, держать на окнахъ цвѣты, дѣлать для самого себя мебель или принадлежности костюма, имѣть вилку и ножъ, чайную ложку, бѣлье, хлѣбъ, кофе, ягоды, фрукты и разныя другія «самовольныя» снѣди и проч. и пр.

Предѣлы ограниченій и запрещеній были столь же неограничены, какъ неисчерпаемы предѣлы человѣческой жестокости и самодурства.

Въ безправномъ государствѣ общество добивается «пяти свободъ», необходимыхъ ему для его нормальной жизни. Какъ ни важны эти «свободы», ихъ сравнительно очень немного. Всѣми остальными правами всякій обыватель пользуется, болѣе или менѣе, невозбранно. И уже давно прошли времена, когда запрещалось напр. носить одежды пурпурнаго цвѣта, или когда Фридрихъ Великій ходилъ по улицамъ своей столицы и самолично слѣдилъ своимъ королевскимъ носомъ, не пахнетъ ли откуда жаренымъ кофе.

Мы же всѣ были обращены именно въ то первобытное состояніе, при которомъ рабу не разрѣшалось ничего, на что не соизволитъ воля господина. И потому, намъ шагу нельзя было ступить безъ того, чтобы не натолкнуться на преграду и не войти въ столкновеніе съ унтерами, которые нарочно поставлены охранять ее, и съ властями, которыя ежедневно являлись провѣрять строгость надзора. Не было ни малѣйшей возможности уйти отъ охранителей, чѣмъ такъ широко пользовался русскій обыватель до послѣдняго времени.

На психику же нашу всѣ перипетіи борьбы дѣйствовали почти столь же рѣшительно, какъ и перипетіи настоящей борьбы. Удачи и неудачи, побѣды и пораженія, наступленія и отступленія, разрывъ сношенія съ тюремщиками и временное замиреніе, а надъ всѣмъ этимъ ежедневное ожиданіе новыхъ насилій, либо возврата къ старымъ лишеніямъ,—все это по прежнему оставляло насъ въ почти

непрерывномъ и безнадежномъ революціонномъ напряженіи. Оно давало иллюзію жизненности и нѣкоторой осмысленности нашему прозябанію въ царствѣ полнаго застоя и разрушенія. Не давало оно только одного: сознанія важности и величія этой борьбы да чувства нравственнаго удовлетворенія.

У меня, по крайней мѣрѣ, всегда копошился гдѣ-то въ тайникахъ предательскій вопросъ: да стоитъ ли хлопотать о поддержаніи и разнообразіи жизни безъ полной увѣренности на освобожденіе отсюда? Не унижается ли въ ней человѣкъ, когда онъ практикуетъ и культивируетъ въ себѣ неслыханное, но чисто воловье терпѣнье? И не лучше ли было бы, не входя въ компромиссы, доставить нашимъ врагамъ удовольствіе—заморить насъ поскорѣе, и настоящимъ образомъ? Быть можетъ, тѣ, кто не вынесъ такого режима, обладали наиболѣе высокой и утонченной организаціей, подобно тѣмъ высокопарящимъ свободнымъ птицамъ, которыя не выдерживаютъ заключенія въ клѣткѣ и гибнутъ въ тоскѣ по синему небу и необъятному воздушному простору...

И только мысль о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на самые благонамѣренные умы длительное истязаніе людей, провинившихся только тѣмъ, что они слишкомъ рано и слишкомъ горячо стремились къ обновленію своей родины, эта мысль отчасти примиряла съ практикой безконечнаго терпѣнья. И, можетъ быть, правы эти благонамѣренные умы, негодуя противъ безсрочнаго заключенія сильнѣе, чѣмъ противъ быстраго умерщвленія, ибо даже нѣкоторые изъ насъ, у кого терпѣніе успѣло истощиться, считали смертную казнь болѣе легкимъ наказаніемъ...

XXXII.

Для насъ не было секретомъ, что всѣ физическія и проч. лишенія наложены были на насъ планомѣрно для того, чтобы «сломить волю заключенныхъ». Власти, насаждавшія всюду безволіе и покорность, не могли мириться съ мыслью, что есть люди готовые проявить необычайный запасъ своей энергіи въ направленіи совершенно для нихъ невыгодномъ, которое они такъ-таки откровенно и называли направленіемъ «вреднымъ». Но они были все же недостаточно дальновидны. Уступая понемногу, въ силу необходимости, они тѣмъ самымъ доставляли намъ практику борьбы, которая, какъ извѣстно, закаляетъ духъ, а вовсе не разслабляетъ.

И я нерѣдко думалъ, что было бы съ нами, еслибы съ первыхъ же дней насъ посадили въ условія полнаго довольства, еслибы намъ доставлялось все, чего бы мы ни пожелали, кромѣ самой свободы и возможныхъ безконтрольныхъ сношеній съ волей? Сытое, бездѣльное и спокойное существованіе не сломило ли бы душевной энергіи у большинства изъ насъ гораздо скорѣе и гораздо вѣрнѣе, чѣмъ жизнь полная лишеній и борьбы противъ нихъ?

По крайней мѣрѣ, житейская практика превращенія бунтующихъ студентовъ въ мирныхъ и сытыхъ буржуа говоритъ за это. Не

даромъ же такой опытный авантюристъ, какъ Наполеонъ III, говаривалъ, что онъ боится голодныхъ и тощихъ, и совсѣмъ не боится сытыхъ и толстыхъ. Раздраженіе противъ властей всегда и всюду прямо пропорціонально тому гнету, которымъ онѣ награждаютъ подданныхъ. Послѣдній годъ сдѣлалъ эту истину почти очевидной для всѣхъ. И кому суждено будетъ дожить до настоящаго и подлиннаго «замиренія», т. е. уничтоженія произвольныхъ гоненій и лишеній за то, что нигдѣ въ Европѣ не составляетъ преступленія, тотъ увидитъ подтвержденіе этой истины и съ обратной стороны, т. е. какъ легко примиряются съ правительствомъ даже непримиримые, лишь только они добиваются отъ него всего, что необходимо для правильной политической жизни.

А потому, теперь, когда миновала насъ эта горькая и жгучая чаша шлиссельбургскихъ страданій, я могу, по крайней мѣрѣ за себя, выразить нѣкоторое чувство удовлетворенія за то, что въ горнилѣ лишеній прочно выковали во мнѣ чувство непреодолимаго отвращенія къ насилію всякаго рода и способность къ глубокому негодованію на все, что носитъ на себѣ хоть тѣнь произвола и самовластія, тормозящаго свободное и всестороннее развитіе всякой человѣческой личности.

И можно быть увѣреннымъ, что практика массовыхъ ссылокъ, которая теперь развертывается безъ удержу, есть наилучшая практика для вкорененія и закрѣпленія въ широкихъ кругахъ народа самыхъ интенсивныхъ и навѣки неослабныхъ гражданскихъ чувствъ, наличность которыхъ составляетъ необходимый базисъ для установки прочнаго, свободнаго и закономѣрнаго государственнаго порядка.

М. Новорусскій.

Выборгъ
29 августа.

ГОДЪ
ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

1908
СПВ

Изъ размышленій въ Шлиссельбургѣ.

Предлагаемый этюдъ написанъ пять лѣтъ тому назадъ въ Шлиссельбургѣ. Подъ нимъ значится точная дата: 16 октября 1902 года.

Лѣтомъ того года В. Н. Фигнеръ, по просьбѣ нѣкоторыхъ товарищей, набросала нѣсколько своихъ воспоминаній. Такъ какъ въ это время мы проводили на воздухѣ цѣлые дни, и такъ какъ мой огородъ былъ смежнымъ съ огородомъ В. Н., и раздѣлявшая насъ рѣшетка забора не мѣшала намъ находиться въ постоянномъ общеніи, то мы условились, что я буду въ огородѣ писать подъ ея диктовку.

И такъ мы начали. Характеризуя движеніе 70-хъ гг. В. Н. выразилась, что оно было политическое, но съ первыхъ же шаговъ „приняло яркую экономическую окраску". Объяснять его происхожденіе не входило въ ея планы. Тѣмъ не менѣе, попутно она удѣлила вниманіе и вліянію литературы, и особенно вліянію заграничной учащейся молодежи.

Это совершенно не вязалось съ моими собственными взглядами на то, что во всякомъ политическомъ движеніи главенствуетъ надо всѣмъ экономическій базисъ. А потому я точно записалъ то, что мнѣ диктовалось, самъ же тѣмъ временемъ обложилъ себя знакомыми мнѣ статистическими справочниками и сталъ строить свою собственную схему происхожденія движенія 70-хъ годовъ.

Въ текстѣ читатель встрѣтитъ кое-гдѣ слѣды того, что я кому-то возражаю. И теперь онъ пойметъ, куда направлялись эти возраженія.

Предавая гласности этотъ этюдъ, написанный въ свое время вовсе не для широкой публики, я самъ прекрасно сознаю всѣ его литературные и тѣмъ болѣе научные недостатки. Еще яснѣе я сознаю и предвижу тѣ возраженія, которыя мнѣ сдѣлаютъ мои идейные противники. Тѣмъ болѣе, что такія возраженія мнѣ уже дѣлались лично еще въ томъ же 1902 году. Досуга у насъ такъ было много, и пренія на подобныя темы, можно сказать, никогда не прекращались.

Тѣмъ не менѣе я остаюсь при томъ же убѣжденіи и льщу себя надеждой, что будущій историкъ обставитъ ту же мысль болѣе солидно и сдѣлаетъ ее всеобщей и общепризнанной истиной.

Такъ какъ моя статья тогда была слишкомъ перегружена цифрами, то въ интересахъ читателя теперь я выбрасываю все то, что не имѣетъ прямого отношенія къ поставленной въ заголовкѣ задачѣ. Отъ этого статья сократилась на цѣлую треть. Въ остальномъ я по возможности оставляю текстъ безъ перемѣнъ, хотя теперь я могъ бы вооружить себя болѣе богатой аргументаціей.

Изъ области статистики.

(Къ вопросу о происхожденіи движенія 70-хъ годовъ).

„Горячка реформъ заразительна въ революціонныя времена и овладѣваетъ какъ разъ тѣми классами общества, которымъ угрожаетъ гибель ихъ имущества.

(Зола, „Трудъ", стр. 159)

I.

Для уясненія размѣровъ движенія, а отчасти и причинъ, породившихъ ихъ, весьма полезно сдѣлать нѣсколько статистическихъ справокъ. Попутно я думаю отмѣтить въ цифрахъ также ростъ нѣкоторыхъ сторонъ русской соціальной жизни за истекшее тридцатилѣтіе.

„Движеніе 70-хъ гг. приняло яркую экономическую окраску". Иначе и не могло быть въ эпоху, только что произведшую великую экономическую революцію. Крѣпостное *право* пало въ 61 году. Власть помѣщиковъ прекратилась со дня публикаціи манифеста. Крѣпостное же *хозяйство* еще надо было перестроить, а такія вещи не дѣлаются ни въ одинъ день, ни даже въ одинъ годъ. До какой степени медленно исчезаютъ старыя хозяйственныя формы и отношенія, показываетъ, между прочимъ, такой фактъ.

Еще въ 75 г. въ кредитныхъ учрежденіяхъ числилось заложенными около 1 мил. „душъ". Эти души уже 15 лѣтъ были свободными, а давніе владѣльцы ихъ, когда-то заложившіе ихъ въ банкъ, продолжали, какъ ни въ чемъ ни бывало, вносить за нихъ соотвѣтственные проценты.

Послѣ 61 года нужно было не только размежевать владѣнія крестьянина и помѣщика,—нужно было заново устроить все владѣльческое хозяйство на 82 (или 86) м. дес. А громадное большинство помѣщиковъ не имѣло къ тому ни охоты, ни умѣнья. Вотъ почему, несмотря на тотчасъ же объявленныя условія выкупа, громадное большинство предпочло сохранить „временно-обязанныя" отношенія съ крестьянами и только исподволь приступало къ выкупу. Такъ, по истеченіи 5 лѣтъ послѣ реформы, къ вы-

купу приступила едва $^1/_3$ часть бывшихъ крѣпостныхъ, а къ 1871 г. едва половина, и только къ 78 г. на выкупъ перешло ихъ уже $^2/_3$.

Понятно, что такая операція, какъ разверстка владѣній, да еще съ принудительнымъ отчужденіемъ, не могла происходить гладко и все время держала обѣ заинтересованныя стороны въ напряженныхъ или обостренныхъ отношеніяхъ. Понятно, что господами положенія были все-таки бывшіе „господа“. А потому, они постарались не въ единичныхъ только, а въ массовыхъ случаяхъ наградить бывшихъ своихъ кормильцевъ землями никуда негодными. Недаромъ же болѣе 10 лѣтъ функціонировалъ спеціально въ виду этого созданный цѣлый институтъ „мировыхъ посредниковъ“, не остававшійся, конечно, безъ дѣла. Моя статистика молчитъ о количествѣ „дѣлъ“, бывшихъ на разбирательствѣ этого института. Но имѣется характерное указаніе, относящееся уже къ 72—77 гг., что за эти 6 лѣтъ въ 14-ти губ. и въ 49 имѣніяхъ были форменные отказы крестьянъ отъ надѣловъ, мотивированные негодностью земли, дороговизной выкупа и черезполосностью владѣній.

Все это время, пока длился переходъ главнаго орудія труда—земли въ руки крестьянъ, на помѣстное сословіе изливался непрерывный золотой дождь, врачевавшій его раны, нанесенныя ему реформой. Это былъ такой *грандіозный наплывъ капиталовъ*, такой осязательный переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному (вѣрнѣе—замѣна натуральныхъ доходовъ единовременной денежной выдачей), подобный которому не часто встрѣчается въ исторіи народовъ. По количеству полученная помѣщиками сумма не равнялась, напримѣръ, германской контрибуціи, взятой съ Франціи. Но не нужно забывать, что для страны бѣдной вообще, и бѣдной капиталами въ частности, сумма въ три раза меньшая 5,000 мил. фр. была все еще огромной суммой. Она не могла произвести какого-нибудь переворота въ промышленности только потому, что назначалась прямо въ руки, безусловно неподготовленныя къ производительной дѣятельности, и затѣмъ выдача ея растянулась на цѣлыхъ 20 лѣтъ. Но въ экономическомъ подъемѣ страны она все же сыграла огромную роль.

Къ 79 году въ руки дворянъ перешло 733 мил. руб. За вычетомъ того, что получили помѣщики 9-ти западныхъ губерній, для коренныхъ русскихъ останутся 573 мил. руб. Здѣсь въ 61 г. считалось 103,158 помѣщиковъ. Но такъ какъ на выкупъ перешло, какъ сказано, только $^2/_3$ крестьянъ, то взявши ту же долю и для помѣщиковъ, можно заключить, что сумму въ 573 мил. руб. получили 68,000 лицъ. Въ среднемъ, это выходитъ только по 8,500 руб. на брата. Но сдѣлаемъ расчетъ болѣе частный.

Такъ какъ эта выкупная сумма (573 м. руб.) дана въ ссуду 5,538,503

крестьянамъ, то каждая крестьянская душа стоила, значитъ, около 103 руб. А по 10-й ревизіи (передъ реформой) почти $^1/_3$ всѣхъ крѣпостныхъ (3 мил. изъ $10^1/_2$ мил.) были въ рукахъ 1382 владѣльцевъ (по 2,207 душъ на чел.). Если бы всѣ они поспѣшили къ разсматриваемому времени получить выкупныя свидѣтельства, то они составили бы весьма внушительную группу капиталистовъ въ 1382 чел., изъ коихъ каждый получилъ разомъ по 227,000 руб. (103×2207). Конечно, всѣ они и получили постольку, но мы не можемъ сказать, одновременно, или нѣтъ. Вторую группу составляли 2421 помѣщикъ, владѣвшихъ каждый по 648 душъ и получившихъ, значитъ, по 66,744 руб. Обѣ эти группы владѣли 4,619 т. душъ (изъ $10^1/_2$ мил.).

Отношенія эти, сказать кстати, пережили крестьянскую реформу и существуютъ навѣрное и понынѣ, только опредѣляются не числомъ душъ, а числомъ десятинъ. Такъ, въ 77—78 гг. у насъ числилось 2,386 чел. (сословіе не обозначено), у коихъ было 37,107 тыс. дес. изъ 91,6 мил. всей владѣльческой земли (не только дворянской). Изъ нихъ 1444 чел. владѣли каждый по 5—10,000 дес., а 944 чел.—по 29,000 дес. на чел. (Въ Англіи только 4 пэра владѣютъ по 30,000 десятинъ; всѣ остальные меньше нашихъ будущихъ пэровъ).

Хотя эти расчеты и распредѣленіе полученныхъ суммъ только приблизительны, но они хорошо иллюстрируютъ ту мысль, какую прекрасную почву для насажденія у насъ капитализма представляла ликвидація крѣпостного права съ надѣломъ земли. Конечно, не всѣ эти деньги попали помѣщикамъ на руки. И напримѣръ, изъ 733 мил. руб. почти 299 мил. руб. пошло въ кредитныя учрежденія на уплату помѣщичьихъ долговъ. Конечно, злые языки прибавляли, что и полученныя на руки деньги были прокучены по заграницамъ. Но первое указываетъ только, что вмѣсто единовременной получки въ 299 мил. руб. помѣщики получили возможность удерживать у себя ежегодно около 18 м. руб., которые они должны были платить въ банкъ въ видѣ % за долги въ 299 мил. руб. Второе же—заграничныя траты—не могутъ подлежать учету. Да при томъ бывали онѣ и прежде, бываютъ и теперь.

Но что нѣкоторая и при томъ значительная доля выкупныхъ суммъ была помѣщена въ промышленныя предпріятія, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. 70-ые годы (начало ихъ), годы революціоннаго подъема, были въ то же время годами небываллаго подъема экономическаго. Тутъ впервые расцвѣла учредительская горячка, встряхнула самые застоявшіеся мозги и показала самымъ заядлымъ домосѣдамъ, какъ легко и скоро при новыхъ порядкахъ можно наживать деньгу, если взяться за дѣло съ умомъ и со „связями".

Объ этомъ можно судить на основаніи данныхъ объ акціонерныхъ компаніяхъ въ Россіи, которыя я привожу полностью.

Нарицательный капиталъ всѣхъ К°, открывшихся

въ	1799—1854	гг.	=	27,177	т. руб.
„	55— 59	„	=	53,240	„ „
„	60— 64	„	=	18,069	„ „
„	65— 69	„	=	32,035	„ „
„	70— 74	„	=	254,161	„ „
„	75— 79	„	=	138,839	„ „
„	80— 84	„	=	231,575	„ „
„	85— 89	„	=	175,360	„ „
„	90— 94	„	=	236,775	„ „
„	1895	„	=	129,863	„ „
„	96	„	=	232,640	„ „
„	97	„	=	239,324	„ „
въ	9 мѣс. 98	„	=	225,000	„ „

Отсюда безъ всякихъ поясненій видно, что въ годы 70—74 учредительская дѣятельность сразу достигла такихъ размѣровъ, до какихъ не достигала за все послѣдующее 20-тилѣтіе, вплоть до конца 90-хъ годовъ.

Большая часть этихъ капиталовъ ушла на постройку желѣзныхъ дорогъ. Изъ 17,658 верстъ, бывшихъ въ 75 году, 14,092 версты были выстроены въ одно десятилѣтіе 66—75 гг. Стоимость всей этой сѣти = 1,366 мил. руб., изъ коихъ казенныхъ только 240 мил. руб.

Правда, въ большой энциклопедіи все дѣло представлено въ такомъ видѣ, что вся эта желѣзнодорожная предпріимчивость была раздута правительствомъ, что желѣзныя дороги строились, главнымъ образомъ, на заграничные капиталы, и что акціонерныя компаніи учреждались съ единственной цѣлью заполучить отъ правительства выгодныя концессіи, на которыя оно было необыкновенно щедро. Но здѣсь я не вхожу въ разсмотрѣніе причинъ явленія (оговорюсь только, что такое освѣщеніе дѣла въ энциклопедіи считаю тенденціознымъ), а просто констатирую фактъ усиленной учредительской дѣятельности, направленной, главнымъ образомъ, на желѣзныя дороги. Извѣстно вѣдь, что эта отрасль промышленности до самаго послѣдняго времени остается ареной, на которой „предприниматели“, и при томъ съ громкими именами, входятъ въ интимное соприкосновеніе съ казеннымъ сундукомъ. Не мудрено, что тогда правительство особенно расположено было *потопить политическое недовольство экспропріированнаго сословія въ выгодныхъ денежныхъ аферахъ.*

Другимъ пунктомъ, куда больше всего направлялась въ это время учредительная предпріимчивость, было банковое дѣло.

Въ 64-мъ году открылся первый у насъ акціонерный банкъ коммерческаго кредита:

въ 71 году ихъ было уже 20
„ 73 „ „ „ „ 29
„ 76 „ „ „ „ 36 съ капит. въ 108 м. р.

Обществъ взаимнаго кредита было:

въ 73 г.	46
„ 74 „	73
„ 75 „	84
„ 76 „	91

Первый земельный банкъ открылся въ 64 году, другой въ 66, а въ 71—73 гг. учредилось разомъ 11 акціонерныхъ банковъ и нѣсколько городскихъ кредитныхъ обществъ.

И общества взаимнаго кредита (въ 73 г.), и поземельные банки (въ 78 г.) давали уже по 3 мил. руб. чистой прибыли. Поземельными банками за 14 лѣтъ (64 — 78) было выдано ссудъ 747 мил. руб., изъ коихъ 415 подъ сельскую и 332 подъ городскую недвижимость. Фактъ этотъ показываетъ, какъ велика была жажда въ кредитѣ и какой спросъ на денежный капиталъ существовалъ въ это время.

Третій пунктъ, на который я сошлюсь для характеристики экономическаго подъема 70-хъ гг., это—внѣшняя торговля. Размѣры ея видны изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Ввозъ.	Вывозъ.	Въ частности вывозъ хлѣба.
1868	240 м. р.	210	12,2 мил. четв.
69	319 „ „	247	10,2 „ „
70	309 „ „	343	21 „ „
71	345 „ „	352	23 „ „
72	408 „ „	313	15,9 „ „
73	412 „ „	346	20,7 „ „
74	440 „ „	411	26,8 „ „
75	449 „ „	361	22,4 „ „
76	443 „ „	379	25,4 „ „
77 (война)	292 „ „	508	30,5 „ „
78	558 „ „	596	42,2 „ „

Для внѣшней торговли это десятилѣтіе было, можно сказать, совершенно исключительнымъ. Это особенно бросается въ глаза, если сравнить насколько выросла торговля въ слѣдующее затѣмъ 20-тилѣтіе.

Такъ въ 99 г. ввозъ былъ 594 мил. руб. вывозъ 601 мил. руб.
„ 900 „ 572 „ 688 „
„ 902 „ 527 „ 825 „

т. е. она осталась почти на той же высотѣ, какой тогда достигла. Даже хлѣбный экспортъ въ общемъ увеличился немного.

Всѣхъ хлѣбовъ въ 98 г. было вывезено 457 мил. п.

„ 99 „ 344 „

„ 900 „ 418 „

„ 902 „ 578 „

т. е. около 40—50 мил. четв.

Очевидно, быстрая постройка жел. дорогъ сдѣлала свое дѣло, т. е. поставила Россію сразу въ связь съ международнымъ рынкомъ и дала ей возможность вдругъ развернуть всѣ свои покупательные рессурсы. Правда, эти цифры до нѣкоторой степени номинальны и для точнаго сравненія нужно бы сдѣлать поправку на курсъ рубля тогда и теперь, да на размѣры таможеннаго обложенія, благодаря которому за ввозъ въ 600 мил. рублей нынѣ населеніе на самомъ дѣлѣ уплачиваетъ 800 мил. руб. Но и безъ такихъ поправокъ эти данныя имѣютъ свое значеніе.

— „Пускай все это такъ,—скажутъ мнѣ,—но какое же отношеніе имѣетъ это къ революціонному движенію?“

И дѣйствительно, историкъ въ родѣ столь популярнаго Сеньобоса, набросаетъ совершенно изолированно очеркъ развитія идей и политическихъ движеній и спокойно замѣтитъ потомъ, что съ этимъ совпали *случайно* такія-то и такія-то явленія въ экономической сферѣ. Я держусь совершенно другого взгляда и думаю, что если происходитъ соціальное броженіе, и мысль фиксируется на экономическихъ вопросахъ, то таковое броженіе и такая фиксація не могутъ быть экспортированы изъ-за границы или навѣяны литературой. Почва для этого должна быть дома, корни должны быть въ нѣдрахъ самой жизни, и эту почву нужно такъ или иначе вскрыть, и эти корни явственно обнаружить.

Когда надъ руководящимъ дотолѣ сословіемъ повисъ во всей своей неприглядной реальности вопросъ: чѣмъ жить? и какъ жить? когда цѣлое десятилѣтіе тянулось своеобразное перераспредѣленіе благъ: одни получали землю и выражали на это свое неудовольствіе, а другіе брали деньги и тоже этимъ довольны не были; когда пущены были въ оборотъ всѣ денежные и умственные рессурсы для реорганизаціи хозяйства и отысканія новыхъ источниковъ скорѣйшаго обогащенія; когда масса лицъ руководящаго сословія, имѣвшаго дотолѣ постоянную и прочную ренту, была выбита изъ колеи и помышляла только объ одномъ — какъ бы обезпечить свое существованіе;—мудрено было бы, чтобы молодежь оставалась совершенно пассивной къ этому, или увлекалась при этомъ метафизическими вопросами, какъ одно время при Бѣлинскомъ. Что она рѣшила вопросъ о жизни по своему, что пути ея не только не совпадали, но шли въ явный разрѣзъ съ путями, на которые становились отцы,—въ этомъ ничего нѣтъ

удивительнаго: на то она и была молодежью, а этотъ возрастъ, какъ извѣстно, характеризуется отвращеніемъ ко всякому своекорыстію и грубой наживѣ. *Важно, что она была взбудоражена и охвачена соціальными интересами.* Ее захватывала (въ массѣ) не литература, не заграничныя соціальныя идеи: въ той же Швейцаріи одновременно съ русской молодежью вояжировали десятки тысячъ англійскихъ туристовъ разнаго возраста, совершенно не замѣчавшихъ ни тѣхъ идей, ни тѣхъ волненій, которыя заражали русскую молодежь, принесшую воспріимчивость къ заразѣ изъ дому. Ее захватывала своя родная жизнь, которая переживала только-что совершившуюся экономическую революцію и была богата общимъ недовольствомъ, экономическимъ и политическимъ.

Радикальная реформа сельскаго хозяйства не могла удовлетворить всѣхъ, даже болѣе—удовлетворяла только немногихъ. Роптали крестьяне, наполовину „фиксировавшіе" свои угодья, наполовину только-что приступавшіе къ этой фиксаціи, которая не сулила имъ въ будущемъ привычнаго простора. И ропотъ этотъ широкой волной разливался по Руси, только-что сдѣлавшейся проѣзжей: по новымъ дорогамъ тронулись всѣ рабочіе, ставшіе вдругъ свободными и лишними на урѣзанныхъ надѣлахъ, тронулись въ поискахъ за вольной копейкой, на которую новый денежный строй жизни предъявлялъ усиленный спросъ. Роптали помѣщики, особенно мелкопомѣстные (имѣвшихъ менѣе 21 души было 41,216), бросая насиженныя усадьбы и пускаясь въ бурныя волны житейскаго моря, обыкновенно въ столицы, гдѣ находили, что всѣ видныя мѣста давно уже заняты ихъ болѣе счастливыми собратьями. Тѣ осѣли здѣсь еще до реформы поближе къ руководящимъ сферамъ и придворнымъ милостямъ, которыя обѣщались (по словамъ князя Васильчикова) обиженнымъ сановитымъ лицамъ еще въ моментъ реформы; въ этихъ сферахъ долго и упорно (по словамъ того же свидѣтеля) держалась мысль, что „все, что сдѣлано, можетъ быть и передѣлано". Но и ропщущіе, и довольные, всѣ были выбиты изъ привычной колеи жизни и искали новыхъ условій, новаго строя жизни, новыхъ жизненныхъ укладовъ — въ самомъ обыденномъ матеріальномъ смыслѣ.

Въ результатѣ такихъ исканій со стороны массы лицъ какъ съ рабочими руками, такъ и со свободными капиталами, нежданно свалившимися съ неба, и долженъ былъ получиться, съ одной стороны, тотъ экономическій эффектъ, который я показалъ выше въ цифрахъ, а съ другой—соотвѣтственный этому подъемъ идей, настроеній и волненій, словомъ, подъемъ „духа", вмѣстѣ съ расцвѣтомъ соціальнаго творчества и соціальныхъ фантазій.

Нужды нѣтъ, что эти идеи и волненія на первыхъ порахъ, повиди-

ному, не были злободневными, и кружились не возлѣ наличныхъ и ближайшихъ экономическихъ нуждъ или реальныхъ правительственныхъ преградъ всякаго рода, а возлѣ „государственности и анархіи", „служенія народу" и прочихъ идеальныхъ темъ. Всегда вѣдь такъ бываетъ, что познаніе дѣйствительности приходитъ гораздо позже, чѣмъ иллюзіи и фантазіи. А въ революціонныя времена реальные интересы почему-то непремѣнно проходятъ сквозь какія-нибудь отвлеченныя формулы, будь то Contrat social, или Евангеліе, или другая наиболѣе растяжимая доктрина, въ которую, благодаря ея общности, такъ легко всякій неподготовленный умъ можетъ уложить любое содержаніе. И точно также *дѣятелямъ этихъ временъ всегда кажется, что они дѣлаютъ не то, что на самомъ дѣлѣ дѣлаютъ*. Революціонное время есть время дѣйствія, а не познанія, время бурь и страстей, а не спокойнаго наблюденія окружающей жизни. Задача историка — показать, откуда взялись революціонныя дѣйствія, страсти и настроенія, а не революціонныя идеи. Идеи могутъ быть взяты напрокатъ, могутъ быть заимствованы, могутъ быть чужими, могутъ передаваться по завѣщанію изъ столѣтія въ столѣтіе. А настроеніе можетъ быть только свое, должно родиться въ родной почвѣ и развиться въ условіяхъ окружающей жизни. Идеи всегда будутъ, разъ для нихъ есть почва и родилось настроеніе. Взятыя же сами по себѣ изъ посторонннихъ источниковъ, онѣ не создадутъ ни настроеній, ни дѣйствій, и замрутъ къ огорченію и разочарованію своихъ адептовъ, какъ замираетъ звукъ, не нашедшій тысячекратнаго эхо. Это и доказали гонители идей,— которые думали потушить общественное недовольство—запрещеніемъ выражать его словами.

Нужды нѣтъ также, что эти идеи и сопровождавшее ихъ движеніе возникло, повидимому, поздно, а не тотчасъ послѣ 19 февраля. Необходимо было время, пока это голое 19 февраля развернетъ, такъ сказать, во всю ширь свое экономическое содержаніе и наложитъ свою властную руку на оба затронутыя сословія. И не въ теоріи или перспективѣ, а на самомъ нутрѣ покажетъ тому и другому, каковъ это строй жизни, о которомъ они доселѣ читали и слышали въ манифестѣ, уставныхъ грамотахъ, положеніи о крестьянахъ, владѣнныхъ записяхъ и выкупныхъ актахъ. Все это время жизнь перестраивалась на новыхъ началахъ, создая новые соціальные укклады и новые источники существованія, и воспитывая новое, мыслящее уже поколѣніе въ соціально-революціонной атмосферѣ, разлитой повсюду, заражавшей всѣхъ и сознаваемой немногими.

Однако, обратимся снова къ статистикѣ.

Развитіе экономическихъ сношеній съ другими государствами сдѣлало болѣе частыми поѣздки за границу. Понятно, что чѣмъ шире общій между-

народный обмѣнъ, тѣмъ сильнѣе и быстрѣе происходитъ обмѣнъ идей, понятій, вкусовъ и потребностей. Размѣры этого движенія видны изъ таблицы:

Годы.	Русскихъ уѣзжало за границу.	Возвращалось.	Иностранц. пріѣзж. въ Россію.
1868	102 тыс.	98 тыс.	350 тыс.
69	137 „	156 „	287 „
70	168 „	147 „	397 „
71	144 „	119 „	382 „
72	199 „	189 „	514 „
73	236 „	204 „	586 „
74	286 „	252 „	568 „
75	329 „	297 „	585 „
76	347 „	303 „	557 „
77	331 „	285 „	560 „
	Увеличеніе въ 3 раза.		въ 1½ раза.

Всего за это 10-лѣтіе съѣздило за границу и вернулось русскихъ 2,050 т. челов. (Конечно, это число нужно сократить, такъ какъ многіе ѣздили неоднократно). За предыдущее же десятилѣтіе (57—68 г.г.) не болѣе 800 т. чел. Но въ это число вошли и пограничные жители, дѣлающіе (легально) кратковременныя поѣздки за границу для заработковъ и проч. Въ настоящее время ихъ считаютъ отдѣльно. Такъ, съѣздило за границу и вернулось русскихъ:

Годы.	По паспортамъ.	По легитимац. билетамъ.	Всего.
1896	128 тыс.	1,238 тыс.	1,366 тыс.
97	133 „	1,385 „	1,518 „
98	136 „	1,672 „	1,808 „
99	142 „	1,875 „	2,017 „
900	195 „	1,885 „	2,080 „

Иностранцевъ къ намъ пріѣхало въ 900 году по паспорту 248 тыс., по легитимац. бил. 1,563 тыс., а всего 1,811 человѣкъ.

Сравнительно съ 75 г. поѣздки русскихъ за границу увеличились въ 11 разъ, число же пріѣзжающихъ къ намъ иностранцевъ только въ $3^1/_2$ раза. Благодаря этому, теперь русскіе чаще ѣздятъ за границу, чѣмъ иностранцы къ намъ; въ 70-ые же годы было наоборотъ. Это, между прочимъ, нужно имѣть въ виду тѣмъ нашимъ національнстамъ, кто думаетъ и говоритъ о наводненіи Россіи иностранными предпринимателями.

Въ то время, какъ заграничное движеніе содѣйствуетъ международному обмѣну идей, внутреннее движеніе населенія (насколько оно опредѣляется регистраціей желѣзныхъ дорогъ) содѣйствуетъ внутреннему обмѣну идей и, такъ сказать, соціализаціи населенія. Ростъ этого движенія виденъ изъ слѣдующей таблицы, которая не нуждается въ комментаріяхъ. Перевезено пассажировъ:

1866 г.	7,7 мил. чел.	1889 г.	42,8 мил. чел.
67 „	8,9 „	90 „	44,3 „
68 „	10,0 „	91 „	48,1 „
69 „	11,0 „	92 „	49,3 „
70 „	15,3 „	93 „	51,5 „
71 „	18,3 „	94 „	53,6 „
72 „	21,5 „	95 „	58,6 „
73 „	23,5 „	96 „	65,4 „
74 „	26,1 „	97 „	74,7 „
75 „	26,6 „	98 „	83,7 „
		901 „	112,7 „

Любопытно, что продолжительность поѣздки одного пассажира за это время не измѣнилась. Какъ въ 1-й, такъ и во 2-й періодъ она= 100—110 верстамъ.

Болѣе въ слабой степени сплачиванію населенія содѣйствуетъ развитіе почтовыхъ сношеній. Обратно даже, оно можетъ свидѣтельствовать, что населеніе вынуждено разбредаться врозь и поддерживать старыя связи перепиской.

За 32 года число пассажировъ увеличилось въ 10 разъ, число же писемъ только въ 9 разъ.

Посылалось писемъ:

1866 г.	42,6 м. шт.	1892 г.	227 мил. шт.
74 „	61,8 „	93 „	241,9 „
77 „	87,6 „	94 „	255,3 „
82 „	118,7 „	95 „	278,5 „
88 „	170,6 „	96 „	302,6 „
90 „	195,8 „	97 „	340,3 „
91 „	212,5 „	98 „	363,6 „
		99 „	400,3 „

Періодическихъ изданій перевозилось почтой:

1874 г.	38,1 м. шт.	1890 г.	122,5 м. шт.
77 „	76,6 „	95 „	152,7 „
82 „	93,6 „	99 „	203,7 „
88 „	113,7 „		

Всѣхъ почтовыхъ отправленій	92 г. . .	439,9	тыс.
„ „ „	901 „ . .	947,5	„
„ „ „	902 „ . .	1,006,8	„

Какъ и слѣдовало ожидать, ростъ періодическихъ изданій отстаетъ отъ роста писемъ. Но все-таки въ настоящее время одинъ Коноровъ даетъ на почту больше экземпляровъ своего „Свѣта“, чѣмъ всѣ газеты и журналы вмѣстѣ взятые въ 74 году. Да Суворинъ около половины того (21 мил. экземпляр.)—Свѣдѣній о числѣ подписчиковъ на нѣкоторые журналы тогда и теперь я не привожу.

II.

Какъ извѣстно, „хожденіе въ народъ“ охватило въ видѣ эпидеміи всѣ высшія учебныя заведенія. Чтобы опредѣлить сравнительные размѣры этого движенія, полезно припомнить количество всѣхъ студентовъ, хотя бы университетскихъ. Приводимъ для этого таблицу:

Студентовъ универс. было:				Въ томъ числѣ въ Спб. унив.			
1823 г.	2,965	1882 г.	10,600 [1])	1869 г.	1,070	1898 г.	3,788
48 „	4,566	83 „	12,415	71 „	1,168	99 „	3,612
54 „	3,551	85 „	12,939	72 „	1,418		
64 „	4,323	88 „	13,033	76 „	1,149		
68 „	6,198	90 „	12,495	81 „	1,825		
69 „	5,985	94 „	13,144	82 „	2,165		
72 „	7,251	97 „	16,326	83 „	2,323		
73 „	6,145	98 „	16,582	88 „	1,697		
74 „	5,300	99/900 „	16,520	90 „	1,815		
78/79 „	6,901			91/92 „	2,351		
80 „	8,193			94 „	2,634		

Эта таблица краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о всѣхъ пертурбаціяхъ, которыя случались съ нашими университетами. Она показываетъ также, что, несмотря на всѣ разгромы въ 70-хъ гг., за періодъ 64 — 83 г. (18 лѣтъ) число студентовъ почти утроилось, тогда какъ за слѣдующія 18 лѣтъ (84—1902) оно даже не удвоилось. Если прибавить студентовъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то въ 72 году ихъ было едва 13,000 человѣкъ (7,251+5,236), а въ 99 г. уже не менѣе 30,000 челов.

Изъ этой таблицы также можно заключить, что къ „эпохѣ великихъ реформъ“ все николаевское тридцатилѣтіе оставило едва ли 20,000

[1]) Приблизительно, ибо свѣдѣнія были безъ Варшавскаго университета.

лицъ съ университетскимъ образованіемъ на всю Россійскую имперію. Въ настоящее время однихъ врачей считается около 20,000.

Но для насъ интереснѣе всего данныя о среднемъ образованіи, потому что они показываютъ сословный составъ учащихся.

Болѣе полныя свѣдѣнія, дающія возможность прослѣдить его исторически, имѣются только о гимназіяхъ.

Ихъ было:

	Гимназій.	Учащихся.
1809 г	54	5,569
15 „	56	7,682
36 „	66	15,475
45 „	75	19,744
46 „	76	20,668
47 „	77	20,372

Затѣмъ число гимназій остается то же въ теченіе всего слѣдующаго десятилѣтія, число же учениковъ идетъ на умаленіе и въ 53 году = 16,207, а до 20,000 опять доходитъ только въ 57 году. Еще въ 45 году была возвышена плата съ учениковъ „съ цѣлью удержать стремленіе юношей къ образованію въ предѣлахъ соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій". И затѣмъ высочайше повелѣно „сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ", каковые способы тогдашній министръ Уваровъ и представилъ на разсмотрѣніе комитета министровъ въ особой запискѣ, и, какъ показываетъ статистика, очевидно осуществилъ.

Эту довольно старую исторію я привелъ сюда съ цѣлью показать, что чисто-сословный составъ учащихся въ нихъ образовался благодаря сознательно проводимой политикѣ правительства. Продолжимъ исторію далѣе.

Годы.	Гимназій.	Учащихся.
1858	81	22,272
61	85	29,913
62	87	27,252 [3])
64	92	30,316
66	101 [1])	31,410
68	110	32,600
70	126	39,071
72	136 [2])	45,971

[1]) Съ 66 года появляются прогимназіи и входятъ въ общій счетъ.
[2]) Въ томъ числѣ 12 гимназій реальныхъ и 36 прогимназій.
[3]) Не взяли ли обратно этихъ почти 2,000 мальчугановъ ихъ родители, лишившіеся съ освобожденіемъ крестьянъ средствъ содержать ихъ?

Годы.	Гимназіи и прогимназіи.	Прогимназіи отдѣльно.	Учащихся въ тѣхъ и другихъ.
1874	—	—	42.176
76	—	—	47,639
78	206	—	53,072
83	233	78	71,357
88	235	68	59,771
91	239	59	61,079
94	235	58	63,429
97	235	58	58,092
99	240	44	77,635

Изъ таблицы мы видимъ, какой крупный скачекъ внизъ дѣлаетъ число учащихся въ царствованіе Александра III.

Очевидно, „кухаркины дѣти", противъ которыхъ началось тогда гоненіе, составляли около 15,000 человѣкъ. И Деляновъ недаромъ заслужилъ „графа", изгнавши ихъ вонъ въ такомъ числѣ. Въ общей сложности, гимназистовъ и реалистовъ будетъ:

Годы.	Человѣкъ.	Годы.	Человѣкъ.
1872	45,971	1888	79,590
76	58,519	94	87,411
78	65,835	97	87,364
83	93,222	99	111,691
85	93,109		

Эти суммы и нужно поставить въ историческую связь съ данными до 1872 года.

Возвращаясь къ сословному составу гимназистовъ, я привожу прямо характерную таблицу:

	1833.	1864.	1869.	1871.	1875 [1]).	1884.	1892.
Дворяне	78%	70	64	60	52,8	49,2	56,2
Городск. сосл. . . .	17%	20	26	28,7	33,6	35,9	31,3
Сельскія	2%	4	5	5,8	6,9	7,9	5,9
Духовн.	2%	3,5	3	4,8	1,4	2	1,9

Въ свою очередь въ реальныхъ училищахъ дворянамъ принадлежало изъ 100 только . . 80 г. 84 г. 92 г.
44 40,7 38 мѣстъ.

Очевидно, Деляновская политика очищенія гимназій отъ неблагородныхъ элементовъ принесла свои плоды. И въ 92 году, какъ видно изъ таблицы, дворяне снова заняли въ гимназіи преобладающее мѣсто. Конечно, это только на короткое время. Затѣмъ для нихъ останутся на-

[1]) По отчетамъ 77 г., городскія сословія преобладали въ низшихъ классахъ, а дворяне—въ высшихъ, что объяснялось тѣмъ, что первыя не считали необходимымъ для своихъ дѣтей полное гимназическое образованіе. Это можетъ быть приложено и къ другимъ годамъ.

долго главнымъ убѣжищемъ военныя училища разныхъ категорій, гдѣ (напримѣръ, въ кадетскихъ корпусахъ) одни потомственные дворяне занимаютъ 63 — 67 мѣстъ изъ 100, а вмѣстѣ съ личными 84 — 89 (въ 94—95 учебн. году). Только въ юнкерскихъ училищахъ число и тѣхъ и другихъ не превышаетъ 60%.

Но меня интересуетъ, главнымъ образовъ, составъ гимназій въ 64—71 г.г., т. е. въ годы, давшіе ту молодежь, которая разнесла сѣмена революціи по русской землѣ. Какъ видимъ, она состояла на $^2/_3$ изъ дворянъ. И это еще общія цифры для всей Россіи. Если же отбросить Дерптскій и Варшавскій учебные округи, которые меньше всего были причастны къ революціонному броженію и гдѣ въ 71 году % дворянъ былъ только 45 и 48%, то для остальныхъ русскихъ гимназій онъ еще больше возвысится. Въ Московскомъ и С.-П.-Бургскомъ учебномъ округѣ онъ еще въ 71 году = 70%, а въ 64 году долженъ былъ быть близокъ къ 80%.

Къ сожалѣнію, наша статистика сословій въ гимназіяхъ не различаетъ дворянъ потомственныхъ отъ личныхъ и служащихъ, такъ что мы лишены возможности опредѣлить точнѣе размѣры первой группы. Во всякомъ случаѣ, можно думать, что потомственные, т. е. дѣти помѣщиковъ, образовали наиболѣе крупную сословную группу изъ всѣхъ другихъ въ гимназіи. Такой составъ учащихся былъ очень благопріятенъ для того, чтобы соціально-политическіе вопросы, висѣвшіе въ воздухѣ, нашли здѣсь благопріятную почву для своего развитія: вѣдь для доброй половины этой молодежи чуялось здѣсь что-то родное и знакомое. Этой-то половинѣ по всей справедливости и нужно приписать роль *вдохновителя* и инициатора движенія. Что эта молодежь потомъ преслѣдовала не дворянскіе классовые интересы (напротивъ, относилась къ нимъ совершенно отрицательно), и что къ ней примыкали безъ разбора всякіе разночинцы, это ничего не говоритъ противъ того, что инициатива движенія принадлежитъ именно ей. Вездѣ и всюду къ народнымъ движеніямъ примыкаютъ самые разнородные элементы, недовольные существующимъ порядкомъ и ищущіе лучшаго будущаго, но они *примыкаютъ только къ готовому*. Создать же что-нибудь вновь можетъ только сплоченное ядро, сплоченное не организаціей, которая является уже потомъ, а единствомъ происхожденія или рода жизни и, значитъ, единствомъ чувствъ, настроеній, симпатій и антипатій и вообще—предрасположеній.

Эта молодежь, у которой первые проблески сознательности на 7-мъ году ея жизни совпали со вздохами ихъ родителей и горькими жалобами на порядки, или съ негодованіемъ на попраніе ихъ священныхъ владѣльческихъ правъ (вѣдь крѣпостниковъ дворянъ было тогда громадное большинство), эта молодежь, можно сказать, всосала интересъ къ соціальнымъ

явленіямъ съ молокомъ матери. Ни для кого не были тайной дворянскія желанія—получить новую политическую власть взамѣнъ утраченной 19-го февраля. Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что болѣе умные изъ дворянъ мечтали объ этой власти не исключительно только для своего сословія, а—какъ бываетъ часто—отожествляли свои интересы съ интересами всего русскаго народа. Эти желанія высказывались въ частныхъ кружкахъ и бесѣдахъ все время, пока длилась выработка крестьянской реформы. И тотчасъ же вышли на улицу въ видѣ революціонныхъ листковъ, какъ только крестьяне получили волю, а дворяне, взамѣнъ утраченныхъ правъ—ничего.

Но иное дѣло, конечно, высказывать желаніе, иное—добиваться ихъ осуществленія. Отцы все-таки были людьми опытными, т. е. понимали, что простымъ требованіемъ ничего не получишь, а силой взять они не въ состояніи. Дѣти же, зараженныя тѣми же желаніями еще въ безсознательномъ возрастѣ, въ силу своего возраста не могли считаться съ дѣйствительностью, а руководились исключительно своими мнѣніями. Эта „безсознательность“ держалась такъ долго, что, уже будучи юношами и печатая о „свободной федераціи свободныхъ общинъ“, они наивно думали, что этимъ прямого вызова правительству они не дѣлаютъ.

Къ этому времени „меньшій братъ“ не только успѣлъ войти во вкусъ полученной имъ „воли“, но и выразить громогласно свое полное недовольство полученнымъ удѣломъ. Такъ какъ въ этомъ послѣднемъ были повинны „отцы“, и при томъ настолько повинны, что во многихъ случаяхъ дѣло походило на простое ограбленіе, то понятно, дѣти не могли не внести сюда серьезной идеалистической поправки. Выйдя изъ среды сословія революціонизированнаго реформой, они не могли въ сознательномъ возрастѣ остаться глухими и къ интересамъ простого народа: недаромъ же они были вскормлены крѣпостнымъ хлѣбомъ и выняньчены крѣпостными няньками. Даже болѣе: я бы сказалъ, что стремленіе въ народъ было тогда неизбѣжнымъ, разъ люди отъ простыхъ желаній переходятъ къ дѣлу. Соціальныя блага берутся съ бою, а чтобы выйти на бой, нужно организовать силу, способную на это. Эта попытка и была сдѣлана хожденіемъ въ народъ. Насколько она была планомѣрна и цѣлесообразна—это другой вопросъ. Массовыя явленія, совершающіяся стихійно, никогда не подчиняются никакимъ маршрутамъ. И какъ только оказалось, что отъ народа нельзя ожидать активной поддержки, боевая организація приняла совсѣмъ другое направленіе...

Все это, конечно, мало соотвѣтствуетъ тому, что писалось на знамени и говорилось промежъ себя. Но историки давно уже научились оцѣнивать истинный характеръ историческихъ явленій независимо отъ словъ,

сопровождавшихъ ихъ. Недаромъ же такая оцѣнка устанавливается только послѣ того, какъ большинство очевидцевъ событій сомкнетъ навѣки. Если бы дѣятели великой французской революціи дожили до того времени, когда историки опредѣлили характеръ ея, они бы съ негодованіемъ отвергли такое опредѣленіе и сослались бы на свои знамена и свои идеальныя цѣли, а также и на то, что среда ихъ состояла отнюдь не изъ одной буржуазіи.

— „Помилуйте,—вскричали бы они,—какая тамъ буржуазія, когда у насъ даже аббаты играли активную роль. А вотъ вамъ еще имена маркизовъ и графовъ“!

Но умный историкъ осторожно проходитъ мимо именъ и учитываетъ только соціальныя категоріи.

III.

Посмотримъ, что стоитъ дворянство (въ американскомъ смыслѣ слова), какъ землевладѣльческій классъ, въ настоящее время. Каковъ его экономическій, а значитъ, и политическій вѣсъ?

До реформы дворянамъ принадлежало $10^1/_2$ мил. душъ. Доходность имѣній тогда зависѣла почти исключительно отъ количества крѣпостныхъ и, по Васильчикову, какъ общее правило, опредѣлялось въ 10 рублей съ души. Большинство помѣщиковъ (55 тыс. изъ 103) владѣло отъ 20 до 500 душъ и, значитъ, имѣло доходъ отъ 200 руб. до 5,000. Десятина воздѣлываемой земли (судя по оцѣнкамъ ея при выкупѣ) давала немного менѣе $2^1/_2$ руб. Конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ доходы помѣщика повышались на счетъ другихъ источниковъ (кромѣ земледѣльческаго труда), каковы: продажа лѣса, эксплоатація нѣдръ, рыбныхъ ловель и пр. Но такъ какъ и этотъ доходъ обусловливался въ концѣ концовъ величиной затрачиваемаго труда (т. е. количествомъ крѣпостныхъ рукъ), то опредѣленіе нормы дохода числомъ душъ болѣе близко къ дѣйствительности. Земли же незаселенныя совсѣмъ не считались цѣнностью, и еще въ 51 г. Уставъ о Земскихъ повинностяхъ выдѣлялъ ихъ и оставлялъ свободными отъ налоговъ. Въ среднемъ, значитъ, для всего сословія чистый доходъ едва превышалъ 100 мил. руб.

Велики или малы были такіе доходы сами по себѣ, но они обладали однимъ существеннымъ недостаткомъ — неспособностью къ увеличенію. Производительность подневольнаго труда всегда ничтожна и не можетъ быть повышена никакими мѣрами. А значитъ, ростъ дохода отъ имѣнія всецѣло обусловливается ростомъ населенія, т. е. размноженіемъ крѣпостныхъ. Какъ бы они ни плодились, но удвоеніе ихъ числа едва ли могло совершиться ранѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ, а, слѣдовательно, каждый владѣ-

лецъ могъ разсчитывать на увеличеніе своего дохода вдвое только въ 50 лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ число крѣпостныхъ въ 30-ые и 50-ые г.г. не только не увеличивалось, но даже уменьшалось: по 8-ой ревизіи (36 г.) ихъ было 10,7 мил., а по 10-ой (58 г.)—10,5 мил. душъ. Вѣроятно, зависѣло это больше отъ сдачи въ солдаты (во 2-ой половинѣ 40-ыхъ г.г подъ ружьемъ состояло болѣе 1 мил. нижнихъ чиновъ), чѣмъ отъ добровольнаго освобожденія нѣкоторыми помѣщиками, число коихъ считали единицами. Впрочемъ, такихъ вольноотпущенниковъ въ 50' г. было 223 тыс. чел.

Сравнительно съ тѣмъ, какъ растутъ доходы теперь, такое экономическое царство представляется намъ полнымъ застоемъ. Конечно, этому вполнѣ соотвѣтствовалъ мертвый застой во всей психической сферѣ. Ни одна мало-мальски порывистая натура не могла мириться съ этой неподвижностью, но не могла и выскочить изъ рамокъ ея. И всякая умная голова должна была понимать, что всѣ ея мечты о расширеніи хозяйственныхъ операцій натыкаются на крѣпостныя узы, какъ на неодолимую преграду, и что страна можетъ развернуть свои производительныя силы, только разорвавши ихъ.

Поэтому, дальновидному помѣщику не трудно было сообразить, что разрушивши царство такого застоя, можно только выиграть въ экономическомъ отношеніи. И если бы дѣло шло только о выпускѣ крестьянъ на волю безъ земли,—операція прошла бы весьма гладко и къ общему удовольствію помѣщиковъ. Выкупъ же для нихъ былъ наиболѣе больнымъ мѣстомъ, и не потому только, что отнимали у нихъ распаханныя уже земли, а главное потому, что грозилъ имъ остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни, если бы на оставшуюся у нихъ землю не нашлось рабочихъ рукъ. На самомъ дѣлѣ страхи оказались преувеличенными и, убытки были не такъ велики, какъ они вздыхали. Конечно, этому помогло то, что въ моментъ реформы, потерявши надежду удержать за собой всѣ земли, дворяне успѣли добиться того, чтобы удержать ихъ какъ можно больше, а крестьянамъ выдѣлить minimum, необходимый для ихъ существованія. Часть этихъ убытковъ могла быть возмѣщена сейчасъ же. Если бы владѣлецъ 2207 душъ, получившій 227,000 выкупныхъ, внесъ всю полученную сумму въ государственный банкъ, то при 5% только онъ получилъ бы оттуда 11.300 руб. въ годъ. Слѣдовательно, половину своего прежняго дохода онъ могъ вернуть въ тотъ же годъ безъ всякихъ хлопотъ съ своей стороны. Но стоило ему найти помѣщеніе своему капиталу съ дивидендомъ въ 10%, и онъ уже ровно ничего не терялъ. Такое помѣщеніе не тотчасъ же, но вскорѣ и нашлось, какъ объ этомъ говорилось вначалѣ.

Но этого мало. Крестьянамъ были выдѣлены не всѣ земли, находив-

шінся у нихъ въ обработкѣ до реформы, а со значительными урѣзками. Ясно было, что этого имъ мало уже въ настоящую минуту, а черезъ 10 лѣтъ, съ увеличеніемъ населенія на 15% ихъ спросъ на землю поднимется на столько же. Ясно было, значитъ, что земли, оставшіяся за помѣщиками и бывшія при крѣпостномъ правѣ бездоходными (п. ч. онѣ не воздѣлывались), очень скоро не только получатъ цѣнность и будутъ давать ренту, но и рента эта въ состояніи будетъ покрыть всѣ понесенныя потери. Практика и показала, что уже въ 70-хъ годахъ аренда непомѣрно возвысилась, и на голыя помѣщичьи земли открылся огромный спросъ. Уже въ 72 г. Де-Ливронъ писалъ: „крестьяне жадно покупаютъ землю и часто платятъ за нее весьма дорого". Значитъ, все дѣло было только въ томъ, чтобы переждать какое-нибудь десятилѣтіе, и потери (взятыя въ цѣломъ) будутъ вознаграждены, даже при полномъ отсутствіи предпріимчивости самихъ владѣльцевъ. Не прошло, далѣе, и 30 лѣтъ, какъ цѣнность земель почти утроилась (въ 99 г. средняя цѣна десятины, купленной черезъ крестьянскій банкъ = *78* руб.), а, значитъ, соотвѣтственно возросла и рента. Выходитъ, что помѣстное сословіе, у котораго въ перспективѣ было удвоеніе земельнаго дохода только въ 50 лѣтъ, почти утроило его уже въ тридцать лѣтъ, и это благодаря реформѣ съ надѣломъ земли, вызвавшей въ свое время „плачъ и скрежетъ зубовный".

Въ настоящее время, чѣмъ больше дорожаетъ земля, (независимо отъ ея доходности), тѣмъ больше соблазновъ для владѣльца не-хозяина отказаться отъ нея совсѣмъ. Если его имѣніе не находитъ арендаторовъ, а собственное хозяйничанье, какъ всегда, даетъ ему какихъ-нибудь 2—3 рубля съ десятины, то не лучше ли за эту десятину получить 78 руб. и положить ихъ въ банкъ, дающій 5% и, значитъ, получать за бывшую десятину по 3 руб. 90 коп. А тѣмъ болѣе, если это не банкъ, а „вѣрное предпріятіе" съ перспективой до 40% дивиденда. Мы и видимъ теперь постоянно, что въ числѣ учредителей почти каждой акціонерной компаніи фигурируетъ и дворянинъ такой-то. Даже проще: имѣніе можно заложить въ дворянскомъ банкѣ, а полученную сумму цѣликомъ помѣстить въ акціи. Банкъ требуетъ ежегоднаго платежа 6%, а самая плохенькая акція даетъ 7%. Разность въ 1% будетъ чистымъ барышомъ владѣльца, который сумѣлъ и имѣніе сохранить, и капиталистомъ стать.

Что именно такія операціи практикуются часто, объ этомъ можно судить по отчетамъ дворянскаго банка, въ которыхъ преобладаютъ ссуды подъ крупныя имѣнія. И, напримѣръ, въ 99 г. средній размѣръ ссуды (изъ всѣхъ 1900 ссудъ) = 28,800 руб. Въ 91 г. изъ 1931 лицъ, взявшихъ ссуды, 102 лица получили выше 100,000 руб. каждый, изъ нихъ 6 человѣкъ выше 500,000 руб. На долю этихъ 102 лицъ изъ всѣхъ выдан-

ныхъ въ этомъ году 56 мил. руб. досталось въ среднемъ около 22 мил. руб. (39%).

Если бы мы приняли этотъ годъ за норму (о другихъ годахъ у меня нѣтъ такихъ отчетовъ), то оказалось бы, что къ 98 году изъ всѣхъ 22,275 клiентовъ банка, получившихъ 711 мил. руб. 1172 лица получили въ общей сложности 277 мил. руб., каждый свыше 100,000 руб. Весьма сомнительно, чтобы такіе куши разомъ брали съ цѣлью пускать ихъ въ трубу, а не давать болѣе выгодное помѣщеніе. Въ Россіи стонъ стоялъ бы отъ оргій и кутежей, если бы такъ было въ дѣйствительности.

Общее количество земель, оставшихся теперь у дворянъ, можно опредѣлить въ 65 мил. дес. Послѣ реформы у нихъ оставалось 86 мил.; въ 92 г. считалось только 73 мил., но за одинъ 93 г. они утратили почти 1 мил. дес. (продали 2,091 тыс. дес., купили 1,104 тыс. дес., разность = 987 тыс. д.). Если такъ продолжалось и далѣе, то теперь должно оставаться не болѣе 65 мил. дес.

До реформы у помѣщиковъ было 120 мил. дес. Примемъ, что всѣ онѣ стоили по 30 руб. (хотя это невѣрно, ибо такъ оцѣнены были только культурныя земли, которыхъ было меньше $^1/_3$). Тогда все имущество помѣстнаго сословія, вся его экономическая мощь выразится въ размѣрѣ *3600 мил. руб.* Можно смѣло сказать, что не больше этого. Въ настоящее время, при цѣнѣ даже 70 руб. за десятину, всѣ 65 мил. дес., оставшихся у дворянъ, будутъ стоить *4,550 мил. руб.* И этотъ расчетъ менѣе преувеличенъ, потому что теперь сельскохозяйственная площадь у нихъ = $^1/_2$, а не $^1/_3$, какъ было тогда.

По Мюльгаллю, цѣнность всего сбора со всей сельскохозяйственной площади нынѣ у насъ не превышаетъ 3,000 мил. руб., вмѣстѣ съ соломой. Изъ нихъ около 1,200 мил. отъ зерновыхъ хлѣбовъ. Сельскохозяйственная площадь теперь опредѣляется въ 180 мил. дес., изъ коихъ около 110 мил. подъ пашней. Въ среднемъ приходится, значитъ, по $16^1/_2$ руб. валового дохода съ десятины (считая и паръ). Такъ какъ у частныхъ владѣльцевъ сельскохозяйственная площадь = $^1/_2$ всѣхъ ихъ владѣній (другая $^1/_2$—лѣсъ и неудобная земля), то доходность дворянскихъ земель мы опредѣлимъ помноживъ $16^1/_2$ руб. × $32^1/_2$ мил. (половина 65), а это дастъ всего *536 валового дохода*. Вотъ всѣ обороты дворянскаго землевладѣнія. Сколько тутъ чистаго дохода, судить не берусь, да это для насъ и не такъ важно. Съ этой суммой ежегодно дворяне выступаютъ теперь на экономическую арену и, какъ землевладѣльческій классъ, вѣсятъ на современномъ рынкѣ ровно столько, не болѣе. Какова эта величина по сравненію съ другими, фигурирующими на томъ же рынкѣ въ качествѣ „цѣнностей“, мы увидимъ ниже, а пока постараемся опредѣлить сравнительное

значеніе дворянскаго хозяйства передъ реформой въ экономической жизни всей страны.

Цѣнность дворянскихъ земель тогда я уже указывалъ. Производительность всей тогдашней культурной площади Тенгоборскій опредѣлялъ въ 52 году въ 1,658 млн. руб. Эта площадь тогда = 90 млн. дес., изъ коихъ обрабатывалось крѣпостными около 35 млн. дес. Значитъ, на долю помѣщиковъ изъ всей суммы въ 1658 млн. руб. приходилось *около 643 млн. руб.* Сама по себѣ эта цифра немного больше той, которую я выше опредѣлилъ для нынѣшняго времени. Но относительное значеніе ея тогда и теперь—совершенно измѣнилось.

Я разсматриваю экономическую роль дворянства исключительно, какъ землевладѣльческаго класса. И тогда, и особенно теперь, оно входило въ предпріятія, ничего или почти ничего общаго съ землевладѣніемъ не имѣющія, и опредѣлить эту долю его хозяйственной дѣятельности въ цифрахъ, разумѣется, нѣтъ никакой возможности.

Но вся тогдашняя промышленность, сравнительно съ земледѣльческимъ производствомъ была совсѣмъ ничтожна. Такъ, въ 50 году вся „индустрія" цѣликомъ оцѣнивалась въ 480 млн. руб., считая здѣсь даже все домашнее ткачество для собственнаго потребленія. Производство же чисто фабрично-заводское опредѣлялось въ 51 г. *въ 160 млн. руб.*

Что же касается торговли, то она тогда исключительно имѣла дѣло съ продуктами и почти вовсе не знала бумажныхъ цѣнностей, роль коихъ въ нашей экономической жизни впервые сказывается въ 70-хъ гг., а процвѣтаніе ихъ относится уже къ текущимъ днямъ. Всю же совокупность продуктовъ, поступавшихъ на рынокъ, Тенгоборгскій оцѣнивалъ въ 880 млн. руб., изъ коихъ 380 млн.— продукты земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ и исконаемыми), а 500 млн.—продукты индустріи. Прибавивъ къ этому „интересы" торговли, онъ опредѣлялъ всѣ торговые обороты въ 1260 млн. руб. Капиталы же, помѣщенные въ торговлю, въ 485 млн. руб. Полагая, что торговый капиталъ даетъ 10% прибыли, Тенгоборгскій заключалъ, что весь торговый классъ получалъ *48 млн. руб.* Теперь съ него идетъ налоговъ въ казну не менѣе этого, хотя выдѣлить это изъ общей суммы промысловаго налога невозможно.

Еще вѣрнѣе значеніе торговаго класса представится намъ, если мы сравнимъ число лицъ занимавшихся торговлей:

		1-ой гильдіи	2-ой	3-ей	Всего
Купцы	38 — 40 г.г.	917	1,871	33,516	36,304
	50 — 52 „	924	2,391	42,327	45,645
Крестьяне	38 — 40 г.г.	4	20	3,154	5,408
	50 — 52 „	4	25	4,395	7,215

Въ 50—52 г.г. занималась торговлей въ Россіи (безъ Польши) всего *52—53 тыс. лицъ*, ровно вполовину меньше, чѣмъ было тогда помѣщиковъ.

Вывозъ за границу, какъ и подобаетъ, составлялъ едва $^1/_{10}$ часть всего внутренняго торговаго оборота, и до Крымской войны перевалилъ за 100 мил. руб. только 4 раза по вывозу и 2 по ввозу.

Обокъ съ такой торговлей и такой промышленностью дворянство со своимъ валовымъ оборотомъ почти въ 650 мил. руб. и чистымъ доходомъ въ 100 мил. руб. должно было быть звѣздой первой величины на нашемъ тогдашнемъ экономическомъ небосклонѣ. Затѣмъ эта звѣзда постепенно стала меркнуть, и не потому, что реформа разорила его въ корень, а потому, что кругомъ него засіяли новыя звѣзды, земельное богатство, какъ источникъ дохода, отступило на второй планъ и дало мѣсто такимъ головокружительнымъ перспективамъ въ этой области, на которыя всякій николаевскій крѣпостникъ промѣнялъ бы свои прерогативы, если бы показать ему это воочію.

Чтобы дополнить экономическую картину того времени, нужно указать еще на размѣры всего государственнаго хозяйства, кредитныхъ и фондовыхъ операцій.

Государственные расходы только передъ самой Крымской войной достигли 250 мил. руб., причемъ $^2/_3$ ихъ поглощались войскомъ и процентами по долгамъ. Въ 42 г. они = 192 мил. руб., въ 37 г. = 150 мил.

Потребности въ кредитѣ покрывались казенными кредитными учрежденіями (коммерческій банкъ, сохранныя, ссудныя казны). Правда, были уже городскіе общественные банки, и къ 60 г. ихъ считалось 19 (теперь ихъ 241), но операціи ихъ были весьма незначительны. Да и всѣ вообще потребности въ кредитѣ были невелики, если онѣ удовлетворялись 2—3 кредитными учрежденіями на всю Имперію. Къ 59 г., когда появился на свѣтъ Государственный Банкъ, числилось по вкладамъ въ нихъ 725 мил. руб. и по ссудамъ около 500 мил. руб. А эти послѣднія почти всѣ безъ исключенія были взяты помѣщиками подъ залогъ $5^1/_2$ мил. душъ.

Такимъ образомъ и всѣ бумажныя цѣнности, обращавшіяся тогда, могутъ быть исчислены, если мы къ этимъ 725 мил. (банковые билеты) прибавимъ около 27 мил. руб. акцій, и, наконецъ, нѣкоторую долю государственныхъ бумагъ. Всѣхъ внутреннихъ займовъ въ 57 году считалось 198,9 мил. руб. Если этотъ перечень и не полонъ, то все-таки смѣло можно утверждать, что количество цѣнныхъ бумагъ тогда не превышало 1,000 мил. р.

Въ настоящее время количество этихъ цѣнностей по крайней мѣрѣ *удесятерилось*, хотя подвести имъ точные итоги, конечно, невозможно. Нѣкоторымъ довольно точнымъ показателемъ количества бумажныхъ цѣнностей служитъ $^0/_0$-ный сборъ съ этихъ бумагъ. Сборъ этотъ по росписи 901 г. опре-

дѣленъ въ 17,316 тыс. руб., и такъ какъ онъ взимается въ количествѣ 5% съ дохода, то значитъ чистый доходъ отъ бумагъ нужно опредѣлить *въ 340 мил. руб.* Полагая, что эти 340 мил. руб. есть 4% доходъ (по крайней мѣрѣ большинство этихъ бумагъ не выше), мы получимъ сумму капитала, который даетъ его, въ *8,500 мил. руб.* Но этимъ сборомъ обложены далеко не всѣ % бумаги.

Прибавивши сюда около 2,000 мил. руб. векселей (о нихъ—ниже), да около 1,500 мил. руб. денежныхъ знаковъ, мы получимъ приблизительное понятіе о всей суммѣ движимаго капитала, оперирующаго теперь на рынкѣ. Неудивительно, что Государственный Банкъ нынче такъ развернулъ свои операціи, что въ 99 году его обороты выразились въ 97,665 мил. руб. Его обороты въ 60 г. = только 1,816 мил. руб., изъ коихъ 1,015 мил. были торговые, а остальные—казенные. Къ 77 году обороты его достигали уже 24,360 мил. руб., изъ коихъ казенныхъ 1,175 мил. руб.

Въ частности, о развитіи денежнаго оборота и спроса на капиталъ могутъ свидѣтельствовать двѣ статьи банковыхъ операцій—учетъ векселей и вклады на текущій счетъ. Въ 60—64 г.г. за 5 лѣтъ было учтено векселей на 341 мил. руб. (по 68 м. въ годъ). Въ 99 году всю сумму учтенныхъ векселей, замѣняющихъ часто въ торговыхъ дѣлахъ деньги и цѣнныя бумаги, нужно опредѣлить не менѣе какъ въ 2,000 мил. руб. Вкладовъ на текущій счетъ въ 60-хъ г.г. стояло въ пассивѣ Государ. Банка отъ 18—41 мил. руб. въ годъ. Въ 900 году ихъ было во всѣхъ банкахъ около 1,000 мил. руб.

Всѣ эти разнородные бумажные капиталы оперируютъ, очевидно, не возлѣ пустого мѣста и не иначе, какъ для наживы. Съ одной стороны, они свидѣтельствуютъ о большомъ количествѣ лицъ, имѣющихъ свободныя денежныя средства и помѣщающихъ ихъ въ процентныя бумаги. Съ другой, они говорятъ о большомъ числѣ доходныхъ предпріятій, нуждающихся въ этихъ свободныхъ средствахъ, и удовлетворяющихъ эту нужду, благодаря широко раскинутой банковой дѣятельности.

Къ исчисленію этихъ доходныхъ предпріятій мы сейчасъ и приступимъ.

Данныя о торговопромышленныхъ предпріятіяхъ относятся еще къ 95 году, и на нихъ, между прочимъ, основывала свои расчеты комиссія, выработавшая новый законъ о промысловомъ налогѣ (при участіи, конечно, самой заинтересованной стороны). Число предпріятій и ихъ доходность видна изъ таблицы:

Годы.	Гильдійскія предпріятія.	Не гильд. предпр.	Прибыль первыхъ.	Приб. вторыхъ.	Въ части. прибыль.		
					1-ой гильдіи.	2-ой гильдіи.	Мелочныхъ торгов.
85	123,205	нѣтъ	183 м. р.	—	—	—	—
89	142,981	250,624	218 „ „	61,8	—	—	—
95	159,177	293,006	316 „ „	94,2	109,9	206,6	102,2
98	156,911	291,034	493		—	—	—

Здѣсь перечислены только платившія налогъ. Вмѣстѣ же съ неплатившими въ 95 г. числилось:

Гильдійскихъ предпріятій 167,382 }
Негильдійскихъ „ 320,293 } всего 487,675.

Какая часть изъ нихъ принадлежитъ собственно промышленнымъ предпріятіямъ, а какая—торговымъ, изъ таблицы не видно. Но судя по даннымъ 87 года, первыхъ должно быть не болѣе 48,000.

Сверхъ того, акціонерныхъ предпріятій паевыхъ, кредитныхъ и пр., дающихъ отчетность, платившихъ налогъ, было:

85 годъ	802,	ихъ прибыль=	70,236 т. руб.
95 „	1136.	„ „	138,335 „ „
98 „	1395,	„ „	179,000 „ „

Какъ и въ первой таблицѣ, эта прибыль не всѣхъ предпріятій, а только платившихъ налогъ.

Все фабрично-заводское производство (вмѣстѣ съ добычей ископаемыхъ) =

въ 87 году	1,334	милл. рубл.
„ 97 „	2,839	„ „

Такъ какъ въ 87 году есть данныя о 10,077 предпріятіяхъ съ производствомъ въ 591,000 т. рубл., гдѣ ихъ прибыль исчислена въ 4.6% отъ всего ихъ производства, то, взявши ту же норму и за 97 годъ, мы опредѣлимъ чистую прибыль всего промышленнаго производства въ 130 мил. руб. Изъ нихъ, вѣроятно, около 60 мил. руб. принадлежитъ промышленнымъ акціонернымъ компаніямъ.

Обороты собственно торговли въ 98 г. опредѣлялись въ 9.903 мил. руб. Болѣе крупныя отрасли ея слѣдующ.:

Банкирское дѣло, операціи съ деньгами и % бумагами	4,017	м. р.
Торговое посредничество	1,001	„ „
Мануфактур., галантер. и суровск. тов.	923	„ „
Хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ	880	„ „
Колоніальн. и бакалейн. тов.	612	и пр.

Сводя вмѣстѣ доходы капитализма, мы имѣемъ въ 98 году *672 мил. предпринимательской прибыли*, изъ коихъ около 130 мил. руб.—отъ промышленнаго капитала и около 540 мил. руб.—отъ торговаго. Такъ какъ на 901 годъ промысловый налогъ по росписи исчисленъ въ 62,7 мил. руб., то полагая даже, что онъ составлялъ уже 7% съ прибыли, мы должны принять всю предпринимательскую прибыль этого года уже *въ 890 мил. руб.*

Сюда не входитъ еще прибыль предпріятій, не обложенныхъ налогомъ, и прибыль отъ % бумагъ, исчисленная ранѣе (340 мил. руб.).

Выходитъ, что торговый капиталъ съ 52 года увеличилъ свои барыши разъ въ 12-ть. Числа лицъ, ведущихъ торговлю, къ сожалѣнію, мы не можемъ точно опредѣлить. Общее же число хозяевъ у всѣхъ 487,000 предпріятій нужно принять *не менѣе 400,000 чел.* Къ этому можно прибавить 278 тыс. приказчиковъ, ведущихъ то же дѣло болѣе или менѣе самостоятельно. (Примѣч. 1908 г. Насколько недооцѣнены были эти величины, видно изъ того, что по переписи 1897 г. лицъ, ведшихъ самостоятельную торговлю въ однѣхъ 50 губ., было 985 т. муж. и 244 т. женщ.).

Наконецъ, остается совершенно неизвѣстнымъ число лицъ, которыя раздуваниваютъ промежъ себя акціонерную прибыль въ 179 мил. руб. Есть ли это тѣ же предприниматели, которые уже выше перечислены, увеличивающіе свои доли изъ этого источника, или новый нарастающій классъ лицъ „свободныхъ профессій“ съ представителями нашей администраціи во главѣ, или, наконецъ, эта прибыль растекается въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества вплоть до держателей по 1-ой только акціи—объ этомъ можно строить однѣ догадки. Во всякомъ случаѣ, число лицъ, наживающихся отсюда, должно быть очень значительнымъ. Если бы ихъ было только 10,000, то они получали бы по 18,000 руб. каждый. Навѣрное ихъ больше.

Всѣ эти представители крупнаго капитала (купцы 1-ой гильдіи съ среднимъ доходомъ въ 20,000 руб.) и крупной земельной собственности (по 15,000 дес.) въ общей сложности должны дать не менѣе 10,000 лицъ. Это весьма замѣтный зачатокъ будущей русской плутократіи и готовый уже контингентъ для образованія *обѣихъ палатъ русскаго парламента*.

IV.

Резюмирую свои мысли.

Исходной точкой я взялъ брошенное мимоходомъ изреченіе Зола, котораго, кажется, еще никто не упрекалъ въ „марксизмѣ". Такой опытный наблюдатель и знатокъ жизни имущественныхъ классовъ хорошо знаетъ, что главную пружину всякихъ реформъ нужно искать въ имущественныхъ интересахъ. У всѣхъ народовъ отъ политическаго переворота (не дворцоваго, конечно) первые выигрывали наиболѣе богатые классы. Они первые (и часто только они одни!) пожинали плоды переворота и ухитрялись тотчасъ же занять мѣста ближайшія къ кормилу правленія."

Это всѣ признаютъ. Но что обратно, они же такъ или иначе и подготовляютъ переворотъ, столь имъ выгодный и желательный, объ этомъ почему-то спорятъ, хотя изъ перваго неизбѣжно вытекаетъ и второе. Они создаютъ общественное мнѣніе, они задаютъ тонъ жизни, они держатъ въ своихъ рукахъ издательство и печать, у нихъ на жалованьи интеллигенція или же сами они и составляютъ то, что называется „интеллигенціей". Словомъ, они вездѣ въ жизни имѣютъ значеніе и вѣсъ, и благодаря этому, многочисленными видимыми и невидимыми путями проводятъ въ сознаніе широкихъ круговъ общества отрицательное отношеніе къ существующему политическому строю и дѣлаютъ участниками своихъ разрушительныхъ тенденцій массу самыхъ разнообразныхъ лицъ.

Изъ этой разнообразной массы люди, обладающіе большей импульсивностью, большимъ самоотверженіемъ, или просто избыткомъ энергіи, не находящей приложенія, порываются скорѣе и дальше всѣхъ впередъ и становятся главарями движенія.

Нѣтъ надобности, чтобы цѣли были выдвинуты ясно и пути къ перевороту начертаны рѣшительно и опредѣленно. Напротивъ, послѣдніе нужно еще отыскать, а нѣкоторая туманность и отвлеченность съ идеалистической окраской весьма благопріятствуютъ привлеченію адептовъ. И самые горячіе изъ нихъ не есть еще самые разсудительные и дальновидные.

Къ тому же необходимость проводить идеи въ легальной и поднадзорной печати заставляетъ не высказывать всего и высказывать не такъ, какъ нужно. Самые же горячіе всегда и вездѣ высказываются больше всѣхъ. И тѣмъ больше страстности и одушевленія, чѣмъ строже надзоръ за печатью, тѣмъ меньше шансовъ уложить словесный потокъ въ то же русло, по которому пошло движеніе, повинуясь начальнымъ импульсамъ. А потому легковѣрные историки, судящіе по словамъ современниковъ, до сихъ поръ представляютъ историческія событія въ превратномъ видѣ. И

только недавно принялись за серьезный пересмотръ всего этого багажа съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ „двигательныхъ пружинъ“.

Выходя изъ этихъ общихъ идей и зная, что въ эпоху реформъ дворянство было единственнымъ сильнымъ имущественнымъ классомъ, и что имущественные интересы его были поколеблены освобожденіемъ крестьянъ, я вывожу все остальное: оно-то и было вдохновителемъ революціоннаго движенія. Движеніе это имѣло чисто политическія цѣли, но приняло на первыхъ порахъ исключительно экономическую окраску подъ впечатлѣніемъ переживаемаго экономическаго переворота и въ силу тѣхъ естественныхъ *несовпаденій идеологіи съ фактами дѣйствительности*, которыя такъ обычны въ эпохи общественнаго возбужденія.

Прошло десятилѣтіе. Дворянство скоро почувствовало, что его потери не такъ велики, какъ казалось ранѣе. Наиболѣе вліятельная часть его успѣла съ избыткомъ вознаградить себя за эти потери на счетъ „концессій“, а остальная масса—на счетъ усилившагося спроса на землю со стороны бывшихъ крѣпостныхъ. Къ тому же времени заканчиваются процедура выкупа, и неопредѣленность положенія для обѣихъ сторонъ прекращается. Наконецъ, новый авансъ правительства въ видѣ дворянскаго земельнаго банка далъ возможность извернуться и приспособиться къ новому строю жизни и самымъ отставшимъ изъ дворянъ. [1])

Изсякло у него возбужденіе, вызванное реформой, остылъ пылъ негодованія и раздраженія на правительство, прекратилось одновременно съ съ этимъ и движеніе. Прекратилось оно не потому, что выловлены были всѣ наличные элементы, бывшіе въ организаціи. Только прокуроры думаютъ, что они этимъ уловленіемъ что-то прекращаютъ.

Если бы движеніе получало прежніе импульсы, если бы корни его не засохли, на мѣсто погибшей организація явилась бы вторая, а на мѣсто второй—3-ья, и т. д. И въ такихъ случаяхъ никакое разочарованіе, никакой „опытъ“ предшественниковъ не имѣетъ ни малѣйшей силы. Когда дебатировалось „хожденіе въ народъ“, и когда революціонное настроеніе крестьянъ считали доказаннымъ исторіей, въ этой исторіи искали и находили только примѣры, благопріятствующіе общему самообольщенію, а отнюдь не тѣ, которые могли бы расхолаживать его, хотя такихъ примѣровъ въ исторіи и больше.

Такъ и всегда: аргументація въ соціальныхъ дебатахъ со ссылкой на исторію идетъ на буксирѣ у настроенія, а не создаетъ самаго настроенія. Въ эпохи подъема „духа“ безсильны трезвенные голоса. Если же

---

[1]) Банкъ былъ открытъ въ 85 г. по ходатайству орловскаго дворянства отъ 83 года, на которомъ Александръ III написалъ: „дѣйствительно, пора, наконецъ, сдѣлать что-нибудь, чтобы помочь дворянству“.

доводы благоразумія и расчета начинаютъ имѣть вѣсъ, это значитъ, что воодушевленіе потухаетъ само по себѣ и отъ другихъ причинъ, а не отъ уроковъ недавняго прошлаго.

Минуло еще 10 лѣтъ. Поѣздки за границу вообще увеличились противъ прежняго въ 10 разъ. Число учащейся за границей молодежи—во столько же. Удесятерилось навѣрное и знакомство съ политическою жизнью Запада. Соціалъ-демократія въ Германіи выросла до такихъ размѣровъ, о которыхъ, можетъ быть, не мечтали при Лассалѣ. А идеи заграничнаго соціализма, увы, не вдохновляютъ удесятеренное число русской молодежи на подвиги въ цѣляхъ совершенія „переворота". Происходитъ шатаніе мысли и разбродъ идейной обосновки дѣятельности,—какъ разъ параллельный колебанію и неустановленности классовыхъ интересовъ. Дворяне сошли съ главной сцены, но перевоплощаются въ новыя соціальныя формы. Промышленники еще не доросли до размѣровъ первенствующаго класса, а купцы утучнѣли еще больше и, пользуясь благопріятной „конъюнктурой", не успѣваютъ загребать барыши. Продолжается еще процессъ накопленія капитала, и какъ бы ни были велики его обороты, онъ еще остается въ фазѣ торговаго капитала, чувствуя, что здѣсь ему выгоднѣе, и только частію обращается къ производству.

Во всякомъ случаѣ, новое увлеченіе соціальными вопросами (послѣ застоя 80-хъ г.г.) какъ разъ „совпало" съ новымъ подъемомъ учредительской дѣятельности и расцвѣтомъ экономической предпріимчивости. Въ этомъ совпаденіи, какъ я уже упоминалъ, нужно видѣть причинную зависимость. Но что послѣдуетъ тотчасъ за этимъ увлеченіемъ, т. е. въ настоящую минуту, я предсказывать не берусь: и побольше насъ были пророки, да не могли предначертать ближайшаго хода событій.

Считаю, однако, вѣроятнымъ, что дворянство, какъ земельный классъ, будетъ все больше и больше клониться въ сторону консерватизма, подчиняя себѣ народъ и сознавая, что его эксплоататорскіе интересы, основанные на безправіи народа, тѣсно связаны съ неприкосновенностью самодержавія. Наиболѣе прогрессивные элементы его, не мирясь съ такими тенденціями будутъ уходить изъ деревни и увеличивать собою предпринимательскій классъ, куда они внесутъ присущую имъ интеллигентность и не потухавшую никогда жажду власти и потребность въ расширеніи правъ. Такимъ образомъ здѣсь они могутъ послужить ферментомъ, изъ котораго разовьется сознательная потребность въ свободѣ и во всемъ классѣ капиталистовъ.

Тѣмъ временемъ Витте, поднявшій, какъ кажется, обложеніе ихъ до 9 % съ прибыли, не остановится, конечно, на этомъ и не разъ дастъ имъ доказательство того, что ихъ прибыли наилучше будутъ гарантированы тогда, когда они сами станутъ у власти.

Настало ли теперь это время? Десять лѣтъ раньше или 10 лѣтъ позже—для такого огромнаго государства, какъ Россія,—мигъ одинъ. Но рано ли, поздно ли отсюда будетъ данъ толчокъ. И, быть можетъ, первый серьезный кризисъ съ массою банкротствъ вложитъ въ уста нашихъ капиталистовъ весьма зажигательныя рѣчи и дѣйственное сочувствіе ко всѣмъ, кто будетъ громче повторять эти рѣчи и примѣнять ихъ къ дѣлу...

Для тѣхъ, кто захотѣлъ бы провѣрять фактическій матеріалъ, привожу списокъ источниковъ, съ которыми я справлялся (кромѣ собственныхъ статистическихъ выписокъ, нахватанныхъ отовсюду)

Тенгоборгскій. О производительныхъ силахъ Россіи (на франц.), I—III т.

Де-Ливронъ. Статистика Россіи.

Статистическій сборникъ за 1882 г.

» » » 1883 г.

Васильчиковъ. О землевладѣніи, I—II т.

Iear book за 97 годъ.

Гюбнеръ. Статистическія таблицы (на нѣмец.).

Календарь Суворина (10 или 11 томовъ).

Научный словарь Филиппова.

Энциклопедія—нѣсколько томовъ.

„Вѣстникъ Финансовъ“ за 98 годъ.

* * *

Послѣсловіе.

Январь 1908 г.

Какъ ни покажется теперь, post factum, наивной эта попытка предсказывать въ 1902 г. исходный толчокъ для переворота, я просилъ бы читателя не дѣлать скороспѣлыхъ выводовъ. Происшедшая революція далеко еще не сказала своего послѣдняго слова. И какъ ни внушительно было выступленіе на авансцену „самодержавнаго“ пролетаріата, историкъ не долженъ забывать, что строить баррикады и устилать улицы своими трупами—было всегда исконной „привилегіей“ 4-го сословія всѣхъ народовъ. Этотъ *наружный* фактъ еще ничего не говоритъ о *внутреннихъ* пружинахъ. И когда рѣчь идетъ о революціонныхъ организаціяхъ, дальновидные люди никогда не забываютъ, что ни богатство духа, ни избытокъ героизма въ нихъ не могутъ сдѣлать ихъ дѣятельными, если изсякли питавшіе ихъ *денежные* рессурсы, и если остыло широкое сочувствіе вліятельныхъ общественныхъ слоевъ.

М. Новорусскій.

Выходъ изъ Шлиссельбурга на волю [1]).

Меня многіе спрашивали, были ли у насъ какія-нибудь надежды на освобожденіе? Или оно застало насъ совершенно врасплохъ и мы, что называется, очумѣли отъ неожиданной радости?

Зная, что я и многіе мои товарищи были заключены пожизненно, къ этому вопросу многіе относились съ удвоеннымъ интересомъ.

Нѣтъ, мы не были такъ легкомысленны. Правда, свобода для многихъ пришла слишкомъ поздно, но ее всегда ждали. Вѣдь состояніе безнадежности, какъ общее и постоянное явленіе, невозможно для человѣка. Оно можетъ находить часами, можетъ продолжаться нѣсколько дней, но не можетъ сдѣлаться непрерывнымъ на цѣлые годы. Это—не въ природѣ человѣка, такъ же какъ не въ природѣ человѣка думать постоянно только о своей смерти. „Живой—живое и думаетъ", говоритъ народная мудрость. И весь мозговой аппаратъ такъ уже устроенъ, что можетъ служить нормально только для того, чтобы поддерживать и расширять жизнь, а отнюдь не уничтожать.

Минуты приготовленія къ смерти — только минуты. И *какъ общее правило*, всѣ заботятся только о томъ, какъ устраивать свою жизнь, а не о томъ, какъ ликвидировать ее и приготовляться къ вѣчности.

Мы были молоды, оторваны отъ жизни еще въ юные годы, и свойственный молодому организму расцвѣтъ живыхъ силъ повелительно и непреодолимо внушалъ мысль о продолжительной жизни, о торжествѣ ея, о побѣдѣ, о счастьѣ и волѣ. Словомъ, обо всемъ томъ, что теперь было недоступно, что заповѣдано и заказано и семью печатями запечатано, но • чемъ все-таки думалось и мечталось невольно и постоянно.

Сознаніе безнадежности и состояніе отчаянія нападало нерѣдко и выливалось иногда въ стихахъ, которые благодаря этому проникнуты боль-

---

[1]) По разнымъ причинамъ издательскаго характера, эта глава, написаная два года тому назадъ въ завершеніе моихъ воспоминаній • Шлиссельбургѣ, не могла появиться до сихъ поръ въ русской печати.

Авторъ.

шею частью въ высокой степени элегическимъ и унылымъ настроеніемъ. Но настроеніе проходило, жизнь брала свое, и будущее, наше личное будущее, вновь представлялось вовсе не такъ безнадежнымъ, какъ это значилось въ офиціальныхъ реляціяхъ.

Офиціально же было сдѣлано все, чтобы отнять у насъ всякія надежды. Изъ трехъ манифестовъ, изданныхъ въ теченіе двадцати лѣтъ и „даровавшихъ милости, не изъемля и политическихъ преступниковъ", только одинъ примѣнили къ Шлиссельбургу, да и то частично: сокращены были сроки только срочнымъ, да тѣмъ, у кого судебный приговоръ поражалъ своей чудовищной несправедливостью. Остальные 8 человѣкъ, какъ были безсрочными, такъ и остались. Послѣ рожденія наслѣдника братъ моего товарища Г. А. Лопатина въ особомъ ходатайствѣ на имя Сената ставилъ ему на видъ необходимость примѣненія къ его брату Высочайшаго манифеста, согласно прямому и буквальному смыслу его. Но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскій отвѣтилъ, что на примѣненіе къ Г. Лопатину манифеста нужно особливое Высочайшее соизволеніе и за этимъ соизволеніемъ долженъ обратиться съ ходатайствомъ самъ заключенный. Ко всѣмъ остальнымъ намъ манифестъ не былъ примѣненъ уже безъ всякаго спеціальнаго разъясненія, да и Лопатинъ узналъ объ этой министерской волѣ только по выходѣ изъ Шлиссельбурга.

Но надежды наши помѣщались совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Несмотря на судебную формальность, точнѣе говоря, несмотря на поддѣлку подъ судъ, который предшествовалъ нашему заключенію, мы находились всецѣло въ области административнаго произвола и прекрасно это чувствовали и понимали. Надъ нами, какъ и надъ всей Россіей, царилъ не законъ, а простое усмотрѣніе лицъ, стоявшихъ въ данное время у власти. Поэтому,—какъ ни претенціозно покажется это утвержденіе, — наша судьба была неразрывно связана съ судьбой Россіи. А извѣстно, что еще редакціонныя комиссіи въ 1860 году смѣло высказали истину, что Россія погибнетъ отъ произвола чиновниковъ, если административная власть не будетъ подчинена закону.

Для народовъ, живущихъ правильною гражданскою жизнію и для лицъ, имѣющихъ голову на плечахъ, это такая азбучная истина, о которой и говорить не стоитъ. Теперь вотъ эту азбучную истину вкореняютъ путемъ безчисленныхъ административныхъ репрессій въ тѣ головы, въ которыя еще ни разу въ жизни не проникала ни одна политическая мысль. Понятно, что такой режимъ, приговоръ надъ которымъ гласно и ясно произнесенъ еще 50 лѣтъ тому назадъ, продолжаться безконечно не можетъ. Весь вопросъ въ томъ, когда онъ падетъ и какія обстоятельства дадутъ ему послѣдній роковой толчекъ. Объ этомъ можно было гадать разно, и мы, дѣйствительно, гадали на основаніи историческихъ, политическо-экономи-

ческихъ и вообще соціологическихъ данныхъ. Все, что попадало къ намъ изъ этой области въ печати, особенно же все, что касалось современной жизни Россіи, штудировалось нами съ захватывающимъ интересомъ и подвергалось расцѣнкѣ и взвѣшиванію, какъ въ продолжительныхъ одиночныхъ размышленіяхъ, такъ и въ совмѣстныхъ дебатахъ.

Въ этомъ отношеніи мы всецѣло были дѣтьми своего времени и если не много позади, но совершенно вровень со всей передовой русской интеллигенціей. Какъ эта послѣдняя, пытливо вглядываясь въ окружающее, старалась предугадать ближайшее будущее, такъ взирали на это грядущее и мы. Различіе было въ томъ, что всматриваться въ окружающее мы могли только чужими глазами. Но за то у насъ была такая масса досуга, какъ нигдѣ, такой запасъ проницательности, даже прозорливости, какой можетъ выработаться только въ продолжительномъ одиночествѣ, при постоянной вдумчивости и при полномъ отсутствіи всякихъ развлекающихъ и разслабляющихъ умъ впечатлѣній.

Извѣстная вѣдь истина, что если нечего видѣть и нечего слушать, то больше размышляешь. А чѣмъ больше и дольше размышляешь, тѣмъ больше пріобрѣтаешь способность угадывать то, что скрыто отъ глазъ и что недоступно внѣшнимъ чувствамъ.

Не даромъ же отрекшіеся отъ міра иноки, какъ это записано въ легендахъ и въ исторіяхъ, часто поражали воображеніе отдѣльныхъ смертныхъ своимъ умѣніемъ проникать въ чужую душу и читать въ книгѣ судебъ.

Я помню, какъ разсуждая однажды съ Карповичемъ въ 1903 году о близости политическаго переворота въ Россіи, я заявилъ ему, что когда дѣло назрѣетъ, то достаточно будетъ извѣстія, что шахъ персидскій далъ у себя конституцію, какъ народъ потребуетъ того же самаго и въ Петербургѣ.

Дѣло, положимъ, вышло нѣсколько иначе, и началось, какъ извѣстно, съ японской войны. Эта послѣдняя для насъ тоже не была неожиданностью. Еще тотчасъ послѣ побѣды Японіи надъ Китаемъ нѣкоторые болѣе проницательные товарищи обратили на Японію сугубое вниманіе. Еще въ 1896 году покойный товарищъ Л. Ф. Яновичъ писалъ у насъ рефератъ о быстромъ ростѣ Японіи, особенно послѣ объявленія въ ней конституціи, и задавался вопросомъ о возможности столкновенія ея съ Россіей и о шансахъ на побѣду съ той и съ другой стороны [1]).

Не прошло послѣ этого и восьми лѣтъ, какъ эта война дѣйстви-

---

[1]) Къ счастію, рефератъ этотъ уцѣлѣлъ, и заключительная часть его скоро появится въ печати.

тельно вспыхнула. Для насъ это было опять самое глухое время, потому что, съ воцареніемъ Плеве, періодической печати насъ лишили совсѣмъ и никакихъ новостей ни откуда къ намъ не проникало.

Не удивительно поэтому, что свое настроеніе въ эти дни мы выражали иногда въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ, напримѣръ, мое, написанное на Новый годъ—1904-й, которое оканчивалось словами: „И въ царствѣ спящаго народа Онъ не дождется нова года".

Но это писалось какъ разъ наканунѣ того дня, какъ наступили великія событія, разбудившія спящій народъ и пронизавшія нашу могильную тьму яркимъ лучомъ надежды.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ уже приходилось говорить, что узнали мы о войнѣ въ февралѣ же изъ отрывка газеты, подкинутаго доброжелательной рукой, и довольно согласно порѣшили, что пораженіе Россіи неизбѣжно, а за пораженіемъ послѣдуетъ ликвидація стараго режима, который не можетъ гарантировать странѣ даже внѣшней безопасности. Но въ теченіе всего 1904 года мы ровно ничего не знали о ходѣ войны. Получали мы въ это время три строго научныхъ журнала—нѣмецкій, англійскій и русскій, и въ нихъ жандармы вырывали даже объявленія, въ которыхъ, очевидно, упоминалось слово „война". Въ письмахъ, которыя мы получали отъ родныхъ, вымарывались цѣлыя страницы и также тщательно искоренялся всякій намекъ на войну. Такъ, если товарищу сообщали, что его тетушка ухаживаетъ за больными и ранеными, то фраза эта сохранялась, но слово „ранеными" вымазывались чернилами, къ счастью такъ, что химически можно было возстановить его. Впослѣдствіи, въ эту нашу химію они уже проникли и марали потомъ письма прямо чернымъ лакомъ.

Уже изъ этого можно было судить о ходѣ войны. Извѣстно вѣдь, что побѣдъ не только нигдѣ не скрываютъ, но трезвонятъ о нихъ во всѣ колокола. Очевидно было, что наше полицейское начальство прекрасно сознаетъ провиденціальную роль этой войны и прячетъ ее отъ насъ всѣми мѣрами, чтобы какъ нибудь въ нашу юдоль скорби не проникъ оживляющій лучъ надежды.

Наконецъ, когда въ одномъ письмѣ (къ Вѣрѣ Николаевнѣ) все-таки нечаянно проскользнула фраза, что ея родственникъ докторъ поѣхалъ на войну, мы обратились къ нашей администраціи съ невиннымъ, но открытымъ вопросомъ: съ кѣмъ это идетъ война?

Понятно, что жандармскіе офицеры, со свойственной имъ правдивостью, увѣряли честью, клялись и божились, что никакой войны у насъ нѣтъ. Точно также въ ноябрѣ того же 1904 года, т. е. почти 4 мѣсяца спустя послѣ смерти Плеве, нашъ смотритель, жандармскій ротмистръ, на

прямой вопросъ о томъ, кто у насъ министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣтилъ, не краснѣя: фонъ-Плеве.

Въ концѣ 1904 года мы получили опять право читать періодическія изданія за прошлые годы, за исключеніемъ газетъ. Было ли это результатомъ „весны“ и „довѣрія“, о которыхъ тогда говорили, или результатомъ манифеста по случаю рожденія наслѣдника, мы сами не знали. Конечно, в самую весну, и рожденіе наслѣдника такъ тщательно скрывали отъ насъ, что даже запретили на крѣпостной колокольнѣ производить обычный цѣлодневный трезвонъ. Но все-таки мы пронюхали объ этомъ, и наши остряки шутили, увѣряя, что насъ нарочно лишили журналовъ, за два года до манифеста, чтобы имѣть возможность ихъ даровать вновь по случаю манифеста.

Между тѣмъ лѣтомъ этого года, совершенно независимо отъ войны, въ нашей жизни случилось событіе, которое вызвало у насъ много толковъ и еще болѣе догадокъ. Насъ посѣтили, въ началѣ іюля, сначала княжна старушка Дондукова-Корсакова, а черезъ нѣсколько дней послѣ нея петербургскій митрополитъ Антоній. До сихъ поръ мы видѣли визиты только мундирныхъ персонъ исключительно изъ полицейскихъ или жандармскихъ сферъ. Для этихъ сферъ Шлиссельбургъ былъ настоящей синекурой, и ни одинъ посторонній глазъ сюда никогда не допускался.

И вдругъ такой экстраординарный визитъ! Какъ ни благонамѣренны были эти лица сами по себѣ, и какъ ни хорошо они были извѣстны въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, они все-таки были посторонними и отъ него безусловно независимыми лицами.

— Тутъ что-нибудь не спроста, догадывались мы: очевидно, ужасы Шлиссельбурга получили слишкомъ широкую огласку, и дѣлается попытка открыть въ нашемъ склепѣ небольшую отдушину, не нарушая по возможности его прежнихъ устоевъ.

Оба посѣтителя отнеслись къ намъ съ полной сердечностью и участіемъ, причемъ митрополитъ былъ у всѣхъ и бесѣдовалъ съ каждымъ наединѣ, а княжна впослѣдствіи выхлопотала себѣ право быть наединѣ, такъ какъ она посѣщала насъ многократно вплоть до самаго выхода. Оба они обнаружили потомъ искреннюю готовность внести серьезныя перемѣны въ нашу судьбу, и не ихъ вина, если ихъ благожелательныя попытки не привели ни къ чему.

Какъ бы то ни было, княжна Дондукова-Корсакова до самого конца разжигала наши надежды, совершенно не отдавая себѣ въ этомъ отчета, и какъ оказалось потомъ, не имѣя для этого никакихъ твердыхъ основаній, кромѣ своей субъективной увѣренности, вытекавшей, въ свою очередь, изъ ея глубокой религіозности. Мы же, у которыхъ головы были настроены

иначе, разсуждали, что если религіозно-убѣжденный человѣкъ говоритъ о нашей свободѣ, то значитъ въ воздухѣ носятся такія вѣянія, которыя эту свободу могутъ продиктовать и осуществить.

Тѣмъ временемъ, параллельно съ ходомъ событій на Руси, наши офицеры немного развязали свои языки и одновременно съ тѣмъ, какъ мы читали въ печати въ январѣ и февралѣ 1905 г. о началѣ военныхъ дѣйствій, сообщали намъ кое-что устно и о ходѣ ихъ въ текущій моментъ. Оказалось, что или они какъ разъ такъ, какъ мы и предугадывали, и при томъ съ большей выгодой для Россіи, чѣмъ расчитывали мы, ибо мы думали, что Владивостокъ также взятъ японцами.

Сообщали намъ и объ эскадрѣ Рождественскаго, съ большими надеждами на успѣхъ ея. Но изъ того, что намъ кратко сообщалось, мы дѣлали свои выводы. Такъ, изъ того, что эскадра подвигалась на востокъ черепашьимъ шагомъ, мы заключали, что эта великая армада, какъ называли ее „патріоты", заранѣе обречена на гибель, потому что *будущіе побѣдители такъ не ходятъ*. А какъ только услыхали или прочли, что Рождественскій флигель-адъютантъ, мы сочли его дѣло уже окончательно проиграннымъ. Всякій читавшій общую исторію знаетъ, что знаменитая своими пораженіями Австрія всегда посылала на поле битвы придворныхъ генераловъ. И всякій, даже не читавшій общей исторіи, знаетъ, что таланты Суворова не имѣли ничего общаго съ талантами придворныхъ.

Изъ современной періодической печати, кромѣ тѣхъ же научныхъ журналовъ, намъ дали лѣтомъ 1905 года журналъ „Хозяинъ" за весь 1904 годъ, гдѣ мы прочли немного о „веснѣ" и ея послѣдствіяхъ. Затѣмъ стали давать свѣжіе №№ „Извѣстій книжнаго магазина Вольфа" по мѣрѣ ихъ выхода. Этотъ библіографическій листокъ, содержавшій въ себѣ почти одинъ перечень книгъ, былъ для насъ настоящимъ кладомъ, откуда мы почерпали всѣ свѣдѣнія о великой русской революціи. Чѣмъ меньше тамъ было сказано, тѣмъ больше мы разукрашивали сказанное цвѣтами воображенія.

Такъ, въ перечнѣ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Право", значилась статья Гессена подъ заглавіемъ „Юридическая оцѣнка событій 9 января". Значитъ, заключали мы, 9 января было что-то очень и очень серьезное. Но что именно было, объ этомъ мы узнали только въ Петербургѣ. Или, въ перечнѣ новыхъ книгъ, значилось: „Великіе акты 18 февраля. Magna Charta". „Ага, заключали мы, запахло парламентомъ, по крайней мѣрѣ такимъ, какой англичане добыли себѣ чуть не 700 лѣтъ тому назадъ". Въ библіографическихъ извѣстіяхъ былъ даже напечатанъ слухъ, что въ виду имѣющихся быть перемѣнъ въ политиче-

комъ строѣ Россіи „Московскія Вѣдомости“, боровшіяся всегда противъ этихъ перемѣнъ, прекращаютъ свое существованіе.

Словомъ, постепенно все лѣто 1905 года накоплялась у насъ масса мелкихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, которыя въ нашихъ головахъ, окрыленныхъ богатой фантазіей, слагались въ общую картину совершающагося переворота. Такъ какъ о позорѣ при Цусимѣ мы узнали на другой же день, то уже въ маѣ для всѣхъ насъ былъ очевиденъ дальнѣйшій ходъ вещей. Всякое *честное* побитое правительство всегда у всѣхъ народовъ обращается съ повинной къ народу и приглашаетъ его притти къ нему и помочь ему найти выходъ изъ постигшихъ страну бѣдствій. Я даже пари держалъ съ однимъ товарищемъ, что миръ будетъ заключанъ въ іюнѣ, а затѣмъ начнется ликвидація стараго порядка и самобичеваніе побитыхъ генераловъ.

Всѣ разоблаченія съ хищеніями и непорядками, развѣнчиваніе „героевъ“, разыскиваніе „виноватыхъ“, раскрытіе всѣхъ закулисныхъ пружинъ, раздраженіе побитыхъ и изобличенныхъ, словомъ все то, что для рядовой русской публики было сущимъ откровеніемъ, все это заранѣе не только предвидилось нами, но мы часто рисовали другъ другу эти картины со всѣми ихъ деталями, предвосхищая и саблю, усыпанную бриліантами для Стесселя, и послѣдующій неожиданный репримандъ. Времени у насъ было много, а настоящее не отвлекало насъ отъ творческаго воображенія хода грядущихъ событій. Къ тому же все это вѣдь такъ естественно и человѣкообразно! Нужно только имѣть капельку дальновидности и официальнымъ реляціямъ придавать ровно столько значенія, сколько онѣ того заслуживаютъ!

Но какъ ни предвидишь общій ходъ событій, окончательная ихъ развязка всегда наступаетъ какъ-то неожиданно.

Кажется, 5 августа начальникъ нашего управленія получилъ изъ департамента секретную телеграмму приготовить Н. П. Стародворскаго къ отправкѣ и прислать его въ Петербургъ немедленно. Стародворскій снарядилъ свой багажъ, распростился съ нами и былъ увезенъ. Изъ всѣхъ насъ 9-ти стариковъ онъ одинъ былъ срочный, и ему оставалось сидѣть всего полтора года. При томъ онъ былъ большой патріотъ и готовъ былъ защищать границы Россіи собственной грудью, о чемъ заявилъ безъ нашего вѣдома начальству еще мѣсяцевъ 8 назадъ. Поэтому мы не удивились, что его извлекли изъ нашей среды для какого-то дальнѣйшаго употребленія, тѣмъ болѣе, что къ его скользкому шагу всѣ относились съ порицаніемъ. Но можете себѣ представить наше изумленіе, когда на другой день, въ 8 часовъ утра, выйдя на обычную прогулку, мы увидали Н. П. опять въ нашей средѣ. По его словамъ, онъ былъ въ Петер-

бургѣ, и бесѣдовалъ долго съ директоромъ департамента полиціи (Гариным). Тотъ разсказалъ ему о Думѣ (Булыгинской), о томъ, что это *хотя не конституція въ европейскомъ смыслѣ слова, но нѣчто близкое къ ней*, о томъ, что послѣ созыва Думы имѣются въ виду реформы, и въ свою очередь выспросилъ у Стародворскаго о его взглядахъ и намѣреніяхъ служить на поляхъ Манчжуріи. Сообщивши, наконецъ, что уже идутъ давно переговоры о мирѣ и со дня въ день ожидается телеграмма о его заключеніи, директоръ пожалъ ему руку на прощанье и возвращая въ тотъ же застѣнокъ, прибавилъ:

— Потерпите еще немножко, а когда будете на свободѣ, заходите ко мнѣ на чашку чаю.

При этомъ между директоромъ департамента полиціи и ссыльно-каторжнымъ государственнымъ преступникомъ обнаружилось необыкновенно странное разногласіе. Директоръ ругалъ нашихъ генераловъ, начиная съ Куропаткина, Стародворскій защищалъ ихъ, такъ какъ тогда онъ былъ большимъ поклонникомъ военныхъ талантовъ Куропаткина и его отступательную тактику считалъ чуть не геніальной.

Кстати, онъ привезъ намъ и свѣжій № газеты, въ которую ему завернули напутственный завтракъ. Словомъ, все шло, какъ по писанному. И взвѣсивши добытыя новыя свѣдѣнія, мы порѣшили довольно согласно, что дѣло идетъ, между прочимъ, къ упраздненію Шлиссельбурга.

Такъ какъ самъ директоръ не счелъ нужнымъ скрывать отъ насъ фактъ созыва Думы, то мы налегли на мѣстную администрацію и добыли отъ нея № „Правительственнаго Вѣстника“, гдѣ было полностью напечатано Положеніе о Государственной Думѣ.

Она не возбудила въ насъ такого рѣзкаго недовольства, какъ на волѣ, можетъ быть, потому, что лично для насъ лучше было хоть что-нибудь, чѣмъ ничего. Но мы понимали, что такая Дума теперь не можетъ удовлетворить народъ, и что дана она слишкомъ поздно. Будь она учреждена 20 лѣтъ тому назадъ, когда за самую мысль о представительномъ собраніи готовы были всякаго согнуть въ баранiй рогъ, жизнь могла бы пойти ровно и гладко; Дума постепенно выросла бы до законодательнаго собранія, и мы не дожили бы ни до позорныхъ пораженій, ни до „неслыханной смуты“. Но теперь было уже поздно конопатить образовавшіяся бреши государственнаго корабля разными суррогатами и поддѣлками подъ народное правленіе...

Въ нѣсколько игривой формѣ выразилъ наше отношеніе къ Булыгинской Думѣ Н. А. Морозовъ въ своемъ стихотвореніи, которое напечатано въ его сборникѣ:

Скоро, скоро всю вселенную
Облекутъ царчей нетлѣнною;
Къ золотымъ отрогамъ мѣсяца
Серьги яркія привѣсятся.
Скоро, скоро куртку куцую
Перешьютъ намъ въ конституцію:
Будетъ новая заплатушка
На тебѣ, Россія-матушка!

Какъ бы то ни было, Дума представлялась намъ фактомъ недалекаго будущаго, и мы отложили свои упованія до 15 января, когда, по нашимъ расчетамъ, собравшаяся впервые Дума заговоритъ, естественно, объ амнистіи. А потому на остающіеся нѣсколько мѣсяцевъ мы совершенно успокоились. И я въ срединѣ октября приступилъ къ составленію новой коллекціи по ботаникѣ, которую и расчитывалъ кончить въ декабрѣ.

23 октября смотритель и докторъ, зайдя по текущимъ дѣламъ къ Карповичу, проговорились насчетъ имѣющей быть политической перемѣны, причемъ докторъ прямо сказалъ!

— У насъ будетъ *полная* конституція!

Очевидно, они уже прочли Высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 21 октября „Объ облегченіи участи лицъ, впавшихъ въ государственныя преступныя дѣянія", но ни словомъ не обмолвились насчетъ нашей собственной участи. Даже болѣе: для доктора въ это время я дѣлалъ рамки къ картинамъ. Онъ въ этотъ же день зашелъ ко мнѣ предупредить, чтобы я сдалъ тѣ, которыя уже сдѣланы, и больше не дѣлалъ. При нашемъ напряженномъ состояніи этого было бы вполнѣ достаточно. Мы бы поняли его совершенно правильно. Но онъ прибавилъ предательски, что, можетъ быть, скоро поѣдетъ въ Петербургъ и привезетъ еще нѣсколько картинъ, для которыхъ тоже понадобятся рамки, и тѣмъ испортилъ всю пророческую музыку.

Не знаю, были ли они увѣрены, что въ вышеназванномъ указѣ говорится и о *нашемъ* освобожденіи. Вѣрнѣе, не были, потому что всѣ прошлые манифесты столь же явственно говорили объ облегченіи участи государственныхъ преступниковъ, и это облегченіе всегда даровалось намъ только на словахъ, но не на дѣлѣ. Не даромъ же русскій народъ сложилъ мудрую, хотя немного и вульгарную пословицу: „Жалуетъ царь, да не милуетъ псарь".

И только волна всеобщаго возбужденія, поднявшаяся въ октябрьскіе дни, выбросила, наконецъ, насъ со дна нашего омута на твердый и свободный берегъ. А когда это случилось, департаментъ полиціи, какъ я скажу ниже, все-таки постарался скорѣе прописать намъ ссылку въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, несмотря на то, что нѣкоторые изъ насъ давно отбыли всѣ

сроки, допускаемые русскими законами, и при нормальномъ государственномъ порядкѣ могли бы предъявить законную претензію къ администраціи за незаконное содержаніе ихъ въ тюрьмѣ.

Однако, моментъ объявленія амнистіи пришелъ для насъ совершенно неожиданно. И тѣмъ не менѣе онъ не вызвалъ ни малѣйшей замѣтной сенсаціи.

Это было 26 октября, въ среду утромъ, около 10 часовъ. Мы по обычаю гуляли въ своихъ многочисленныхъ дворикахъ, гдѣ мы могли по желанію то оставаться наединѣ, то сходиться парами. Мы были вдвоемъ съ Морозовымъ и спокойно обсуждали какой-то теоретическій вопросъ, не имѣвшій никакого отношенія къ текущему моменту. Вдругъ дежурный отворилъ дверь и спокойно сказалъ:

— Пожалуйте въ первый огородъ.

Первый огородъ у насъ былъ очень большой. Тамъ помѣщались всѣ наши парники и по этому случаю тамъ, и только тамъ, намъ разрѣшалось быть вчетверомъ. Въ это время мы только что окончили парниковыя работы, приготовившись къ зимовкѣ и очистивши парники для будущей весенней набивки ихъ навозомъ.

На Думу то мы хоть и расчитывали, а къ весеннему посѣву все-таки готовились.

Такъ какъ въ первомъ огородѣ, въ виду такихъ его прерогативъ, была постоянная сходка въ четыре души, то неожиданное приглашеніе насъ туда мы сочли за самое обыденное явленіе. Нерѣдко и прежде кто-нибудь изъ очутившихся тамъ въ одиночествѣ звалъ такимъ образомъ черезъ дежурнаго къ себѣ компаньоновъ. Поэтому я только переспросилъ дежурнаго:

— Обоимъ итти?

— Да, оба—отвѣчалъ тотъ.

Мы спокойно вышли на тюремный дворъ, на который въ одну линію выходили всѣ двери изъ огородовъ, и тутъ увидали, что отворяютъ и другія двери, и черезъ нихъ тоже кой-кто идетъ по направленію къ этому же огороду. Черезъ нѣсколько секундъ мы вошли туда и увидали полковника Яковлева, нашего коменданта, съ бумагой въ рукахъ.

— „Ага,—сверкнула первая мысль:—чѣмъ-то пахнетъ!“ И тутъ же моментально вспыхнуло мимолетное чувство тревоги. До такой степени привыкли мы не ожидать изъ этихъ рукъ для себя ничего добраго.

Когда медленно, не торопясь, всѣ 11 человѣкъ обитателей новой тюрьмы оказались на лицо и комендантъ убѣдился въ этомъ, онъ прочелъ самую бумагу. Въ ней говорилось, что по указу Его Величества, данному пра-

вительствующему сенату, предписывается такихъ-то 8 человѣкъ [1]) освободить изъ Шлиссельбурга и отправить ихъ въ Петербургъ; Карповичу сократить срокъ наполовину, а Мельникову и Гершуни безсрочную каторгу замѣнить каторгою на 15 лѣтъ, „съ оставленіемъ ихъ въ Шлиссельбургской крѣпости по 1921 годъ".

Нечего сказать, точно и прозорливо высчитали.

Первымъ долгомъ мы спросили коменданта, примѣняется ли эта бумага, подписанная, какъ оказалось, Треповымъ, и къ тѣмъ, кто сидитъ въ старой тюрьмѣ? Тамъ, какъ узнали мы уже въ Петербургѣ, сидѣли Сазоновъ и Сикорскій.

Отвѣчаетъ: „Примѣняется".

Затѣмъ, мы просимъ его перевести ихъ немедленно къ намъ, но получили отказъ.

Потомъ мы начинаемъ разспросъ: что это означаетъ указъ отъ 21 октября, а вы объявляете намъ его 26-го. Гдѣ вы были пять дней и за что держали насъ здѣсь, не имѣя на то права?

Полковникъ Яковлевъ не смутился и отвѣчалъ, что онъ самъ читалъ въ газетахъ, какъ его грозятъ отдать подъ судъ за беззаконное содержаніе насъ въ тюрьмѣ, но что безъ специальной бумаги департамента полиціи онъ выпустить насъ не имѣлъ права. Бумаги же онъ до сихъ поръ не получалъ и, недоумѣвая объ этомъ, отправилъ вчера нарочнаго, который вотъ привезъ оттуда эту бумагу.

При этомъ онъ благоразумно умолчалъ, что въ департаментъ онъ ѣздилъ самъ 22-го, тотчасъ по прочтеніи этого Высочайшаго указа и, конечно, получилъ тамъ опредѣленный отвѣтъ, но какой именно, намъ въ точности неизвѣстно. Затѣмъ эту самую бумагу онъ получилъ вчера около 3-хъ часовъ вечера и счелъ для себя дозволительнымъ задержать ее почти на 20 часовъ: „Хоть день, да мой!" Какъ ни характерна эта задержка сама по себѣ, но просидѣвши въ тюрьмѣ свыше полутора сотъ тысячъ часовъ трудно было претендовать еще на какую-то надбавку въ 20 лишнихъ часовъ.

Тутъ комендантъ высказалъ еще догадку, что повезутъ насъ, вѣроятно, въ Иркутскую губернію, потому что онъ получилъ предписаніе снабдить насъ теплой одеждою.

Моя мимолетная тревога не была напрасной: предстоявшая намъ въ перспективѣ Иркутская губернія не сулила впереди ничего особенно заманчиваго.

---

[1]) Антонова, С. Иванова, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Попова, Фроленко и меня. Девятый, Стародворскій, былъ вытребованъ въ Петербургъ вторичной телеграммой еще 25 Августа.

И потому, глядя на зіяющіе тутъ рядомъ парниковые срубы, вдругъ стало жалко покидать ихъ и мѣнять невѣдомо на что.

Къ нашей компаніи присоединилось еще нѣсколько унтеровъ, которыхъ, навѣрное, волновали грустныя предчувствія, оба помощника коменданта и докторъ. Образовалась довольно живописная сходка, на которую любовался единственный посторонній зритель—часовой, стоявшій на стѣнѣ крѣпости, какъ разъ надъ первымъ огородомъ.

Разговоры и пререканія съ начальствомъ длились не меньше часа. Я долго и внимательно всматривался въ лица собравшихся товарищей,—положительно никакого возбужденія на ихъ лицахъ не замѣчалось! Случилось то, чего давно ждали, то, что было совершенно въ порядкѣ вещей, и что давно должно было случиться. Почти у всѣхъ на лбу выступила глубокая складка и напряженное выраженіе лица выдавало одно *смущеніе* и *безпокойство* передъ открывающейся неизвѣстностью, которая можетъ быть чревата всякими неожиданностями, и передъ которой не сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, найтись человѣкъ, обезсиленный и совершенно отученный отъ жизни.

И какъ всегда, чтобъ заглушить внутреннюю тревогу, мы обмѣнивались взаимно шутками и остротами, въ которыхъ выражалось наше обычное легкомысленное отношеніе къ серьезности минуты. Подъ такимъ соусомъ всякій надвигающійся кризисъ всегда воспринимался и переживался гораздо легче.

Да, наконецъ, еще будетъ впереди время,—и очень много времени,—подумать объ ожидающихъ насъ передрягахъ и невзгодахъ. Теперь же мы живемъ настоящимъ, а настоящее это означаетъ конецъ застѣнку. И потому вполнѣ умѣстны были шутки и совершенно неподдѣльныя.

Общій разговоръ скоро окончился соглашеніемъ, что мы останемся здѣсь еще два дня до пятницы, а въ пятницу къ часу намъ доставлены будутъ два пароходика, на которыхъ мы и поѣдемъ по 4 человѣка подъ усиленнымъ конвоемъ. „Ужъ извините, говоритъ: таково дано изъ Петербурга предписаніе!“

Эти же дни посвятили мы сборамъ въ дорогу, такъ какъ оказалось, что всякій можетъ взять съ собою свои вещи: кто тетради и записки, кто книги и коллекціи и разныя издѣлія. Рѣшено было также, что всѣ двери внутри тюремной ограды будутъ открыты въ теченіе этихъ двухъ дней и насъ не будутъ стѣснять въ передвиженіяхъ.

Я не дослушалъ до конца всѣхъ разговоровъ и поспѣшилъ къ себѣ въ камеру, чтобы сообразить, какъ мнѣ устроиться со своимъ имуществомъ. А имущества у меня было не мало, такъ какъ накопилось уже до 30 ящиковъ съ разными коллекціями. Послѣдній годъ я жилъ въ непрерыв-

ямъ, хотя и неопредѣленномъ ожиданіи. Поэтому я не разъ уже обдумывалъ, какъ мнѣ дѣйствовать, когда придутъ, откроютъ двери окончательно и скажутъ:

— Пожалуйте въ дорогу!

Еще лѣтомъ я сдѣлалъ небольшой дорожный сундучекъ. Еще въ августѣ мы съ Карповичемъ сковали четыре толстыя скобки къ другому большому дорожному сундуку, при чемъ Карповичъ немало вышучивалъ мои преждевременные сборы. У меня въ камерѣ стоялъ собственнаго издѣлія шкапикъ. Въ рѣшительную минуту я расчитывалъ положить его на спину, къ головѣ и къ низу привинтить скобки и, такимъ образомъ, получить легкое и быстро импровизованный дорожный сундукъ. Въ другой камерѣ былъ у меня низкій комодъ съ двумя выдвижными ящиками. Съ нимъ я хотѣлъ продѣлать такое же превращеніе, привинтивши тоже пару скобокъ. Оставалось попробовать, что куда уложить, и какъ уложить именно такъ, чтобы умѣстилось все въ этихъ двухъ посудинахъ.

Не буду разсказывать, какая кутерьма царила у насъ здѣсь эти два дня. Всякій это легко сообразитъ, если представитъ себѣ, напримѣръ, гостиницу съ 40 нумерами, гдѣ жильцы безвыѣздно жили лѣтъ 20, накопили тутъ всякаго хламу, и вдругъ, по приказу хозяина, всѣ одновременно должны очистить ее въ какихъ-нибудь 24 часа! Прибавить нужно еще къ этому, что мы за все это время никуда не ѣздили и ни малѣйшей сноровки въ приготовленіи къ путешествію у насъ не было. Къ тому же оно было полно неизвѣстности, всевозможныхъ препонъ и, навѣрное, конфискацій.

Изъ мастерскихъ выносили гвозди и молотки, доски и пилы, изъ города привезли чемоданы, всюду валялись „перевязочные матеріалы“ и цѣлыя горы бумагъ. Эти послѣднія разбирались, раскладывались пачками и тѣ, которыя не хотѣлось передавать жандармскому осмотру, тотчасъ относились въ кузницу. Тамъ горѣлъ огонь, почти непрерывно гудѣлъ мѣхъ, непрерывно же бросали въ горно пачки бумагъ и жгли, жгли и жгли...

Впослѣдствіи мы горько пожалѣли объ этомъ всесожженіи, потому что оказалось, что ни нашихъ вещей, ни нашихъ бумагъ никто рѣшительно не задерживалъ и не осматривалъ.

Время отъ времени, утомленные безпорядочной возней и бѣготней, мы собирались всѣ 11 человѣкъ гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку — а ихъ такъ много у насъ было!—и предавались прощальнымъ бесѣдамъ и изліяніямъ, наказамъ и обѣщаніямъ, а еще больше впечатлѣніямъ и догадкамъ о томъ великомъ переворотѣ, который переживаетъ родина.

Сколько лѣтъ мы его ждали! Сколько безсонныхъ ночей проведено было среди туманныхъ и яркихъ, живыхъ и смутныхъ картинъ этого не-

избѣжнаго переворота! Сколько длинныхъ-предлинныхъ дней и недѣль было пережито среди размышленій и горячихъ дебатовъ, посвященныхъ діагнозу и прогнозу того положенія дѣлъ въ Россіи, которое неминуемо вело къ этому роковому кризису, предсказанному давнымъ давно всѣми проницательными и непризнанными пророками своего отечества! И сколько же этихъ пророковъ было загублено и замучено за то, что они были дальновиднѣе другихъ и не хотѣли мириться съ порядками, которые въ настоящую минуту признаются офиціально подлежащими переустройству.

Мы дожили, наконецъ!... Мы дождались хоть къ тому времени, когда у нѣкоторыхъ истощался послѣдній запасъ героическаго терпѣнія.

Дождались!.. Едва-ли кто нибудь изъ читателей сумѣетъ ясно представить себѣ, что значитъ это *двадцать лѣтъ только и дѣлать, что ждать и, наконецъ—дождаться!*

При одной мысли объ этомъ духъ захватывало и голову кружило. Но предаваться намъ лирическимъ изліяніямъ было некогда, къ тому же везутъ насъ не на свободу, а въ невѣдомые края. Значитъ, пока что мы стоимъ еще у порога событій, имѣющихъ развернуться во всю ширь только впослѣдствіи.

Послѣ насъ въ тюрьмѣ оставалось всего только 5 человѣкъ. Изъ нихъ трое были постоянно съ нами, заботливо помогали намъ укладываться, снабжали насъ инструкціями, порученіями и совѣтами и прощались съ нами только на время и только до свиданія. Несмотря на то, что указанный въ бумагѣ годъ, — „съ оставленіемъ впредь по 1921 годъ“—былъ обозначенъ, никто, конечно, не придавалъ этому сроку ни малѣйшаго значенія. Бумага подписана была Треповымъ, а Треповъ самъ временщикъ, и надъ его бумагами, какъ и надъ нимъ самимъ, исторія скоро произнесетъ свой неумолимый приговоръ. Ири томъ, кто же станетъ ради пяти человѣкъ содержать цѣлую крѣпость, которая, какъ уже сказалъ смотритель, теперь же переходитъ въ вѣдомство министерства юстиціи.

И такъ, „до свиданія“, „до общей встрѣчи у работы на нивѣ народной“, въ такомъ родѣ мы написали остающимся на память, когда они попросили отъ всѣхъ насъ дать имъ автографы и пару словъ „въ альбомъ“. А потому на нашъ отъѣздъ они смотрѣли только какъ на кратковременную разлуку и, снаряжая насъ въ дорогу, совмѣстно съ нами тоже готовились къ отъѣзду, хотя и попозже насъ. Гершуни отломалъ кусокъ отъ известковой плиты изъ крѣпостной стѣны и поручилъ передать товарищамъ со словами: „Этотъ камень я вынулъ изъ крѣпостной стѣны Шлиссельбурга. Отъ васъ зависитъ разобрать эти стѣны до основанія“.

По мѣрѣ того, какъ мы ликвидировали помаленьку свое хозяйство и

свое заведеніе, возбужденіе наше возрастало. Свобода, какая-бы то ни была свобода,—все таки близилась. Первая ночь, конечно, прошла неспокойно, въ видѣніяхъ и предвкушеніи наступающей, наконецъ, воли. Но безсонная ночь не утомила насъ, и мы встали еще болѣе бодрыми и оживленными, чѣмъ были. Въ виду открывающейся перспективы, казалось, умирающій могъ-бы встать, и одряхлѣвшій старецъ сталъ-бы юнъ и подвиженъ, какъ ребенокъ!

Само наше начальство, должно быть, поддалось общему оживленію. Уже при объявленіи намъ резолюціи, наши власти значительно отмякли, бросивши обычную суровость и недоступность, сквозь которыя явно просвѣчивало желаніе показать намъ ежовыя рукавицы и досада, что нельзя это сдѣлать въ свое полное удовольствіе.

Теперь приходили они къ намъ запросто, какъ къ гражданамъ реформированнаго государства и приносили намъ лакомства, усиленно прося не обидѣть отказомъ. Смотритель принесъ отъ имени своей жены необыкновенно пышный тортъ, а докторъ—копченыхъ сиговъ и шоколадъ. Такова натура средняго русскаго человѣка вообще, а чиновника въ частности. Онъ полонъ добрыхъ чувствъ и безкорыстныхъ желаній, но проявлять ихъ можетъ только съ разрѣшенія начальства. И да здравствуетъ, значитъ, тотъ переворотъ, который можетъ развязывать нѣмые языки и неподвижныя руки на добрыя и безкорыстныя дѣла!

Совершенно незамѣтно промелькнулъ второй день, и быстротечно пронеслась послѣдняя ночь въ Шлиссельбургѣ, послѣдняя ночь подъ этимъ гнетущимъ сводомъ, въ безмолвіи этой каменной гробницы. Послѣдняя ночь изъ почти 7.000 ночей, изъ которыхъ каждая не сулила тебѣ радостнаго пробужденія!

На утро заколачивались еще кое-гдѣ послѣдніе гвозди, увязывались послѣднія веревки, дѣлались описи и, наконецъ, къ 10 часамъ все это сдавалось въ руки солдатъ, которые выносили ихъ и препровождали прямо на пароходъ. На двухъ пароходахъ мы размѣстились по четверо, списокъ тѣхъ и другихъ дали администраціи, на вещахъ поставили свои инціалы, сдали туда же шубы и, одѣвшись окончательно налегкѣ, вышли еще разъ на общую сходку.

Къ 12 часамъ позвали насъ на послѣдній обѣдъ, который, понятно, не лѣзъ въ горло, и покончивши съ нимъ, я взглянулъ въ послѣдній разъ на покидаемую навѣки камеру и вышелъ изъ нея съ мыслью, что есть такія жилища, которыя даже послѣ долголѣтняго пребыванія въ нихъ можно покинуть безъ всякаго сожалѣнія! Въ ней оставался еще большой мѣшокъ и много всякаго хлама.

Вышелъ я, согласно условію, въ тотъ же первый огородъ, гдѣ мы

должны были сойтись въ послѣдній разъ и оставаться до приглашенія въ путь. Какъ всегда передъ разлукой, царила всеобщая растерянность, въ голову и на языкъ лѣзли всякія незначущія мелочи, мысли уже уносились за предѣлы этихъ стѣнъ, гдѣ было такъ просторно и такъ заманчиво, но гдѣ насъ еще не было.

Наконецъ, появился самъ комендантъ съ помощниками.

Гершуни прочелъ намъ напутственное слово, гдѣ, между прочимъ, подсчиталъ, что мы восьмеро выносимъ отсюда на своихъ плечахъ 200 лѣтъ съ чѣмъ то тюремнаго заключенія.

Еще послѣднія объятія, и мы направились къ выходу изъ тюремнаго двора. Здѣсь на углу наши дороги расходились: молодежь повернула налѣво къ себѣ въ камеры, а мы бросили имъ въ догонку прощальный взглядъ съ чувствомъ сердечной скорби и направились направо за ворота. А выйдя здѣсь на площадь, мы обернулись назадъ окинуть взглядомъ фасадъ нашего безпримѣрнаго убѣжища и кстати поклониться въ послѣдній разъ оставшимся товарищамъ, которымъ хорошо было видно наше необыкновенное шествіе, хотя мы сами видѣли сквозь двойныя рамы только одинъ смутныя фигуры ихъ.

По дорогѣ насъ невѣдомо для чего завели въ канцелярію,—вѣроятно въ знакъ того, что всякое доброе начало въ Россіи должно исходить изъ нѣдръ канцелярій. А такъ какъ всѣ важныя событія сопровождаются рѣчами, то и полковникъ Яковлевъ счелъ нужнымъ сказать намъ нѣсколько словъ, въ которыхъ поздравилъ насъ съ освобожденіемъ и увѣрялъ насъ хотя совершенно напрасно, что онъ былъ всегда внимателенъ къ нашимъ нуждамъ и старался всякими мѣрами смягчить суровость режима, установленнаго высшими властями. Мы вынесли на всей своей нервной системѣ убѣжденіе, неизгладимо запечатлѣвшееся въ ней, какъ разъ обратное тому, что заявлялъ онъ. Тѣмъ не менѣе мы всѣ пожали протянутую имъ руку, такъ рады были мы тому, что наступилъ послѣдній моментъ и что черезъ 2—3 минуты мы вырвемся отсюда и не увидимъ больше никогда ни этого заведенія, ни его достойнаго хранителя.

Изъ канцеляріи оставалось сдѣлать до наружныхъ воротъ не болѣе сотни шаговъ по аллеѣ, густо засаженной деревьями и кустарниками. Въ эту заднюю часть крѣпости не проникалъ нашъ глазъ изъ оконъ тюрьмы. Здѣсь я уже начиналъ чувствовать растерянность, подобную той, которую испытываетъ человѣкъ, привыкшій къ видамъ петербургскихъ улицъ и очутившійся вдругъ въ незнакомомъ глухомъ лѣсу. По бокамъ дороги стояло все свободное населеніе крѣпости съ женами и дѣтьми и болѣе или менѣе экспансивно привѣтствовало насъ. Для нихъ это было столь же невиданное зрѣлище, какъ и для насъ, потому что прежнія единичныя освобожденія

совершались тайно и даже иногда ночью. Особенную сердечность обнаружили дамы, жены чиновъ нашей администраціи. Не знаю, была ли эта радость сознательна и совершенно безкорыстна, или онѣ въ своей наивности не понимали смысла совершающихся событій и того, что наше освобожденіе означаетъ закрытіе этого заведенія и лишеніе ихъ мужей насиженнаго весьма хлѣбнаго мѣста.

Еще два шага—и мы за воротами крѣпости. Нашимъ глазамъ открылся просторъ, невиданный 18 съ половиной лѣтъ. И какъ ни представлялъ я себѣ заранѣе этотъ моментъ, дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія: у меня захватило духъ, закружилась голова, я пошатнулся, и, кажется, готовъ былъ упасть и потерять сознаніе.

Это длилось одно мгновеніе. Я тотчасъ овладѣлъ собою и шагалъ вровень съ другими, какъ ни въ чемъ не бывало. На берегу стояла чуть не вся сотня солдатъ, которые такъ бережно и неотступно насъ охраняли. Къ нимъ присоединились стоявшія внутри крѣпости женщины и дѣти, и берегъ сплошь наполнился народомъ, среди котораго мы спустились на плотъ. Здѣсь уже стоялъ баркасъ, готовый отвезти насъ на пароходы, стоявшіе почему-то какъ разъ противъ насъ на срединѣ рѣки. На веслахъ сидѣли тоже солдаты. Здѣсь же на плоту насъ разлучили и предложили первой четверкѣ отправляться отдѣльно на первый пароходъ. Въ баркасъ усѣлись я, Лукашевичъ, Лопатинъ и Морозовъ. Черезъ минуту мы уже причалили къ борту парохода, и не успѣли оглянуться, какъ подхваченные подъ руки, очутились въ каютѣ.

Послѣ мы узнали, что пока насъ возили на баркасѣ, къ оставшимся товарищамъ (здѣсь были Поповъ, Фроленко, С. Ивановъ и Антоновъ) успѣли прорваться дамы и, не считаясь съ этикетомъ, горячо поздравляли ихъ, пожимали руки и открыто выражали свою непритворную радость

Не просидѣли мы и двухъ минутъ въ каютѣ, какъ пароходъ сдѣлалъ поворотъ налѣво кругомъ и пошелъ полнымъ ходомъ. Къ намъ тотчасъ же явился смотритель, который составлялъ нашу свиту вмѣстѣ съ 8-ю вооруженными унтерами, и сказалъ, что мы можемъ выйти на палубу. Очевидно, эта ненужная предосторожность была принята, въ интересахъ нашей сохранности, только на то короткое время, пока пароходъ былъ неподвиженъ.

Мы не заставили себя просить, тотчасъ вылѣзли на свѣтъ Божій и здѣсь впервые оглядѣлись...

И я очень сожалѣю, что ни описать это впечатлѣніе, ни передать его другимъ я рѣшительно не сумѣю. Нашъ языкъ слишкомъ бѣденъ и слабъ для того, чтобы изобразить такое положеніе. Онъ вырабатывался въ теченіе жизни всего человѣчества исключительно для того, чтобы переда-

вать впечатлѣнія обыденной жизни, думы, чувствованія и состоянія, которыя повторяются или могутъ быть повторены неоднократно. Положенія болѣе или менѣе рѣдкія мы изображаемъ словами, описывающими какое-нибудь другое положеніе, для слушателей достаточно извѣстное, и такимъ образомъ вводимъ ихъ, такъ сказать, окольнымъ путемъ въ кругъ нашихъ необыкновенныхъ чувствъ и нашихъ незаурядныхъ идей.

Но что можно сказать о положеніи, въ которомъ человѣкъ не только оказался единственный разъ въ жизни, но и былъ, можетъ быть, единственнымъ человѣкомъ, съ болѣе или менѣе нормальной головой, который пережилъ такой исключительный переломъ?

Въ самомъ дѣлѣ, какъ разсказать, въ какомъ видѣ представляется и какъ дѣйствуетъ на человѣка ширь и просторъ Божьяго міра, необъятный горизонтъ и все, что видимъ въ предѣлахъ его, на человѣка, не видавшаго почти 20 лѣтъ ничего, кромѣ глухихъ сѣрыхъ мрачныхъ или грязныхъ стѣнъ? Если сравню наше состояніе съ тѣмъ рѣдкимъ состояніемъ, которое переживаетъ слѣпорожденный, который начинаетъ видѣть послѣ удачной операціи, это сравненіе будетъ невѣрнымъ, потому что слѣпорожденный ничего ранѣе не видывалъ и просто учится видѣть заново. Мы же не только видали весь этотъ видимый міръ, но и нажили громадный запасъ впечатлѣній и неразрывно съ ними связанныхъ волненій, которыя отъ времени ослабѣли, заглохли и отодвинулись въ какую-то душевную глубину, гдѣ ничѣмъ не проявляли своего присутствія.

И вдругъ, мы видимъ вновь: и берега, и воду, и лодки, и городъ, и деревню, и лѣсъ, и поле, и дорогу, и линію телеграфныхъ столбовъ, и пр., и пр.; и все это не только замѣчаешь и воспринимаешь, но въ то же время и *вспоминаешь* съ какой-то особенной натугой и съ какимъ-то особеннымъ волненіемъ. Вѣдь все это когда-то видалъ. Вѣдь все это составляло когда-то частицу твоей внутренней жизни, со всѣми ея прелестями, чарами, волненіями, и надеждами. Вѣдь ты не только видалъ прежде лѣсъ и поле, но и наслаждался въ нихъ кое-какими радостями. И все это вмѣстѣ со зрительными образами было похоронено въ нѣдрахъ твоей души. И все это, можетъ быть, не воспрянуло бы никогда съ такою живостью и съ такой раздражающей силой, если-бы не удалось тебѣ увидѣть въ натурѣ этихъ предметовъ, составлявшихъ элементы твоей угаснувшей было психической жизни.

У меня сохранилось письмо, въ которомъ я описывалъ эту поѣздку подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ровно годъ назадъ. Тамъ, между прочимъ, говорится: „Берега, обильно покрытые лѣсомъ, то плоскіе, то обрывистые, съ особенной силой приковывали къ себѣ взоры, жадные и голодные взоры, ужъ столько лѣтъ не видавшіе ничего подобнаго. И что-то смутное, да-

лекое, давно погребенное, начинало всплывать въ памяти, — и въ сердцѣ явственно дрожали какія-то новыя неслыханныя струны... Вотъ мелькнулъ дачный домикъ, отъ него дорожка къ водѣ, плотъ и лодочка. Вотъ по дорогѣ труситъ лошадка съ какимъ-то сѣдокомъ въ телѣжкѣ. Вотъ темная зелень сосенъ прорвалась, далѣе идетъ полянка, и на ней голая рощица съ бѣлѣющими стволами, очевидно, березъ. И все это,—и домикъ, и лодочка, и рощица,—какъ есть живые, настоящіе, подлинные, а не тѣ, что ты привыкъ видѣть только на картинкахъ, да такъ привыкъ, что настоящіе-то кажутся какими-то странными и немного забавными. Смотришь на все кругомъ и удивляешься, что видимые предметы имѣютъ близкое сходство съ чѣмъ-то давно знакомымъ, но сидѣвшимъ только въ мозгу. Такъ смотритъ человѣкъ, 20 лѣтъ страдавшій полной слѣпотой, а потомъ вдругъ чудесно прозрѣвшій"...

Такъ вотъ, въ то время, какъ всѣ нормальные люди сравниваютъ видимые предметы съ другими видѣнными ими предметами, у насъ невольно являлось сравненіе этихъ предметовъ съ тѣмъ-то сидѣвшимъ въ мозгу!

Другое сравненіе было еще курьезнѣе: мы находили, что видимые предметы не совсѣмъ похожи на тѣ, какіе изображены на картинкахъ. Вѣдь мы видали за эти годы всякіе виды природы, но видѣли только въ иллюстраціяхъ, и такъ привыкли судить о природѣ и представлять ее по этимъ картинкамъ, что настоящая то природа намъ казалась какой-то игрушечной и немного чуждой. И, напримѣръ, вода,—первое что увидали по выходѣ изъ воротъ крѣпости,—показалась мнѣ необыкновенно черной—не потому, конечно, что воспріятіе было невѣрное, а потому, что мы привыкли представлять ее по картинкамъ, гдѣ рисуется она чаще при ясномъ солнечномъ небѣ, когда и оттѣнокъ она имѣетъ совершенно другой. Долго спустя уже я передавалъ это впечатлѣніе Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ. Она вышла годомъ ранѣе и уѣзжала въ концѣ сентября. Она тоже обратила вниманіе на этотъ цвѣтъ воды и даже подумала: вотъ если-бы зарисовать ее точно въ такомъ видѣ,—никто бы не повѣрилъ, что вода можетъ быть такъ черна.

Однако, въ первыя минуты, очутившись на палубѣ, мы устремляли свои взоры не столько на широкое раздолье вольнаго міра и темную гладь красавицы Невы, сколько на ту каменную твердыню, гдѣ мы оставили лучшую часть своей жизни. И не мудрено. Тамъ именно было похоронено нами столько друзей и столько гордыхъ думъ, горячихъ сердечныхъ порывовъ, безкорыстныхъ стремленій и пережито еще болѣе тяжкихъ незгладимыхъ страданій! Тутъ только я впервые и вполнѣ могъ разсмотрѣть внѣшній видъ этой могилы, изъ которой мы какимъ то чудомъ

вышли, хотя были всѣ шансы и намъ, подобно многимъ и многимъ товарищамъ, сложить здѣсь свои буйныя кости!..

Мрачныя и угрюмыя стѣны, выходящія почти прямо изъ воды, производятъ необыкновенно тяжелое впечатлѣніе на человѣка, отлично знакомаго съ тѣмъ, что именно содержится внутри этой молчаливой и зловѣщей гробницы. Повернувшись назадъ, мы долго еще не отрывали глазъ отъ быстро удалявшейся крѣпости, которая, теряясь вдали, становилась еще болѣе мрачной и еще болѣе угрожающей. Даже уѣзжая отсюда, нельзя было отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. Какъ удавъ съ раскрытой пастью гипнотизируетъ сидящую на вѣткѣ птичку, такъ гипнотизировало и насъ это чудовище и заставляло наши мысли невольно витать въ тѣхъ камерахъ, изъ которыхъ мы такъ счастливо вырвались, и въ которыхъ въ печальномъ одиночествѣ пока еще остались трое нашихъ товарищей.

Наконецъ, еще нѣсколько мгновеній, рѣка сдѣлала крутой изгибъ и за поворотомъ скрыла отъ насъ навсегда этотъ злополучный островъ.

Пароходы все бѣжали и бѣжали другъ за другомъ. А мы все смотрѣли, смотрѣли и смотрѣли, пожирая глазами съ одинаковой жадностью все, что ни встрѣчалось на пути. И все, что ни встрѣчалось, одинаково волновало насъ и одинаково ударало въ голову, какъ ударяетъ въ голову рюмка вина у непривыкшаго къ нему.

Когда продрогшіе и утомленные мы спустились въ каюту погрѣться, тамъ на столѣ оказались четыре свертка съ парой котлетъ въ каждомъ, съ кускомъ пирога и бисквитами. Это предусмотрительный комендантъ (начальникъ управленія) снабдилъ насъ ужиномъ, изъ опасенія, что въ Петербургѣ насъ уложатъ спать голодными. Сказать по правдѣ, мы не были тронуты этой заботливостью: слишкомъ много горя приняли мы изъ тѣхъ же предусмотрительныхъ рукъ!

Мы братски раздѣлили трапезу съ восьмью вооруженными спутниками: недаромъ же мы съ нѣкоторыми изъ нихъ прожили не менѣе 15 лѣтъ бокъ-о-бокъ и, что называется, видали всякіе виды.

Обогрѣвшись и подкрѣпившись, мы снова вышли на палубу и увидали уже бѣгущій по берегу трамвай, должно быть близъ конечнаго его пункта по шлиссельбургскому тракту. Надвигались сумерки. Берегъ бѣжалъ попрежнему и съ утомительнымъ разнообразіемъ развертывалъ картину за картиной. Едва-ли со временъ поселенія здѣсь человѣка плавали по Невѣ люди, которые смотрѣли бы на ея унылые и монотонные берега съ такимъ захватывающимъ интересомъ, съ такимъ наслажденіемъ и очарованіемъ, съ какимъ смотрѣли мы тогда. Да, какъ прекрасенъ Божій свѣтъ, если взглянуть на него дѣвственными очами въ первый день своего второго рожденія! Какъ все въ немъ прелестно, жизнерадостно и гармонично!

И какой восторгъ и раздолье о чутиться снова на лонѣ этой природы, ея вольнымъ сыномъ, способнымъ двигаться и двигаться безъ конца, все видѣть, осматривать и располагаться тутъ и тамъ по собственному произволенію. Мы пьянѣли отъ однихъ только видовъ, потому что подъ ногами у насъ все-таки было еще не лоно природы, а голая и уединенная палуба, и вели насъ не на вольный просторъ, а въ приснопамятную Петропавловскую крѣпость.

Теперь на насъ уже надвигается городъ. И справа, и слѣва, и впереди, и сзади, какъ гигантскіе указательные пальцы торчали въ небо фабричныя трубы. Да и сколько же ихъ здѣсь! Вотъ онъ, капитализмъ-то, бывшій еще подъ сомнѣніемъ въ тѣ годы, когда мы покидали міръ! Вотъ они, огромныя зданія съ сотнями оконъ, уже сверкающихъ то газомъ, то электричествомъ, гдѣ зрѣютъ теперь новыя думы и гдѣ организуются стойкіе ряды защитниковъ правъ новаго русскаго гражданина!

Такъ мы доѣхали до Смольнаго, привѣтствуя этотъ огромный городъ, въ которомъ куются судьбы Россіи, а въ томъ числѣ и наши личныя. Наконецъ, по настоянію охраны, мы спустились въ каюту. Пароходъ прибавилъ ходу, мелькнули въ стеклянный потолокъ два ярко освѣщенныхъ моста, и минутъ черезъ 10 мы причалили къ воротамъ крѣпости, гдѣ на обширной гранитной площадкѣ снова сошлись всѣ восьмеро со всѣми 18-ю стражниками.

Пока шли какія то формальности, мы долго стояли, любуясь невиданными огнями мостовъ и набережныхъ. На небѣ висѣлъ дискъ луны, но такой мутный и блѣдный въ петербургскомъ мглистомъ воздухѣ, что мы не вдругъ распознали его и отличили отъ фонаря, неподалеку отъ котораго онъ стоялъ.

Наконецъ, за нами пришла новая стража, скомандовали итти, и мы сомкнутой колонной душъ въ тридцать двинулись въ свою новую, печальной памяти, квартиру. Извѣстно вѣдь, что въ царство свободы, какъ въ царство небесное, нужно проходить черезъ разныя мытарства.

Здѣсь мнѣ пришлось провести еще ровно 25 сутокъ. Шестерымъ товарищамъ значительно меньше. Первымъ долгомъ мы хлопотали, чтобы насъ выпускали на прогулку не въ одиночку на четверть часа, какъ тамъ полагалось, а всѣхъ вмѣстѣ, что въ сложности дастъ 2 часа ($^1/_4$ ч. $\times$ 8). На другой же день къ Лопатину пришли на свиданіе его братъ и онъ. А затѣмъ свиданія установились для насъ по 8 раза въ недѣлю, и постепенно родственники наѣзжали къ каждому изъ насъ. Наши друзья успѣли уже спозаранку послать намъ извѣщеніе. Каждый изъ этихъ дней свиданій приносилъ намъ бездну новостей и впечатлѣній, которыми на прогулкѣ мы обмѣнивались и тѣмъ еще болѣе усиливали ихъ возбуждаю-

щее дѣйствіе. Но первую новость принесли намъ неродные, а тюремщики,— въ видѣ бумаги, которую мы тщательно скопировали.

Самое интересное въ этой бумагѣ было твердое намѣреніе департамента полиціи упечь насъ еще въ ссылку на 4 года, въ томъ числѣ нашихъ старцевъ, просидѣвшихъ неизбывно въ заточеніи около 25 лѣтъ.

На свиданіяхъ намъ сказали, чтобы мы на эту бумагу не обращали вниманія, ибо дѣло о нашей судьбѣ куется помимо департамента. А дѣло это клонится къ тому, чтобы отправить каждаго изъ насъ на родину или къ роднымъ временно на поруки, такъ какъ, по общему мнѣнію, не сегодня завтра совершится окончательный поворотъ въ сторону пяти свободъ, и всѣ пострадавшіе за нихъ, конечно, будутъ отпущены на всѣ 4 стороны.

Общее согласіе на такую поруку, говорятъ, подписалъ еще Треповъ, въ день своей отставки, а затѣмъ выправляли бумаги о каждомъ въ отдѣльности, по мѣрѣ прибытія и явки родныхъ. Являлись же они, вслѣдствіе забастовки желѣзныхъ дорогъ, съ большой медлительностью.

Мой братъ, котораго извѣстили о моемъ положеніи, не имѣлъ возможности своевременно пріѣхать въ Петербургъ. А такъ какъ, по словамъ упомянутой мною раньше княжны Л.-Корсаковой, которая зашла и здѣсь ко мнѣ на нѣсколько минутъ, и митрополитъ Антоній и архіепископъ финляндскій Сергій готовы были заступить здѣсь мѣсто моихъ родныхъ, то я отдался въ ихъ распоряженіе и, такимъ образомъ, очутился въ Выборгѣ.

Въ маѣ этого года, по докладу министра юстиціи Щегловитова, моимъ товарищамъ разрѣшено отбывать ссылку въ предѣлахъ Европейской Россіи, въ мѣстностяхъ по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Но такъ какъ я лично живу въ предѣлахъ Финляндіи, гдѣ пользуюсь покровительствомъ ея законовъ и гдѣ нѣтъ мѣста никакому „усмотрѣнію“, то объ этомъ бюрократическомъ усмотрѣніи меня даже не извѣстили.

Но я забѣжалъ впередъ. Ужасная Петропавловка, которая теперь вполнѣ демократизировалась, потому что количество побывавшихъ въ ней лицъ уже исчисляется не десятками и сотнями, а тысячами и даже многими тысячами, не произвела на насъ такого впечатлѣнія, какъ на новичковъ. Въ общемъ она имѣла тотъ же удручающій видъ, что и 20 лѣтъ назадъ, хотя кое-что было ремонтировано, и подкрашено. Но на насъ эта внѣшность уже совсѣмъ не дѣйствовала. Даже унылый перезвонъ курантовъ на колокольнѣ, отбивающій каждую четверть часа похоронный маршъ всякому новичку, оказавшемуся во власти этой музыки, для насъ, по крайней мѣрѣ для меня лично, звучалъ игривою мелодіею, вселяющей увѣренность въ торжествѣ началъ свободы и жизни.

Правда, мы тотчасъ почувствовали массу мелкихъ житейскихъ не-

удобствъ, переносить которыя мы уже отвыкли. Тутъ была голая камера, желѣзный столъ, кровать, и ничего больше. Ни ножей, ни вилокъ, ни гребенки, ни бумаги, ни чернилъ, ни стула. Читать и писать, особенно вечеромъ, можно было только сидя на кровати въ крайне неудобной позѣ. Но что значатъ всѣ такіе пустяки,—будь ихъ цѣлый милліонъ,—при томъ самочувствіи, которое охватываетъ человѣка, когда онъ стоитъ у вратъ свободы!

Къ тому же со стороны друзей и родныхъ мы встрѣтили такую бездну участія, сердечной пріязни, радушія и готовности скрасить намъ эти послѣдніе переходные дни, что они сдѣлались для насъ, дѣйствительно однимъ сплошнымъ праздникомъ. Мы были, можно сказать, подавлены такимъ обиліемъ житейскихъ благъ, неожиданно свалившихся на насъ, что должны были, наконецъ, серьезно запротестовать и настоять, чтобы больше намъ не приносили ничего. Сказать кстати, казенная пища въ крѣпости въ это время была вполнѣ удовлетворительна и неизмѣримо лучше той, какую мы покинули въ Шлиссельбургѣ.

Самое забавное, что случилось здѣсь съ нами, это перемѣна костюма и превращеніе въ обще-культурный видъ. Мы пріѣхали сюда въ казенной одеждѣ и въ ней могли бы выйти и на свободу, если бы наши близкіе не позаботились экипировать насъ. Прежде всего они доставили намъ метровую ленту и мы на дворѣ, при ноябрьской слякоти, раздѣвали другъ друга и снимали размѣры всѣхъ частей тѣла. Затѣмъ, по даннымъ записямъ, костюмы доставлялись намъ въ камеру, гдѣ мы ихъ выбирали, примѣряли, надѣвали и, наконецъ, появлялись на дворъ другъ передъ другомъ въ болѣе или менѣе преображенномъ видѣ. За долгое время сожительства вмѣстѣ мы такъ привыкли къ одной и той же внѣшности другъ друга, что эта новая костюмировка, и при томъ каждая на свой ладъ, смѣшила и потѣшала насъ, какъ настоящій маскарадъ.

Смотря по настойчивости родныхъ того или другого изъ насъ, бумажныя формальности благополучно оканчивались у однихъ скорѣе, у другихъ медленнѣе. Съ вечера предупреждали то одного, то другого, и каждые два-три дня мы съ кѣмъ-нибудь прощались, пока я не остался только вдвоемъ съ П. Л. Антоновымъ. Его дѣло было хуже всѣхъ, потому что мать его по дряхлости не могла пріѣхать лично, а Дурново, не забывшій старыхъ счетовъ съ нимъ, хотѣлъ упечь его на дальній сѣверъ, вмѣсто желаннаго имъ юга. Наконецъ, объявили и мнѣ 21 ноября бумагу подъ расписку, а въ ней говорилось, что я подлежу ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, „но въ виду невозможности меня отправить въ оную, вслѣдствіе загражденія этапныхъ путей“, меня отправляютъ въ Выборгъ къ архіепископу Сергію, для каковой цѣли за мной долженъ явиться жандармскій

полковникъ Гришинъ. Этотъ же полковникъ развозилъ до вокзала и всѣхъ моихъ товарищей.

Я забылъ сказать, что 2 сундука со своими коллекціями я уже давно передалъ въ надежныя руки, поручая водворить ихъ въ будущій Народный Университетъ. Завѣдующій тюрьмой полк. Веревкинъ, который съ нами былъ чрезвычайно любезенъ и снисходителенъ, какъ и всѣ нынѣшніе чины въ крѣпости, предупредилъ меня наканунѣ, чтобы я уложилъ свои вещи и утромъ былъ въ полной готовности. Послѣдній вечеръ я провелъ совершенно незамѣтно среди гробовой тишины, такъ какъ камеры кругомъ постепенно совсѣмъ опустѣли. Совершенно спокойно провелъ я и свою послѣднюю ночь подъ замкомъ.

Изъ газетъ, которыя украдкой намъ приносили родные, я зналъ уже часы отхода поѣздовъ въ Выборгъ и потому ждалъ своего спутника къ первому утреннему поѣзду. Но онъ запоздалъ на цѣлый часъ, а потому, сѣдясь съ нимъ въ карету, въ которой было еще 2 нижнихъ чина, я опросилъ его:

— Кажется, мы уже опоздали къ поѣзду?

— Да мы ѣдемъ не на вокзалъ,—отвѣчалъ онъ.

— Куда же мы ѣдемъ?

— Въ лавру, къ митрополиту.

— А почему же объ этомъ ни слова не сказано въ моей бумагѣ?

— Не знаю. Но я имѣю на этотъ счетъ особое предписаніе.

Это было для меня неожиданнымъ сюрпризомъ. Ну, „иди, сажай меня въ карету, вези куда-нибудь“, подумалъ я словами Грибоѣдова. Предстояло проѣхать весь городъ насквозь. И уличное движеніе, и людская сутолока, которыя я могъ видѣть изъ окна, были для меня неожиданной находкой. Полковникъ зналъ, что онъ везетъ человѣка, который не видывалъ ничего этого съ незапамятныхъ дней. Но онъ все-таки приказалъ окно завѣсить занавѣской.

— Вотъ если бы они,—показалъ онъ на жандармовъ,—были въ штатскомъ платьѣ, тогда можно бы. Но я все-таки приподнялъ краешекъ занавѣски и впился глазами въ мелькавшія передо мной картины.

Какая масса людей! И какія все привлекательныя и пріятныя лица! Какъ мило они улыбаются, встрѣчаются и здороваются и какъ радостно почему-то всѣ настроены! И вѣдь совсѣмъ не подозрѣваютъ, что ѣдетъ тутъ среди нихъ и наблюдаетъ ихъ такой рѣдкій, изголодавшійся зритель, для котораго вся эта обыденщина есть сплошное парадное и торжественное зрѣлище. И какъ странно, что рѣшительно никто не подозрѣваетъ здѣсь моего присутствія, между тѣмъ, какъ черезъ какой-нибудь часъ, вырвавшись изъ цѣпкихъ рукъ полковника Гришина, я могу появиться

среди этой толпы лицомъ къ лицу, стать членомъ ея и чувствовать, чувствовать безъ конца одно сплошное наслажденіе! Да и какое, дѣйствительно, безконечное наслажденіе быть въ толпѣ, видѣть ея постоянное движеніе, ея ежеминутныя смѣны лицъ и костюмовъ, ходить среди нихъ, смотрѣть и смотрѣть безъ отдыха и чувствовать, что ты находишься среди себѣ подобныхъ, а не одинъ, какъ перстъ на необитаемой скалѣ, въ безнадежномъ и роковомъ одиночествѣ!

Да, весьма досадно, что человѣкъ кругомъ себя въ обыденныхъ житейскихъ встрѣчахъ имѣетъ неисчерпаемый источникъ наслажденія, но по своей привычкѣ остается равнодушенъ и совершенно не замѣчаетъ этого! И чтобы понять, какъ слѣдуетъ, оцѣнить и, главное, *почувствовать*, что такое для насъ простая людская толпа и что значитъ весь окружающій насъ міръ, міръ культурной жизни и дикой природы, для этого нужно лишиться всего этого на продолжительное время. И какъ тяжко въ свое время было страданіе отъ самаго факта лишенія всего этого, такъ въ свою очередь полны очарованія и неизъяснимой прелести всѣ первыя впечатлѣнія, которыя возникли при новой встрѣчѣ съ людьми и природой, и со всѣмъ, что такъ долго и абсолютно было недоступно.

Популярная научная истина, что человѣкъ есть общественное животное была познана нами на опытѣ и прочувствована всѣми фибрами души. Но я прибавилъ бы къ этому, что человѣкъ есть не только соціальное животное, но и сынъ или членъ природы, вырванный изъ которой онъ также тоскуетъ и страдаетъ, какъ и въ отсутствіи себѣ подобныхъ.

Но изъ всѣхъ уличныхъ встрѣчъ мнѣ наиболѣе памятны встрѣчи съ дѣтьми. Взрослыхъ я все-таки видѣлъ, дѣтей же только рѣдко и притомъ издали. А теперь я видѣлъ ихъ часто чуть не у самого окна кареты и они казались мнѣ особенно смѣшными, какъ какіе-то игрушечные люди. И какъ необычайно и забавно было наблюденіе великаго города и тысячной толпы людей въ узкую щель кареты, которая сама тонула въ массѣ экипажей! Гдѣ нибудь на перекресткахъ движеніе задерживалось, кучки лицъ стояли всего въ двухъ шагахъ отъ меня, и имъ въ голову не приходило, что своимъ видомъ доставляютъ такое неизъяснимое удовольствіе находящемуся рядомъ одичавшему выходцу изъ подземелья!

У митрополита я прожилъ двое сутокъ. Былъ праздникъ, и я зашелъ ко всенощной, какъ разъ къ тому времени, когда поютъ „Хвалите имя Господне“. Митрополичій хоръ всегда славился своимъ искусствомъ. Но когда онъ запѣлъ, у меня градомъ брызнули слезы и я долженъ былъ тотчасъ же уйти изъ церкви. Потомъ долго такимъ же образомъ дѣйствовала на меня музыка на роялѣ, пока я постепенно привыкъ къ ней.

Впечатлительность ко всему, очевидно, была ненормально повышенная.

Какъ наши руки становятся нѣжными и тонкими въ отсутствіи грубой и черной работы, такъ точно и наши нервы становятся нѣжными и слабыми въ отсутствіи обычныхъ впечатлѣній, которыя придаютъ имъ нѣкоторую загрубѣлость.

И много времени еще потомъ приходилось пріучать эту ослабленную нервную организацію къ нормальной дѣятельности.

Если бы въ нашемъ отечествѣ процвѣтала наука о человѣкѣ, всѣ мы, выходцы съ того свѣта, были бы рѣдкими и весьма интересными экземплярами для научныхъ наблюденій. Но, увы, не до науки у насъ теперь!

Не легко было перенести весь этотъ переломъ жизни, при которомъ нервная система, совершенно отвыкшая отъ дѣятельности, вдругъ должна была начать активно реагировать на безчисленное множество возбужденій, совершенно незамѣтныхъ для нормальнаго человѣка, но очень замѣтныхъ и болѣзненно замѣтныхъ для насъ.

Лично я перенесъ этотъ переломъ еще сравнительно легко, можетъ быть, благодаря нѣкоторой флегматичности своего темперамента. Но нѣкоторые изъ товарищей очень страдали отъ этого, одинъ сильнѣе, другіе менѣе. А трое изъ вышедшихъ ранѣе насъ совсѣмъ не вынесли всей тяжести жизни, открывшейся для нихъ, и покончили съ собой. Нѣкоторые жаловались мнѣ, что утратился какъ-то безо всякой причины самый интересъ къ жизни, что ко всему окружающему чувствуется какое то постылое равнодушіе, что становится совершенно безразличнымъ—жить или умереть. Еще бы! Мы столько лѣтъ непрерывно умирали и столько разъ думали о смерти, какъ единственной избавительницѣ отъ нашихъ напастей, что смерть перестала казаться намъ пугаломъ, какъ она кажется для всѣхъ смертныхъ, а представляется чѣмъ-то въ высокой степени близкимъ и привычнымъ.

Я только долго страдалъ отъ чувства неувѣренности и растерянности, подобнаго тому, которое испытываетъ, напримѣръ, новичекъ, попавшій въ многолюдный бальный залъ. Онъ кажется неловкимъ и робкимъ и боится, что всѣ замѣчаютъ его неловкость и всѣ обращаютъ на него вниманіе. Я тоже чувствовалъ такую же неловкость на людныхъ улицахъ. А на незнакомой дорогѣ или при входѣ въ незнакомую квартиру я терялся и мнѣ казалось, что я не попаду туда, куда мнѣ нужно.

Самые обычные житейскіе акты, самыя обычныя обращенія къ людямъ и съ людьми мнѣ казались необычайными, и я каждый разъ боялся сдѣлать ничтожный шагъ и мучился отъ мысли, какъ нужно сдѣлать и такъ ли я дѣлаю. Чувствовалась безпомощность, въ родѣ той, которую испытываетъ ребенокъ, пока не окрѣпнетъ на ногахъ. И какъ на ребенка дѣй-

ствуетъ ободряюще присутствіе няньки, которая можетъ поддержать его въ случаѣ паденія, такъ ободряюще дѣйствовало на меня присутствіе товарища, жителя этого міра, который умѣетъ ходить по улицамъ и можетъ провести меня и помочь мнѣ исполнить все, что нужно и что всякій взрослый человѣкъ исполняетъ безъ всякихъ помощниковъ. Очевидно, мы почти вошли въ дѣтство.

Затѣмъ память на имена и лица, на мѣста, слова, рѣчи и звуковые мотивы, словомъ память зрительная и слуховая была необычайно слаба. Вѣдь намъ негдѣ было практиковать ее и она атрофировалась отъ бездѣйствія. До сихъ поръ еще она далеко не вошла въ норму, и я забываю лица, съ которыми рѣдко встрѣчаюсь, и имена, которыя рѣдко употребляю.

Когда мнѣ приходилось бывать въ небольшомъ даже обществѣ, я чувствовалъ въ немъ полную растерянность. Ни слѣдить за разговоромъ, ни говорить для всѣхъ разомъ, ни отзываться на вопросы, ни возражать, особенно сразу нѣсколькимъ лицамъ и на нѣсколько мыслей, я совершенно не могъ. Пока я вдвоемъ, втроемъ, даже вчетверомъ, я чувствовалъ себя нормально, — вѣдь это допускалось и въ Шлиссельбургѣ. Но присутствіе десятка лицъ уже повергали меня въ смущеніе и я чувствовалъ какую-то странную стѣсненность — точно сковали мой языкъ и мои мысли. Это не была простая конфузливость или застѣнчивость, свойственная очень юному возрасту и знакомая мнѣ когда-то, а что-то новое, что чувствуется нѣсколько иначе.

Прибавлю еще, что я и до сихъ поръ испытываю огромное удовольствіе при всякомъ передвиженіи. И, напримѣръ, сидя въ вагонѣ, я наслаждаюсь, если смотрю въ окно на мелькающіе мимо пейзажи, и даже не смотря за окно, я чувствую сильное удовольствіе отъ самого процесса ѣзды. Не сказывается ли здѣсь высокая научная истина, что жизнь вообще, и жизнь человѣка въ частности, состоитъ въ *движеніи*.

И что механическое перемѣщеніе чувствуется, какъ яркое проявленіе жизни, и радуетъ, какъ рѣзкая противоположность тому неподвижному мертвенному застою, въ которомъ похоронены лучшіе, дѣятельные годы?

И да будутъ прокляты, поэтому, тѣ порядки, которые обрекаютъ на неподвижность и держатъ въ цѣпяхъ такую всемірно-историческую силу, какъ человѣческая энергія!

По выходѣ, на волѣ мнѣ пришлось однажды услыхать вопросъ: не жалѣю ли я теперь о загубленной жизни? — „Ни въ какомъ случаѣ", — отвѣчалъ я тогда, и повторяю то же публично.

Политическая свобода есть такое высокое общественное благо, за которое можно и всю жизнь отдать, не только лучшіе ея годы. Безспорно, тяжко умирать въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Но сознаніе того, *во имя чего* умираешь,— вселяетъ такую бодрость и спокойствіе духа, при которомъ сожалѣніямъ нѣтъ мѣста.

А если къ тому же при выходѣ на волю замѣчаешь, что торжествуютъ или пробиваются къ торжеству самыя завѣтныя твои чаянія, то это зрѣлище доставляетъ такое нравственное удовлетвореніе, при которомъ не чувствуешь понесенныхъ утратъ и ради достиженія котораго можно безъ колебаній принести такую личную жертву.

М. Новорусскій.

26 октября 1906 года.
Выборгъ.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“. (Спб., Невскій 92).

XII.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1906 ГОДЪ

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

М. Горькій. Царство скуки.
М. Горькій. «Мовъ».
М. Горькій. Чарли Мэнъ.
С. Юшкевичъ. Въ городѣ.
Зиновій Шэ. Домъ.
Эмиль Верхарнъ. Въ деревнѣ.
А. Серафимовичъ. Въ семьѣ.
Уольтъ Уитманъ. Стихотвореніе.
М. Новорусскій. Въ Шлиссельбургѣ.
Евг. Тарасовъ. Стихотворенія.
Евг. Чирпковъ. Въ тюрьмѣ.
Скиталецъ. Стихотвореніе.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

МИХАИЛЪ НОВОРУССКІЙ.

ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГѢ.

Картины и настроенія.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ нѣтъ ни капли вымысла.

Мнѣ пришлось провести въ Шлиссельбургѣ почти 19 лѣтъ: съ 5 мая 1887 года до 28 октября 1905 года. Когда я вспоминаю это время, въ головѣ сами собой выплываютъ отдѣльные, ничѣмъ не связанные эпизоды, почему-то сохранившіеся въ памяти наиболѣе рельефно. Я старался воспроизвести ихъ здѣсь по возможности точно. Я старался записать ихъ такъ, какъ записалъ бы ихъ въ дневникѣ тотчасъ послѣ переживанія, еслибы писалъ тогда дневникъ. Даже манеру обращаться къ себѣ во второмъ лицѣ я сохранилъ отъ того времени. Она развилась, какъ результатъ продолжительной одиночной жизни, когда можно было бесѣдовать только съ самимъ собой.

I.

Первые дни заточенія.

Итакъ — навѣки... Оставь надежду навсегда. Правъ ты, или неправъ,—твое дѣло рѣшенное и отнынѣ непоправимое. Сиди и жди. Быть можетъ, дождешься лучшихъ временъ, быть можетъ, нѣтъ. Впереди ничего не видно и разсчитывать не на что. Предъ тобой безконечный рядъ унылыхъ дней, совершенно похожихъ на сегодняшній. Ни радости, ни развлеченій, ни дѣла. Ни смысла, ни цѣли. Ни порывовъ, ни стремленій. Стремиться—къ чему? Желать—чего? Можно ѣсть кой-какъ и кой-что, пить и спать и понемножку, апатично и непродуктивно, читать. Все остальное, рѣшительно все—недостижимо. Какой ужасъ въ этомъ „рѣшительно все“!

Съ самаго утра голова не въ порядкѣ. Сонъ былъ плохой: прерывистый и сумбурный. Мстиславъ Удалой и Мстиславъ Храбрый, Игорь и Василько, печенѣги и половцы—все это какъ-то путалось въ головѣ всю ночь. Видѣлись не лица, а строки повѣствованія о нихъ, слышались цѣлыя фразы, написанныя въ исторіи, которую ты весь день держалъ въ рукахъ и не могъ смѣнить ни на что другое. Словомъ, книга наяву и книга во снѣ. И весь день, цѣлыя сутки, безсмѣнно одно и тоже, одно и тоже!

Чтобъ избавиться отъ такой кошмарной монотонности, нужно вызвать образы прошлаго. А вызывать

ихъ очень опасно, потому что потомъ, какъ аэндорская волшебница, теряешь всякую власть надъ ними. Они заполняютъ все твое существо и, оживляя прошлое, разукрашиваютъ его необыкновенно яркими и соблазнительными красками.

Удивительную прелесть имѣетъ для насъ недоступное! Хотя я прожилъ 26 лѣтъ, мое прошлое было бѣдно впечатлѣніями. Да и тѣ, что были накоплены, говоря правду, не заслуживали тщательнаго сохраненія. Но здѣсь они стали необыкновенно дорогими и привлекательными и съ такою силой притягивали къ себѣ, точно всѣ они были необычайны, важны и возвышенны.

Время тянется удивительно медленно. Тщетно напрягаешь умъ, чтобы изобрѣсти какое-нибудь занятіе. Читаешь, пробѣгаешь страницу за страницей, но безъ всякаго увлеченія и съ весьма пониженнымъ интересомъ. Знанія здѣсь, въ этой преисподней,—къ чему они?

У меня никогда не было влеченія къ наукѣ ради науки. Еслибы какой-нибудь искуситель предложилъ мнѣ обнажить предо мною всѣ тайны бытія, но съ условіемъ, чтобы я никому не открывалъ ихъ, меня не соблазнилъ бы такой подарокъ. Знанія были нужны мнѣ, какъ точка опоры для дѣятельности, какъ богатый капиталъ, который я хотѣлъ расточать въ интересахъ другихъ. Эта цѣль служила для меня самымъ интенсивнымъ стимуломъ въ занятіяхъ; благодаря ей, я въ короткое время успѣвалъ совершать максимумъ работы.

Все это рушилось, и теперь книга валится изъ рукъ. Четверть часа чтенія и четверть часа ходьбы изъ угла въ уголъ. Затѣмъ можно четверть часа пролежать на кровати. И все-таки отъ боя до боя колокольныхъ часовъ остается неизрасходованной цѣлая четверть часа! Куда ее дѣвать? И сколько такихъ четвертей, ненужныхъ, скучныхъ и жутко-тягостныхъ, отъ 7 часовъ утра до 9 вечера!

Вдругъ все радикально измѣнилось! Что ты приговоренъ къ сплошному лишенію всего, это еще не такъ радикально: было, и—нѣтъ, только и всего. Но въ наполненіи времени произошелъ полный переворотъ. Прежде не хватало дня, чтобы исполнить все необходимое, теперь же не знаешь, куда дѣвать его, ибо весь онъ, въ цѣлости, свободенъ, и употреблять его не на что. Прежде рвали тебя на части. И умственные запросы, и дѣла житейскія не давали ни минуты покоя. Теперь ничто тебя не ожидаетъ, кромѣ покоя, длительнаго, мертваго, убійственнаго покоя.

Благодаря этому, въ самочувствіи сказался сразу рѣзкій переломъ. Прежде жилъ какъ-бы подъ давленіемъ трехъ атмосферъ, которое заставляло всюду стремиться, всюду поспѣвать, со всѣмъ спѣшить. Сознавалось это, какъ обязанность или какъ внутреннее принужденіе.

И вдругъ—нѣтъ больше никакихъ внутреннихъ давленій! Ничто и никто и ни къ чему тебя не обязываетъ. Полный просторъ для сплошного отдыха и непробудной лѣни. Саморегуляторъ въ этихъ условіяхъ не дѣйствуетъ, потому что исчезъ всякій смыслъ его дѣйствія. Побужденій со стороны другихъ людей здѣсь ты уже не встрѣтишь. Сиди и спи. Вотъ онъ, вожделѣнный покой! Вотъ тебѣ безконечный отдыхъ, котораго прежде напрасно жаждала твоя мятущаяся душа, потому что даже во дни вакацій ты всегда что-нибудь замышлялъ, строилъ планы и развивалъ виды на будущее, какъ свое личное, такъ и общественное.

Теперь конецъ всякимъ видамъ и планамъ. Мысль о будущемъ никогда не омрачитъ твоего сознанія и не встревожитъ твоей совѣсти. То безпокойство о завтрашнемъ днѣ, которое неразлучно съ жизнію и неотъемлемо у всякаго осмысленнаго существа, здѣсь исчезло безслѣдно, и внутренняя тревога, сопровождавшая его, улеглась навѣки.

Успокоеніе полное. Здѣсь ты, дѣйствительно, отдохнешь, и отдохнешь до сумашествія.

Тоска стоитъ несносная. Должно быть, по ея винѣ и въ книгу смотришь такъ разсѣянно. Умъ блуждаетъ гдѣ-то далеко, въ тщетныхъ поискахъ найти какое-нибудь „противоядіе“. Подъ ложечкой сосетъ непрерывно, и отъ этой боли лекарства не предвидится. Не видно и того, пройдетъ она, или такъ и останется на всю „безсрочную“ жизнь неразлучнымъ спутникомъ ея.

Боль эта, вѣроятно, аналогичная носталгіи, не остается неизмѣнно однообразной. Ей свойственны, какъ и зубной боли, моменты „схватокъ“ и моменты притупленія. И моменты „схватки“ всегда совпадаютъ здѣсь съ какимъ-нибудь особенно яркимъ воспоминаніемъ, съ какой-нибудь особенно живой картиной, обостряющей сознаніе безпросвѣтности и безнадежности.

Наконецъ, безконечный день, пересыщенный ужасающей скукой и неизбывнымъ тоскливымъ нытьемъ, близится къ закату. Но не появится вздохъ облегченія. За нимъ послѣдуетъ ночь, которая даже и сонному представляется очень длинной. Послѣ бездѣльнаго дня сонъ приходитъ не скоро, не освѣжаетъ и не укрѣпляетъ. И утро послѣ него, сулящее новый, такой же длинный и ненужный день, не принесетъ ни бодрости, ни оживленія.

На дворѣ, быть можетъ, ярко свѣтитъ солнце; тамъ майскій *) день. Но къ тебѣ ничто не проникнетъ. Твой мрачный склепъ съ матовыми стеклами, пропускающими не отблескъ неба, а тѣнь стоящей рядомъ вѣковой стѣны, остается тѣмъ же—какъ въ маѣ, такъ и въ сентябрѣ. И небольшой кусочекъ голубой лазури, который ты съ трудомъ могъ подсмотрѣть близь верхняго косяка окна, не сулитъ тебѣ ни утѣшенія, ни радости.

*) Я привезенъ былъ въ Шлиссельбургъ 5 мая 1887 года.

При общей подавленности психики, воображеніе также спитъ и не можетъ создать какихъ-нибудь увлекательныхъ образовъ, способныхъ заглушить и сознаніе своего *я*, и сознаніе окружающей безысходности.

Никакое напряженіе воли, никакія героическія усилія не помогутъ въ эти дни забыться хоть на часъ, отвлечься отъ окружающихъ стѣнъ и отъ пониманія всѣхъ ужасовъ своего положенія. Точно кошмаръ, давятъ эти стѣны, и не чувствовать ихъ такъ-же невозможно, какъ невозможно вольной птицѣ, посаженной для опыта подъ колоколъ воздушнаго насоса, не биться и не задыхаться.

Ночь подъ новый годъ.

Первый годъ заключенія.

Среди обычной одуряющей тишины, которая тотчасъ начинаетъ казаться могильной и удручающей, какъ только бросишь книгу и обратишь на нее вниманіе, раздается частое постукиванье сосѣдей другъ къ другу.

Эта легкая трель, напоминающая своею періодичностью стукъ телеграфнаго аппарата, но слабая, какъ тиканье часовъ, дѣйствуетъ здѣсь, точно самая очаровательная музыка.

Теперь идетъ предпраздничный говоръ. Скоро полночь. Воспоминанія о прежнихъ встрѣчахъ новаго года еще бурлятъ въ насъ и не даютъ намъ спать. Поэтому мы ждемъ условнаго часа въ приподнятомъ настроеніи и будемъ поздравлять другъ друга—не съ бокаломъ и не съ рѣчью, а со „стуколкой“. Кто вооружился грифелемъ, кто карандашомъ или ложкой, а болѣе изобрѣтательные давно уже слѣпили себѣ палочку изъ мякиша хлѣба и высушили ее на печкѣ.

При небольшой прибавкѣ песку получался прекрасный и долговѣчный „языкъ“ для разговоровъ на болѣе значительныхъ разстояніяхъ. Вооружившись, мы ждемъ. Кой-кто изрѣдка и лѣниво перебрасываются фразами.

Вотъ часы на колокольнѣ бьютъ 12. Стуки срываются съ цѣпи, трещатъ громко, быстро и нервно, и волнуютъ еще больше и поздравителей, и поздравляемыхъ. Мы стараемся простучать каждому, кто находится „въ предѣлахъ досягаемости“, хоть пару словъ привѣта и пожеланій.

Часто мы облекаемъ свои поздравленія въ стихотворную форму,—такъ звучнѣе и красивѣе. Кто можетъ, даетъ свои стихи; кто не можетъ, довольствуется чужими, которыя онъ заблаговременно принесъ изъ другого угла тюрьмы отъ болѣе плодовитаго и поэтически настроеннаго товарища. Прогулка вдвоемъ разрѣшалась уже, и только такимъ образомъ могли быть связаны разные углы зданія.

Мы съ Лукашевичемъ *) беремъ по кружкѣ съ водой, чокаемся ими въ стѣну такъ, что вода плещется вонъ и кружка даетъ трещину, и я стучу:

Новый годъ водой встрѣчаю,
И хотя не унываю,
Все-жъ душевно я желаю,
Чтобъ кончать его виномъ
Намъ пришлось въ краю родномъ.

Изъ одного угла Юрковскій принесъ стихотвореніе Поливанова:

Поздравляя съ новымъ годомъ,
Я желаю вамъ, друзья,
Чтобъ подъ тяжестью невзгоды
Не сломились вы, какъ я,
Чтобъ вы вѣру сохраняли,
Чтобъ въ стѣнахъ глухой тюрьмы

*) Вышелъ изъ Шлиссельбурга одновременно со мной: 28 октября 1905 г.

Вы надежды не теряли,
Чтобы были вы бодры...

Изъ другого угла Мартыновъ принесъ стихотвореніе Богдановича; въ немъ говорилось о насъ:

„Вы свершили подвигъ честно"...

Что же касается поздравленій, поэтъ заявлялъ:

Съ новымъ годомъ я не стану
Поздравлять васъ, мои братья,
Чтобъ не трогать вашу рану...

Къ стихамъ всѣ мы чувствуемъ необыкновенную слабость. Всякая беллетристика—какъ въ прозѣ, такъ и стихахъ, тщательно изгонялась въ это время изъ нашей библіотеки. И люди, привыкшіе иногда жить воображеніемъ, жаждавшіе красивыхъ образовъ и красивыхъ звуковъ, не находили здѣсь ни малѣйшаго удовлетворенія.

Быть можетъ, поэтому мы напрягали свою фантазію и старались даже обыденныя фразы и мысли выразить въ стихахъ. Быть можетъ, чувства, волновавшія насъ тогда, не находя себѣ исхода, отличались особой повышенностью и для своего выраженія нуждались въ несовсѣмъ обычной формѣ.

Долго приходится выстукивать. Но мы терпѣливо выслушиваемъ поздравленія товарищей и тщательно записываемъ всѣ поздравительные стихи въ свои тетради.

Затѣмъ, крайне утомленные, но съ умиленной и и просвѣтленной душой, безпечно засыпаемъ...

III.

„Предѣлъ скорби".

Второй годъ заключенія. Лѣто. Вечеръ. Тишина, жара и жуть.

Закупоренъ, какъ въ бочкѣ. Ни откуда не донесется ни малѣйшаго дыханія вѣтерка.

Накаленная за день южная стѣна моей камеры такъ и пышетъ жаромъ. Вода, нагрѣвшаяся въ бакѣ водопровода подъ желѣзной крышей, не освѣжаетъ блѣднаго и потнаго лица. Во всемъ тѣлѣ истома. Мозгъ не работаетъ, читать безполезно. Ходить изъ угла въ уголъ больше не въ мочь.

Вдругъ—вялый и апатичный мозгъ точно клещами сжимаетъ чей-то глухой стонъ. Слухъ напрягается, вниманіе сосредоточивается и чаще и чаще начинаетъ улавливать тѣ-же болѣзненно заглушенные стоны. Это Ю. Богдановичъ борется со своей смертельной болѣзнью, и какъ ни старается подавить стоны, чтобы не тревожить товарищей, не можетъ.

Къ моему физическому изнеможенію неожиданно прибавляется чудовищная нравственная пытка. Праздное воображеніе живо переносится въ камеру больного и ярко представляетъ весь ужасъ его положенія. Никто не подастъ ему освѣжающій глотокъ воды. Никто не поправитъ ему голову, скатившуюся съ подушки. Никто не поможетъ ему перемѣнить положеніе на болѣе удобное и не устранитъ боли, отъ которой такъ легко было бы избавиться. Слабые и изможденные члены испытываютъ все большее и большее раздраженіе, пока боль не станетъ окончательно невыносимой, пока рѣзкій, громкій крикъ не раздастся на всю тюрьму.

Дверь тогда отворяется, два дежурныхъ унтера входятъ къ нему,—два потому, что даже къ умирающему они не смѣли входить въ одиночку. Они равнодушно и безучастно сдѣлали что-то и торопливо вышли. Зашли не съ тѣмъ, чтобы облегчить страждущаго,—отъ подобной сантиментальности они были совершенно застрахованы,—а съ тѣмъ, чтобы предупредить дальнѣйшее нарушеніе тишины въ этомъ святилищѣ сатанинской зложелательности и свирѣпой, ненасытной мстительности.

Стоны немного затихли, чтобы черезъ полчаса по-

вториться снова и снова,—опять вплоть до рѣзкихъ криковъ, отъ которыхъ каждый разъ вся душа переворачивается. Не трудись спрашивать окружающихъ исполнителей предначертаній начальства, что̀ съ нашимъ товарищемъ, и почему не облегчатъ ему послѣднія минуты? Тебѣ ничего не отвѣтятъ, или отвѣтятъ, что тебя это вовсе не касается.

Уже сколько разъ объ это „некасательство“ разбивались самыя благія и скромныя попытки вмѣшаться въ судьбу ближайшаго сосѣда и, можетъ быть, друга! Принципъ одиночной тюрьмы, свято соблюдаемый, требуетъ, чтобы ты не зналъ и не слышалъ ничего, что совершается внѣ предѣловъ твоей камеры.

Какъ ни безправно положеніе „ссыльно-каторжнаго“, законъ не забываетъ видѣть въ немъ человѣка и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хоть и очень рѣдкихъ, гарантируетъ ему снисходительное обращеніе. Слабаго не могутъ сѣчь. Больного должны положить въ госпиталь, гдѣ и фельдшеръ, и другіе товарищи-больные могутъ присмотрѣть за нимъ.

Лишь у насъ, въ Шлиссельбургѣ, безчеловѣчіе царило, ничѣмъ не прикрытое, и послабленій никакихъ и ни въ чемъ не допускалось. Малѣйшій намекъ на нихъ разсматривался вверху, какъ либерализмъ, а либерализмъ, по тогдашнимъ понятіямъ, носилъ всегда кличку „зловреднаго“.

Я пережилъ смертный приговоръ; я смотрѣлъ уже въ лицо смерти. Я перенесъ всѣ муки, которыя можетъ вынести человѣкъ, вынужденный неожиданно распрощаться съ жизнію на самой зарѣ этой жизни. У меня, затѣмъ, отнято было все, и я обреченъ былъ на „безконечную“ жизнь, полную однихъ только лишеній.

Мнѣ знакомы поэтому всякія страданія. Но *такихъ* страданій мнѣ не приходилось еще переживать, и мучительнѣе ихъ я ничего въ своей жизни не испытывалъ.

Мнѣ извѣстно, конечно, было изъ исторіи, какъ зрѣлищемъ пытаемаго товарища пытали другого, чтобы воздѣйствовать на него въ желаемомъ смыслѣ. Но тамъ была все-таки цѣль, было, дѣйствительно, *зрѣлище*, гдѣ присутствующій видѣлъ только то, что было.

Наши муки отъ сосѣдства со страждущимъ товарищемъ не могли поэтому идти въ сравненіе съ тѣми. Мы не видѣли страждущаго, а только слышали объ его мукахъ и силою разстроеннаго воображенія рисовали ихъ, можетъ быть, болѣе тяжкими, чѣмъ онѣ были на дѣлѣ. Притомъ, тутъ не было ни цѣли, ни смысла, если не предположить сознательнаго намѣренія устраивать мученія для мученій, т.-е. для возмездія.

И эта жестокость, неизвѣстная варварскимъ временамъ, поистинѣ можетъ быть названа утонченной и „человѣческой“, потому что варвары и звѣри не могли еще додуматься до такихъ душевныхъ пытокъ.

А между тѣмъ, какъ убѣдились мы впослѣдствіи, достаточно было чрезъ товарища, допущеннаго къ больному, освѣдомить насъ о положеніи дѣла, и нервы наши скоро успокаивались, а тревога за участь близкаго человѣка совершенно стихала.

IV.

Пасхальная ночь.

Пятый годъ заключенія. Пасхальная ночь.

Еще живы отголоски дѣтства, и длинной вереницей выступаютъ въ памяти, одна за другой, цѣлый рядъ этихъ торжественныхъ ночей, которыя я встрѣчалъ, бывало, вмѣстѣ съ толпой крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ Новгородской губерніи, въ тиши и убожествѣ нашей деревни...

Но здѣсь я одинъ... Мнѣ недоступна толпа и богослужебныя чары, которыя вдохновляютъ и возбуждаютъ

ее. Тѣмъ не менѣе, я не могу оставаться спокойнымъ: эти волненія, когда-то многократно пережитыя, еще не умерли во мнѣ, и отзвуки ихъ властно овладѣваютъ мной. Сегодня первая Пасха, когда я могу видѣть изъ своего окна, недавно освобожденнаго отъ матовыхъ стеколъ, часть пасхальныхъ церемоній.

Начинается благовѣстъ, какъ-то необычайно длительно разносящійся въ тихомъ и чистомъ ночномъ воздухѣ. Я лѣзу на окно, цѣпляясь за скользкій и покатый подоконникъ, и вижу огни зажженныхъ смоляныхъ бочекъ. При ихъ таинственномъ отблескѣ выплываетъ церковная процессія. Въ воздухѣ тихо; свѣчи у большинства мерцаютъ, но не тухнутъ.

— „Воскресеніе твое, Христе Спасе"...—доносится въ мою раскрытую форточку.

Я жадно провожаю взоромъ медленно двигающуюся небольшую толпу изъ обывателей крѣпости и мысленно слѣдую за нею, когда она удаляется за уголъ зданія.

И вдругъ всѣ пережитыя когда-то картины этого торжества и всѣ чувства, сплетенныя съ ними, ярко вспыхиваютъ во мнѣ съ неожиданной и поразительной живостью...

Взволнованный до глубины души, я соскакиваю со своей ненадёжной обсерваторіи, падаю на кровать и отъ волненія не слышу болѣе ни пѣнія, ни звона.

Нѣтъ! Твой Христосъ еще не воскресъ! Сиди и терпи. Воскреснетъ и онъ, но тебя уже не будетъ тогда въ живыхъ. Всегда вѣдь были пророки, и всегда ихъ убивали при жизни, чтобы чтить послѣ смерти. Человѣческая глупость, какъ и человѣческій разумъ, имѣетъ свои прочные законы; измѣнить тутъ ничего нельзя!

Распятые и замученные всегда воскресали въ памяти потомства. Ихъ образы и тѣни часто терзали, какъ тяжкій кошмаръ, мучителей и распинателей. Ихъ возвышенный обликъ неизмѣнно вдохновлялъ толпу своимъ величіемъ и трагизмомъ. Терпи смѣло и бодро и

въ страданіяхъ своихъ ищи крѣпкой опоры и утѣшенія. Оставайся до конца вѣрнымъ идеѣ, которой принадлежитъ будущее. Нѣтъ ничего устойчивѣе и заразительнѣе тѣхъ убѣжденій, которыя подкрѣплены готовностью все претерпѣть за нихъ.

На другой день послѣ этого равнодушно смотришь на пасхальныя яства, которыя преподносятъ тебѣ твои бездушные стражи. Еще недавно они готовы были изувѣчить тебя *), стереть тебя съ лица земли во имя того Бога, воскресеніе котораго они сегодня празднуютъ. Еще сегодня ночью они хладнокровно застрѣлили бы тебя, еслибы ты, не желая считаться съ ихъ порядками, вылѣзъ какимъ-нибудь образомъ за окно и спокойно пошелъ къ церкви—принять участіе въ этомъ торжествѣ. Даже теперь, сохраняя механически всѣ формы праздника, принятыя обычаемъ, они остаются тупы и глухи къ самому существу его и никогда не вспомнятъ, что Христосъ „пришелъ отпустить измученныхъ на свободу“, и что невозможно одновременно и ликовать во имя Его, и дѣйствовать вопреки Его завѣтамъ.

V.

Навожденіе.

Любой годъ, день и часъ дня.

Настала опять знакомая полоса. Апатія и лѣнь. Все валится изъ рукъ, за что ни возьмись. Все противно, отвратительно и несносно.

Еще вчера ты что-то дѣлалъ, чѣмъ-то интересовался и увлекался. Сегодня ничего этого не нужно.

Къ чему?

Этотъ роковой вопросъ всталъ опять передъ угнетен-

*) Въ первые годы здѣсь нерѣдко связывали и били.

нымъ сознаніемъ. Вѣдь во всемъ, что дѣлаешь ты здѣсь, ни цѣли, ни смысла. Одна сплошная нелѣпость, раздражающая и обезсиливающая.

Удивительно скверно устроенъ міръ! Вонъ какія глупыя рожи смотрятъ на тебя идіотскими глазами, воображая, что они исполняютъ какой-то долгъ. У жандармовъ—долгъ! Дай имъ по 30 руб. въ мѣсяцъ, такъ они родного отца будутъ караулить съ такою же старательностью „по гробъ его жизни.“

Чего имъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно? Пялятъ на тебя глаза, точно увидали сегодня впервые!

Да и есть на что посмотрѣть! Клѣтка, и въ клѣткѣ какой-то звѣрь, должно быть, рѣдкій, если сами министры ѣздятъ взглянуть на него.

Хороша и клѣтка! Заборъ, заборъ и заборъ, да старинная, изгрызенная временемъ стѣна, отъ которой вѣетъ всѣми насиліями, какія только могъ придумать злой человѣкъ; назвавшій ихъ, для отвода глазъ, государственной необходимостью.

И вѣчно торчатъ передъ глазами эти заборы и эти стѣны, одинъ видъ которыхъ способенъ довести до бѣшенства. Да, прочно устроили, чортъ ихъ возьми! Старательно, предусмотрительно и капитально! Не выскочишь, какъ ни мечтай объ этомъ!

И чего ради, въ самомъ дѣлѣ, канителиться здѣсь? Вѣдь нѣтъ иного исхода...

Брось несбыточныя фантазіи. Неужели тебя радуетъ торчать цѣлыми днями за верстакомъ, стругать доски да выпиливать шипы? Кому это нужно? Тѣмъ же „иродамъ,“ которые съ такой готовностью и усердіемъ оберегаютъ тебя отъ всякихъ оживляющихъ и оздоровляющихъ вліяній?

Вѣдь ни одна твоя разумная мысль не выскользнетъ отсюда! Ни одно твое издѣліе не минуетъ жандармскихъ рукъ! Все будетъ конфисковано и отобрано,

какимъ бы путемъ ты ни старался выпустить отсюда маленькую частицу своего *я*.

Твое *я* похоронено безповоротно. Ты—номеръ двадцать пятый, и подъ этимъ номеромъ сойдешь въ могилу, безвѣстно и безшумно. Живи хоть десятки лѣтъ. Тюрьма изуродуетъ тебя. Все живое замретъ въ тебѣ. И еслибы тебѣ удалось выскользнуть отсюда какимъ-нибудь чудомъ, ты окажешься отупѣвшимъ монстромъ, отъ котораго съ болью и сожалѣніемъ отшатнутся всѣ, знавшіе тебя когда-то.

Чего же ждать еще? Возьми ножъ, которымъ рѣзалъ вчера картонъ: одно движеніе,—и готово!

Вѣдь все равно къ этому придешь. Зачѣмъ же медлить? Кончай скорѣй, и ты избавишь себя отъ лишняго года такой постылой и рѣшительно никому ненужной жизни. А товарищи твои будутъ избавлены отъ печальной необходимости встрѣчать и созерцать такую кислую физіономію, съ какой теперь ты ходишь, и какая для всѣхъ, должно быть, тягостна.

И течетъ, и течетъ, непрерывной струей, безконечный рядъ совершенно аналогичныхъ мыслей, совладать съ которыми ты не въ силахъ.

Прострація полная. Усталость такая, точно передъ этимъ горами ворочалъ. Въ безсильномъ мозгу, неспособномъ ни на малѣйшее активное стремленіе, звучитъ непрерывно одна больная струна, остановить которую нѣтъ силъ.

И все, что скоплялось въ тебѣ цѣлыми мѣсяцами твоей подневольной и съ виду уравновѣшенной жизни, все это вдругъ прорвалось, точно плотина, размытая общимъ напоромъ скопившихся водъ, и сразу завладѣло всѣмъ твоимъ существомъ, и наложило на все печать мрачной безнадежности.

Кажется, одинъ ничтожный толчокъ, одно совершенно незначительное обстоятельство, которое толкнуло

бы слегка въ эти минуты въ опредѣленномъ направленіи,—и отъ меня осталось бы одно воспоминаніе.

VI.

Посѣщеніе министра.

Лѣто 1896 года.

Предупредили насъ, что завтра будетъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ. Просили прибрать въ камерахъ и мастерскихъ лишній накопившійся хламъ. Начальство подтянулось и ходитъ съ видомъ сосредоточеннымъ и напряженнымъ. На корридоръ нагнали солдатъ и задали тамъ генеральную чистку. За нѣсколько часовъ до предположеннаго прихода, по корридору и по галлереямъ второго этажа разостлали дорожки цвѣтной матеріи.

На душѣ невесело. Поднимается раздраженіе. Къ чему эти визиты? Что вы хотите тутъ видѣть? Человѣка-ли, одѣтаго въ мягкія одежды, или мумію, высохшую отъ вашихъ попечительныхъ заботъ и готовую разсыпаться при первомъ прикосновеніи?

Или вы хотите убѣдиться, что всѣ мы цѣлы? Вы знаете это по спискамъ; могли бы пересчитать въ „глазокъ“ дверной.

Или вамъ хочется знать, какъ мы чувствуемъ себя? Этого вы все равно не узнаете...

Или привело васъ праздное любопытство, единственное доступное вамъ чувство, которое еще волнуетъ иногда ваше окаменѣвшее сердце?

Или вы, „въ видахъ правительственныхъ соображеній“, размягчились душой и дѣйствительно намѣрены сдѣлать что-нибудь въ пользу вашихъ жертвъ въ предѣлахъ вами же сочиненныхъ рамокъ? Такъ зачѣмъ же тогда тѣшить себя, выслушивая еще напіи жалобы и заявленія? Для человѣка, у котораго вы отняли все,—что ни возврати, все будетъ находкой.

Вы окружили насъ насиліемъ и произволомъ, попрали всѣ божескіе и человѣческіе законы, задушили добрую половину нашихъ братій и идете сюда точно на увеселительную прогулку! Чего-же вы ждете отъ насъ? Какія чувства въ насъ предполагаете? Какихъ просьбъ ожидаете?

Навѣрное, вы ѣдете не затѣмъ, чтобъ даровать „льготы“ и „милости“! Навѣрное, вамъ пріятно посмотрѣть, какъ мучаются ваши жертвы. Пріятно показать свою власть надъ ними, и рѣзкимъ контрастомъ вашихъ раззолоченныхъ мундировъ съ убожествомъ нашей обстановки доставить себѣ безнравственный, но очень интенсивный родъ удовольствія.

Идите и смотрите. Я сдѣлаю такое деревянное лицо, какое только сумѣю сдѣлать. Моихъ чувствъ вы все равно не узнаете. Для этого я слишкомъ хорошо тренированъ здѣсь. Я не привыкъ обнажать душу передъ гостями, которые незванно, нежданно, непрошенно вторгаются въ мое жилище, осязательно показывая мнѣ, что сила въ ихъ рукахъ, и что вторгаться они могутъ. Хочется мнѣ видѣть ихъ, или не хочется—какое имъ до этого дѣло?

Идите и смотрите. Вы, навѣрное, не догадаетесь, что первый мой порывъ—повернуться къ вамъ спиной въ отвѣтъ на вашу властную грубость и безцеремонное вторженіе.

Пока эти мысли проносятся въ сознаніи, наблюдатели верхняго этажа уже усмотрѣли изъ оконъ парадное шествіе въ нашу сторону и стучатъ въ дверь на весь корридоръ:

— Идутъ!

Увидали, можетъ быть, и дежурные. Все притихло. Слышенъ только голосъ Конашевича. За годъ до этого онъ сошелъ съ ума. Онъ изводилъ насъ, громко напѣвая одну и ту же фразу собственнаго сочиненія, которая начиналась словомъ „красавица“ и которую не-

бы слегка въ эти минуты въ опредѣленномъ направленіи,—и отъ меня осталось бы одно воспоминаніе.

VI.

Посѣщеніе министра.

Лѣто 1896 года.

Предупредили насъ, что завтра будетъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ. Просили прибрать въ камерахъ и мастерскихъ лишній накопившійся хламъ. Начальство подтянулось и ходитъ съ видомъ сосредоточеннымъ и напряженнымъ. На корридоръ нагнали солдатъ и задали тамъ генеральную чистку. За нѣсколько часовъ до предположеннаго прихода, по корридору и по галлереямъ второго этажа разостлали дорожки цвѣтной матеріи.

На душѣ невесело. Поднимается раздраженіе. Къ чему эти визиты? Что вы хотите тутъ видѣть? Человѣка-ли, одѣтаго въ мягкія одежды, или мумію, высохшую отъ вашихъ попечительныхъ заботъ и готовую разсыпаться при первомъ прикосновеніи?

Или вы хотите убѣдиться, что всѣ мы цѣлы? Вы знаете это по спискамъ; могли бы пересчитать въ „глазокъ“ дверной.

Или вамъ хочется знать, какъ мы чувствуемъ себя? Этого вы все равно не узнаете...

Или привело васъ праздное любопытство, единственное доступное вамъ чувство, которое еще волнуетъ иногда ваше окаменѣвшее сердце?

Или вы, „въ видахъ правительственныхъ соображеній“, размягчились душой и дѣйствительно намѣрены сдѣлать что-нибудь въ пользу вашихъ жертвъ въ предѣлахъ вами же сочиненныхъ рамокъ? Такъ зачѣмъ же тогда тѣшить себя, выслушивая еще наши жалобы и заявленія? Для человѣка, у котораго вы отняли все,—что ни возврати, все будетъ находкой.

Вы слышите? Я живу здѣсь, какъ въ сумасшедшемъ домѣ, и, окруженный ежедневно такими звуками, могу и себѣ ожидать только подобной же участи...

— Знаю, знаю! Мнѣ уже говорили.

Небольшая пауза.

Дальнѣйшихъ заявленій не находится. Слѣдуетъ опять подобіе поклона, и посѣтители быстро другъ за другомъ выскакиваютъ за дверь, точно опасаясь, не захлопнули бы здѣсь кого изъ нихъ по ошибкѣ.

Дверь запираетъ таже привычная, опытная рука нашего вахмистра, замокъ щелкаетъ сочнымъ, ядренымъ, какъ бы радостнымъ звукомъ, и я испускаю вздохъ облегченія.

Раньше, чѣмъ черезъ годъ, такая церемонія едвали повторится!

VII.

Именины.

Восьмой годъ заключенія. 29 сентября.

Завтра я именинникъ. Возвращаюсь домой изъ мастерской въ обычный часъ къ чаю и останавливаюсь у порога, пораженный изумленіемъ. Своего жилища я не узнаю.

Чьи-то дружескія руки изукрасили мою келью своеобразными гирляндами изъ цвѣтной бумаги, которыя въ живописномъ безпорядкѣ развѣшаны по всѣмъ четыремъ стѣнамъ. Навѣрное, это Людвигъ Фомичъ! Пришлось ему поработать, склеивая эти гирлянды! Навѣрное, не одинъ, а двое сидѣли за работой цѣлый день!

Столъ покрытъ бѣлоснѣжной скатерью, и весь уставленъ совершенно необычными въ нашей жизни предметами, напоминающими давно забытыя времена...

Тутъ и букетъ живыхъ цвѣтовъ, еще не успѣвшихъ погибнуть при недавнемъ заморозкѣ, и тортъ, и фрукты,

и плитка шоколаду, и какія-то самодѣльныя конфекты, и коробка монпансье. Еще не то сушки, не то „стружки," не то „хрусты"—тоже необыкновенной самобытности, и, наконецъ, варенье. А какъ вѣнецъ всего, торчатъ кой-гдѣ записки, одна, другая, третья. Кто лаконически, кто сдержанно, кто задушевно—поздравляютъ меня съ именинами и желаютъ на многія лѣта (конечно, не здѣсь только!) тѣлесной и душевной бодрости и всевозможныхъ радостей.

Милые, добрые люди! Сколько усердія, вниманія и заботливости потратили они, чтобы въ рутину безцвѣтной, унылой жизни внести частицу разнообразія и поэзіи! Какъ странно выглядитъ все это на фонѣ будничной и мрачной обстановки каменнаго мѣшка!

Тотчасъ же летятъ отъ меня благодарственныя телеграммы. Конечно, здѣсь работали также дамскія руки, и, конечно, Вѣра Николаевна Фигнеръ побила здѣсь рекордъ. Она сидитъ какъ разъ надо мной. Вызываю ее стукомъ и изливаю свои восторги въ выраженіяхъ сбивчивыхъ и безсвязныхъ.

На другой день все это изобиліе благъ земныхъ разрѣзается и раздѣляется на порціи и, согласно установившемуся обычаю, разносится по камерамъ. Тѣ, кто не участвовалъ въ созданіи или покупкѣ этихъ яствъ на счетъ своей такъ называемой „хлѣбной экономіи" *), спокойно истребляютъ свои микроскопическія доли, замѣчая про себя:

— Должно быть, сегодня именины.

Иные же, менѣе проницательные, вопрошаютъ на другой день своихъ ближайшихъ сосѣдей.

— А по какому это поводу вчера было угощеніе?

*) Въ это время каждый могъ превратить въ деньги свою ежедневную порцію хлѣба и брать одну часть ея натурой, другую деньгами. Изъ этихъ дробныхъ долей въ теченіе мѣсяца можно было накопить до 1 руб., который и употреблялся въ экстренныхъ случаяхъ на угощеніе.

VIII.

Панихида.

Девятый годъ заключенія.

Сегодня 8-ое іюля, праздникъ Казанской Божіей Матери.

По какому-то случаю къ этому дню пріуроченъ крестный ходъ на „братскую“ могилу, гдѣ похоронено слишкомъ 200 человѣкъ, павшихъ при взятіи крѣпости Петромъ I отъ шведовъ.

Могила эта,—широкая, плоская насыпь, аршина въ три высотой,—прилегаетъ почти вплотную къ кирпичной стѣнѣ, окружающей нашъ тюремный дворъ, и находится какъ разъ подъ самыми окнами тюрьмы, въ разстояніи не болѣе восьми саженъ. Вся церемонія проходитъ у насъ передъ глазами и хорошо видна изъ всего южнаго угла тюрьмы.

Моя камера внизу, какъ разъ противъ могилы. Ко мнѣ пришелъ Людвигъ Фомичъ Яновичъ посмотрѣть на это зрѣлище, котораго ему, какъ католику, можетъ быть, ни разу не приходилось видѣть вблизи.

Какъ разъ посрединѣ широкой четырехугольной площадки могилы водруженъ желѣзный золоченый крестъ съ прибитой къ нему мѣдной дощечкой. Кругомъ креста площадка усыпана пескомъ, а по угламъ посажены солдатами цвѣты, взятые изъ нашихъ же парниковъ и разсадниковъ.

При начавшемся перезвонѣ мы встали оба на одинъ табуретъ; головы наши очутились на уровнѣ нижняго ряда стеколъ рамы, и всѣ, кто поднимется на могильную насыпь, видны намъ, какъ на ладони.

Публика все наша же, почти исключительно изъ жандармовъ. Пѣвчіе—изъ ихъ же дѣтей. Во главѣ процессіи идетъ въ митрѣ протопресвитеръ Желобовскій, а съ нимъ мѣстные священникъ и діаконъ. Поютъ и служатъ бездушно, какъ всегда въ оффиціальныхъ

церемоніяхъ, гдѣ всѣми чувствуется, что они призваны сюда отбыть повинность, и отбываютъ ее покорно и по уставу. Заученные жесты, механическія движенія...

Старшая жандармерія, въ блестящихъ парадныхъ мундирахъ, стоитъ гордо, выпятивъ грудь, съ такимъ выраженіемъ, точно они дѣлаютъ кому-то одолженіе тѣмъ, что явились сюда, куда являться имъ по долгу службы необязательно. Мертвые вѣдь не подлежатъ ни сыску, ни надзору.

Для людей, не видавшихъ подобной церемоніи лѣтъ десять, она кажется необыкновенно странной...

Словомъ, почтили, какъ это принято, память тѣхъ, кто былъ безсознательнымъ орудіемъ историческихъ судебъ, кто своею кровью предуготовилъ разомъ и „величіе“ Россіи, и историческій застѣнокъ для безкровнаго умерщвленія и насъ, и множества другихъ, подобныхъ намъ.

— „Спите мирно, животъ свой на брани положившіе Благодарная родина не забудетъ васъ“,—говорили про себя активные участники церемоніи, представители торжествующаго сейчасъ уклада жизни, и затѣмъ расходились помянуть ихъ добрымъ обѣдомъ, какъ это водится повсюду у „истинно-русскихъ“ людей.

— „Спите мирно“,—сказали и мы.—„Спите мирно вы, отнявшіе цѣлый край у культурнаго государства и пріобщившіе его къ московскому безправію, невѣжеству и варварству.

„Вы отняли эту страну у шведовъ и затормозили въ ней развитіе народа ровно на 200 лѣтъ“.

„Да, на 200 лѣтъ! И теперь вѣдь существуетъ Швеція: и она, и недавно отторгнутая у нея Финляндія могутъ служить для всякаго патріота своего отечества завиднымъ образцомъ того, какъ нужно устраивать свою общественную жизнь. Нѣтъ въ Европѣ народа, болѣе здороваго, честнаго, просвѣщеннаго, зажиточнаго и благоустроеннаго, чѣмъ шведы. Финляндія, которую

при Петрѣ I не успѣли еще пріобщить къ русскому одичанію и обнищанію, сумѣла какъ-то сохранить и самобытные порядки, и самобытную культуру.

„Все же остальное, что вы отняли тогда отъ шведовъ, до сихъ поръ изнываетъ подъ гнетомъ произвола и не можетъ выбиться изъ нищеты, постоянно и неизмѣнно ему сопутствующей.

„Спите мирно. Вы не знали, что творите; исторія проститъ васъ. Но мы-то, отдавшіе жизнь за истинное благо своей родины, мы всѣ, здѣсь замученные, задушенные, загубленные, мы-то хорошо знали, за что шли на смерть. Ни наши имена, ни наши могилы неизвѣстны. Оффиціальная Россія окружаетъ ихъ или забвеніемъ или презрѣніемъ. Неоффиціальная спитъ еще безпробудно. Никто не почтитъ насъ надгробнымъ словомъ, не преклонитъ колѣнъ предъ мѣстомъ нашего упокоенія. Но это насъ не смущаетъ. Мы подождемъ еще, потому что хорошо знаемъ, что такое *вѣчная* память, кому и за что она достается.

„Это знаніе останется навсегда отрадой и утѣшеніемъ въ нашей долѣ. Ваша панихида лишь обострила въ насъ воспоминаніе о нашей собственной исторической миссіи, посвященной тоже величію и благу Россіи, но совершенно иначе понятому.

„Ваша мертвая и наша живая могилы удивительнымъ капризомъ исторіи поставлены рядомъ. И пока мы живы, мы ежегодно должны производить сравнительную оцѣнку этихъ историческихъ могилъ“...

Мы съ Людвигомъ сошли со своей обсерваторіи и долго еще бесѣдовали между собою. Мы говорили, какъ трудно даже развитымъ умамъ отказаться отъ господствующихъ взглядовъ, особенно когда на сторонѣ этихъ взглядовъ физическая сила и авторитетъ власти. И какъ трудно, почти невозможно, производить оцѣнку историческихъ событій не съ точки зрѣнія одного ка-

кого-нибудь народа или историческаго періода, а съ общечеловѣческой точки зрѣнія.

Она—единственно правильная. Между тѣмъ съ этой точки зрѣнія всѣ человѣческія группы, по которымъ движется колесница исторіи, равноцѣнны; ихъ матеріальная и духовная культура есть единственное благо, имѣющее цѣну и стоящее кровопролитной борьбы и великихъ жертвъ.

IX.

„Сарайные“ будни лѣтомъ.

„Сараемъ“ мы прозвали старую тюрьму, низкую, темную и сырую. Въ ней каждый изъ насъ сидѣлъ первые мѣсяцы заключенія; на первыхъ порахъ она служила также карцеромъ. Въ 1890 году въ ней устроили мастерскія, а съ перемѣной режима, постепенно завоеванной нами, мы превратили „сарай“ почти въ общежитіе и пользовались тамъ въ теченіе рабочихъ часовъ относительной свободой. Тамъ была особая кухня, которую мы топили для своихъ мелкихъ надобностей. Пища же для насъ готовилась солдатами въ другомъ зданіи, и насъ туда никогда не допускали.

Тринадцатый годъ заключенія.

Въ кухнѣ постоянная толкотня. Я стою съ утюгомъ въ рукѣ и тутъ же, на краю плиты, гдѣ не очень горячо, сушу растенія для гербарія. Одинъ утюгъ постоянно стоитъ на плитѣ, другой въ рукахъ. Рядомъ на табуретѣ пукъ только-что сорванныхъ сочныхъ огородныхъ растеній, которыя безъ такого пріема высушить зелеными невозможно.

Надъ плитой висятъ два пресса съ досыхающими растеніями и проволочныя петли, въ которыхъ укрѣплена для просушки газетная бумага; она нужна для гербарія. Этимъ запасомъ бумаги мы обязаны „Вѣстнику Финансовъ“, который присылался намъ изъ депар-

тамента полиціи съ 1894 года. Къ „Вѣстнику“ прилагались листы съ отчетами разныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій. Они-то и шли на гербарій.

Одинъ приходитъ за клеемъ, съ озабоченнымъ лицомъ размѣшиваетъ его и смотритъ, достаточно ли онъ густъ, или горячъ. Другой варитъ томаты собственнаго производства къ обѣденнымъ щамъ, лѣниво переворачивая ихъ деревянной ложкой въ эмалированной желѣзной мискѣ и еще лѣнивѣе перекидываясь фразами съ окружающими и приходящими.

Въ компаніи вяло, апатично и скучно.

Приходитъ еще человѣкъ съ противнемъ въ рукахъ. На него вопросительно поднимаются глаза, не скажетъ ли онъ чего новаго. Нѣтъ, онъ самъ ждетъ того же отъ другихъ. Не дождавшись, медленно раскрываетъ духовую печку и ставитъ туда нарѣзанный ломтиками бѣлый хлѣбъ, немного промасленный и подсахаренный, чтобы приготовить сухари.

Въ миску съ помидорами, поставленную В. Г. Ивановымъ, большимъ любителемъ стручковаго перцу, подсунули въ его отсутствіе здоровую порцію этой жгучей пряности. Онъ приходитъ, помѣшиваетъ, пробуетъ и восторгается:

— Вотъ такъ перецъ! Одну крупинку положилъ, а жжетъ на славу! Ни у кого такого перцу нѣтъ!

Его высмѣиваютъ всей компаніей. Онъ, конечно, не вѣритъ и считаетъ, что его перецъ выше всякой похвалы и не нуждается въ добавкахъ.

Время незамѣтно близится къ обѣду. Въ половинѣ двѣнадцатаго въ дверяхъ кухни показывается унтеръ, завѣдующій мастерскими, и предупреждаетъ насъ:

— Кончайте ваши занятія!

Всѣ собираютъ, укладываютъ свои пожитки и направляются домой, по одному, или группами, кто съ пустыми руками, кто со снѣдями, кто съ другимъ какимъ-нибудь издѣліемъ.

Послѣ обѣда здѣсь обѣщала быть Вѣра Николаевна Фигнеръ. Либерализмъ нашего начальства дошелъ до того, что ее выпускаютъ изъ камеры безпрепятственно, на такихъ же правахъ, какъ и мужчинъ. Но если ротмистръ Гудзь, смотритель, лично увидитъ ее въ обществѣ товарищей-мужчинъ, особенно если компанія большая, онъ дѣлаетъ напоминаніе насчетъ инструкціи. Выслушивать такія напоминанія рѣшительно никому не хочется.

Ко второму часу дня у плиты нагрѣвается самоваръ. Въ сосѣдней комнатѣ, какъ разъ у отворенной въ кухню двери, стоитъ раскрытый складной столъ. Когда-то онъ зналъ лучшіе дни, былъ блестящимъ и изящнымъ, а теперь давно уже держится безъ всякихъ претензій и ждетъ-не дождется, не возьмется ли ремонтировать его кто-нибудь изъ нашихъ столяровъ. Столъ ничѣмъ не покрытъ. Самоваръ ставятъ на него, приносятъ—кто стаканъ, кто кружку, кто какое-нибудь приложеніе къ чаю.

Вѣра Николаевна выходитъ туда изъ своей мастерской, и начинается чаепитіе, а съ нимъ разговоры и, конечно, споры.

Пользуясь этимъ, я иду въ мастерскую Вѣры Николаевны, поправляю тамъ верстакъ и, кстати, убѣждаюсь, что нарѣзка шиповъ и проч. идетъ у нея совершенно правильно, какъ у заправскаго столяра.

Кончивши работу, я выхожу за ворота тюрьмы, на дворъ, вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, и вижу, что на горизонтѣ показывается Гудзь. Стремглавъ бѣгу въ импровизированную чайную и кричу, заглушая повышенные голоса спорящихъ:

— Смотритель идетъ!

Моментально компанія разсыпается, точно воробьи при видѣ ястреба. И прежде чѣмъ Гудзь дошелъ до корридора, Вѣра Николаевна оказалась у себя за при-

творенной дверью и съ рубанкомъ въ рукахъ. Всѣ прочіе также на своихъ положенныхъ мѣстахъ.

Гудзь проходитъ до кухни, видитъ у самовара только двоихъ, что̀ не запрещается его правилами, идетъ по корридору назадъ и, найдя все въ порядкѣ, возвращается въ свой домъ въ сознаніи исполненнаго долга.

Въ тотъ же моментъ распуганная компанія появляется вновь на старомъ мѣстѣ и продолжаетъ спокойно засѣдать, въ увѣренности, что вторая тревога не повторится ранѣе, чѣмъ черезъ часъ.

X.

Мой рабочій день.

Начало августа 1905 года.

Сегодня всталъ я бодрымъ и свѣжимъ. Очевидно, я хорошо выспался, а для тюрьмы это чуть не событіе. Дѣла предстоитъ бездна, и я никакъ не смогу передѣлать всего, что хочется.

Вчера я не успѣлъ законсервировать нѣсколько личинокъ и гусеницъ. Пользуясь кипяткомъ, который дали въ семь часовъ утра, я надуваю три гусеницы расплавленнымъ парафиномъ; а двухъ личинокъ въ формалинѣ запаиваю въ тонкія стекляныя трубочки. При этомъ я пользуюсь свѣчой и паяльной трубкой.

Еще недавно я былъ лишенъ этихъ предметовъ. Въ 1902 году, когда въ Россіи воцарился Плеве, а въ Шлиссельбургѣ жандармскій полковникъ Яковлевъ, у насъ были отняты всѣ наши льготы, въ томъ числѣ сарай, кухня и свѣчи. Но теперь режимъ опять сталъ мягче, и я могу держать свѣчу въ своей комнатѣ, не обращаясь за нею къ жандармамъ каждый разъ, когда понадобится.

Въ 8 часовъ я иду въ огородъ освѣжиться. Осматриваю ловушки для слизняковъ, этихъ враговъ нашего земледѣлія, и умерщвляю ихъ безъ сожалѣнія.

Навѣрное, это уже двадцать пятая сотня за нынѣшнее лѣто. Затѣмъ ревизую питомники съ насѣкомыми: однимъ подкладываю кормъ, другимъ мѣняю квартиру. Вылупившихся забираю съ собой. Посылаю сельдерею на кухню въ общій супъ и рѣпу приватно для себя, и заявляю дежурному, чтобы онъ открылъ дверь, потому что я иду въ мастерскую.

Иду я прежде всего въ токарную. Еще три дня тому назадъ завѣдующій работами просилъ выточить для какой-то очень нужной вѣшалки шесть гвоздей. Вытачиваю ихъ и перехожу къ себѣ въ столярную.

Здѣсь у меня оканчивается шкатулка, въ которой будетъ помѣщаться коллекція по органографіи цвѣтка. Нужно поцарапать ее цинубелемъ и прикроить фанерки для оклейки.

Покончивши съ этимъ, я стучу въ дверь, требуя, чтобы меня выпустили. Посылаю на кухню дежурнаго разогрѣть клей,—уже давно прошли времена, когда у насъ была своя кухня. Затѣмъ перехожу со своей работой въ переплетную, чтобы наклеить фанерку на шкатулку, такъ какъ тамъ можно зажать ее въ большой прессъ.

Пока я вожусь съ этимъ, приближается время обѣда, и я успѣваю сбѣгать на дворъ и взять салату и пару свѣжихъ огурцовъ.

Послѣ обѣда я умерщвляю эфиромъ взятыхъ утромъ новорожденныхъ насѣкомыхъ и, пока не началось еще трупное окоченѣніе, расправляю ихъ въ естественной позѣ, посадивши на булавку на пластинкѣ торфа. За этой кропотливой работой застаетъ меня вахмистръ, отворяющій дверь всегда ровно въ часъ. Онъ спрашиваетъ меня:

— Быть можетъ, вы останетесь дома?

Но я, не желая быть запертымъ вновь, отвѣчаю:

— Нѣтъ, я сейчасъ кончу и ухожу.

Оканчивая работу, я прислушиваюсь въ полуоткры-

тую дверь, не слышно-ли гдѣ среди унтеровъ многозначительныхъ разговоровъ.

При полной неизвѣстности о текущихъ событіяхъ, которой насъ окружаютъ уже два съ половиной года, это—почти единственный источникъ для нашихъ „соображеній“. Одна или двѣ фразы, неосторожно сказанныя, уже даютъ намъ блестящую идею, развить которую, при богатствѣ воображенія, ничего не стоитъ.

Еще два мѣсяца назадъ одинъ дежурный читалъ вслухъ въ какомъ-то листкѣ передовицу: по отрывочнымъ словамъ, долетавшимъ до меня, я понялъ, что рѣчь идетъ о монархѣ: ограниченъ-ли онъ у насъ и въ какомъ именно отношеніи ограниченъ.

„Эге,—думаю,—чѣмъ пахнетъ! Въ наши времена такія передовицы печатались только въ „Народной Волѣ“, и авторовъ ихъ судили за ниспроверженіе основъ, а читателей разсылали въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Тѣхъ же, кто протестовалъ дѣйствіемъ противъ такихъ чудовищныхъ расправъ, упекали какъ разъ сюда, гдѣ я сижу!“...

Затѣмъ я выхожу на корридоръ и встрѣчаю М. Р. Попова, который сообщаетъ мнѣ, что предлагаютъ очень выгодный столярный заказъ. Не хочу-ли я взять его цѣликомъ, или въ нѣкоторой части, при его посильномъ содѣйствіи? Долго мы обсуждаемъ, не сходя съ мѣста, выгоды и детали заказа, и я нахожу, наконецъ, что онъ мнѣ вовсе не улыбается, особенно теперь, когда не знаешь,

Что день грядущій намъ готовитъ?

Отказавшись отъ заказа, я направляюсь въ камеру № 28, гдѣ лежитъ складъ всякихъ матеріаловъ для коллекцій, и перебираю тамъ всѣ засушенные цвѣты, чтобы убѣдиться, что ничего изъ нихъ не осталось неиспользованнымъ. Затѣмъ съ этою же цѣлью спускаюсь внизъ, въ „музей“; такъ звали мы камеру, въ которой были собраны разные естественно-научные предметы и

коллекціи нашего издѣлія: скелеты, черепа, чучела и проч. Оттуда перехожу опять въ переплетную, оклеиваю двѣ пластины картона бѣлой бумагой и разрѣзаю его по мѣркѣ, чтобы дома склеить нѣсколько маленькихъ коробочекъ со стекломъ: въ нихъ будутъ образцы „превращенія насѣкомыхъ“.

Такъ проходитъ время до четырехъ часовъ, т.-е. до чаю, и я едва успѣваю выйти на четверть часа въ огородъ, чтобы вздохнуть свѣжимъ воздухомъ и сорвать кстати нѣсколько ягодъ малины къ чаю.

За чаемъ идетъ „ляоянскій бой“. Происходилъ онъ, конечно, еще годъ назадъ, но намъ только теперь даютъ описаніе его по всеподданнѣйшимъ отчетамъ участниковъ. Мы тщательно штудируемъ это описаніе и по „Нивѣ“, и по „Развѣдчику“, и по „Лѣтописи войны“, и даже по журналу „Природа и люди“, и удивляемся литературному таланту, съ какимъ наши полководцы умѣютъ представить пораженіе близкимъ къ побѣдѣ. Съ этой литературой я не успѣваю покончить къ пяти часамъ, и когда вахмистръ снова отворилъ дверь для прогулки, иду съ нею въ огородъ и изучаю до шести съ половиной часовъ, т.-е. до окончанія нашего прогулочнаго дня. Лѣтомъ намъ разрѣшалось теперь оставаться на воздухѣ съ восьми часовъ утра до шести съ половиной часовъ вечера.

Въ семь часовъ, за ужиномъ я беру кипятку въ клеянку и послѣ ужина задѣлываю двѣ коробочки съ „превращеніемъ насѣкомыхъ“. Эта кропотливая работа отнимаетъ почти все время до $8^3/_4$ час., когда вахмистръ является въ послѣдній разъ на дню и даетъ мнѣ возможность перейти въ спальню.

Туда я беру неостывшій еще чайникъ съ чаемъ и клеянку и, задѣлавши послѣднихъ пять пластинокъ по органографіи цвѣтка, велю корридорному тушить мою электрическую лампочку, и мирно и безмятежно засыпаю, едва коснувшись постели.

Тюремный день на-сегодня кончился. Завтра, быть можетъ, онъ повторится полностью, съ нѣкоторыми небольшими варіаціями.

Нужно было просидѣть 18 лѣтъ, нужно было провести много сотенъ, даже тысячъ, совершенно бездѣльныхъ и ненужныхъ дней, чтобы получить „право“ наполнять тюремный день хоть какимъ-нибудь содержаніемъ, имѣющимъ дѣловую видимость.

Лучъ надежды.

Въ концѣ февраля 1904 года впервые въ нашей юдоли мрака сверкнулъ яркій лучъ надежды.

Какой-то доброжелатель изъ рядовыхъ, которые у насъ тамъ никогда не переводились, подсунулъ намъ маленькій отрывокъ газеты.

Въ немъ сказано было, что „съ 27 января, съ началомъ русско-японской войны, газета будетъ помѣщать у себя портреты видныхъ военныхъ дѣятелей, и русскихъ, и японскихъ“.

Человѣку, которому не приходилось цѣлые годы быть отрѣзаннымъ отъ всего живого, трудно представить, какимъ откровеніемъ были для насъ эти простыя слова, сколько ожиданій было связано съ ними!

Итакъ—война! Началась, наконецъ, эта буря, которая очищаетъ атмосферу отъ всего отжившаго и омертвѣлаго! Началась эта кровавая эпопея, въ которой народы время отъ времени пробуютъ доброкачественность своей правительственной системы.

Судьба подсунула, наконецъ, и намъ это историческое горнило, въ которомъ подвергается испытанію политическая мощь государства.

Необыкновенное оживленіе овладѣло нами при этомъ извѣстіи.

Война затрогиваетъ каждаго гражданина.

У насъ же были совершенно особыя причины волноваться при вѣсти о войнѣ. Мы слишкомъ хорошо знали, какіе порядки царятъ въ странѣ, какія злоупотребленія процвѣтаютъ подъ покровомъ полной безотвѣтственности и мертваго молчанія. Мы были увѣрены, что люди, неумѣло втянувшіе страну въ эту непужную войну, не сумѣютъ и кончить ее съ достоинствомъ.

Пораженіе неизбѣжно. Каковы будутъ размѣры этого пораженія, трудно предвидѣть. Но ореолъ правительства при этомъ сразу падетъ въ широкихъ массахъ народа. Голоса недовольныхъ будутъ многочисленны и громки. Правительство волей-неволей пойдетъ на уступки общественнымъ стремленіямъ и приступитъ къ серьезнымъ реформамъ. Будутъ устранены слишкомъ вопіющія безобразія стараго режима, на борьбу съ которыми давно уже открыто выступила такъ называемая „соціально-революціонная партія“. Можно быть увѣреннымъ, что такія реформы отразятся и на представителяхъ этой партіи, пожизненно замурованныхъ въ Шлиссельбургѣ.

Быть можетъ, близокъ конецъ безправію и свирѣпымъ гоненіямъ. Быть можетъ, близокъ конецъ и ненавистному „Шлиссельбургу“, какъ самому яркому олицетворенію русскаго беззаконія и произвола.

Эти мысли изложены post factum. Но онѣ въ такомъ именно видѣ вихремъ проносились и съ полною отчетливостью выступали въ нашихъ головахъ еще при началѣ военныхъ дѣйствій,—какъ разъ въ тѣ времена, когда „патріотическая“ печать на разные лады воспѣвала мощь Россіи и предвкушала грядущія побѣды.

Надежда, заглохшая было, загнанная куда-то въ самые глубокіе тайники, теперь сразу вспыхнула яркой искрой и оживила лица, которыя, казалось, уже навсегда распростились съ этой очаровательной гостьей и носили на себѣ печать примиренія съ неизбѣжностью.

Ничто не измѣнилось въ нашемъ быту. По-прежнему строжайше пресѣкались всякія случайности, которыя могли бы натолкнуть насъ на свѣдѣнія о современной жизни. По-прежнему текла жизнь сѣрая, безцвѣтная и бездѣльная. Тѣ-же были стѣны, прочныя, непоколебимыя и давно опротивѣвшія до одурѣнія. Мы сами оставались все тѣ-же, каждый со своими будничными интересами, дававшими ему возможность коротать безконечное время.

Вошелъ только въ нашу жизнь ничтожный клочокъ газеты и внесъ едва замѣтную струйку съ постоянно оживляющимъ и освѣжающимъ дыханіемъ.

Говорили только о войнѣ и ея послѣдствіяхъ. Данныхъ не было никакихъ. Для догадокъ открывался безконечный просторъ, и фантазія не изсякала.

Не скоро еще это будетъ! Быть можетъ, годъ, быть можетъ, два протянетъ свои дни старый режимъ. Такіе старики долго, упорно и отчаянно борются за свое существованіе. До тѣхъ поръ много дней пройдетъ въ той же монотонной и безсмысленной обстановкѣ.

Но въ ней появился теперь нѣкоторый просвѣтъ, и никогда уже мракъ безнадежности не овладѣетъ тобой. Подожди немного. Ты скоро увидишь волю. Большую или малую, но все же волю, настоящую волю, манящую, соблазняющую и скрытую гдѣ-то тамъ, вдали отъ этихъ стѣнъ, постылыхъ и одуряющихъ.

Надежда была еще робкая. Слишкомъ тяготѣла дѣйствительность, и слишкомъ далекъ былъ исходъ. Но исходъ этотъ будетъ. Пораженіе Японіи такъ же невѣроятно, какъ невѣроятно пораженіе свободы, культуры и просвѣщенія.

Здѣсь борются не просто двѣ націи. Здѣсь борьба не за Корею и Маньчжурію. Здѣсь столкнулись абсолютизмъ, все *обезличившій*, и свободный режимъ, внесшій въ основные законы гарантіи всесторонняго *раз-*

витія личности. Здѣсь борются индивидуальность порабощенная, связанная, и индивидуальность, только-что сбросившая рабскія узы и рвущаяся къ прогрессу съ первымъ пыломъ освобожденныхъ силъ. Побѣда Россіи была бы побѣдой абсолютизма. Она была бы пораженіемъ всѣхъ твоихъ завѣтныхъ вѣрованій, которыя ты всю жизнь лелѣялъ, и съ которыми разлучитъ тебя лишь могила, настоящая могила, а не та, въ которую ввергли тебя на мученіе. Нѣтъ, эта побѣда невѣроятна...

Твой патріотизмъ подвергается жестокому испытанію, приходится пророчествовать о пораженіи родины.

Да. Но развѣ *мы* виновны въ этомъ?

Предотвратить событія—ни я, ни кто другой *теперь* не можемъ. Поздно. Предотвращать надо было раньше—тѣмъ, у кого въ рукахъ была власть. Пораженіе предопредѣлено всѣмъ строемъ русской жизни, является *неизбѣжнымъ* его послѣдствіемъ. Но за нимъ такъ же неизбѣжно послѣдуетъ измѣненіе строя, обновленіе всей народной жизни.

Привѣтъ же тебѣ, война,—не за твои ужасы, а за ту новую жизнь, которая зарождается при свѣтѣ твоего кроваваго зарева!

Привѣтъ тебѣ, грядущая свобода!

Теперь, или никогда!

И мерцалъ отнынѣ, не потухая, свѣтлый лучъ нашей надежды ровно одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ, пока мы не увидѣли, наконецъ, воочію зарю новой жизни, пока не получили права сказать:

„Нынѣ отпущаеши“...

Выборгъ.
Май 1906 г.

ПОДЪ СВОДАМИ

сборникъ повѣстей, стихотвореній и воспоминаній, написанныхъ заключенными въ старой Шлиссельбургской крѣпости, составленный Н. Морозовымъ.

МОСКВА
1909 г.

МИХАИЛЪ НОВОРУССКІЙ

заключенный № 25

ВЪ АБСОЛЮТНОМЪ ОДИНОЧЕСТВѢ

отрывокъ изъ дневника 1887 года.

ВЪ АБСОЛЮТНОМЪ ОДИНОЧЕСТВѢ.

Отрывокъ изъ дневника 1887 года *).

Суббота, 25 іюля 1887 г.

Дни идутъ за днями: что ни день, то къ свободѣ ближе,— истина столь же очевидная, какъ и уменьшеніе длины дней въ данное время. Жизнь течетъ въ томъ же направленіи, по руслу уже сложившемуся. Однообразіе внѣшнихъ воздѣйствій невольно поселитъ ту же монотонность и въ психическомъ мірѣ.

Отголоски прежней жизни также продолжаются, въ доказательство тожества моей личности. Иной разъ сильно заноетъ около лѣваго бока, но можетъ быть я не обманываю себя, сказавши, что заключеніе переносится безъ тяжкихъ страданій. Вступаетъ въ дѣло холодный анализъ, и нытье, точно пожаръ за недостаткомъ матеріала, прекращается...

Воскресенье, 2 августа 1887 г.

Тихо, однообразно, почти мертво, какъ въ могилѣ...

Съ поэтической точки зрѣнія лучше не смотрѣть на нашъ бытъ, а то непремѣнно представится что-нибудь необыкновенное... Сиди, не представляй и не воображай, а только мысли, тогда не такъ скоро начнутъ разстраиваться нервы...

---

*) Авторъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ 5-го мая того же года.

А все-таки никакъ не стать на такую точку, чтобы безпристрастно обсудить свое положеніе. Съ исторической, научной точки зрѣнія, ты—ничтожество, сиди и молчи. Но на то она и наука, чтобы быть объективной, а на то я и субъектъ, чтобы кое-что чувствовать. Легко отрѣшиться отъ себя до самозабвенія тому, кто бросается въ огонь вытащить ребенка. Но вѣдь онъ бросается,—моментъ одинъ! А тутъ приходится ежедневно, ежечасно сидѣть, да самоотрекаться. Что же? Будемъ.

А вѣдь нельзя сказать по совѣсти, чтобы дѣйствительно страдалъ. Иногда цѣлыми днями чувствуешь себя «объективно» (будемъ такъ выражаться). А иногда вдругъ «подкатитъ» къ сердцу, и ходишь самъ не свой. Объективировать себя... легко тогда, когда всякія представленія, относящіяся къ *Я*, заглушены другими насущными, важными и сильными. А ну-ка заглуши себя тутъ, ежедневно оставаясь по необходимости самъ съ собою! Да изволь еще сдѣлать это *ты* не приготовившій для этого солидныхъ задатковъ заранѣе, когда жилъ въ нормальныхъ условіяхъ. А вѣдь вопросъ поставленъ ребромъ: побѣдить или умереть.

Четвергъ, 27 августа 1887 г.

Давно я не заносилъ на эти страницы... чуть не сказалъ: своихъ впечатлѣній. Какія же тутъ могутъ быть впечатлѣнія? Колебанія же внутренняго барометра такъ незначительны, что на нихъ бы и останавливаться не слѣдовало. Понятія измѣняются вмѣстѣ съ ходомъ жизни. Заводя эту тетрадь, я думалъ, что тюремная жизнь, доставляя ежедневно волненія, въ силу своей ненормальности, послужитъ обильнымъ источникомъ для дневника, который будетъ чѣмъ-то въ родѣ мартиролога. Выходитъ иначе. Рядъ непрерывныхъ волненій несвойственъ человѣку. Уже были дни, проведенные съ нормальнымъ самочувствіемъ, точно въ условіяхъ обычной человѣческой жизни...

А все же часто еще бываютъ минуты, когда все нутро чуетъ, что тебя *заставили* жить. Заставили, да еще постарались такъ обставить твою жизнь, чтобы все напоми-

нало, что ты не человѣкъ. Сдѣлали не простую камеру, а что-то въ родѣ склепа съ рѣзкой противоположностью бѣлаго верха и чернаго низа; не просто пиджакъ изъ обычнаго сѣраго сукна, а съ черными рукавами. Мелко же о насъ думали, полагая, что такой маскарадъ можетъ намъ доставить дѣйствительныя страданія!

Тихо. Воображеніе можетъ что угодно представить въ этой мертвящей тишинѣ: и музыку и пѣсню.

Вотъ кашлянулъ кто-то. Другой монотонно шагаетъ по сосѣдству. Какія существа живутъ рядомъ со мной? Какія мысли роятся подъ ихъ черепомъ? Какія волненія наполняютъ ихъ безконечно долгіе дни? Все это скрыто въ стѣнахъ, все это будетъ погребено здѣсь, и только немногіе на волѣ перенесутся иногда мыслію въ положеніе этихъ нѣсколькихъ существъ и пошлютъ имъ заочно доброе напутствіе въ могилу.

Дверь гдѣ-то хлопнула. Торопливые шаги по коридору. Успокаивать ли побѣжали буйную натуру, нежелающую сидѣть спокойно въ этихъ рамкахъ насильственной жизни, или это, можетъ быть?.. Прочь фантазія!

Но эта фантазія крѣпка, она засѣла глубоко, какъ привязанность къ жизни, какъ сама жизнь въ организмѣ. Да вѣдь будетъ же когда-нибудь этотъ моментъ освобожденія!..

Опять мертво. Пустынно, не слышно ни души... И вѣдь вѣрное избрали карательное средство для людей, у которыхъ сердце забилось не для индивидуальной кукольной жизни. Предоставили каждому оставаться при себѣ самомъ и предаваться самопознанію. Все тутъ на-лицо: что раньше добылъ, тѣмъ и живи. Возврата почти нѣтъ. Надо быть искреннимъ человѣкомъ, чтобъ спокойно переносить постоянное присутствіе себя самого во всей натуральности, такъ какъ замаскироваться тутъ нечѣмъ.

Ну, и извлекаешь изъ собственныхъ нѣдръ только то, что можно оттуда извлечь. Только даровитая личность, да и то въ періодѣ творчества, извлекаетъ отсюда нѣчто новое, оригинальное, поражающее своею неожиданностью. Впрочемъ, всякое размышленіе есть тоже творческій про-

цессъ: въ немъ тюремныя утѣхи, отрада и успокоеніе. Тутъ мысли какъ-то объективируются, «*Я*» забывается. Процессъ работы возбуждаетъ, оживляетъ, радуетъ; часы проходятъ незамѣтно. Не додумались еще вводить руку подъ черепъ, чтобы и на мозгъ надѣть такіе же черные рукава, которые уже никогда не давали бы покоя обладателю ихъ!

И ходитъ узникъ изъ угла въ уголъ, отмѣривая по 7 шаговъ въ сторону. Медленно ходитъ и быстро ходитъ. Широкій Божій міръ разстилается передъ его умственнымъ взоромъ. Жизнь бьетъ вездѣ ключемъ. То обращается онъ къ общимъ законамъ, господствующимъ въ этой жизни, то всматривается въ нее по частямъ, оглядываетъ съ разныхъ сторонъ, создаетъ живыя человѣческія фигуры, видитъ ихъ въ дѣйствіи, самъ становится среди нихъ.... Словомъ, живетъ полною, широкою жизнью, хотя и воображаемою. Въ волненіи ходитъ онъ въ своемъ склепѣ, учащая шаги; возбужденіе ростетъ, кровь стучитъ въ виски... Нѣтъ, значитъ и это—жизнь! Но чу!.. Стѣны, дверь, тюрьма.... Очарованіе прекратилось, мысли оборвались, «Я» выплываетъ на сцену, заявляя свои права на ту реальную жизнь, которая сейчасъ только мерещилась...

Прочь соблазнъ!. Въ исторіи всегда были тюрьмы; почему же въ нихъ должны сидѣть только другіе, а не я въ ихъ числѣ? Эта тюремная жизнь необходима при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, значитъ, обязательна и для меня, а потому и невозможно мнѣ проводить иную... Однако родные, и близкія лица... Они вспоминаютъ обо мнѣ, зовутъ къ себѣ раздѣлить съ ними удовольствія совмѣстной жизни... Да что лица! Живо представляется вся та жизнь, запретная, недостижимая, которую ведутъ всѣ люди, кромѣ запертыхъ на ключъ. Но теперь, пожалуй, прошло то время, когда больно было вспомнить о нихъ. Теперь спокойно уже можно всматриваться и въ самую жизнь, какая осталась тамъ, позади, и въ лица, окружавшія меня въ дѣтствѣ, въ юности...

Ты не хотѣлъ растительной жизни, ты хотѣлъ быть сознательнымъ и дѣятельнымъ индивидуумомъ. Получай же!....

Понедѣльникъ 7-го сентября 1887.

Однообразно, но не медленно идетъ жизнь узника. Чувства, настроенія, фантазія, какъ-то притупились, замерли. Но нѣтъ, нѣтъ и вспыхнетъ вновь огонекъ жизни... Все содержаніе ея пополняется изнутри. Никто уже не поможетъ мнѣ направить свои чувства или мысли въ ту или другую сторону. Не впечатлѣнія задаютъ тонъ жизни, а представленія и мысли,—въ этомъ коренное различіе нашей жизни отъ всякой другой. Въ этомъ ея превосходство, но въ этомъ же и ея трагизмъ. Не удалось и религіознымъ мечтателямъ превратить человѣка въ безплотное существо: пять внѣшнихъ чувствъ настойчиво заявляютъ о своемъ существованіи и требуютъ себѣ нормальной пищи.

Опять осенній дождь льетъ не переставая, и одна вода въ сточной трубѣ нарушаетъ мертвую тишину. Монастырь это, или гробъ? Прошли, кажется, времена, когда хоронили живыхъ. Похоже, конечно... Но сердце бьется жизнью, мозгъ работаетъ, отчаянію еще нѣтъ мѣста.

Глухо раздаются шаги подъ сводами; какой-то особый звенящій гулъ отдается въ стѣнахъ. И долго ходитъ узникъ, то медленно, то быстро. Онъ живетъ... Не подлинной, но все же глубокой жизнью, и сильнымъ чувствомъ...

Нѣтъ, тутъ еще не гробъ!.. Кровь стучитъ въ виски, мысли роятся быстро, то нахлынутъ общимъ потокомъ и, перебивая другъ друга, лѣзутъ въ сознаніе безпорядочными толпами, то примутъ ровное теченіе и опредѣленный ходъ: начинается спокойное обдумываніе ввязавшейся темы... Капнулъ сосѣдній узникъ, эхо громко отдалось въ сводахъ, и мысли, точно спугнутые воробьи, разлетѣлись во всѣ стороны...

Волнуется грудь: жизнь прежняя, широкая и привольная вновь заговорила. Гдѣ вы, милыя сердцу, дорогія существа? Ваши образы забываются... Нѣтъ, не забываются, а ясно, настойчиво заявляютъ о своихъ правахъ на мѣсто въ душѣ. Нѣтъ ужъ лучше о васъ не думать,—съ намѣреніемъ приходится изгонять васъ!.. Но и во снѣ, и въ полудре-

мотѣ, и наяву среди размышленій, являетесь вы непрошенные въ какомъ-то свѣтломъ обаяніи на темномъ фонѣ безрадостнаго одиночества. Ничто изъ прежняго не забыто. Напротивъ, всѣ мелочи, на которыя среди житейскаго шума обыкновенно не обращаютъ вниманія, здѣсь, среди мертвящей пустоты, невольно всплываютъ въ сознаніи и удивляютъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ.

Гдѣ вы, дорогія существа, и что съ вами? Несмотря на настоящее, наглядное опроверженіе того, что все идетъ къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ, все-таки думается, что съ вами не случилось ничего подобнаго.

Тихо и величаво всплываютъ одна за другой картины изъ жизни этихъ лицъ. Вотъ послѣдніе полтора года непрестанныхъ волненій. Живы и ярки эти картины, такъ какъ ничто здѣсь не мѣшаетъ цѣльности ихъ воспроизведенія. Но теперь ужъ не прежнее дѣйствіе производятъ онѣ своимъ появленіемъ. Изрѣдка только отдается тупое чувство старой боли, чувство тоски-кручины и совершеннѣйшей оторванности.

Нѣтъ, теперь эти картины становятся уже историческими, какъ бы совсѣмъ чужими, и только ихъ теплое вѣяніе и чарующій обликъ свидѣтельствуютъ о ихъ подлинной интимной близости ко мнѣ. Здѣсь въ отношеніи ихъ, кажется, никогда не наступитъ такой душевный холодъ, который можетъ уничтожить своимъ мертвящимъ дыханіемъ живительное дѣйствіе благодатной весны жизни. Отъ нея остались на память навсегда дорогія картины, волнующія и согрѣвающія.

Понедѣльникъ, 19 октября 1887 г.

Вотъ и еще полтора мѣсяца кануло въ вѣчность прежде, чѣмъ я собрался занести сюда свои мысли. Теперь ужъ кажется нечего и заносить, руководясь прежней программой, такъ какъ внутренній міръ установился почти на точкѣ замерзанія. Теперь начинаю вѣрить, что можно забыть все личное, что́ прежде волновало, и довести себя до безстрастія Ѳиваидскихъ пустынниковъ.

ковы законы бытія. Конечно, эта цѣль еще далеко, но я на пути къ ней и, навѣрное, приду, какъ мужикъ, до того сжившійся съ вѣковой нуждой, что утратилъ самую способность желать перемѣны своей участи.

Вторникъ, 20 октября 1887 г.

Вѣдь вотъ обманулъ вчера самъ себя, ибо сегодня опять попрежнему пришлось поймать свои мысли на распутіяхъ міра: читаю «Содержаніе правовыхъ нормъ», а между строками назойливо мелькаютъ милые образы, знакомые виды, слышатся звуки, и дразнятъ, дразнятъ!..»

На этомъ прекратился дневникъ перваго года заключенія Новорусскаго. Начало его тоже не сохранилось. Возобновился онъ лишь черезъ 5 лѣтъ въ 1892 году.

ОСЕНЬЮ 1893 ГОДА.

Какъ скучно жить! Какъ глупо жить!..
Какъ жалки, скудны впечатлѣнья!..
Какъ равнодушно тянешь нить—
Нить безконечнаго терпѣнья!

Читать? Работать?.. Что̀ за трудъ
Въ трясинѣ топкаго болота!
И пусть хоть груды книгъ дадутъ,—
Все будешь ныть и ждать чего-то.

Средь монотонности пустой
Напрасно ищешь развлеченья,
И радъ уставшею душой
Вкусить хоть новый родъ мученья!

Михаилъ Новорусскій.

ВѢРѢ НИКОЛАЕВНѢ ФИГНЕРЪ.

(Въ день рожденія.)

Въ этотъ день, всѣмъ намъ памятный такъ съ малолѣтства,
Я хотѣлъ было въ слабую рифму вложить
Тѣ слова, что такъ нѣжно ласкали насъ съ дѣтства...
Но увы! Я не въ силахъ ихъ вновь воскресить!

И въ безсильи нѣмомъ, я безъ ласки привѣта,
Не умѣя сердечнаго слова сказать,
Какъ преступникъ, стою предъ тобой безъ отвѣта,
И могу только руку безмолвно пожать!

17 сентября, 1889 г.

Михаилъ Новорусскій.

Разныя извѣстія.

Митрополитъ Антоній и шлиссельбургскіе узники. Воспитанникъ Петербургской Академіи М. Новорусскій, за «политическія дѣла» долгіе годы просидѣвшій въ Шлиссельбургской крѣпости, разсказываетъ о посѣщеніи митрополитомъ обитателей этого страшнаго мѣста. «Антоній по порядку заходилъ въ каждую камеру, дверь за нимъ притворяли, а къ оставленной щели коридорные и ихъ начальники прикладывали ухо.

Дошла очередь и до меня.

— Вотъ, Михаилъ Васильевичъ, гдѣ мы съ вами встрѣтились!

Это была первая фраза послѣ того, какъ мы расцѣловались.

Въ пустой, сѣрой и мрачной камерѣ мы усѣлись рядомъ на двухъ табуреткахъ. Онъ, какъ полагается, въ шелкахъ и бархатахъ, а я—въ арестанскомъ видѣ. Я ждалъ, что встрѣчу что-нибудь въ родѣ урока или упрека за то, что я здѣсь. Ничуть не бывало. Ни въ словахъ, ни въ его тонѣ мое напряженное вниманіе не подмѣтило ничего подобнаго;—глаза были влажны. Но я не рѣшился бы сказать, относится ли эта слеза ко мнѣ лично, или она—результатъ предыдущей бесѣды съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей.

У меня онъ пробылъ минутъ пять. Прощаясь, я сказалъ ему, что у меня было предчувствіе: я ждалъ, что онъ посѣтитъ насъ.

— Вотъ, видите, ваше предчувствіе и оправдалось. Я давно собирался, но раньше нельзя этого было сдѣлать.

Онъ ждалъ другихъ временъ, какъ и всѣ мы. Но мы ждали, потому что были заперты, а онъ—потому, что его положеніе обязывало его не вмѣшиваться туда, гдѣ его вмѣшательство было совсѣмъ нежелательно.

Вскорѣ я его увидалъ другой разъ. Случилось это для меня неожиданно. Пока мы, вывезенные изъ Шлиссельбурга 29 октября, сидѣли въ Петропавловской крѣпости въ ожиданіи дальнѣйшей участи, митрополитъ Антоній написалъ письмо тогдашнему министру вн. дѣлъ П. Н. Дурново, въ которомъ просилъ отдать меня ему на поруки. Объ этомъ я узналъ позже. А

что меня отправляютъ къ митрополиту, это мнѣ стало извѣстно только въ каретѣ, гдѣ я, выйдя изъ камеры, оказался въ сообществѣ съ двумя жандармами и жандармскимъ полковникомъ.

Покои митрополита едва ли видали когда-нибудь другую подобную картину, когда наша карета подъѣхала къ парадному подъѣзду, и ея содержимое выступило наружу: я, только что ступившій на свободную почву, жандармы съ моими пожитками и полковникъ, обязанный, «сдать меня» подъ расписку лично самому митрополиту.

И вотъ, я у него. Прямо изъ «темницы», тѣсной и душной въ огромныхъ раззолоченныхъ просторныхъ комнатахъ.

Здѣсь я пробылъ въ гостяхъ 2 ночи и три неполныхъ дня.

Митрополитъ былъ деликатенъ до послѣдней степени. Я не слыхалъ ни распросовъ, ни залѣзанія въ душу, ни указаній. Я былъ только гостемъ, а онъ—любезнымъ хозяиномъ. Сдержанность его, очевидно, была пріобрѣтена долгой практикой. Онъ никогда, бывало, не скажетъ лишняго. Говоритъ медленно и какъ бы взвѣшиваетъ каждое слово. Такимъ образомъ съ нимъ можно было прожить не одинъ мѣсяцъ, и все-таки не разгадать его.

Изрѣдка у него прорывалось кое что. Но трудно было сказать, волнуетъ что его, или это только «плѣнной мысли раздраженье».

Своего знакомства съ нами, не смотря на все «неудобство» такового, митрополитъ не скрывалъ. У него на видномъ мѣстѣ цѣлая этажерка была установлена нашими подарками въ видѣ разныхъ естественно-научныхъ коллекцій. А на кабинетномъ столѣ, рядомъ съ портретами высочайшихъ особъ, лежалъ мой футляръ изъ палисандроваго дерева, въ которомъ помѣщался крестикъ, выточенный мною изъ кости и поднесенный ему въ Шлиссельбургѣ.

Къ этому подарку онъ относился не безразлично. И я удивился немножко, когда онъ однажды зашелъ въ мою комнату, держа въ рукахъ эту вещицу.

— Узнаете?..

Прощаясь, я благодарилъ митрополита за его чисто родственное отношеніе ко мнѣ.

— Мы всѣ вѣдь родня,—отвѣтилъ онъ на это.

Я и потомъ былъ у него неоднократно. Онъ принималъ меня также запросто, неизмѣнно, съ тою же ровностью, и я ни

разу не видалъ, чтобы мое посѣщеніе причиняло ему безпокойство или неудовольствіе. Иногда швейцаръ предупреждалъ, что владыка никого не принимаетъ.

— Но васъ-то, конечно, приметъ.

И я шутя говорилъ своимъ старымъ товарищамъ, что для того, чтобы имѣть свободный доступъ къ митрополиту, нужно получить не чины и ордена, а лишеніе всѣхъ правъ.

У раскрытой могилы митрополита мнѣ хотѣлось бы напомнить объ этомъ ровномъ, доброжелательномъ отношеніи его къ намъ, въ глазахъ всего Петербурга какъ бы «зачумленнымъ» людямъ, съ которыми опасно водить знакомства». (Совр. Лѣт.).